ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

Под редакцией проф. В. И. КУЗИЩИНА

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов, обучающихся
по специальности «История»

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1980

И90
ББК 63.3(0)3

Рецензенты:

кафедра истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина; сектор истории древнего мира Института всеобщей истории АН СССР

Редколлегия:

В. И. Кузищин, Г. А. Кошеленко, И. Л. Маяк, И. А. Гвоздева

Историография античной истории: Учеб. пособие/
И 90 /Под ред. В. И. Кузищина. — М.: Высш. школа, 1980. — 415 с.

В пер.: 1 р. 10 к.

В пособии дается общий очерк историографии античности, прослеживаются основные этапы ее развития, характеризуются их особенности. Рассматривается историография эпохи Возрождения, Рационализма и Просвещения, периода новой и новейшей истории. Специальные главы посвящены взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса на античность, оценке В. И. Лениным эпохи античности, советской историографии античности, антиковедению социалистических стран.

И $\frac{10603—241}{001(01)—80}$ 4—80 0504010000 ББК 63.3(0)3
9(М)03

© Издательство «Высшая школа», 1980

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое вниманию читателей учебное пособие «Историография античной истории» написано на основе программы лекционного курса по историографии античности для исторических факультетов государственных университетов.

В книге дан обзор изучения истории Древней Греции и Древнего Рима по определенным историческим периодам и в рамках национальных историографий. Состояние антиковедения рассматривается не только в крупнейших странах, но и в так называемых малых странах Европы, редко привлекавших внимание специалистов.

Характеристике советской науки и антиковедению в социалистических странах Европы посвящены отдельные главы.

В пособии сделана попытка показать развитие антиковедения в тесной связи с господствующими историко-философскими концепциями того или иного исторического периода, состоянием источниковедения, а также через творчество выдающихся представителей национальной науки, наиболее полно отражающих достижения своей эпохи, прокладывающих в науке новые пути. Для большей информативности и в методических целях в ряде глав, главным образом по историографии XX в., дано только перечисление ряда работ, поскольку ограниченный объем пособия не позволил охарактеризовать многие, даже крупные исследования более обстоятельным образом.

ВВЕДЕНИЕ

Историография в системе исторических наук является одной из самостоятельных дисциплин. Как особая историческая дисциплина она имеет свой предмет исследования, свои источники, собственные методы исследования.

Объектом изучения в историографии выступает не процесс исторического развития как таковой, а историческая мысль, его познающая, т. е. сама историческая наука. Если, например, история античного мира изучает собственно древнегреческие полисы, эллинистические государства, Древний Рим, их социально-экономическое, политическое и культурное развитие с начала II тысячелетия до н. э. по V в. н. э., то историография античности исследует, как изучалась история Древней Греции и Древнего Рима в Европе после падения Римской империи и крушения античной цивилизации — в средние века, новое и новейшее время, как она исследуется в наши дни.

Историография как история исторической мысли есть часть общественных наук и как таковая отражает идеологию той или иной эпохи, участвует в идейной борьбе своего времени, в противоборстве мировоззрений разных общественных классов.

Развитие историографии органически связано с конкретным познанием исторического процесса. Вместе с тем эти процессы не тождественны. Историография призвана объяснить, почему в тот или иной период европейской истории, скажем в XVIII в. или на рубеже XIX—XX вв., получают популярность одни аспекты исторического процесса, а в другое время они отходят на второй план.

Историография как одна из исторических дисциплин находится в тесной связи с источниковедением, ибо расширение круга источников в каждую эпоху, успехи в их

критическом использовании, сам подход к разным категориям источников не только определяют разработку тех или иных конкретных проблем, но и отражают общий уровень исторической мысли. Однако при самой тесной взаимосвязи между историографией и источниковедением следует подчеркнуть, что это различные исторические дисциплины со своим предметом и методом исследования.

История исторической науки есть объект мировой историографии. Мировая историография традиционно делится на несколько разделов, каждый из которых характеризует состояние исторической мысли о крупном этапе человеческой цивилизации, соответствующем определенной общественно-экономической формации: историография античного мира, медиевистика, историография нового и новейшего времени и др. Вместе с тем в исторической литературе часто употребляются такие понятия, как, например, историография афинской демократии, историография Поздней Римской империи, итальянского Возрождения, Французской буржуазной революции и т. п. Этими понятиями обозначаются составные части какого-либо раздела, например историографии античности или медиевистики.

Историография античности (Древней Греции и Древнего Рима) является одной из основных ветвей мировой историографии. Отражая в своем развитии ее особенности, антиковедение имеет черты, придающие ему определенную специфику. Историография античности — самая насыщенная часть всемирной историографии. Античный мир, древнегреческие полисы, эллинистические государства, огромное Римское государство, блестящие достижения античной цивилизации привлекали к себе преимущественное внимание историков, с раннего средневековья и вплоть до конца XVIII в., были их постоянными и излюбленными темами, а историография античности занимала ведущие позиции в мировой исторической науке.

Методы работы с источниками, подход к материалу, применение философских теорий к историческим исследованиям были разработаны в богатой литературе об античности и широко использовались в медиевистике, историографии нового времени.

Историография как специфическая историческая дисциплина имеет свои источники, которые не совпадают по

своему характеру с источниками собственно конкретных исторических исследований. Первостепенное значение при историографических штудиях имеют прежде всего конкретно-исторические работы по истории и культуре античности, труды по источниковедению.

В произведениях основоположников марксизма-ленинизма — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина изложена концепция материалистического понимания истории, дана глубокая разработка многих конкретных проблем всемирной истории и их труды являются важнейшими источниками историографических штудий, в том числе и антиковедения.

Процесс развития исторической мысли как в целом, так и ее основных разделов, в частности антиковедения, невозможно понять, не обращаясь к трудам ведущих или наиболее популярных для каждого исторического периода философов, например Августина, Вольтера, Гегеля, Макса Вебера, Арн. Тоинби или других мыслителей, создавших глобальные концепции исторического развития, в которых отводилась своя роль и античному миру.

Особую группу источников по исследованию античности в ту или иную историческую эпоху, например в XIX в. или в межвоенный период, составляют труды по смежным разделам мировой историографии, таким, как историография Древнего Востока, медиевистика, достижения в которых обогащают процесс развития и антиковедения. Наконец, немаловажное значение имеют архивные материалы и мемуарная литература о тех или иных крупных историках, например, о Эд. Гиббоне, Г. Нибуре и научных школах: Т. Моммзена, Ф. де Куланжа, школе «Анналов» и др., помогающих понять многие особенности творчества ученых. Разнотипность источников, необходимость их комплексного использования определяют сложность историографических исследований.

Развитие историографии определяется рядом факторов, и прежде всего общим состоянием общественной мысли, господствующей историко-философской системой. Например, рационализм просветителей XVIII в., позитивизм середины и второй половины XIX в. или неокантианство конца XIX — начала XX в. по-разному определяли направление научного поиска, круг важнейших проблем, интерпретацию источников. Вместе с тем сле-

дует учитывать, что на развитии историографии, как и любой другой общественной науки, сказывается влияние традиционных, часто отживших концепций на новые, приспособление устаревших теорий к новым условиям, переплетение прогрессивных идей с консервативными.

Характерным явлением для историографии каждого исторического периода является противоборство передовых и реакционных теорий, например концепции социальной физики и клерикальной теории Боссюэ во второй половине XVII в., неокантианства и позитивизма в конце XIX — начале XX в. и др.

Важными факторами в развитии историографии являются круг использованных источников и принятая в данный период методика исторического исследования. Изучение историографии позволяет проследить своего рода чередование периодов социологического подхода с меньшим интересом к источникам, например в эпоху средневековья или Просвещения, и повышенного внимания к расширению источниковой базы, например в эпоху Возрождения или во второй половине XIX в. Совершенствование методики исторического исследования, (разработка критического, сравнительно-исторического, ретроспективного и других методов), открытие новых видов источников (эпиграфических, археологических, нумизматических) оказывают существенное влияние на уровень исторической науки.

При всей обусловленности научного творчества отдельных ученых общей исторической обстановкой, социальным интересом того или иного класса взгляды каждого из них индивидуальны, по-разному отражают общее состояние исторической мысли и влияют на ее развитие. Особенно благотворное воздействие оказывают выдающиеся представители исторической науки, которые полнее других воплощают в своем творчестве достижения своего времени. По ним в определенной степени равняются (часто в острой дискуссии с ними) другие исследователи.

Труды Лоренцо Валлы, Эдуарда Гиббона, Бартольда Нибура, Августа Бека, Теодора Моммзена, Эдуарда Мейера, Фюстеля де Куланжа, Арнольда Тойнби стали своего рода рубежами в развитии историографии, и, естественно, историография уделяет их творчеству особое внимание.

Историография античности в Европе развивалась на протяжении почти 15 столетий. В течение этого длительного времени историческая наука проделала сложную внутреннюю эволюцию, прошла ряд крупных этапов. Каждый из этих этапов отражал общее движение общественной мысли, которое, в свою очередь, определялось социально-экономическим развитием европейского общества. В основу периодизации историографии об античности положены особенности социально-экономического развития Европы.

Особое место отводится развитию исторической мысли со времени раннего средневековья до начала Возрождения в Италии (конец V—XIII вв.). В целом это период постепенного и принципиального (т. е. основанного на определенной историко-философской доктрине) забвения, отказа от богатого наследия античной историографии, затухающего интереса к античной цивилизации, обращения к событиям античной истории как наиболее яркому проявлению греховного земного царства, противостоящего царству божию. Вот почему эпоха раннего и зрелого средневековья (конец V—XIII в.) может быть определена как предварительная стадия историографии, подготовка почвы для развития историографии об античности в новых условиях.

Крупным явлением общественно-политического развития в Европе XIV—XVI вв. стало Возрождение, которое в области идеологии дало начало направлению гуманизма. Эпоха Возрождения началась в развитых торгово-ремесленных городах Италии и отражала появление ростков будущих капиталистических отношений. Гуманисты Возрождения провозгласили отказ от средневековой системы культурных ценностей, противопоставили им античные образцы. Возрождение забытых в средние века культурных достижений античности, подчеркнутая апелляция к античным моделям в искусстве, зодчестве, литературе и истории — таков был лозунг гуманистов. Возрождение распространилось, хотя и в меньшей степени, во Франции, Нидерландах, Англии, в своеобразной форме проникло в Германию. В этот период наблюдаются повышенный интерес к античной истории, особенно к произведениям античных историков, попытка овладеть их достижениями. В целом историческая наука в период от начала Возрождения в Италии в XIV в. и до английской буржуазной революции середины XVII в. приобре-

тает новое качество. Это первый период в развитии историографии античности — историография периода гуманизма.

Второй период развития европейской исторической мысли продолжался от английской буржуазной революции середины XVII в. до Великой французской буржуазной революции 1789 г. Он характеризуется распространением философской концепции английских рационалистов (Локка и Гоббса) и французских просветителей (Монтескье, Дидро, Вольтера и др.), созданием светской истории, ожесточенной борьбой с клерикальными концепциями, созданием теории исторического прогресса, расширением содержания и объема понятия всемирной истории (историография Просвещения).

С Французской буржуазной революции начинается новый период в развитии европейской историографии, в том числе и антиковедения. Его отличительными чертами был пересмотр основных положений просветительской-историко-философской теории, механистических абстрактных представлений об обществе, решающей роли великих исторических личностей в пользу концепций органического развития общества в рамках отдельных стран и народов, наделенных национальными и духовными особенностями с уменьшением интереса к деятельности великих людей. Само общество рассматривается как расчлененное на различные социальные слои, ведущие между собой борьбу. На обогащение европейской исторической мысли оказали большое влияние немецкая идеалистическая философия, английская классическая политэкономия, французские социологические теории 30—40-х годов XIX в. В трудах Нибура и других историков получил разработку критический метод исследования, являющийся крупным достижением мировой историографии («историография буржуазного романтизма»).

Переломным этапом в развитии мировой историографии стало открытие К. Марксом и Ф. Энгельсом во второй половине 40-х годов XIX в. исторического материализма, поставившего мировую историографию на твердую научную почву. Различным идеалистическим концепциям всемирного исторического процесса было противопоставлено материалистическое понимание истории, которое обогатило мировую науку не только решением общих аспектов исторического развития, но и новым подходом к материалу и исследованием многих кон-

кретных проблем всемирной истории. К. Маркс и Ф. Энгельс разработали свою концепцию античного рабовладельческого общества, которая явилась крупнейшим достижением антиковедения XIX в. и стала постепенно оказывать большое воздействие на развитие мировой историографии.

В развитии буржуазной исторической науки новый этап (четвертый период) начался после революций конца 40-х годов XIX в., которые привели к бурному развитию капитализма в Европе. Расцвет капиталистической экономики, колониальные завоевания, научный и технический прогресс способствовали развитию буржуазной общественной мысли и буржуазной исторической науки, в том числе и в области антиковедения.

Историография этого периода разработала на основе тщательного и комбинированного исследования источников (и освоения их новых видов) основные тенденции исторического процесса в античном мире, создала ряд фундаментальных трудов, вошедших в золотой фонд мировой историографии (Моммзен, Фюстель де Куланж, Морган и др.).

Пятый период европейского антиковедения охватывает начало империализма (от середины 1890-х годов) до Великой Октябрьской социалистической революции. Усиление реакционных тенденций в конце XIX — начале XX в. в политике и идеологической жизни проявилось и в области историко-философской мысли, в частности отказ от прогрессивных сторон позитивизма, распространение неокантианства, различных модернистских концепций, расистских теорий. Подвергаются критике достижения передовой исторической мысли предшествующего периода, принципы историзма, теории прогресса, познаваемости исторического прошлого.

Усиливается борьба с марксистско-ленинской теорией общественного развития.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране знаменовала рождение социалистического общественного строя, идейной основой которого стал марксизм-ленинизм. Марксистско-ленинское учение явилось методологией советской исторической науки, в том числе советского антиковедения. Советская историческая наука стала новым явлением в мировой историографии, она противостоит различным течениям буржуазной исторической мысли. Ее развитие и укреп-

ление определялось потребностями строящегося социалистического общества, состоянием общественной мысли, борьбой с реакционными концепциями буржуазной историографии.

Великая Октябрьская социалистическая революция, первая мировая война, рост революционных настроений в странах Европы оказали решающее влияние на мировую буржуазную историографию, открыли в ее развитии новый (шестой) период, характеризующийся размежеванием в буржуазной историографии либерального и реакционного (получившего наиболее законченное проявление в фашистской «историографии») направлений, укреплением марксистского антиковедения. На общее состояние буржуазной исторической мысли, особенно национальных историографий, оказали влияние результаты первой мировой войны, с одной стороны, и подготовка второй мировой войны — с другой. Активно разрабатываются многие разделы всемирной историографии, в том числе стран Древнего Востока, «варварского» окружения, что способствовало окончательному преодолению антикоцентризма, греко-романоцентризма, столь характерных для предшествующей исторической мысли.

Последний, седьмой, период развития историографии берет начало после второй мировой войны, в которой потерпели решительное поражение силы фашизма и реакции—современная историография. Его важнейшими особенностями являются дальнейшее укрепление советской исторической науки, ее возрастающее воздействие на мировую историографию, в частности социалистических и развивающихся стран, где историческая наука получила особое развитие именно в послевоенный период, а ее результаты широко используются для роста национального самосознания.

Для буржуазной же историографии в целом послевоенный период характеризуется противоречивым развитием, усиливающимся разрывом между качественными и количественными его сторонами: высокой профессионализацией науки, совершенствованием исследовательской техники, укреплением организационных основ науки, расширением проблематики, высоким уровнем издательского дела и сужением познавательных возможностей исторической науки, методологическим эклектизмом, субъективизмом и пессимизмом конечных выводов.

Вместе с тем под воздействием роста сил демократии и социализма, под влиянием марксистской историографии началось частичное возрождение гуманистических принципов объективного исследования, преодоления субъективизма и пессимизма в буржуазной науке. Одной из общих особенностей развития современной историографии в капиталистических странах Европы и США является создание марксистского и близкого к нему направления как свидетельство широкого распространения исторического материализма, марксистско-ленинской историографии.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД ВОЗРОЖДЕНИЯ (XIV В. — СЕРЕДИНА XVII В.). ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

§ 1. Общая характеристика античной историографии

Античная историография за тысячелетие своего существования прошла длительный путь развития, приобрела ряд черт, придающих ей своеобразный характер. Для большинства античных историков было характерно понимание истории как «наставницы жизни», и потому от историка требовалось не беспристрастное и объективное исследование, а интерпретация исторических событий в определенных целях, прославление того или иного героического прошлого, пробуждение у читателя благородных и возвышенных стремлений. В соответствии с поставленной задачей большинство историков опускали материал, неблагоприятный для их основной мысли, подбирая без особой проверки факты, даже сомнительные сведения, развивающие их идею.

Античный историк обращал особое внимание на внешние стороны изложения, которые должны были воздействовать на чувства читателя: введение специально составленных речей, которых реальные личности не произносили, искусственной драматизации действия, создание не столько реального исторического портрета, сколько литературного образа. К историческому произведению подходили не как к научному исследованию, а как к своего рода разновидности художественного произведения дидактического жанра.

Особенностью античной историографии был преимущественный интерес к местным историям. Правда, античная историография знает блестящие примеры всемирных или региональных историй типа истории греко-персидских войн Геродота, сочинения Эфора, Полибия или Помпея Трога, однако преобладающим был интерес к локальным историям отдельных полисов или группе по-

лисов. Факты мировой истории группировались вокруг событий конкретного центра, будь то история Афин, Лаконики, Рима или какого-либо другого государства.

Важным достижением античной историографии является разработка теории развития и тесно связанных с ней понятий закономерности. Наиболее глубокое обоснование идеи движения в природе и обществе было дано Аристотелем. На основе его определения шести видов движений (возникновение и уничтожение, рост и уменьшение, качественное изменение и смена в пространстве) и четырех типов изменений (изменение сущности, количества, качества и места) была создана интересная концепция общественного развития: от первобытного состояния через создание семьи, потом селения, а затем и государственных институтов, в которых постепенно оформляются все общественно-политические учреждения. Ясное понимание вариантности общественного развития, создания различных политических форм и их взаимного перерождения делает теорию исторического развития Аристотеля выдающимся достижением античной общественной мысли.

Одной из популярных концепций исторического развития человеческого общества в античной историографии была теория четырех веков, или возрастов: золотого, серебряного, медного и железного. Изложенная впервые Гесиодом, она сохраняла свою популярность в течение всей античности, несмотря на свою пессимистичность. Позднее она была переработана и развита Лукрецием, который рассматривал процесс исторического развития человеческого общества как противоречивое сочетание прогресса в обществе и материальном производстве с моральным упадком.

Принципиальным положением античной концепции общественного развития была циклическая теория развития как процесс превращения одних общественных форм в другие, как завершение одного цикла развития и его новое возникновение.

Если человеческое общество развивается, что является его движущими силами? Ни один древний мыслитель целиком не отрицал вмешательство богов в исторический процесс, однако применительно к античной историографии в целом можно говорить о том, что важнейшими движущими силами истории являются не божественное вмешательство, а причины чисто светского характера: воля выдающихся деятелей, особенности государствен-

ного устройства, нравы предков, стихийное сцепление ряда частных и конкретных причин прагматического порядка. Тот или иной историк в связи с этим выделял определенные движущие силы исторического процесса конкретных государств. Например, римские историки подчеркивали роль нравов предков. Полибий рассматривал в качестве важнейшей движущей силы особенности государственного строя, Страбон отмечал значение географических условий, Плутарх — роль отдельных исторических личностей.

Однако какая бы причина или группа аналогичных причин ни выдвигалась тем или иным античным историком, все они в конечном итоге склонялись к признанию последней причины исторических событий, часто отождествляемой с понятием судьбы, высшей слепой необходимости, которой подчиняются даже боги и которую невозможно познать. Пессимизм общеисторических концепций древних дополнялся агностицизмом в познании конечных причин исторического развития.

Античная историография отличалась ограниченным кругом источников и индивидуальным характером исторического исследования. В античности не было правильно поставленной архивной службы и историки лишь эпизодически и случайно использовали документальный материал. Античные историки пользовались зачастую слухами, устными рассказами, неточными переводами местных жрецов, критическая проверка которых часто была затруднена, а иногда и невозможна.

Однако в целом за длительный период своего развития античная историческая мысль достигла больших высот, были разработаны некоторые фундаментальные идеи: всемирно-историческая концепция Геродота, критический метод изучения источников Фукидида, идея закономерного развития общества Аристотеля.

§ 2. Основные особенности средневековой историографии (до конца XIII в.)

Особенностью средневековой идеологии является господство религиозного мировоззрения, которое пронизывало все стороны культуры, литературы, философии и науки. Наука, в том числе историческая наука, рассматривалась как служанка богословия. Ее основной задачей

считалось не исследование подлинного хода исторического процесса, а поставка аргументов для подтверждения Священного писания, сочинений отцов церкви. На основе христианских доктрин была создана историко-философская концепция всемирной истории, которая определила основные особенности средневековой историографии. С точки зрения теоретических принципов эта историко-философская схема средневековья представляла собой *полный разрыв с главными положениями античной историографии.*

Бесплановости и стихийному характеру исторического процесса средневековые теоретики противопоставляли ярко выраженный провиденциализм. С их точки зрения история развивается по плану, намеченному богом во всех его деталях. Люди являются слепыми и покорными исполнителями божественной воли. Их деятельность сводится лишь к тому, чтобы поддержать порядок, который они застали. Высшая цель человеческого существования заключается не в активной деятельности, а в пренебрежении земной жизнью ради небесного блаженства. Земной мир — юдоль скорби и греха; спасение возможно не через активную деятельность, а через пассивное созерцание и аскетизм. История, с точки зрения средневековых теологов, не стоит на месте; на земле существуют царства, они возникают и рушатся, но их судьба не рассматривалась как развитие, как появление нового качества. Развитие как таковое мыслилось лишь в распространении круга божьих избранников и самого христианского учения. В принципе мир не развивается, поскольку в момент творения он создан богом как совершенный. Все события и явления предопределены божественной властью, в истории не может быть никаких законов; в любой момент бог может коренным образом изменить существующий порядок с помощью чуда.

Для средневековых историков история человечества начиналась с сотворения богом мира и человека и рассматривалась как процесс постепенного искупления первородного греха сначала группой избранников, круг которых постепенно расширялся и, наконец, достиг своего завершения в мировой религии христианства. На этом фоне излагались наиболее крупные исторические события, главным образом войны и действия отдельных царей по отношению к религиозным установлениям. Процесс

исторического развития был расчленен на четыре великие монархии, которые сменяли друг друга: египетскую, ассиро-вавилонскую, мидо-персидскую и греко-римскую. Особенностью средневековой историографии был интерес к всемирной истории, проходящей стадии всемирных монархий, как единому процессу, в то время как характерной чертой античной историографии был преимущественный интерес к истории отдельных полисов. Рассматривая ход мировой истории как постепенное расширение христианского учения и приближение царства божия, средневековые теоретики до известной степени преодолели конечный пессимизм, столь характерный для античных историков. Описание упадка и вырождения земных царств, находящихся во власти Антихриста, рассматривалось как благодетельная подготовка совершенного тысячелетнего царства, или вечного небесного Иерусалима.

На формирование средневековой историко-философской схемы оказали большое влияние произведения «христианского Геродота» Евсевия Кесарийского (260—340) и особенно епископа гиппонского Аврелия Августина (354—430), разработавшего основные положения указанной схемы, которую средневековые хронисты лишь дополняли. Поскольку история рассматривалась как служанка богословия и ее задача состояла не в том, чтобы исследовать реальную действительность, а поставлять аргументы для подтверждения библейско-христианской схемы, то, естественно, не могло быть и речи об историческом исследовании и исторической критике как такового. Средневековые хронисты от нее практически отказались, предав забвению достижения античной историографии. Для подтверждения тех или иных положений средневековый хронист подбирал все факты, включая самые фантастические, а противоположные факты просто отбрасывал. Своего рода приемом работы были фальсификация и вымысел исторических фактов; прибегали и к произвольным вставкам в текст античных авторов, особенно в сведения о жизни Иисуса Христа и жизни ранних христиан. Сильнейшее влияние на технику исторического исследования оказывала Библия с ее неопределенным повествованием и морализированием. Интерес к точной констатации фактов был минимальным, о проверке фактического материала особенно не заботились. Средневековые хронисты для описания конкретных со-

бытий античной истории пользовались произведениями античных писателей, их изучали, им даже подражали, но, заимствовали, как правило, лишь внешние стороны повествования: риторический стиль и драматизацию действия. Наиболее популярными произведениями античных писателей были второсортные произведения римских историков типа авторов биографий Августов, бревиарии Евтропия, сочинения Орозия, биографии Светония; у весьма популярного Ливия заимствовали его риторический стиль.

В Византии традиции античной культуры и историографии были значительно сильнее, чем в Западной Европе, и византийская историческая мысль имеет ряд сходных черт с античной историографией, что обусловило в целом более высокий уровень исторической мысли в византийском обществе. Византийские писатели интересовались произведениями античных, особенно греческих, писателей, составляли сборники античных авторов (например, знаменитая библиотека патриарха Фотия — IX в., — содержащая описание 280 сочинений античных авторов с подробными выдержками из подлинников). По распоряжению императора Константина Багрянородного был составлен сборник из трудов античных авторов, в том числе Полибия, Диодора, Кассия Диона. Можно назвать и историческую хронику Георгия Синкелла, Очерк всемирной истории монарха Зонары (XII в.). В сочинении Ксифилина (XI в.) дан пересказ античной традиции в более подробном изложении, чем в средневековых хрониках Западной Европы.

В целом можно говорить о глубоком изменении средневековой историографии по сравнению с античной; она характеризуется разрывом с основными принципами античной исторической мысли: была создана другая господствующая историко-философская схема, приобрела иной характер методика исторического исследования, изменился круг изучаемых проблем. Можно говорить об известном понижении уровня исторических исследований, но вместе с тем следует отметить, что средневековая историография не была «провалом» в развитии исторической мысли. В средневековых монастырях сохранялись многочисленные рукописи античных авторов, продолжали активно изучать римское право, латинский язык стал языком образованных людей средневековья, наконец, в самой историко-философской концепции средневеко-

вых хронистов были заложены, хотя и в мистической форме, плодотворные идеи единства всемирно-исторического процесса и преодолен до известной степени конечный пессимизм античных историков.

§ 3. Итальянская историография Возрождения

В XIV—XV вв. в Европе появляются признаки разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. В городах Италии и Нидерландах возникает мануфактура. На капиталистический лад перестраивается и торговля. Усиление эксплуатации трудящихся масс ведет к обострению борьбы, вплоть до восстаний городских низов. Все это потребовало изменений в политическом строе итальянских государств.

Серьезным тормозом для дальнейшего развития капиталистических отношений было господство феодальных монархий и засилье идеологической опоры феодализма — католической религии и церкви. Первой страной, открывшей эпоху победоносных буржуазных революций в Европе, были Нидерланды. Итогом нидерландской революции явилось освобождение страны от испанского владычества и образование буржуазной республики. Еще большее значение имела английская революция XVII в. — первая революция европейского масштаба, провозгласившая, по словам К. Маркса, «политический строй нового европейского общества».

Изменениям, совершившимся в сфере социально-экономических и политических отношений, соответствует идеологический переворот, получивший название «Возрождение». В прямом смысле слова это возрождение преданных забвению и поруганию духовных ценностей античного общества, и прежде всего его интереса к человеку и ко всему человеческому, в противовес христианской теологии. От латинского слова humanus (человеческий) происходит понятие «гуманизм», определяющее идеологическое содержание эпохи Возрождения. Обращение к наследию античной культуры отражало потребности нарождающейся буржуазии в ее борьбе против феодальной идеологии и богословско-схоластического мировоззрения.

Значение Возрождения в жизни народов Европы можно сравнить с ролью совершавшихся одновременно вели-

ких географических открытий. Наряду с затерянными в океане островами и неведомыми материками открывались духовные и культурные ценности уже далекого греко-римского мира. Одновременно с золотом, пряностями и другими богатствами в города Европы хлынули идеи, создания великих умов древности, производившие тем большее впечатление, что на протяжении многих веков они были под запретом церкви.

Гуманизм возник в Италии, состоявшей в XIV—XV вв. из множества мелких, соперничающих между собой государств. Вмешательство в их жизнь Германской империи, наличие Папского государства препятствовали объединению страны. Интерес итальянских гуманистов к античности в значительной мере стимулировался ущемленным национальным самолюбием. В величии Рима, даже развалины которого производили впечатление, гуманисты видели прибежище от убогой политической действительности, образец для возрождения Италии. Некоторые гуманисты чувствовали себя не просто римлянами, но римскими республиканцами, и это не могло не столкнуть их с всесильной католической церковью.

Характер понимания истории и культуры античного мира определяется не только расстановкой социальных сил и задачами идеологической борьбы, но и состоянием источниковой базы. В этом, последнем плане эпоха Возрождения может быть охарактеризована как время первоначального накопления сведений об античном мире.

Поклонники античной культуры, гуманисты, направляли за рукописями античных авторов экспедиции, изобиловавшие приключениями и трудностями. Ревностным «охотником за рукописями» был известный поэт Франческо Петрарка (1304—1374). Ему удалось отыскать переписку Цицерона с Аттиком, показавшую римского оратора с неожиданной и не всегда привлекательной стороны, отдельные книги исторического труда Тита Ливия и другие важные тексты. Еще успешнее оказались поиски Поджо Браччолини (1380—1459), организовавшего вместе с друзьями четыре экспедиции за древними манускриптами. Греки, прибывшие в Италию, и итальянские гуманисты, посещавшие Византию, привозили рукописи с текстами греческих классиков.

Заслугой гуманистов было не только извлечение латинских рукописей из монастырей и сохранение ряда греческих текстов, которые неминуемо погибли бы с па-

дением в 1453 г. Византии, но и размножение произведений античных авторов с помощью печатного станка. Это важнейшее изобретение было поставлено на службу классическому образованию. Типографии, появившиеся в Венеции, Флоренции, Болонье и других городах Италии, издавали прежде всего античных авторов, удовлетворяя свойственный эпохе интерес к античности.

Наибольшие заслуги в издании античных авторов принадлежат гуманисту Альду Мануцию (1449—1515). Вместе со своими друзьями и помощниками Мануций в своей типографии в Венеции издал произведения 27 античных авторов в 96 томах. Издательскую деятельность Мануция продолжали его сын и внук.

Для того чтобы издавать произведения древнегреческой и латинской литературы, нужно было обладать превосходным знанием обоих языков и филологическими способностями. Средневековые монахи, переписывавшие тексты, многого в них не понимали и совершали ошибки, которые механически повторялись другими переписчиками. Так, перед гуманистами встала задача восстановления первоначального текста. Они выполняли ее по мере копирования рукописей и подготовки их к печати.

Живой интерес гуманистов вызывали наряду с рукописями и другие остатки античности — надписи на твердом материале, статуи, здания. Уже Петрарка и его друзья читали и списывали латинские надписи. Поджо Браччолини нашел в одном из монастырей рукописный сборник надписей, составленный еще в IX в. неизвестным монахом-путешественником, и ввел этот материал в научный оборот.

Энтузиаст классической археологии — Кириако из Анконы (1391—1451) начал свою деятельность тем, что снял и изучил копию надписи с триумфальной арки Траяна в своем родном городе. Затем он продолжил занятия в Риме, где, по его словам, сопоставляя надписи с литературными источниками, понял преимущества первых. В 1425 г. Кириако посетил Константинополь, чтобы изучить там греческий язык и познакомиться с произведениями Гомера и Гесиода. Между 1435 и 1447 гг. Кириако путешествовал по Греции и островам Эгейского моря, списывая встречающиеся надписи и делая зарисовки памятников.

Пионером гуманистической историографии античности был Франческо Петрарка. В сочинении «О славных

мужах» им был возрожден биографический жанр Плутарха. В жизнеописаниях двадцати одного политического деятеля — от Ромула до Цезаря и от Александра Македонского до Ганнибала — проходит история античности. В другом сочинении — «О знаменитых женщинах» Петрарка излагает 105 женских биографий, преимущественно женщин древнего мира. Прославление женщины вытекает из общего взгляда на благородство и могущество человеческой природы. Женщина — существо более слабое, чем мужчина, — заслуживает тем большей похвалы, что ей удается преодолеть свою слабость. Знаменательно, что из числа прославившихся женщин исключены христианские мученицы.

Продолжателем Петрарки в области историографии античности был сын флорентийского купца Дж. Боккаччо (1313—1375), первый из гуманистов, владевших кроме латинского древнегреческим языком. Более двадцати лет жизни Боккаччо отдал работе над трактатом «О генеалогиях божественных родов», обстоятельным компендием мифологических сведений.

У ранних гуманистов научная сторона (критика источников, сопоставление версий) историографии была мало развита. Лишь в XV в. появляются ученые-историки, а не просто люди, интересующиеся историей, какими были поэты Петрарка и Боккаччо. Основателем антикварного направления гуманистической историографии был Флавио Бьондо (1392—1463) — секретарь папской канцелярии. Бьондо принадлежит много трудов по римской археологии. Первый из них — «Восстановленный Рим» (написан в 1446 г., напечатан в 1471 г. после смерти автора) содержал изложение топографии античного Рима с добавлением рассуждений о некоторых христианских памятниках. Бьондо основывался на сообщениях древних авторов и на собственных наблюдениях над архитектурными остатками античных сооружений. В 1453 г. Бьондо закончил «Иллюстрированную Италию» — исторический и географический словарь, охватывающий 14 районов Италии, кроме крайнего Юга и Сицилии. Шестью годами позднее был написан другой труд — «Торжествующий Рим». Это первый опыт систематического изложения римских древностей — возрождение идеи, лежавшей в основе сочинения Теренция Варрона. Извлечения из трудов античных авторов распределены с указанием источников по четырем главным разделам:

древности публичные, частные, священные, военные. Критика источников у Бьондо отсутствует. У него нет никакого предпочтения свидетельствам древних авторов. Он, как и другие гуманисты, исключает из своего изложения чудеса.

В главном труде «Три декады истории от падения Римской империи» Бьондо впервые выделил V—XV века, как особый исторический период, хотя он и не знает термина «средние века». Тысячелетие от взятия Рима вестготами до 1440 г. рассматривается как эпоха упадка, а современность — как начало обновления. В объяснении исторических событий у Бьондо встречаются элементы схоластических представлений — общей причиной падения Рима он считает божью кару, но наряду с этим полагает, что гибели Римского государства способствовало «удушение» республиканских свобод Цезарем и его преемниками.

Продолжателем Флавио Бьондо был Помпоний Лет (1427—1497). Мечтая о возрождении Рима, он старался даже внешне выглядеть как римлянин. Приобретя на Квиринале небольшой участок земли, Лет обработал его в соответствии с предписаниями древнеримских агрономов. Виноградник Лета стал местом сборищ восторженных почитателей «второго Катона», впоследствии основателя «Римской академии». Ее члены приняли латинские имена и отмечали языческие римские праздники. После тысячелетнего перерыва была возобновлена постановка пьес Плавта. Политические устремления Академии и ее языческий дух вызвали репрессивные меры папских властей. Помпоний Лет вместе с другими активными членами был брошен в тюрьму и подвергнут пыткам. Освобожденный из заточения новым папой, он до конца жизни занимался литературной деятельностью, издал Курция Руфа, Варрона, Плиния Младшего, Саллюстия и составил комментарии ко всем произведениям Вергилия.

Родоначальником критического направления в гуманистической историографии был Лоренцо Валла (1407—1457), обративший внимание на противоречивость сведений античных авторов. Наиболее ярко критический анализ Лоренцо Валла проявился в разоблачении так называемого дара Константина, согласно которому светская власть была передана папам еще императором Константином в IV в. Лоренцо Валла при-

надлежит ряд теоретических положений о значении истории и ее месте в общей системе научных знаний. История для итальянского гуманиста — самая трудоемкая из наук, поскольку историк должен обладать трудолюбием, острым взглядом, умением замечать различия в сходных и сходство в различных вещах, смиренным сознанием границ своих способностей к оценкам, стремлением к правде и объективности по отношению к лицам и их действиям, умением подавлять свои собственные симпатии и интересы.

Валла обладал многими из этих качеств. Он не склоняется перед античными авторитетами: уличает Ливия в ошибках, Аристотеля — в непонимании диалектики, Евсевия — в подлоге. Уничтожающей критике подвергнута им средневековая схоластическая ученость. Валлу справедливо считают создателем нового критического метода, прямым предшественником историков-рационалистов эпохи Просвещения.

Появление гуманистической историографии не означало окончательной победы над схоластикой и средневековым мировоззрением. Некоторые из историков-гуманистов стремились примирить античный рационализм с ортодоксальной верой. Античная традиция как источник суждений о прошлом используется в их трудах наряду с Библией, трудом Орозия, письмами святого Иеронима и другими произведениями ранних отцов церкви, написанными на классической латыни.

С начала XVI в. в итальянской гуманистической историографии выделяется школа, ставящая целью извлечь из истории политические уроки. Ее основателем был Никколо Макиавелли (1469—1527). Трактат Макиавелли «Рассуждения по поводу первой декады Тита Ливия» по своей форме напоминает «Политику» Аристотеля. Факты римской истории служат гуманисту для подтверждения его мыслей о причинах возвышения и упадка государств. С его точки зрения, борьба является законом внутренней жизни каждого государства. В древнем мире это борьба между аристократией и народом. Следствием ее были наилучшее государственное устройство в Риме и его совершенные законы. Государственное устройство Рима — это смесь аристократии, монархии и демократии, в которой присутствовали все преимущества этих образцов правления без присущих им недостатков. Народные трибуны, являющиеся защитниками свободы и прав на-

рода, одновременно защищали государство и удерживали сенаторов в повиновении законам. Когда было необходимо, Рим изменял свои учреждения, придумывал средства для устранения недостатков. Так была установлена цензура для сохранения добрых нравов, доблестей, благодаря которым римляне завоевали мир. Своему возвышению Рим был обязан также мудрым правилам обращения с побежденными. Спарта, подобно Венеции, погибла потому, что закрыла доступ побежденным. Рим же усиливался потому, что делал их своими гражданами и оставался властелином. Римская республика пала в результате разлада, внесенного аграрными законами, и усиления могущества частных лиц, управлявших провинциями в течение нескольких лет.

Концепция Макиавелли — важный этап в развитии гуманистической историографии. По определению К. Маркса, Макиавелли стал рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии. Макиавелли устанавливает причинную связь событий, не зависящую от воли индивидов. Идеи о политических отношениях в республиканских государствах, высказанные Макиавелли в «Рассуждениях по поводу декады Тита Ливия», были развиты в другой его книге — «Государь». Макиавелли ставит вопрос, какие особенности в поведении человека приводят к успеху его политической карьеры или к ее неудаче. Макиавелли был уверен, так же как и его современники, в том, что человек, обладающий сильной волей, может играть в истории решающую роль.

Гуманистическая историография в Италии решительно выступила против феодально-теологической трактовки исторического развития. Она искала объяснения истории не в воле божьей, а в самой истории, поставив вопрос о ее законах и полагая, что они определяются человеческой природой. Движущую силу исторического процесса некоторые гуманисты (Макиавелли) увидели в политической борьбе партий. Историкам-гуманистам было свойственно преувеличение роли личности в истории и непонимание действий масс, невнимание к экономической истории. Но эти недостатки, вполне объяснимые эпохой и классовой принадлежностью гуманистов, окупились новым, светским подходом к истории, враждебностью гуманистов к феодально-церковному мировоззрению, элементами рационалистической критики источников.

§ 4. Гуманистическое движение в других странах Европы

Воздействие итальянского Возрождения на **Францию** возросло во время грабительских походов Карла VIII и его преемников в Италию. Французские дворяне пришли в непосредственное соприкосновение с яркими достижениями итальянской гуманистической культуры. При французском королевском дворе появляются образованные итальянцы. Они переводят на французский язык Ксенофонта, Диодора, Фукидида и других авторов. Входит в обыкновение посылать в Италию сыновей для завершения образования.

Одним из крупных знатоков античной культуры и ее пропагандистом был Гильом Бюде (1467—1540). Пользуясь своим влиянием при королевском дворе, он организовал библиотеку в Фонтенбло, которая была впоследствии перевезена в Париж и стала ядром Национальной библиотеки. Влиянию Бюде обязана своим возникновением кафедра греческого, древнегреческого и латинского языков университета. Опубликованный Бюде в 1514 г. трактат «Об ассе» явился плодом девятилетнего изучения римских монет. В труде «О переходе от эллинства к христианству» (1534) Бюде рассматривает греческую философию как предшественницу христианства и защищает изучение греческого прошлого от ходячего обвинения в приверженности к ереси.

Славу французской гуманистической науке принес Юлиус Цезарь Скалигер (1484—1558) — ученый итальянского происхождения. В 1531 г. он опубликовал памфлет против «цицеронианца» Эразма Роттердамского, в котором защищал Цицерона против, как он считал, несправедливых нападок нидерландского гуманиста. В труде о принципах латинского языка Скалигер исправил 634 погрешности у Валлы и других предшественников. Его «Поэтика» (1561) была одна из первых современных попыток систематического изложения предмета поэзии. Он разбирает различные поэмы и поэтические размеры, критикует латинских поэтов, древних и современных, проводит детальное сопоставление Вергилия с Гомером.

Сторонником критического направления во французской гуманистической историографии был Этьен Доле (1509—1546). Его «Комментарии» к текстам древних ав-

торов и Библии благодаря своему научному методу составили целую эпоху. Обвиненный в ереси, Доле был сожжен на площади Мобер, где ныне стоит его бронзовая статуя с надписью «Мученик Ренессанса».

К тому же поколению гуманистов принадлежал великий французский писатель Франсуа Рабле (1494—1555). В своем произведении «Гаргантюа и Пантагрюэль», написанном в манере античного сатирика Лукиана, Рабле называет средневековье «густой готической ночью», а Ренессанс сравнивает с сияющим светом солнца. Рабле создает картину свободной и радостной жизни в Телемском аббатстве, воплощая в ней идеал гуманистического образования всесторонне развитого человека.

Крупным достижением научной мысли явился труд Жозефа Жюста Скалигера «Об улучшении хронологии» (1583), заложивший фундамент этой научной дисциплины. Чтобы завершить работу в том же направлении, он издает в 1606 г. «Тезаурус темпорум», где собирает сведения всех известных ему античных хронографов. Наиболее удачным было издание «Хроники Евсевия», которую он остроумно реконструирует с помощью других текстов. Скалигера считают также основателем научной эпиграфики. Во время путешествия он собрал много текстов надписей, в том числе и греческих. Он передал их профессору Гейдельбергского университета Яну Грутеру и помог в их издании, составив к ним указатель. Так, в 1603 г. появилось огромное собрание из 12 тыс. латинских и греческих надписей, открывшее серию подобного рода сборников латинских, греческих, этрусских надписей.

В изучении взглядов античных историков много сделал французский гуманист Жан Боден (1530—1596). Написанный им на латинском языке труд «Метод для легкого познания истории» содержал в качестве приложения сочинение Лукиана «Как писать историю» и трактат Дионисия Галикарнасского «О Фукидиде». Развивая органическую теорию Полибия о вырождении государства, Боден считает образцом этого вырождения средневековье, а свое время — началом расцвета новой цивилизации, более высокой, чем античная. Резкой критике подвергалась средневековая теория четырех монархий, оправдывавшая существование Германской империи. Боден осуждал рабство и родственные ему формы подневольного труда.

Ведущие знатоки классической древности XVI в. во Франции являлись протестантами и поэтому были вынуждены покинуть свою страну и искать убежища в Нидерландах и Англии. Под давлением Контрреформации и преследования иезуитов многие ученые первой половины XVII в. обратились к изучению христианских авторов. Но интерес к антикварным штудиям еще сохранялся.

В **Нидерландах** провозвестником гуманистического движения был Р. Гюисман, принявший впоследствии имя Агрикола (1442—1485). Посетив Италию, он познакомился там с произведениями древнегреческих авторов и стал пропагандистом античной литературы у себя в стране. Перед открытыми собраниями Агрикола произносил речи о пользе изучения древней философии и языков, читал лекции об Аристотеле и Демосфене, добивался введения древнегреческого языка как предмета обучения в школах. Центром классического образования в Нидерландах стал университет Лейдена, основанный в 1575 г.

Во вновь организованный университет был приглашен крупнейший знаток латинских авторов Юст Липсий (1547—1606). Еще в 1574 г. он опубликовал исторические труды Корнелия Тацита. Издание Тацита было строго критическим. Основываясь на знании римской истории, Липсий внес много поправок. Этот труд обеспечил ему одно из первых мест в ряду знатоков латинских текстов. Кроме Тацита Липсий издал Валерия Максима и Веллея Патеркула, некоторые произведения Сенеки и «Панегирик» Плиния Младшего. Перу Липсия принадлежат трактаты «О военной службе римлян», «Полиоркетика». Первый из них включает комментарий к описанию Полибием римского лагеря.

В распространении классического образования в странах Центральной и Северной Европы особенно велики заслуги Эразма Роттердамского (1466—1536). Свои общие принципы он высказал в ряде педагогических трактатов и в «Беседах», где высмеял средневековую схоластику. Большую роль сыграли переведенная Эразмом на латинский язык «Греческая грамматика» Феодора Газы и дополненный им «Учебник латинского синтаксиса» Доната. Эразму принадлежат издания латинских авторов Сенеки, Светония, ряда произведений Цицерона, Плиния, Теренция. Среди изданных им греческих текстов первое место занимали труды Аристотеля и Птолемея. Огромной популярностью в XVI и XVII вв. пользовалось

составленное Эразмом собрание пословиц, поговорок и изречений древних греков и римлян.

Идеи Возрождения проникают в **Англию** несколько позднее, чем в Нидерланды и Германию. В 1500 г. в Англии было всего 5 типографий, в то время как в Германии их имелось 51. Невелико было и число образованных людей. Но отставание Англии, объяснимое феодальной войной Алой и Белой розы (1455—1485), было преодолено с удивительной быстротой, и уже в начале XVI в. в Англии расцветает гуманистическая культура.

Центрами гуманистического образования стали университеты, куда приглашались в качестве преподавателей ученые из Италии и Голландии. В Оксфордском и Кембриджском университетах древняя история преподавалась в форме комментариев к произведениям древних авторов. Одно время в Кембриджском университете преподавал Юст Липсий. Выпускником этого университета был шотландец Фома Демпстер, человек феноменальной начитанности и памяти. Он мог не обращаться к текстам латинских авторов, так как знал их наизусть. Вынужденный по политическим мотивам покинуть Англию, Демпстер преподавал в Торуни, Сорбонне, в итальянских университетах. В Италии им был написан труд «О царской Этрурии», который, будучи опубликован через сто лет после смерти автора, стал одним из классических трудов в области этрускологии.

О результатах проникновения гуманистических идей в Англию можно судить по деятельности Томаса Мора (1478—1535). Любовь к греческому языку, литературе и философии служили Мору путеводной звездой в жизни, полной головокружительных подъемов и падений, завершившейся на плахе Тауэра. Особенно близок Мору был писатель-сатирик Лукиан, борец против ханжества и суеверий. Только лишь в XVI в. латинский перевод Лукиана, осуществленный Мором, выдержал 16 изданий. В подражание Лукиану Мор написал «Золотую книгу, столь же полезную и забавную, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516). Это первая в истории нового времени картина социалистического общества, давшая название предшественникам научного социализма — утопические социалисты. Впрочем, в эпоху великих географических открытий нарисованная Мором картина справедливого общества воспринималась многими читателями как реальность, и тем сильнее было

ее воздействие. Гуманистические идеалы Мора сочетаются в «Утопии» с острой критикой общества времени первоначального накопления капитала.

Идеи гуманизма воспринял великий английский драматург Вильям Шекспир, создавший многие свои трагедии на сюжеты античных авторов — Плутарха, Лукиана, Овидия, Плавта. Героями его произведений часто выступают исторические деятели античного мира (Кориолан, Юлий Цезарь, Антоний, Клеопатра, Тимон, Перикл и др.) и мифологические персонажи (Венера, Адонис, Троил, Крессида и др.). В их образах Шекспир утверждает естественность и возвышенность человеческих чувств, глубину человеческих переживаний, возникающих в борьбе за власть и в столкновении носителей различных моральных принципов.

Гуманистические идеи распространяются и в славянских странах. Центром гуманистической образованности в **Польше** был Краковский университет (основан в 1364 г.). Гуманистическим содержанием проникнуто творчество поэта Яна Кохановского (1530—1584), большого знатока античной культуры.

В **России** интерес к античности в XV—XVI вв. возрастал по мере формирования русского централизованного государства и расширения его контактов с Западом. Сбросив татарское иго (1380), Россия заявила о себе как о государстве, претендовавшем на крупную международную роль. В этих условиях берется на вооружение идея возрождения Рима, вдохновлявшая также итальянских гуманистов, и Москва объявляется «третьим Римом» (после падения в 1453 г. Константинополя). В «Сказании о князьях Владимирских» владимирские князья и их преемники — князья московские объявляются наследниками императора Августа. Расширяются и знания об античном мире. В сборник «Еллинский и римский летописец» входят повествования о гибели Трои и перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия.

* *
*

Историография периода Возрождения занимает особое место в длительном развитии науки прежде всего как ее начальный этап. Главная заслуга гуманистов за-

ключалась в пробуждении большого интереса к античности и понимании античности как эпохи всемирной истории глубоко отличной от времени средневековья. Неустанная забота гуманистов о поиске и издании произведений античных историков, мыслителей и писателей, собрание богатых коллекций древностей и их описание заложили прочную источниковую базу для дальнейшего развития антиковедения.

В период Возрождения возникают зачатки некоторых научных направлений, которые затем станут постоянными: элементы критики источников, роль политических учреждений в историческом развитии, роль выдающихся личностей, секуляризация исторического процесса. Вместе с тем это был период младенческого состояния европейской историографии, когда преклонение перед античными образцами и резкий критицизм к средневековой культуре не мог способствовать объективному научному исследованию античной истории.

ГЛАВА 2. ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ ОТ АНГЛИЙСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789 Г. ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЭПОХИ РАЦИОНАЛИЗМА И ПРОСВЕЩЕНИЯ

§ 1. Особенности общественно-культурного развития Европы и историко-философские взгляды просветителей

Английская буржуазная революция середины XVII в. открывает новую эпоху в общественном развитии европейских стран — эру капитализма. Однако капиталистические отношения в европейских странах развивались неравномерно. Если в Нидерландах и Англии капитализм начинает занимать господствующее положение в системе общественных отношений, то в большинстве стран Европы развитие капиталистических отношений сдерживается еще сильными феодальными порядками, королевским абсолютизмом и феодально-клерикальной идеологией. Чем активнее развиваются ростки капитализма, тем более глубоким становится конфликт, тем более обостряется борьба между новым, буржуазным мировоззрением и феодально-клерикальной идеологией. Католическая церковь как оплот консервативных сил учла результаты потрясшей ее Реформации, успехи естественных наук и светской идеологии, изменила тактику борьбы и перешла в наступление против прогрессивных сил, используя монашеские ордена и особенно орден иезуитов.

Важной особенностью общественно-культурного развития Европы указанного времени является бурное развитие естественных наук: механики, физики, астрономии, математики, географии. Достижения в области естественных наук привели к созданию новой картины мира, столь отличной от представлений не только средневе-

ковья, но и эпохи Возрождения. В области философии получает преобладание рационализм. Предпринимателю — буржуа, владельцу рождающихся мануфактур, ремесленных предприятий, торговых кораблей, нужны были практические, точные знания, проверенные на опыте. Разум и чувства человека, а не схоластические авторитеты объявляются важнейшим инструментом познания и вместе с тем критерием его истинности. Именно в рационализме получили развитие многие элементы материалистического понимания природы. В работах английских философов Гоббса (1588—1679) и Локка (1632—1704) рационализм был разработан как целостная теория познания.

Философские идеи английских рационалистов были творчески восприняты выдающимися французскими мыслителями XVIII в. — деятелями большого культурного движения в Европе, получившего название Просвещения. Просвещение как особое культурное течение имело место во всех европейских странах, но достигло наибольшей зрелости, особого расцвета во Франции — стране, ставшей в XVIII в. центром острых классовых противоречий рождающейся буржуазии с феодальными порядками.

«Великие люди, — говорил Ф. Энгельс, — которые во Франции просвещали головы для приближающейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов они не признавали... Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике: все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего» [1].

Особое значение в деятельности просветителей занимала непримиримая борьба с религиозным мировоззрением, с той картиной природы и общества, которая была разработана средневековыми теологами и освящена авторитетом христианской церкви. Просветители разработали оригинальную теорию развития человеческого общества и государства, которая представляла собой полное переосмысление библейско-христианской концепции всемирной истории, трогать которую гуманисты так и не осмелились.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 20, с. 16.

Для историко-философской концепции просветителей характерны полный отказ от идеи провиденциализма, непризнания плана божественного творения и вмешательства. Человеческое общество возникает с их точки зрения как результат развития всей природы и представляет собой коллектив равновеликих единиц — людей, наделенных некоторыми естественными свойствами, например стремлением к общению, к самосохранению, продолжению человеческого рода и личному счастью. Исходя из этих свойств человеческой личности, рационалисты и просветители выводили законы развития человеческого общества, искали ключ к объяснению прошлого и настоящего. Поскольку общество состоит из одинаковых единиц, каждый человек равен другому, не может быть людей, отличных по своим расовым и природным качествам. Природа человека вечна и неизменна, а потому в принципе возможно создание такого идеального состояния, которое бы воплощало свойства естественного человека. Представление о неизменности человеческой природы и принципиальном единстве человеческого рода определило интерес просветителей к истории всех народов, подводило их к мысли о единстве мировой истории.

Хотя человеческая природа вечна и неизменна, человеческое общество не стоит на одном месте. Большим достижением исторической мысли просветителей было создание основ буржуазной теории прогресса, которая рассматривала развитие человеческого общества как постепенное совершенствование человеческих отношений. Распространение просвещения и совершенствование общественных отношений выступали в качестве объективного процесса, который хотя и может быть заторможен, но все-таки пробьет себе дорогу.

Просветители выделяли три стадии в развитии человеческого общества: стадия естественного первобытного коллектива; стадия государственной организации, возникшей в результате общественного договора; стадия совершенного будущего, т. е. общества, построенного на реализации естественных прав человека. Решающую роль в развитии человеческого общества имеют успехи просвещения, и в частности его носители — просвещенные мыслители. Передовые мыслители, с их точки зрения, должны убедить в благодетельности своих теорий разумного устройства общества располагающих властью правителей, монархов, с их помощью исправить те не-

достатки и деформации, которые получили проявление в той или иной стране, создать идеальный общественный порядок. Указанная сторона исторических воззрений просветителей приводила их к признанию активной роли великих исторических личностей, большого воздействия их деятельности, что столь контрастировало с безликостью истории в христианско-библейских представлениях.

Придавая решающее значение в мировой истории распространению идей Просвещения, которое они понимали как расширение образования, науки, изобретений, промышленный прогресс, просветители в своих конкретных исторических трудах стали обращать внимание на исследование различных сторон человеческого общества, в частности не только на политическую и военную историю, но и на экономические и социальные отношения, историю культуры.

Взгляды просветителей представляли собой большой шаг вперед, движение теоретической мысли к научному пониманию хода исторического процесса. Однако многие из этих положений были высказаны в разрозненном, отрывочном виде, не были объединены в стройную систему. Недостатками этой теории были механическое понимание человеческого общества лишь как суммы равновеликих единиц, что лишает отдельные общества их специфики, переоценка исторической роли Просвещения, его носителей — теоретиков-философов и исполнителей их идей — просвещенных монархов. Хотя просветители сделали глубокие наблюдения об объективно действующих законах в истории, представление о неизменности человеческой природы находилось с ними в противоречии, предопределяло ограниченный характер создаваемой просветителями теории исторического прогресса.

Иную концепцию исторического процесса разработал итальянский ученый Джанбаттиста Вико (1668—1744) В своем труде «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) он предложил не механическую, а органическую теорию развития исторического процесса, где рассматривал человеческое общество не как сумму отдельных равновеликих индивидов, а как качественно новое явление, которое развивается по объективным законам от низшего к высшему. Притом развитие Вико понимал не как прямолинейное движение, а как круговорот циклов, каждый из которых повторяет основные особенности прежнего, но на новой основе. Большую роль

в развитии общества он уделял борьбе между различными прослойками внутри человеческого коллектива, подчеркивал взаимосвязь всех сторон общественного развития. Глубокая философская концепция органического развития Дж. Вико, однако, не пользовалась популярностью в XVIII в.

Наибольшее воздействие на развитие исторической мысли этого времени оказали историко-философские идеи просветителей. Следует сказать, что основные теоретические положения просветителей вырабатывались ими в значительной степени на материалах античной истории. Вышеприведенная характеристика их теоретических взглядов представляла собой, по существу, переосмысление и хода античной истории. Перу почти всех представителей европейского Просвещения принадлежат специальные исследования по проблемам античной, особенно римской, истории, так что деятели Просвещения были не только теоретиками-философами, но вместе с тем и исследователями собственно античной истории. Например, Ш. Монтескье написал трактат «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734). Мабли принадлежат «Размышления о греческой истории», переведенные Радищевым на русский язык в 1775 г., «Наблюдения о римлянах» в двух томах (1751). А. Кондорсе издал «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума», где дана периодизация развития всемирной истории и большое место уделено античной истории.

Наряду с идеями просветительской историографии имела известное распространение и модернизированная историческая схема Августина и средневековых хронистов. Так, она была вновь предложена в работе епископа Жана Боссюэ (1627—1704) «Рассуждение о всемирной истории» (1681), в которой он излагает историю от сотворения мира до Карла Великого, придерживаясь основных принципов библейской схемы и четырех великих монархий, божественного провиденциализма, рассматривая всемирную историю как постепенную подготовку к распространению христианского вероучения.

В качестве особого направления можно выделить так называемое антикварное, представители которого — эрудиты занимались конкретными темами и не интересовались теоретическими построениями мирового исторического процесса.

§ 2. Накопление материала источников и методика исторического исследования

В отличие от предшествующего периода, нового материала, в частности новых рукописей античных авторов, источников, поступило в научный оборот немного. Просветителей мало интересовали обилие фактического материала и тщательность его обработки, так как свои теоретические положения они предпочитали выводить дедуктивным путем, из анализа естественных свойств человеческой личности, а материал источников использовали лишь в качестве ярких иллюстраций, необходимых поясняющих примеров. Напротив, представители антикварного направления занимались поисками нового материала и тщательным его изучением.

Процесс накопления новых источников продолжался. Велась работа по новому изданию и уточнению текстов античных авторов, причем некоторые из таких критических изданий стали своего рода эталонными. Знаменитый английский филолог Бентли подготовил комментированное издание сочинений Горация, Теренция и Плавта, которые легли в основу многих последующих изданий. Профессор в Утрехте Дракенборх прокомментировал текст Ливия в семи огромных фолиантах. Эрнести издал в многотомном труде всего Цицерона. Большое значение имело собрание и критическое издание римских агрономов: Катона, Варрона, Колумеллы, Палладия немецким филологом из Лейпцига Геснером. В 1779—1809 гг. увидела свет серия латинских авторов из 115 томов в так называемом Бипонтинском издании.

Хотя интерес к античным вещам и раритетам был велик в эпоху Возрождения, во времена Просвещения он приобретает новые формы, которые способствовали началу археологических раскопок и появлению элементов археологии как научной дисциплины. В 1711 г. начались первые раскопки Геркуланума, еще большее значение приобрели начавшиеся в 1748 г. раскопки в Помпеях. Большой интерес к археологическим исследованиям в Греции и Малой Азии, в то время находившихся под властью Оттоманской империи, проявляли англичане. В 1733 г. было создано так называемое «Общество дилетантов», которое на свои средства стало направлять экспедиции в Грецию. Командированные «Обществом дилетантов» Стюарт и Реветт в 1751—1753 гг. провели пер-

вые раскопки в Афинах, результаты которых были изданы в 1761—1794 гг. в 3-томной публикации «Древности Афин». Другой стипендиат этого общества — Чандлер в 1764—1766 гг. исследовал руины Баальбека и Пальмиры.

Количество накопленного материала постоянно растет, и предпринимаются комплексные издания его в виде многотомных публикаций. Бенедиктинскому монаху Бернару де Монкофону принадлежит издание в 15 фолиантах серии «Античность, объясненная и представленная в изображениях» (1719—1724). В 50-х годах XVIII в. граф Келюс издал многотомное «Собрание египетских, этрусских, греческих и римских древностей». Обе публикации ввели в научный оборот огромное количество вещественных памятников. Правда, следует отметить, что большая часть публикаций имеющихся коллекций античных вещей не имела строгой системы и носила антикварный и любительский характер. Однако у некоторых ученых пробуждается интерес к археологическому памятнику как историческому источнику. Так, итальянец Франческо Бьянкини утверждал, что археологические памятники дают более точное знание прошлого, чем данные древних авторов. Реализацией его взглядов на роль вещественных памятников было издание «Всеобщей истории, изложенной по памятникам и изображенной в древних символах» — одного из оригинальных исторических произведений XVIII в.

В это время была значительно усовершенствована методика работы с историческими источниками. Этому способствовала решительная борьба просветителей с религиозным мировоззрением, беспощадная критика церковных авторитетов. Апелляция к рациональному знанию, успехи естественных наук, внедрение опытного, т. е. многократно проверенного, знания не могли не оказать своего влияния и на методику исторического исследования. Прежде всего историки периода Просвещения отказались от идеализации античности, столь присущей большинству гуманистов. В произведениях античных авторов они увидели многие неточности, ошибки, искажения и фальсификации. Разрушение авторитетов христианских писателей наряду с критическим изучением произведений античных авторов способствовало развитию критического взгляда на источники вообще и прежде всего расцвету филологической критики источников.

Основателем критического метода в классической филологии считается английский ученый Р. Бентли (1662—1742). Особое значение имело его блестящее исследование писем одного из сицилийских тиранов VI в. до н. э. Фаларида (1699). Тщательный и всесторонний анализ имеющихся писем Фаларида, произведенный Бентли, показал, что они являются не подлинниками, а фальсификацией II в. н. э. Дж. Вико, автор упомянутой выше концепции органического развития истории, занимался исследованием текста гомеровских поэм и пришел к выводу о том, что они написаны разными авторами и в разное время. Это было выдающееся достижение критической мысли XVIII в. Большую роль в развитии данного метода имели замечания к Библии — твердыне всех авторитетов. Голландский философ-материалист Спиноза в своем «Богословско-политическом трактате» (1670) показал целый ряд пропусков, противоречий, разрывов и повторений в тексте Ветхого Завета и заложил основы критического отношения к Библии. В середине XVIII в. француз Астрюк доказал существование двух редакций в книге Бытия — Элохиста и Яхвиста. О больших противоречиях в тексте канонических Евангелий писал Вольтер.

Успехи филологической критики античных авторов не могли не пробудить интереса к собственно исторической критике источников, проблеме их достоверности и степени отражения в них исторической действительности. Критическая работа над историческими источниками опиралась на философскую концепцию Пьера Бейля, рационализм которого перерастал в скептицизм. В своем главном произведении «Исторический и критический словарь» (1696) Бейль сопоставляет разные источники, отмечает глубокие противоречия между ними и приходит к выводу о невозможности установить в них рациональное зерно.

Центром критической работы над античными источниками в XVIII в. стала основанная в 1701 г. в Париже «Академия надписей и изящных искусств». В 20-х годах здесь развернулась дискуссия о достоверности римской традиции. Член академии Пуйи доказывал легендарность римской исторической традиции и считал, что никаких достоверных источников по римской истории до Пирра нет. Секретарь академии Фрере, напротив, замечал в традиции смешение легендарных и реальных начал

и задачей историков считал выделение исторической основы. Скептическое отношение к источникам вообще и к древнеримской традиции в частности было развито Луи де Бофором, который в 1738 г. выпустил получивший затем большую известность труд «Диссертация о недостоверности первых пяти веков римской истории». Труд де Бофора — одна из специальных источниковедческих работ, и в этом его большое научное значение. Тщательно изучив источники римской традиции у Ливия, греческие легенды, надгробные речи, старинные песни, фамильные предания, Бофор сделал вывод о том, что сведения Ливия о древнейшем периоде римской истории совершенно недостоверны. Поскольку галльский пожар уничтожил имеющиеся документальные данные, восстановить подлинный ход древнейшей римской истории, по его мнению, оказалось невозможным.

В работах Дж. Вико при всем его критическом и осторожном отношении к данным греческой и римской традиции предприняты попытки реконструкции исторического ядра. Например, он использует данные гомеровских поэм для воссоздания жизни древних греков, восстанавливает исторические зерна в легендах о прибытии Энея в Италию, о правлении римских царей.

§ 3. Французская просветительская историография

Появление различных методов исторического исследования обогащало развитие просветительской историографии, давало в руки историков различные виды исследовательской методики, на основе которых создавались известные произведения этого времени. Наиболее выдающимися представителями исторической мысли, обогатившими историографию своими исследованиями, были Дж. Вико в Италии, Ш. Монтескье и Вольтер во Франции, Эд. Гиббон и А. Диксон в Англии, Винкельман, Лессинг и Гердер в Германии.

Джанбаттиста Вико, профессор университета в Неаполе, был не только оригинальным мыслителем, развивавшим теорию органического развития человеческого общества, но и выдающимся историком, исследователем многих конкретных исторических сюжетов. Глубокий анализ гомеровских поэм привел его к важнейшим заключениям. Вико отрицал историчность Гомера, считал, что «Илиада» и «Одиссея» написаны разными авторами

и отделены по времени друг от друга минимум сотней лет; он выступил против идеализации греческого общества гомеровской эпохи, подчеркивая его варварский уровень. Время составления гомеровских поэм Вико определял исходя из экономического и культурнго уровня изображенного в поэмах общества и относил его к VIII в. до н. э. Вико принадлежит глубокое понимание раннереспубликанской эпохи в Риме, в частности борьбы патрициев и плебеев, которую он трактует как сословную борьбу, подчеркивая ее историческое значение. Он считал, что плебеи на первых порах стояли вне гражданского коллектива, и возводил происхождение плебеев к институту клиентелы.

Вико рассматривал как один из решающих этапов в развитии раннеримской истории реформаторскую деятельность Сервия Туллия и время правления децемвиров. Он подчеркивал большое значение аграрных отношений и борьбы за землю в Древнем Риме, рассматривал государство как средство защиты господствующей формы собственности. В анализе внутренней жизни римлян он отводит важную роль социальной борьбе.

Шарлю Монтескье принадлежат небольшой трактат «Рассуждение о причинах величия и упадка римлян» (1734) и его главное исследование «Дух законов» (1748). В своих социологических построениях Монтескье опирается на хорошее знание сочинений Платона, Ксенофонта, Аристотеля, Полибия, Плутарха, Тита Ливия, Тацита, Цицерона. Основной трактат Монтескье написан в значительной степени в подражание «Политике» Аристотеля. Однако для нас представляет интерес более ранний трактат, поскольку Монтескье выступает в нем как историк-исследователь. Он оперирует конкретным и довольно обширным материалом источников, к тому же он не лишен критического чутья, во всяком случае видит идеализацию римской традиции у Ливия, искажения у Светония и Тацита, приводит сравнительный материал из разных авторов. Его знание источников и исследовательская техника не уступают лучшим образцам современной ему историографии.

Используя обширную источниковую базу, Монтескье развивает собственную оригинальную концепцию движения римской истории, решающее влияние на которую, по его мнению, оказало своеобразное природное окружение. Характер войн и военной организации римлян Монте-

скье объясняет особенностями их социального и политического устройства. В частности, победу Рима над Карфагеном он приписывает наличию крепкого и многочисленного сословия мелких земельных собственников, сражающихся за свою родину. Монтескье стал одним из первых изучать факты экономической истории греков и римлян, в частности придавал особое значение развитию торговли. В основе римского величия лежали гражданские добродетели римлян, способность жертвовать личными интересами для общества, любовь к отечеству. Роль богатства, успешные завоевания, неравенство в распределении земельной собственности привели к порче нравов и общей деградации римлян.

Франсуа Вольтер (1694—1778) не оставил специального труда по истории античности, тем не менее он был великолепным знатоком античной культуры и истории, прекрасно знал произведения древних авторов. Исторические работы Вольтера способствовали расширению проблематики исторического иследования, рассматривали человеческое общество как развитие цивилизации, всего комплекса культуры, включая его политические, экономические институты, социальные противоречия. «Шлюз канала, соединяющего два моря, картина Пуссена, прекрасная трагедия, вновь открытая истина, полезное изобретение — все эти вещи в тысячу раз более драгоценны, чем все придворные летописи и походные реляции», — говорил Вольтер

Вольтер придерживался весьма критического отношения к источникам и дал образцы тщательной критики древних авторов. Он отвергает все мифы и легенды, неправдоподобные рассказы у Геродота и Тита Ливия, скептически относится к данным Светония и Тацита как произведениям публицистического характера. Вместе с тем он призывает к проверке даже правдоподобных, внешне достоверных фактов данными других источников. В отличие от Монтескье, который идеализировал римлян ранней республики, Вольтер дает уничтожающую критику древнеримских нравов как нравов воров и разбойников. Он признает огромную культурную миссию Римского государства. Прослеживая его судьбы, он считает причинами его гибели не вырождение нравов, а политические и религиозные раздоры. С точки зрения Вольтера в судьбах римской цивилизации отрицательную роль сыграла христианская церковь. Перу Вольтера при-

надлежат исследования о возникновении христианской литературы, в частности канонических Евангелий. Интересные соображения высказывает он относительно проблемы так называемого великого переселения народов в эпоху Поздней Римской империи.

Примером клерикальной историографии в области античности, обоснования концепции Боссюэ служат работы аббата Тиллемона (1637—1698) — 6-томная «История императоров и других принцев, которые правили в течение первых шести веков христианства» (1690—1738) и 16-томная «История церкви первых шести столетий» (1693—1712). Тиллемон был большим знатоком древних авторов, и его труды представляют собой наиболее полную сводку фактического материала о римских императорах, их внешней и внутренней политике. Тиллемон следует наивной технике работы с источниками, практически не подвергая их исторической критике. Его труд — это, по существу, огромная компиляция, составленная из выписок древних авторов по тем или иным вопросам без особой критики источников и сопоставления противоречивых версий. Для Тиллемона римская история — всегонавсего история императоров, а основной критерий их исторической значимости — их отношение к христианству; в зависимости от этого он делит императоров на добрых и злых.

Популярность приобрела 16-томная «Римская история от основания города до битвы при Акциуме» (1739—1749) Шарля Роллена. В ней дано изложение внутренней и внешней римской истории царского и республиканского времени с полным доверием к римской легендарной традиции. Вместе с трудом Кревье «История о римских императорах с Августа до Константина» в 4-х томах (1767—1769) работа Роллена была переведена В. Тредиаковским на русский язык.

§ 4. Историография Просвещения в других странах

Одним из самых выдающихся историков XVIII в. был английский ученый Эдуард Гиббон (1737—1794). Получив прекрасное классическое образование в Оксфорде, он долгое время путешествовал по Европе, много лет жил в Швейцарии. Большое влияние на формирование его исторических взглядов оказали встречи с Вольтером. Че-

ловек передовых взглядов, Гиббон довольно скептически относился к религии. Славу Гиббону создал его 7-томный труд «История упадка и разрушения Римской империи». Он начинает свое изложение с правления Марка Аврелия и доводит до падения Константинополя в 1453 г. Труд Гиббона отражал в конкретном историческом исследовании влияние просветительских социологических идей, особенно Вольтера. Гиббон реализует представление Вольтера об историческом процессе как развитии цивилизации, т. е. не только политической истории, но и других сторон человеческого общества — экономики, земледелия, торговли, законов, культуры, военной организации. Особенностью труда Гиббона является использование всех доступных источников, широкое привлечение многочисленных антикварных исследований, например комментарии Годфруа к кодексу Феодосия, специальных диссертаций. В отличие от Вольтера с его скептическим подходом к источникам Гиббон придерживался умеренно критического отношения к данным античных авторов.

Рассматривая создание огромного Римского государства как счастливую пору в истории Средиземноморья, Гиббон излагает историю непрерывного упадка римской цивилизации после смерти Марка Аврелия и до взятия Константинополя турками. История Византии для Гиббона — прямое продолжение разрушающейся Римской империи. Труд Гиббона, представляющий реализацию передовых просветительских идей, глубокого знания источников и их профессиональной обработки, написанный хорошим стилем, был выдающимся произведением историографии XVIII в., приобрел большую популярность, был переведен на многие европейские языки.

Заметным явлением в английской историографии античности была публикация 2-томной монографии Адама Диксона «О древнем земледелии» (1764—1772). Знаток сельского хозяйства Шотландии и ряда европейских стран, Диксон обратился к изучению римских агрономических писателей. Скрупулезное исследование их сведений позволило ему создать выдающееся произведение, первое монографическое исследование в области сельского хозяйства древних в Западной Европе. Самым обстоятельным образом изучены многие технические стороны римского земледелия, сведения о рабочей силе, подчеркивается значение аграрного законодательства в исто-

рии Рима. Хотя монография принадлежит перу специалиста-агронома, Диксон вместе с тем развивает известную концепцию аграрного и исторического развития Рима в духе Монтескье, что делает его работу прежде всего историко-экономическим исследованием.

Идеи Просвещения проникали и в **Германию**, раздробленную на множество небольших государств, управляемых капризными и властолюбивыми князьями. Мелкое и жестокое самодержавие князей, господство консервативного протестантизма, экономическая слабость немецкого бюргерства и его ничтожная социальная роль — все это рождало чувство глубокой неудовлетворенности у представителей передовой немецкой интеллигенции. Не имея достаточных сил для активного протеста против засилья князей и церкви, представители рождающейся немецкой буржуазии выражали его в идеологической сфере, особенно в вопросах культуры, эстетики и философии. И во всех этих вопросах самое широкое поле деятельности для немецких просветителей открывалось в мире древних греков и римлян. Противопоставляя жалкую действительность тогдашней Германии античному миру, они видели в нем осуществление своего идеала свободы, гармонии и гуманности. Идеализация античности была своеобразным протестом против реакции, деспотизма, господства церковного мракобесия. Выдающимися представителями немецкого Просвещения, сыгравшими большую роль в развитии немецкой историографии античности, были И. Винкельман, Г. Лессинг и Г. Гердер.

Делом всей жизни И. Винкельмана (1717—1768) стала разработка капитального труда по истории и философии античного искусства. В 1754 г. он опубликовал работу «Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре», в которой выдвинул положение об абсолютном художественном вкусе греков и о прямом подражании им как необходимом условии всякого художественного творчества. В 1764 г. вышел его главный труд «История искусства древности», принесший европейскую славу его автору. Здесь Винкельман реализует основные положения своего раннего труда на огромном фактическом материале. Анализируя произведения египетского, этрусского и римского искусства, он выдвигает на первое место по своему художественному совершенству именно греческое искусство. Отталкиваясь от идей Монтескье, он объясняет особенности греческого гения

влиянием природных условий и характером политической организации древних греков, в частности наличием гражданской свободы, спокойной уверенностью в себе, любовью к общественному благу и гуманным отношением к человеческой личности, т. е. теми качествами, которых не было в германской действительности его времени.

Опираясь на такое истолкование сущности греческого искусства, Винкельман перестал видеть в нем бесформенное собрание прекрасных раритетов и дал первую историю искусства, т. е. определил его зарождение, эволюцию и упадок, выделил отдельные этапы, увязав их с изменениями в политической жизни древних греков. С труда Винкельмана началась научная история античного искусства, а его самого с полным правом можно назвать отцом научной истории искусства.

Один из крупнейших деятелей немецкого Просвещения Готгольд Лессинг (1729—1781) на примерах античной культуры и эстетики разрабатывал актуальные проблемы развития немецкой литературы и искусства. В одном из своих главных произведений «Лаокоон, или о границах поэзии и живописи» (1765) он дает глубокую интерпретацию основ античной культуры и эстетики, полемизируя с главными выводами Винкельмана. Его идеал не стоически спокойная личность, а активно действующий человек, воплощающий в себе героическое начало, борющийся за свободу. Для Лессинга греки были создателями такого идеала, а конкретным воплощением его — вождь италийских рабов Спартак, о деятельности которого он хотел написать трагедию.

Другой заслугой Лессинга явилось исследование некоторых проблем раннего христианства и раннехристианской литературы, в частности Евангелий. С его точки зрения, Евангелия — не первые христианские произведения, а результат длительной литературной обработки. Они возникли из устных рассказов об Иисусе, были записаны сначала в кратком виде на древнееврейском языке и лишь потом были развернуты в несколько сочинений на греческом языке. Лессинг развивал смелую концепцию возникновения христианства в силу целого ряда причин политического и культурного порядка: трансформации древнееврейской религии, развития античной философии, крушения старых политических систем под влиянием римского завоевания.

Если Винкельман разработал основы истории искус-

ства, а Лессинг создал глубокую концепцию всего феномена античной культуры, то третий выдающийся представитель немецкого Просвещения — Готфрид Гердер (1744—1803) как бы подытожил достижения в области изучения античного искусства и культуры, предложив оригинальную концепцию всемирной философии, в том числе и античной истории. В его труде «Идеи философии по истории человечества», изданном в 1784—1791 гг., дана самая глубокая для XVIII в. разработка принципа историзма, всеобщего прогресса природы и человечества, Гердер понимает историзм как сложное и богатое учение, освещающее многие внутренние и внешние стороны развития человеческого общества. Он преодолевает ограниченный характер географического детерминизма Монтескье, случайность факторов развития у Кондорсе. Исходя из более глубокого понимания историзма, Гердер видел наивность идеализации античности, столь яркой у Винкельмана. Далекое прошлое для Гердера пусть даже и прекрасно, но суть пройденный и неповторимый этап развития.

В его общей концепции развития человечества занимает заметное место характеристика античного общества. Он прослеживает связь греческой культуры и искусства с культурой восточных народов, чего не хотел видеть Винкельман. Гердер дает периодизацию древнегреческой и древнеримской истории от их истоков через расцвет к разложению. Важные движущие силы античных обществ он видит в расширении материальных интересов, в борьбе между сословиями (например, патрициев и плебеев), в распространении рабства.

Основным центром изучения античной истории и культуры в XVII и в начале XVIII в. в **России** была Славяно-греко-латинская академия, основанная в Москве в 1668 г., которая давала подготовку в области древних языков. После основания Академии наук в Петербурге в 1725 г. была учреждена кафедра древней истории, на которой в течение всего XVIII и XIX вв. проходило изучение истории, классической филологии и археологии. После открытия в 1755 г. Московского университета и там была образована кафедра древней истории, ставшая другим важнейшим центром по изучению античности в России.

В XVIII в. изучение античной истории и культуры проходило в двух направлениях: культурно-филологическом, проявлявшемся в преподавании древних языков,

переводах произведений древних авторов на русский язык, чему активно способствовал Петр I (были переведены сочинения Геродота, Диодора, Иосифа Флавия, Тацита, Светония, Цицерона, Сенеки, Саллюстия, Геродиана, многих поэтов и др), и историко-философском, которое заключалось в теоретическом осмыслении роли древней истории в ходе мирового исторического процесса (историко-философские концепции Ломоносова и особенно великого русского просветителя Радищева). Русская историческая наука XVIII в. развивалась под влиянием достижений европейской общественной мысли, особенно французских просветителей. Переводы капитальных трудов Роллена и Кревье познакомили русских читателей с событиями всей древней истории (включая древневосточную, греческую и римскую) в наиболее полном изложении и сыграли немалую роль в распространении знаний об античной истории в России.

Наиболее крупными знатоками античной истории и культуры в XVIII в. были Г. Байер, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов и А. Н. Радищев.

Г. Байер (1664—1738), приглашенный во вновь основанную Академию наук из Германии, был крупным ученым в области древней истории, одним из сторонников начинающего входить тогда в Европе в моду критического направления, хотя и без его крайностей. Оказавшись в России, Байер развернул активную исследовательскую деятельность в области древней истории, причем излюбленными темами его работ стали те проблемы древней истории, которые имели отношение к древнейшим периодам истории народов, впоследствии вошедших в состав России. Ему принадлежат многочисленные работы по истории расселения скифских племен и их взаимоотношений с греческими городами Северного Причерноморья, по многим вопросам исторической географии, этнографии и хронологии античной истории. Им опубликованы две солидные монографии по таким редким проблемам в науке, как «История Эдессы» и «История греко-бактрийского царства», ряд статей об Ахейском союзе. Занимался он также историей Кавказа и Ближнего Востока. Байер в определенной степени наметил круг тем и проблем, которые в последующее время стали излюбленными в русской науке.

Воспитанник Славяно-греко-латинской академии, В. К. Тредиаковский (1703—1769) закончил образование

в Париже. Он был большим знатоком античной литературы и культуры, много переводил греческих и латинских авторов (басни Эзопа, сочинения Сенеки, комедии Теренция и др.); ему принадлежит перевод многотомных историй Роллена и Кревье. Тредиаковский занимался исследованием происхождения античной комедии, отстаивал достоверность традиции о раннем Риме, выступая против скептицизма Луи де Бофора.

Великолепным знатоком древних авторов и античной культуры был великий русский ученый-энциклопедист М. В. Ломоносов (1711—1765). После окончания Славяно-греко-латинской академии, он едет заканчивать образование в Германию, где знакомится с достижениями европейской науки своего времени. И хотя Ломоносов не оставил специальных трудов по античной истории, он широко использовал свои обширные знания в этой области при разработке древнейшей истории России. Отдельные замечания, рассыпанные в его трудах, показывают, что Ломоносов имел оригинальную концепцию античной, особенно римской, истории. Глубокое знание античной литературы и поэзии Ломоносов применял для разработки многих проблем русского языка, литературы, системы стихосложения.

Большим достижением русской общественной мысли стала историко-философская концепция великого русского просветителя-революционера А. Н. Радищева (1749—1802). Последователь радикальных французских просветителей, Радищев под влиянием исторических условий русской действительности усилил демократическую струю в просветительстве и стал первым русским революционером, глашатаем крестьянской революции, направленной против крепостного права, самодержавия и угнетения.

Радищев, как всякий образованный человек своего времени, имел хорошую подготовку в области античной истории, был тонким знатоком и большим почитателем античной культуры. Он любил и высоко ценил Гомера, Лукреция, Вергилия. Еще в 1773 г. 24-летний Радищев перевел на русский язык «Размышления о греческой истории» Г. Мабли. В конце своей жизни он написал специальное историческое сочинение «Песнь историческая», где дал в эскизном изложении основные события древневосточной, греческой и римской истории до конца II в. н. э. (работа оказалась неоконченной). В этой работе,

написанной под влиянием французских просветителей и собственных размышлений, Радищев предлагает глубоко оригинальную концепцию хода всемирной истории, которая отлична от многих фундаментальных идей просветителей. Им было предложено истолкование хода всемирной истории с демократических позиций, и особое значение придавалось состояниям (периодам) равенства и независимости, которые циклично, по его мнению, сменяются периодами рабства и деспотизма. Радищев понимал тесную зависимость между общественным развитием и экономическим прогрессом, роль социальных противоречий, и в этом проявляется глубина его исторических взглядов, но он стоял на пессимистической точке зрения, считая, что успехи экономического и культурного развития ведут к общему упадку народного благосостояния, порождают деспотизм и эксплуатацию.

* * *

В общем процессе развития историографии период просветительской историографии занимает важное место. В это время произошел окончательный разрыв с библейско-христианской концепцией исторического развития, была создана новая, чисто светская теория общественного развития, выявлены реальные движущие силы, созданы основы буржуазной теории прогресса, сложилось представление о человеческом обществе как сложном комплексе, который впоследствии стали обозначать термином «цивилизация».

Вместе с тем в просветительской историографии проявились и негативные черты: недооценка роли источников и апелляция к социологическим построениям, механицизм общих концепций, известная публицистичность их построений, которые мешали объективному исследованию подлинного хода истории. Напротив, представители эрудитской историографии делали акценты на скрупулезное исследование источников и конкретных проблем, но, как правило, эти исследования носили антикварный характер. Синтез просветительской широты мысли и исследования конкретного материала эрудитов дали такие выдающиеся труды XVIII в., как «История упадка и разрушения Римской империи» Эд. Гиббона и «Всеобщая история искусства» Н. Винкельмана. Именно в этом сочетании намечалась магистральная линия развития мировой историографии.

ГЛАВА 3. ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ ОТ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО КОНЦА 40-Х ГОДОВ XIX В. ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОМАНТИКОВ

§ 1. Основные направлениия общественной мысли в Европе

С начала Великой французской буржуазной революции 1789 г. и до середины XIX в. Европа переживала один из самых бурных периодов своей истории. В наибольшей концентрации революционные события происходят во Франции, ставшей центром политических потрясений, и отсюда они, как волны, распространяются по всей Европе. Не успели отгреметь громы революции и якобинской диктатуры, как Европу взбудоражили войны Наполеона. Бурбоны еще не успели утвердиться вновь, как июльская революция 1830 г. привела к власти Луи Филиппа. Революция 1830 г. в Бельгии смела голландское господство и провозгласила независимость этой небольшой страны. В 1830—1831 гг. вспыхнуло восстание в польских землях против царского правительства. В Англии — стране с довольно стабильным внутренним положением — с середины 1830-х годов начинается мощное движение чартизма. Восстания лионских ткачей 1831 и 1834 гг. показали, что на арену мировой истории вступил рабочий класс как организованная сила. Напряженность острых классовых битв самым непосредственным образом затронула общественную мысль, проявилась в борьбе различных идеологических течений.

В первой половине XIX в. в Западной Европе сложилось три мощных направления общественной мысли, которые оказали большое воздействие на духовное развитие Европы: английская политическая экономия, немецкая классическая философия и французский утопический социализм. Английская политэкономия достигла своего

расцвета и известного завершения в работах Д. Рикардо (1772—1823) — создателя трудовой теории стоимости. Он считал труд мерилом создаваемой стоимости, выделял в качестве особых экономических категорий заработную плату рабочих, прибыль предпринимателей и земельную ренту землевладельцев. В форме экономических категорий Рикардо показал, таким образом, классовое деление современного ему капиталистического общества Англии и скрытую возможность классовых противоречий.

Работы швейцарского экономиста Сисмонди и французского мыслителя Прудона означали новый шаг вперед в развитии политической экономии: была дана острая критика капиталистической экономической системы как направленной на ограбление рабочего класса; показана хищническая сущность капиталистической эксплуатации; в качестве идеала выдвигалось мелкое производство. Интерес к глубокому анализу экономических отношений между людьми, к законам, которые ими управляют, понимание их большого воздействия на общественные отношения имели благотворное влияние на развитие исторической мысли.

Критика рождающегося капиталистического общества, отчетливое понимание его классового деления и непримиримой борьбы между классами, связь ее с экономическими противоречиями были важной заслугой утопического социализма Сен-Симона, Фурье, Оуэна, хотя в общих воззрениях социалистов-утопистов были сильны традиции просветительской философии с ее апелляцией к сильной личности, верой во всемогущество просвещения, которое может в принципе исправить существующие пороки общества.

Одним из крупнейших явлений идеологической жизни Европы первой половины XIX в. была немецкая классическая философия, представленная именами таких выдающихся мыслителей, как Кант, Фихте, Гегель.

Своего завершения она достигла в философской системе Гегеля (1770—1831) — одного из самых прославленных философов века. Гегель детально разработал теорию объективного идеализма и дал наиболее глубокое в ее рамках учение о развитии человеческого общества как органического, единого, закономерно развивающегося процесса, проходящего ряд стадий. Он предложил решение сложной проблемы механизма этого развития, пони-

мая его как процесс количественного накопления, которое в результате скачка, или, как он называл, перерыва постепенности, превращается в новое качество. Он выдвинул теорию диалектического развития, понимая последнее как самодвижение через единство и борьбу противоположностей.

Камень преткновения многих прежних социологических теорий — роль великих личностей в истории — был также объяснен Гегелем, который видел в выдающихся исторических деятелях наиболее проницательных выразителей общественных потребностей. Таким образом, деятельность великих людей в понимании Гегеля не противостоит массе, а выражает ее потребности. С точки зрения Гегеля, процесс мирового развития происходит закономерно, а законы имеют объективный характер и проявляются в практической деятельности людей.

В ходе всемирной истории человеческое общество проходит ряд прогрессивных этапов «самораскрытия» «мирового духа», причем на каждом из них раскрывается какая-то новая его сторона. Выразителем мирового духа на каждом данном этапе выступает какой-либо народ, который Гегель определяет как «исторический», т. е. народ, активно участвующий в мировом процессе, в то время как другие народы прозябают в историческом бездействии и являются «неисторическими». Так, в начальный период (детский возраст) носителями прогресса выступают Древний Восток, Древняя Передняя Азия. На втором этапе (период прекрасной юности) «мировой дух» раскрывается в древнегреческой истории; зрелость «мирового духа» проявляется в ходе римской истории, и, наконец, в христианско-германском мире (период бодрой старости) заканчивается процесс «самораскрытия» «мирового духа».

Во всемирно-исторической концепции Гегеля, таким образом, важнейшее место отводится античности как периоду юности и зрелости человечества. Подведя итог предшествующим историко-философским воззрениям античности, теория Гегеля стала философской основой идеализации античного общества, начавшейся еще в период Возрождения.

Философский идеализм Гегеля ослаблял научное значение его диалектического метода и концепции всемирно-исторического процесса, на что указывали позднее К. Маркс и Ф. Энгельс. Тем не менее глубокая

трактовка общественного развития, данная Гегелем, оказала огромное влияние на состояние общественных наук, и прежде всего исторической науки. Гегель, хотя и в мистической форме, дал синтез многих социологических идей французских просветителей и теорий органического развития немецких мыслителей второй половины XVIII в. Его концепция способствовала более глубокому пониманию сущности и значения античной цивилизации, ее роли во всемирном историческом процессе.

§ 2. Источниковедение и методика исторического исследования

Источниковая база науки продолжала расширяться. Из находок античных рукописей можно отметить открытие Нибуром средневековых рукописей с текстами «Институций» римского юриста Гая (II в. н. э.), речей Цицерона «За Фонтея» и «За Рабирия», трактата Цицерона «О государстве». Опираясь на успехи текстологии, филологи предпринимают ряд более совершенных изданий античных авторов.

Прославившийся своей издательской деятельностью Карл Лахман (1793—1851) один из первых стал систематически проводить различия между стадиями критического исследования текста (recensio) и его улучшения (emendatio), которые придали текстологии более строгий и логичный характер. Лахману принадлежит образцовое издание Лукреция; он же вместе с другими авторами (Рудорфом, Моммзеном) предпринял издание таких сложных текстов, как остатки трактатов римских землемеров (1848—1852). Фридрих Ричль приобрел известность своими работами по комментированию Плавта и издал 9 его комедий, в которых были учтены данные новых рукописей, обнаруженных в начале XIX в. в Милане. Иоганн Орелли дал образцовое издание всех сочинений Цицерона (1826—1833). Из других публикаций необходимо отметить выход (1818—1820) двух томов «Консульских фаст», составленных Боргези, которые имели важное значение для воссоздания римской хронологии.

Значительно более активно пополнялся материал других источников, таких, как описания археологических памятников и надписи, особенно связанные с изучением

Древней Греции. Следует отметить, что в первой половине XIX в. интерес к изучению греческой истории и греческого искусства в Западной Европе возрос. Этому способствовало несколько причин. Первая: начиная с Возрождения в исторической науке, как правило, преобладал интерес к римской истории и в конечном итоге должна была наступить естественная реакция. Вторая: работы Винкельмана показали величие и красоту именно греческого искусства, с замечательными памятниками которого европейцы могли познакомиться после прибытия в Англию фризов Парфенона (так называемые мраморы Эльджина). Третья: освободительная война греков против турецкого господства, поддержанная всей прогрессивной Европой, завершилась провозглашением независимости Греции. Новое Греческое государство вступило в самые тесные политические и культурные отношения с европейскими странами, в которых, в свою очередь, усилился интерес к древнегреческой культуре.

Целый ряд образованных европейцев, прежде всего специалисты в области древней истории, предпринимают научные путешествия-полуэкспедиции на территорию Греции и издают подробные описания увиденных развалин и памятников. Наиболее обстоятельные археологические отчеты были составлены французами: Пуркевилем — 6 томов (1826—1827) и Леба (1844), англичанином Ликом — «Путешествие в Морею» в 3-х томах (1830) и «Путешествие в Северную Грецию» в 4-х томах (1835), немцем Людвигом Россом, приближенным греческого короля Оттона, — «Путешествие по греческим островам Эгейского моря в 1840—1852 гг.» в 4-х томах.

Оживилась археологическая деятельность в самой Италии. Неаполитанские короли заинтересовались находками в Помпеях и стали отпускать солидные суммы на их раскопки. Кроме Помпей были обнаружены некоторые очень важные этрусские памятники (1830—1840), главным образом неразграбленные могилы этрусских аристократов, наполненные множеством разнообразных предметов, например так называемые могила Франсуа около Вульчи, могила Реголини-Галасси около Цэре; обследованы богатые склепы в Тарквиниях и Кьюзи. Эти находки оказали влияние на развитие этрускологии.

Особое значение, однако, имело издание ряда сборников надписей, которые заложили основы вспомогательной исторической дисциплины—эпиграфики. Леба обработал

и издал сборник греческих и латинских надписей, собранных во время французской экспедиции в Морею в 1831—1839 гг.; де Росси издал собрание латинских надписей, найденных в Риме.

Новым в издании и обработке надписей была публикация полного собрания греческих надписей, получившего название «Корпус греческих надписей», предпринятая по инициативе немецкого ученого Августа Бёка. В 1825 г. вышел первый выпуск «Корпуса», а к 1859 г. — все четыре тома в 10 выпусках, содержащих около 10 тыс. греческих надписей. Этот труд был крупнейшим явлением в античном источниковедении по полноте собранного материала, его тщательной обработке, мастерскому восстановлению лакун и образцовым комментариям. В научный оборот поступил огромный материал, который привлек к себе внимание специалистов и способствовал разработке многих сторон древнегреческой истории, слабо освещенной в произведениях античных авторов. Вместе с тем тщательная критическая работа по восстановлению текста надписей, определению подделок, установлению датировок, внутренней связи между группами надписей способствовала развитию самого источниковедения как вспомогательной исторической дисциплины.

Крупные сдвиги в указанный период произошли в методике исторического исследования, в частности в создании историко-критического метода, в наиболее полном виде разработанного немецкими учеными Фридрихом Вольфом и Георгом Бартольдом Нибуром. В своем знаменитом исследовании гомеровских поэм «Введение к Гомеру» (1795) Вольф дал образец критического рассмотрения как самого текста, так и внутреннего содержания поэм. Используя отдельные замечания аббата Д'Обиньяка, критику текста гомеровских поэм, произведенную Гердером, Вольф дал систематический анализ всей совокупности вопросов об авторстве, внутреннем единстве, устной традиции и времени записи гомеровского текста. Он считал, что в основе поэм лежит устная народная традиция, составлены они в разное время и из разных частей, записаны при Писистрате и являются результатом серьезной редакционной обработки. Работа Вольфа имела большой резонанс. Именно она положила начало знаменитому гомеровскому вопросу, дискуссии вокруг которого самым непосредственным образом затрагивали многие принципиальные проблемы филологиче-

ской критики, источниковедения и раннегреческой истории как таковой. Труд Вольфа показал, как критический анализ источника может выявить различные исторические слои, определить их соответствие той или иной реальной эпохе и может быть использован для воссоздания подлинной исторической действительности.

Еще большее значение в дальнейшем развитии историографии имела деятельность выдающегося историка XIX в. Георга Бартольда Нибура (1776—1831). Нибур родился в Копенгагене в семье знаменитого ориенталиста Карстена Нибура, с юношеских лет отличался феноменальной памятью и филологическими способностями. К 23 годам он уже знал свыше двух десятков древних и новых языков, в том числе и русский язык. Окончив университет в Киле, он много лет был занят на государственной службе в Пруссии (директор Ост-Индского Банка, посланник Пруссии при Ватикане).

Вместе с тем он живо интересовался различными проблемами всемирной истории и после своей отставки с государственной службы сначала читал лекции в только что основанном университете в Берлине (1811—1816), а затем в Бонне (1824—1831). В Берлинском и Боннском университетах Нибур впервые разработал самостоятельные исторические курсы по истории античности, в то время как в большинстве старых университетов Западной Европы они были органическими частями философского и богословского курса. Используя блестящее знание многих древних и новых языков, Нибур свободно ориентировался в огромном материале и разработал несколько интересных курсов. Он читал историю Древнего Переднего Востока с начала I тыс. в синхронном изложении с древнегреческой историей и довел ее до середины II в. до н. э.

Однако основное его внимание было направлено на разработку различных аспектов древнеримской истории. Ему принадлежат курсы, содержащие подробную этнографическую и географическую характеристику всех областей Италии. В курсе «Римские древности» были подробно описаны политические учреждения Рима, военное дело, духовная и религиозная жизнь, быт и нравы. Он создал курс, посвященный правлению римских императоров, начиная от Августа и кончая Юстинианом. Уже один этот перечень показывает широчайший кругозор историка, его значительный вклад и в практику университетско-

го преподавания, и в историческую науку, поскольку он разработал в совокупности оригинальный курс всемирной истории I тыс. до н. э. с самым подробным анализом многих сторон внутренней жизни древней цивилизации.

Но наибольшую славу создали Нибуру не эти курсы, а более ранняя, но самая известная его работа «Римская история» — переработанный университетский курс, впервые изданный в 1811—1812 гг. и переизданный в 1830—1831 гг. в 3-х томах. События римской истории здесь изложены с древнейших времен и доведены до II Пунической войны, т. е. касаются периода римской истории, который хуже всего освещен в источниках и который считался совершенно недостоверным сторонниками скептического направления, например Луи де Бофором, или передавался без всякой критики источников как бесхитростный пересказ римской традиции.

Нибур использовал весь свой недюжинный талант для воссоздания древнейшей римской истории, блестяще применив здесь свой историко-критический метод. Исследуя имеющиеся источники, Нибур провел огромную источниковедческую работу. Он полагал, что нет такого источника, в котором бы так или иначе не отразилась подлинная историческая действительность, что поздние источники, передающие легендарную традицию, в определенной степени основываются на подлинных свидетельствах отдаленных эпох и несут о них некоторую информацию. Задача историка состоит в том, чтобы отделить легенду от настоящего свидетельства. Изучая римскую легендарную традицию, он обнаружил в ней ряд аутентичных данных о древнейшей эпохе. Эти свидетельства, с его точки зрения, в значительной степени получили отражение в реликтах римского героического эпоса, в остатках героических, пиршественных или погребальных песен, а также в некоторых документальных материалах, которые далеко не все погибли в пламени галльского пожара.

Выявив реальные следы эпохи, Нибур приступает к реконструкции древнейшего римского периода. По Нибуру, основная миссия историка состоит в одновременном решении двух задач: аналитической или критической, т. е. в выявлении реальной информации из имеющихся источников, и синтетической, заключающейся в реконструкции исторической действительности на основе этих же материалов. В процессе реконструкции древнейшей римской

истории Нибуру пришлось столкнуться с недостатком данных, извлеченных им из анализа скудной римской традиции, и он счел необходимым широко использовать сравнительный метод.

Разделяя всемирно-историческую точку зрения, Нибур полагал, что разные народы проходят в своем развитии одинаковые этапы, и поэтому считал правомерным сравнивать, например, гомеровский период у греков и царский период в Риме, а стало быть, использовать данные богатого гомеровского эпоса для объяснения эволюции царского Рима. Более того, в случае недостаточности собранного материала, полученного из источников или путем сравнения, Нибур считал возможным опираться на собственную интуицию историка, внутреннюю убежденность, которая не только перерабатывает факты, но как бы сама подсказывает их исследователю. Таким образом, воссоздается более или менее подробная общая синтетическая картина исторического прошлого.

Опираясь на эти принципы исторического исследования, Нибур и приступил к реконструкции самого «темного» периода римской истории. Блестящие филологические способности, огромная эрудиция и тонкое историческое чутье позволили ему великолепно справиться с этой сложнейшей задачей и воссоздать основные линии развития древнейшей римской истории с такой полнотой, что, по существу, вся последующая историография лишь достраивала здание, в основном построенное Нибуром. Огромной заслугой Нибура было создание родовой теории, согласно которой основной исходной единицей исторического развития римлян, как и других народов, была не патриархальная семья, а род. Он считал, что на смену родовому устройству идет государственная организация, которая в отличие от родового принципа основана на территориальном делении, и видел водораздел между ними в системе реформ царя Сервия Туллия. Нибур определял царскую власть в Риме аналогично власти греческих басилеев и внутренние пружины развития римского общества находил в сословной борьбе патрициев и плебеев, переплетавшейся с противоречиями мелкого и крупного землевладения. Он развил одну из ставших самой популярной в историографии точек зрения на происхождение патрициев и плебеев — так называемую теорию первоначального гражданства патрициев, которую разделяли впоследствии Морган и Ф. Энгельс.

Основные положения нибуровской методики исследования, принятой многими историками, встретили, однако, и возражения. Были подвергнуты критике некоторые принципиальные основы нибуровского метода, в частности понятие интуиции; с оговорками было признано значение сравнительного метода; наконец, высказывались сомнения в значимости основы всей реконструкции — песенной теории. Так, при воссоздании прошлого Рубино отдает большое предпочтение ретроспективному методу, т. е. восхождению от позднего и хорошо освещенного в источниках к раннему и плохо известному. Серьезную ревизию нибуровской реконструкции начального периода римской истории предпринял профессор Тюбингенского университета Швеглер в своей 3-томной «Римской истории» (1853—1858). Он отверг песенную теорию Нибура, выдвинув теорию этиологических мифов, т. е. считал, что в основе римских легенд лежат не древние народные песни, отражающие эпоху, а более поздние ученые объяснения уже не понятных потомкам явлений. Дискуссия вокруг существа историко-критического метода Нибура и его конкретного приложения к частным исследованиям оказалась полезной для развития историографии, так как, по существу, совершенствовала методику исторического исследования в целом.

§ 3. Немецкая историческая наука об античности

Родоначальниками историко-критического метода не случайно стали представители германской науки. Германская историческая наука об античности в первой половине XIX в. начинает выходить на первое место в Западной Европе. Немецкая историография продолжала развивать традиции немецкого Просвещения второй половины XVIII в. с его глубоким интересом к культурным и историко-филосовским проблемам всемирной и античной истории. С другой стороны, в ней была сильна струя так называемой романтической историографии с ее фундаментальными идеями органического развития и народного духа. Рассматривая античность как своего рода идеал гражданского общества, немецкие мыслители, как правило, идеализировали древних греков и римлян, и эта идеализация являлась характерной особенностью немец-

кой науки о древности. К тому же германская наука опиралась на богатые традиции классической филологии и антикваров, что вместе с давним интересом к культурно-философским проблемам способствовало подъему германской исторической науки и ее высокому уровню в масштабах Европы.

Немецкая историография античности этого времени дала несколько первоклассных ученых, деятельность которых оказала большое воздействие на дальнейшее развитие науки. О двух из них — Фридрихе Августе Вольфе и Георге Бартольде Нибуре — уже было сказано.

Выдающимся ученым XIX в. являлся ученик Вольфа — Август Бек (1785—1867), профессор университета в Берлине. Его крупной заслугой было знаменитое издание «Корпуса греческих надписей», которое заложило основы греческой эпиграфики. Бек ввел в научный оборот новый материал надписей, обычно слабо использованных ранее для целей исторического исследования, и дал образец исторического исследования, основанного преимущественно на этом виде источника. Предметом своего изучения он взял малопопулярную в научной литературе того времени тему — финансовое хозяйство Афин. Результатом было издание капитального труда в трех томах «Государственное хозяйство афинян» (1817). Бек положил в его основу данные надписей, подробно исследовав заработную плату, цены на предметы первой необходимости, налоги обычные и чрезвычайные, взносы союзников, ростовщические проценты, разные статьи государственных расходов. По новизне темы (экономической), ее изучению на основе эпиграфического материала, по тщательности его анализа, стремлению взглянуть на древних греков с точки зрения их повседневной жизни, труд Бека позволил до известной степени преодолеть обычную идеализацию греческого общества и явился выдающимся событием в историографии XIX в. Как всякая новаторская работа, он вызвал недовольство консервативного направления в германской филологии, представленного Г. Германом, полагавшим, что своим интересом к повседневной экономической жизни Бек подрывает традиционное понимание классической филологии, призванной, по его мнению, изучать только тексты, а не реальную жизнь античных народов.

Отстаивая широкое понимание предмета классической филологии как направленной на изучение разных сторон

жизни древних, т. е. понимая ее как историю в широком смысле этого слова, Бек создал ряд других крупных трудов. Ему принадлежат исследования в области античной метрологии (1838) и календаря (1855 и 1859), важные для развития вспомогательных исторических дисциплин, а также синтетический труд по классической филологии в целом — «Энциклопедия и методология филологических наук» (1877), где подытожены его многочисленные исследования.

Необычайно плодотворной оказалась также профессорская деятельность Бека, который воспитал из своих учеников выдающихся ученых — Карла Мюллера, Вильгельма Дройзена, Эрнста Курциуса, Макса Дункера и др., поднявших германскую науку на новую ступень.

Любимым учеником Бека был Карл Готфрид Мюллер (1797—1840), научное творчество которого поражает широким кругом интересов. Он один из первых обратился к монографическому изучению отдельных греческих племен и городов, написал книги по истории острова Эгины (1817), города Орхомена (1820) и особенно известный труд в двух томах о дорийцах (1824), которых он считал наиболее полными выразителями греческого гения. Предметом тщательного изучения Мюллера была греческая мифология. Написанное им «Введение в научную мифологию» (1825) сразу же привлекло к себе внимание ученых. Перу Мюллера принадлежат также капитальные исследования в области классической археологии — «Руководство по археологии искусства» (1830) и «Памятники античного искусства» (1832). Одним из известных трудов Мюллера стало его оригинальное исследование в двух томах об этрусках (1828), которое в более поздней переработке О. Дееке сохраняет научное значение до сих пор. Как представитель классической филологии, Мюллер не мог обойти основные проблемы древнегреческой литературы и выпустил обобщающий труд «История греческой литературы» в двух томах (1841), где дал исследование не только художественной литературы, но и исторических, публицистических и философских произведений, анализируя их на богатом фоне духовной жизни древних греков.

Выдающимся учеником Бека был знаменитый Иоганн Густав Дройзен (1808—1884). Европейскую славу ему принес труд, оказавший большое воздействие на все дальнейшее развитие историографии Древней Греции, —

3-томная «История эллинизма» (1833—1843). Успешно применяя достижения историко-критического метода, Дройзен дал тщательное исследование одного из самых запутанных и неясных периодов греческой истории, а именно времени, начавшегося после восточных походов Александра Македонского и закончившегося римским завоеванием Восточного Средиземноморья. Большая часть историков считала, что это период непрерывного упадка и вырождения греческой культуры, некое полуварварское состояние, и старалась не фиксировать на нем своего внимания. Сам Нибур в курсе истории Греции хотя и проводил изложение до II в. до н. э., однако так и не мог дать систематической картины этого времени и прямо говорил, что не понимает его.

Дройзен же, обработав огромный фактический материал, определил особый характер данного исторического периода, который он назвал термином «эллинизм» в отличие от «эллинства», и считал его особенностью соединение греческих и восточных культурных начал. Он разобрался в сложных политических взаимоотношениях эллинистических государств, дал их периодизацию, набросал яркие характеристики ведущих политических деятелей. После этого труда Дройзена история Древней Греции обрела новое качество; она теперь имела своего рода закономерное завершение в истории эллинизма, как бы связывавшего историю классической Греции с историей Римской державы. Открывалась интереснейшая эллинистическая цивилизация. Несмотря на все недостатки — внимание к внешнеполитической истории, идеализация Александра Македонского, некоторые риторичность и субъективизм в изложении, — «История эллинизма» Дройзена явилась одним из основных трудов в историографии XIX в. С 50-х годов Дройзен начал заниматься историей Пруссии, став одним из столпов так называемой младогерманской школы историков, поклонников прусского милитаризма и немецкого шовинизма.

§ 4. Изучение античной истории в Англии

На английскую историографию наложили отпечаток особенности внутреннего положения Англии первой половины XIX в. и характер британской общественной

мысли. Известная стабильность внутриполитической обстановки, возможность конституционной борьбы двух оформившихся политических партий — тори и вигов, ограниченное монархическое правление, считавшееся в Европе достаточно либеральным, экономическая сила английской буржуазии, богатство которой пополнялось из вновь захваченных колониальных владений, обусловили особый характер английской историографии с ее интересом к экономическим проблемам, партийной борьбе в древнем мире, к истории умеренной демократии или олигархии в зависимости от того, к какой партии (тори или вигов) принадлежал историк.

Для английской науки первой половины XIX в. характерен особый интерес к истории Греции, вызванный как политическими причинами, в частности борьбой за реформу избирательного права и апелляцией к афинской демократической системе, так и знакомством английской публики с замечательными рельефами Парфенона и другими произведениями греческого искусства, добытыми английскими дипломатами и археологами. Поэтому именно в Англии появилось три самых полных и систематических труда по истории Древней Греции.

Одной из первых сводных работ была 8-томная «История Греции» (1784—1794) Вильяма Митфорда. Богатый человек, консерватор по своим политическим убеждениям, Митфорд был противником французской революции и основной пафос своей работы направил против ее главных идей. Он отстаивал органическую теорию развития общества, которая отрицала революционные перевороты, как бесполезные и разрушительные. Основой греческой истории он считал консервативную земледельческую Спарту как наиболее стабилизирующий фактор исторического развития, подчеркивал вырождение государственных институтов и нравов в демократическом развитии Афин. Противопоставляя ход исторического процесса Спарты и Афин, Митфорд проявляет интерес к экономическому быту, обращает внимание на развитие рабства, подчеркивая, что свободой в Греции могло пользоваться лишь незначительное меньшинство. «История Греции» Митфорда — образец тенденциозного сочинения, в котором материал древнегреческой истории препарирован таким образом, чтобы отстоять консервативные политические идеалы английских тори начала XIX в. Отсюда постоянные сопоставления характера по-

литических учреждений Греции и современной ему Англии, причем последние представляются автору более совершенными; отсюда и недооценка фактического материала источников и публицистически-социологический характер труда в целом.

В 1835—1838 гг. появилось другое, также 8-томное сочинение «История Греции», принадлежащее Фелуоллу. Содержащее систематическое описание политических учреждений, внутриполитической борьбы демократических и олигархических группировок, экономической жизни древних греков, произведение было основано на критическом отношении к фактическому материалу источников, что сделало его заметным явлением в английской литературе. Однако его вскоре затмило одно из самых прославленных произведений по истории античности в английской литературе XIX в. — «История Греции» Джорджа Грота.

Джордж Грот (1794—1871) получил прекрасное классическое образование и значительную часть своей жизни занимался банковской деятельностью, был активным членом парламента, в частности одним из инициаторов избирательной реформы. По своим политическим взглядам он был сторонником умеренного либерализма вигов; в античности отдавал свои симпатии афинской демократии периклова образца. Он был лично знаком с крупнейшими экономистами Англии — Рикардо, Джеймсом Миллем, Бентамом, и их влиянию обязан интересом к экономическим проблемам античной истории.

После отхода от политической деятельностьи в 1841 г. Грот приступил к публикации своего основного труда «История Греции», над которым он работал уже давно. В течение 1846—1856 гг. им были выпущены 12 томов, которые сразу же приобрели необычайную популярность как в Англии, так и в Европе. В частности, только в Англии она была издана пять раз (последнее издание в 10 томах вышло в 1888 г.). В своей «Истории Греции» Грот использовал все достижения европейской мысли: элементы историко-философской системы Гегеля, идеи английских экономистов, основные моменты историко-критического метода Нибура (между ними велась переписка в 20-х годах). Вместе с тем практический опыт банкира и активной парламентской борьбы позволили Гроту лучше понять пружины исторического развития древнегреческих полисов, в которых ожесточенная борь-

ба демократии и олигархии играла огромную роль. Хотя Грот был хорошо знаком с методом Нибура, но он не проводил такой же кропотливой работы с легендарным материалом, как это сделал Нибур, а предпочел простой пересказ легендарной традиции, не обнаруживая вместе с тем к ней особого доверия.

Подлинная достоверная история начинается для Грота с первой Олимпиады (776 г. до н. э.) и подразделяется им на шесть периодов, причем в основу периодизации положены преимущественно события афинской истории. Эти периоды следующие: I. От первой Олимпиады до прихода к власти Писистрата (776—560 гг. до н. э.). II. От Писистрата до образования I Афинского морского союза (560—479 гг.). III. История I Афинского морского союза (479—404 гг). IV. От окончания Пелопоннесской войны до поражения Спарты от беотийцев и официального признания II Афинского морского союза (404—379 гг.). V. Время II Афинского морского союза и борьбы Афин против Македонии (371—338 гг.). VI. От битвы при Херронее до начала Ламийской войны, положившей конец независимости Афин (338—323 гг.).

Как можно видеть из этой периодизации, афинская история, с точки зрения Грота, — стержень всей древнегреческой истории и именно ей уделяется львиная доля внимания. Грот излагает политическую и культурную историю вместе с элементами экономической и социальной истории, показывая значение внутриполитических столкновений в развитии демократических институтов. Несмотря на преобладающее внимание автора к событиям афинской истории, он тем не менее включает в свое изложение историю сицилийских и италийских греков; в поле его зрения попадают туземные народы Малой Азии и севера Балкан, с которыми сталкивались греки.

Идеализируя афинские демократические институты, Грот стремился показать, что в пределах именно демократических государств были созданы условия для формирования высокой греческой культуры с ее общечеловеческими ценностями, имеющими также большое значение для европейской культуры. Хотя труд Грота и имеет серьезные недостатки как сводная работа по истории Греции (нет научной истории ранней Греции, истории эллинистических государств), тем не менее в нем содержится наиболее полная в европейской историографии история Афинского государства и раскрытие его огром-

ного значения в греческой истории и культуре. Динамичное изложение, яркий образный язык, интересные историко-философские идеи, симпатии к демократическим институтам обеспечили произведению Грота огромную популярность среди европейских читателей. Перу Грота принадлежит также 3-томный труд о философии Платона (1865) и 2-томный незаконченный труд о творчестве Аристотеля, вышедший уже после смерти автора (1872).

Меньший интерес в Англии вызывало изучение римской истории. Заметным явлением стал выход 3-томной «Истории Рима» Томаса Арнольда (1838—1841) — одного из последователей Нибура. Изложение доведено до конца III в. до н. э. (включая Ганнибалову войну) и содержит подробное описание политической истории, географической среды, военного устройства и войн Рима.

Если Арнольд был сторонником и последователем Нибура, то другой английский историк и политический деятель Джордж Льюис граф Корнуолл (1806—1863) (он был министром в ряде кабинетов 50-х годов, в том числе и в кабинете лорда Пальмерстона) придерживался иных взглядов. В своей 2-томной специальной работе «Исследования о недостоверности римской истории первых веков» (1855) он выступил против нибуровских методов реконструкции, отверг интуицию как метод исследования и счел невозможным воссоздать древнейший период истории Рима из-за недостоверности наших источников. Льюису принадлежат труд об астрономии древних (1862), а также переводы «Государственного хозяйства Афин» Августа Бека и «Истории дорийцев» Карла Мюллера на английский язык (1830).

§ 5. Французская историография после революции 1789 г.

Историческая мысль Франции несет на себе отпечаток послереволюционной эпохи, ожесточенной классовой и политической борьбы. В ходе этой борьбы враждующие стороны широко использовали материал политических столкновений в античности для обоснования современных тезисов. История античности рассматривалась как воплощение идей республиканской свободы, гражданского самоуправления, патриотизма, т. е. всех тех идеалов, за которые боролась рвущаяся к власти буржуа-

зия. Таким образом, для французской историографии послереволюционных лет характерны известная публицистичность и политическая заостренность ее наиболее известных произведений. Вместе с тем потребности острой политической борьбы порождали все больший интерес к событиям пред- и революционной эпохи национальной истории Франции, и это привело к известному отливу сил от собственно историографии античности, которая постепенно начинает уступать ведущие позиции германской и английской науке. Показательной является эволюция ряда крупных французских историков, которые начинали свою творческую деятельность с изучения античной истории, а затем переходили к национальной и современной проблематике.

Один из крупнейших историков Франции XIX в. Жюль Мишле (1798—1874) начинал свою ученую карьеру как специалист в области античной истории; его докторская диссертация посвящена изучению творчества Плутарха. Он заинтересовался наследием знаменитого Дж. Вико и издал собственный пересказ его «Оснований новой науки», который имел большой успех и привлек внимание как к самому Мишле, так и к творчеству полузабытого Вико. В 1831 г. Мишле опубликовал два труда — «Введение во всемирную историю» и «Историю Римской республики», в которых дал изложение своего понимания хода исторического процесса и истории римской республиканской эпохи в частности. Многосторонне образованный человек, он в своей общей работе широко использует историко-философскую концепцию Гегеля, а в специальной работе о Риме развивает точку зрения Нибура, хотя и вносит в нее ряд изменений и уточнений. Так, для него абстрактное «самораскрытие» «мирового духа», не что иное, как прогрессивный процесс становления свободы, достигаемой в процессе борьбы человека с силами рока, а венцом всемирного развития является не милитаристская и отсталая Пруссия, как у Гегеля, а революционная Франция.

Используя основные выводы Нибура, Мишле рисует разные стороны жизни римского общества эпохи республики как сложной и многогранной цивилизации, пронизанной борьбой народа за свободную жизнь. Однако вскоре после выхода этих работ Мишле отходит от занятий античной историей и начинается новый период его творческой биографии уже как историка Франции.

Одним из крупнейших французских «античников», первой половины XIX в. был Дюро де ла Малль (1777—1857), любивший разрабатывать сюжеты, обычно мало привлекавшие внимание специалистов, например: о физической географии Черного моря и Средиземноморья (1807), «О расположении Тарпейской скалы» (1816), «Об искусстве осады городов у древних» (1819), «Исследование по истории Африки в античное время». Однако наиболее известным и сыгравшим большую роль в развитии французской историографии XIX в. стал его капитальный двухтомный труд «Политическая экономия римлян» (1840), написанный под влиянием английской экономической школы. Работа де ла Малля — самое обстоятельное исследование экономических проблем древних римлян, высоко оцененное К. Марксом.

Автор собрал громадный фактический материал по многим проблемам римской экономики. Самым подробным образом описаны метрическая и монетная системы, цены на продовольственные товары, рабочую силу и рабов, ценз и земельный кадастр. Целая книга (каждый том делится на две книги) посвящена изучению разных категорий населения Италии и провинций, соотношению свободного и рабского населения, причем при недостатке статистического материала автор проявляет большое остроумие, решая эти вопросы, и вместе с тем осторожность в использовании сомнительных данных. В частности, он считает, что в Италии времени Августа около половины всего населения составляли рабы, что свидетельствует о ясном понимании автором роли рабства. Описывая сельское хозяйство (этому посвящена третья книга второго тома), он считает рабов основными производителями в сельских поместьях. Работа Дюро де ла Малля не была лишь антикварным произведением, различные сведения по экономике объединены у него в законченную концепцию развития аграрных отношений, которые связаны с общим развитием древнеримской истории. В частности, он связывает мощь и крепость Римского государства с наличием зажиточного крестьянства, которое было вытеснено из производства в результате распространения крупных рабовладельческих имений и прекращения действия разумных аграрных законов. Выводы Дюро де ла Малля оказали большое влияние на развитие экономических исследований в XIX в., они были использованы в сводной истории рабства Анри

Валлона и в знаменитой «Римской истории» Теодора Моммзена.

Известным специалистом в области античной истории был Филипп Леба (1794—1861 гг.), воспитатель Луи Наполеона и член Академии надписей. В 1843—1844 гг. Леба с успехом провел экспедицию в Грецию и Малую Азию и составил самое подробное описание многочисленных археологических объектов. Он издал сборник греческих и латинских надписей, найденных французской экспедицией в Морее. «Очерки античной истории» в двух томах и «Очерки римской истории» также в двух томах, составленные Леба, имели большой успех и стали своего рода учебными пособиями по данным сюжетам. Они представляли собой краткое описание главных линий политического развития, государственных учреждений, внешнеполитических событий и военной истории. Социально-экономические проблемы затронуты в этих работах в минимальной степени.

Очень подробная история древнего мира в 33 томах была издана в 1824—1830 гг. Луи Филиппом Сегюром. Эта работа в силу своего жанра — максимально подробных историй — носила описательный и компилятивный характер, не отличаясь строгостью своего исследовательского метода, и не сыграла крупной роли в историографии.

§ 6. Изучение античности в России дореформенного периода

В области социально-экономического развития Россия первой половины XIX в. (дореформенный период) отставала от передовых стран Европы, позиции русского феодализма были еще крепки, тем не менее формирование капиталистических отношений приобрело необратимый характер. Это обостряло экономические и социальные противоречия в обществе, усиливало идейно-политическое брожение среди передовой русской общественности.

Большое воздействие на общественную мысль России начала XIX в. оказали французская революция XVIII в., военно-политическая деятельность Наполеона, затем Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813—1815 гг. Официальному дворянско-монархическому направлению в русской историографии

противостояла сформировавшаяся в начале 20-х годов XIX в. историческая концепция первого поколения русского освободительного движения — декабристов. В идейно-политической борьбе обоих направлений определенная концепция античности стала играть довольно заметную роль. Если представителей передовых кругов русского общества привлекали гражданские добродетели и политические свободы в античных республиках, то адепты официально-монархического направления стремились ввести занятия античностью в русло антикварных штудий или монархических концепций.

Увлечение античностью, столь характерное для русского общества начала XIX в., было совсем иного рода, чем в предшествующее столетие. Абстрактный интерес к античному государству сменился более внимательным отношением к древнему обществу, от монархии взоры обратились к древним республикам, а образ сильного властителя должен был уступить место более привлекательной фигуре свободного гражданина.

Отражение интереса, который общество испытывало тогда к античности, можно обнаружить и в художественной литературе, например у К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина и других, и в публицистике. В журналах и отдельными изданиями публиковались всевозможные «взгляды» и «рассуждения» на темы классической древности, как правило, весьма популярного свойства. При этом показателен был возросший интерес к гражданской истории древних. В качестве примера можно указать на статью И. М. Муравьева-Апостола о заговоре Катилины (1818). Автор — известный литератор и государственный деятель, отец будущих декабристов — вполне разделяет отрицательное отношение к Катилине, видя в нем врага, а в Цицероне — защитника республиканских свобод.

Сколь велико было преклонение перед гражданской доблестью древних, показывает пример декабристов. Политические убеждения первых русских революционеров во многом складывались под влиянием античной литературы. Плутарх, Корнелий Непот, Тит Ливий и Тацит, в чьих произведениях можно было найти немало прекрасных рассказов о мужестве древних республиканцев, с детства были любимыми писателями декабристов.

На фоне этих художественных и литературных увлечений естественной выглядит интенсивная переводческая

деятельность. Большой знаток древних языков И. И. Мартынов в 20-х годах XIX в осуществил грандиозное предприятие: издал 26 томов своих переводов с греческого в виде единой коллекции «Греческих классиков». В эту коллекцию вошли: Эзоп, Каллимах, Софокл, Гомер («Илиада» и «Одиссея), Геродот, Лонгин, Пиндар и Анакреонт — все переведенные прозой, снабженные комментариями и изданные вместе с греческим текстом.

Особое значение имела деятельность Н. И. Гнедича (1784—1833), выдающегося поэта, обессмертившего свое имя переводом гомеровской «Илиады» (1829). Напевный размер стиха (Гнедич первым в России перевел Гомера размером подлинника — гекзаметром), своеобразный архаизирующий стиль как нельзя лучше передавали величавую простоту древней эпической поэмы. Прекрасный в художественном отношении перевод Гнедича отличался в то же время большой точностью, глубоким проникновением в сокровенный смысл подлинника. Гнедич собирался также заново перевести и другую гомеровскую поэму — «Одиссею», однако не успел; эту задачу выполнил другой замечательный русский поэт — В. А. Жуковский (1849).

Для развития классической археологии большое значение имело твердое обоснование России на побережье Черного моря и в особенности присоединение Крыма (1783). Богатая древними памятниками земля Тавриды оказалась с этого момента открытой для археологического обследования.

Археологические изыскания в Северном Причерноморье ограничивались на первых порах одним, правда, наиболее важным в историко-археологическом отношении районом Керчи, но и здесь за недостатком средств работы велись первоначально в незначительном масштабе. Перелом наступил в начале 30-х годов XIX в., когда обилие и достоинство находок обратили на себя внимание не только отдельных знатоков, но и правительства. В 1831 г. в 6 км от Керчи, в кургане Куль-Оба, солдатами, ломавшими камень, был открыт склеп, содержавший наполненное богатыми вещами погребение скифского царя IV в. до н. э. Куль-обские находки произвели сенсацию. Царское правительство, заинтересовавшись возможностью пополнения императорских коллекций редких вещей, стало щедро финансировать археологические изыскания. По его поручению А. Б. Ашик и

Д. В. Карейша начали с 1832 г. систематические раскопки в районе Керчи. Впрочем, работы в первое время велись достаточно бессистемно: в погоне за драгоценными вещами раскапывали главным образом курганные погребения («Царский» курган, курган со «склепом пигмеев» и др.).

Раскопки в Крыму дали богатый материал для исследователей классической древности. В 40-х годах стали появляться первые монографические исследования, посвященные отдельным греческим городам Северного Причерноморья: о Пантикапее — А. Б. Ашика (Одесса, 1848—1849), Г. И. Спасского (1846), П. П. Сабатье (Сб., 1851); о Херсонесе — Б. В. Кёне (Сб., 1848); о Тире — П. В. Беккера (Одесса, 1849). Вновь (после Байера и Татищева) ожил интерес к геродотовой Скифии. Этому вопросу большое исследование посвятил профессор Московского университета Н. И. Надеждин (1844).

Наконец, в 50-х годах появились первые обобщающие труды по классической археологии Северного Причерноморья, подводившие итоги первому полувековому периоду изысканий. Важнейшим из них были «Древности Боспора Киммерийского» с текстом на русском и французском языках, с великолепными иллюстрациями и планами, в трех томах (СПб., 1854).

Одновременно с развитием археологических изысканий в Северном Причерноморье возродились занятия античной историей и филологией в Петербургской Академии наук. Укреплению вновь созданной академической кафедры греческих и римских древностей содействовали, в частности, целенаправленные усилия президента Академии С. С. Уварова, который сам был большим любителем и знатоком античности. Впрочем, оказывавшееся им покровительство академическим занятиям античностью определялось столько же заботою о науке, сколько и расчетом — разрушительному натиску либеральных идей противопоставить отвлеченные занятия древностями, за счет античности укрепить позиции официальной идеологии.

При посредстве Уварова в составе Академии наук в первой половине XIX в. оказались крупные ученые-классики Е. Е. Кёлер, Ф. Б. Грефе, Л. Э. Стефани.

Интересы первого из них — Е. Е. Кёлера (1765—1838) были связаны главным образом с искусством и

археологией. В целом ряде работ он касался самых разнообразных сюжетов причерноморской тематики: трактовал о надписях, монетах, произведениях искусства, религиозной и экономической жизни античных городов. Важнейшие из трудов Кёлера собраны в посмертном собрании его сочинений: «Избранные сочинения», т. I—IV, 1850—1853.

В отличие от Кёлера Ф. Б. Грефе (1780—1851) был более филологом. Его интересовали главным образом древние языки и литература. Из крупных работ выделяется комментированное издание поэмы «О Дионисе» позднегреческого поэта Нонна из Панополя (1819—1826). Грефе также издал с подробными комментариями ряд греческих надписей, найденных в Северном Причерноморье (1841).

Л. Э. Стефани (1816—1887) обратился к изучению произведений античного искусства, хранившихся в русских музеях, а также материалов, добытых во время археологических раскопок в Северном Причерноморье. Плодом этой работы явился ряд исследований, посвященных античному изобразительному искусству, вазам Эрмитажа, боспорским древностям, а также общие описания античных коллекций Эрмитажа и Павловска (Стефани Л. Э. Нимб и лучезарный венец в произведениях древнего искусства. 1863; его же. Собрание императорского Эрмитажа, т. I—II, 1869; его же. Путеводитель по античному отделению Эрмитажа. М., 1856; его же. Собрание древних памятников искусства в Павловске. СПб., (1872). Значительным был вклад Стефани в северопричерноморскую эпиграфику. Ему принадлежит, в частности, публикация боспорских надписей во 2-м томе «Древностей Боспора Киммерийского».

Наряду с Академией наук важными центрами изучения античности стали в первой половине XIX в. и русские университеты. Их было теперь несколько: к основанному еще в прошлом столетии Московскому университету прибавились в самом начале XIX в. университеты в Дерпте (1802), Харькове и Казани (1803), Петербурге (1819). Несколько позднее, в 1834 г., был открыт еще один университет — в Киеве. Именно в русских университетах и сложилась впервые преемственная школа отечественных исследователей античной истории. Правда, на первых порах университетские занятия древней исто-

рией не отличались высоким уровнем. В ту пору из-за недостатка преподавателей кафедры всеобщей истории замещались людьми достаточно случайными, мало подготовленными к университетской деятельности.

Для улучшения университетского преподавания всеобщей истории и некоторых других наук в 1827 г. было решено создать при Дерптском университете особый Профессорский институт для подготовки из выпускников других русских университетов квалифицированных преподавателей. Программа этой подготовки предусматривала также дополнительную заграничную командировку (как правило, в Германию) для дальнейшего усовершенствования. Среди прошедших такой курс подготовки были и зачинатели русского университетского антиковедения, в том числе Д. Л. Крюков и М. С. Куторга. С их приходом на университетские кафедры в середине 30-х годов XIX в. преподавание истории в русских университетах поднялось на более высокую ступень. Новые профессора внесли в преподавание и изучение древней истории критический метод Б. Г. Нибура, историзм Гегеля и социологические идеи французской романтической историографии.

После окончания профессорского института Д. Л. Крюков (1809—1845) стал читать курсы древней истории и латинской словесности в Московском университете. Крюкова интересовали преимущественно литература и история Древнего Рима. В римской литературе его особенно привлекала фигура Тацита: свою докторскую диссертацию он посвятил разбору «Агриколы» Тацита (1832), а позднее напечатал статью «О трагическом характере истории Тацита» (1841), где доказывал, что трагедия римской истории состояла в пагубном столкновении двух стихий — «произвола индивидуумов с произволом черни». Самое значительное сочинение Крюкова — «Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении» (1842). В русской литературе это была первая серьезная попытка проникнуть в мир религиозных представителей классической древности. По мнению Крюкова, в римской религии можно обнаружить два начала, две культовые формы, по самой своей сути противоположные друг другу, которые лишь позднее слились воедино; эти две формы — простая, символическая религия патрициев и пышная, сопряженная с кровавыми жертвоприношениями,

антропоморфная религия плебеев. Первая форма — символическая, или квиритская — была местного, латинского, отчасти сабинского происхождения, вторая принесена из Этрурии.

Учеником Крюкова и преемником его по кафедре римской словесности был П. М. Леонтьев (1822—1874). Диапазон Леонтьева как ученого был очень широк: древнегреческая религия, античная скульптура и архитектура, археология Северного Причерноморья, экономическое и социальное развитие Рима — вот перечень, притом далеко не полный, тем, которые его интересовали. Среди написанного им есть крупные исследования: магистерская диссертация «О поклонении Зевсу в Древней Греции» (М., 1850); фундаментальное исследование о Танаисе — «Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях», опубликованные в 4-й книге «Пропилеев» (М., 1854); первая в русской литературе работа по аграрной истории Рима — «О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме» (М., 1861).

Леонтьев был не только ученым, но и общественным деятелем, издателем и публицистом, ратовавшим — впрочем, так же, как и Уваров, не только из научных, но и из консервативных побуждений — за всемерное развитие классического образования в России. В 50-х годах им было предпринято издание «Пропилеев» — периодически выходившего в свет сборника статей по античному искусству, литературе и истории (всего вышло пять книг. М., 1851—1856). В «Пропилеях» приняло участие большое число русских исследователей античности: сам Леонтьев, П. Н. Кудрявцев, И. К. Бабст, М. С. Куторга, Н. М. Благовещенский, А. С. Уваров и др. Впервые было осуществлено широкое сотрудничество русских антиковедов на основе периодически издающегося сборника, специально посвященного классической древности.

В развитие антиковедных штудий в России внесла свой вклад также и другая группа молодых профессоров Московского университета — Т. Н. Грановский и его школа. Видные представители отечественной науки всеобщей истории, чьи специальные интересы, правда, лежали более в средневековой истории, эти ученые много сделали для ознакомления русской публики с новыми прогрессивными идеями, как собственно научными, так и философскими и общественно-политическими. В осо-

бенности велико было значение преподавательской и просветительной деятельности Т. Н. Грановского (1813—1855). Свои лекции — обычные университетские курсы и публичные чтения — Грановский сделал проводниками высоких идей образованности и гуманизма. Ученик и преемник Грановского по кафедре всеобщей истории П. Н. Кудрявцев (1816—1858) составил книгу художественных очерков по Тациту «Римские женщины» (М., 1856), где на нескольких избранных типах ярко показал глубокое нравственное падение римского общества, свершившееся вместе с падением старого республиканского строя. Другой ученик Грановского, видный впоследствии специалист по политической экономии И. К. Бабст (1824—1881), начал с занятий древнегреческой историей. Его магистерская диссертация «Государственные мужи Древней Греции в эпоху ее распадения» (М., 1851) была первой в русской литературе работой, посвященной кризисному IV веку греческой истории.

Оригинальным исследователем античности показал себя С. В. Ешевский (1829—1865 гг.), ученик и преемник Кудрявцева в Московском университете. Особенный интерес к проблеме зарождения западноевропейского феодализма побудил Ешевского обратиться к изучению последних веков римской истории. Главный труд Ешевского — его магистерская диссертация «Аполлинарий Сидоний» (М., 1855), где биография самого Аполлинария — галльского писателя и епископа — служит отправной точкой для характеристики культурной и политической жизни Римской Галлии в то смутное время (V в.), когда совершалась окончательная ломка древнего мира и уже складывались начала нового, феодального общества. К теме диссертации примыкают и некоторые из опубликованных университетских курсов Ешевского: «Центр Римского мира и его провинции» и «Очерки язычества и христианства». В разработке проблем римских провинций, кризиса и падения античного мира Ешевский был пионером в науке своего времени. Его общий очерк жизни римских провинций в эпоху империи был составлен значительно раньше, чем в западной науке.

Перелом в преподавании всеобщей истории в Петербургском университете был связан со вступлением на кафедру М. С. Куторги (1809—1886), которому и суждено было стать основоположником влиятельной школы исследователей античности. Научные интересы Куторги

сосредоточивались преимущественно в области древнегреческой истории. Его первые исследования — магистерская (1832) и докторская (1838) диссертации — были посвящены одному из самых сложных вопросов ранней истории Афин — эволюции древнейшей племенной организации и связанному с этим возникновению первых сословий. С историографической точки зрения эти работы интересны тем, что в них впервые были сделаны попытки приложить основные выводы французской романтической школы, тогда прогрессивного направления в исторической науке, к древнейшему периоду греческой истории. Отталкиваясь, в частности, от работ Ф. Гизо, которого он особенно ценил, Куторга доказывал, что важнейшим фактором древнеаттической истории было покорение пришлыми ионийскими племенами коренных жителей Аттики — пелазгов. Завоеватели одни только сохранили право иметь филы и фратрии, между тем как покоренные, лишившись своей племенной организации, стали просто народом земли — демосом. Потомки победителей со временем составили правящее сословие эвпатридов, тогда как остальная масса народа оказалась на положении зависимых геоморов. В этом истоки социальной борьбы, связанной в дальнейшем с именами Солона, Писистрата и Клисфена.

Другая область исследований Куторги — политическая история Афин и Греции в архаический и классический периоды. Здесь выделяются две его большие работы: «История Афинской республики от убиения Иппарха до смерти Мильтиада» (СПб., 1848) и «Персидские войны» (СПб., 1858). Последнее — самое обширное из сочинений Куторги, изданных при его жизни. Главное внимание ученый уделяет здесь критическому исследованию показаний Фукидида, Плутарха и Диодора; он пытается согласовать данные Диодора со свидетельствами других авторов и таким образом реконструировать хронологию греческой истории V в. до н. э.

Замечателен глубокий интерес Куторги к внутренней жизни древнегреческого общества, к проблемам его социального и экономического развития. Уже в «Истории Афинской республики» он обращает внимание на связь политических изменений в государстве с его культурным и торгово-экономическим развитием. В «Персидских войнах» отводится много места исследованию таких специальных проблем, как виды собственности у афинян

(разделение имущества на «видимое», т. е. недвижимое, и «невидимое», т. е. движимое) и деятельность трапезитов — древних ростовщиков и банкиров. Одним из первых Куторга обратился к изучению жизни и положения низших классов древнегреческого общества. Эта тема трактована им в обширном, изданном уже после его смерти, монографическом исследовании «Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике».

Бóльшая часть трудов Куторги связана с историей древних Афин. В последние годы своей жизни он усиленно работал над созданием единого, обобщающего труда, посвященного кардинальной проблеме, им впервые и поставленной в русской литературе, — проблеме афинского полиса. Труд этот остался незавершенным, однако и то, что успел сделать Куторга, составило два объемистых тома, изданных в качестве его посмертного «Собрания сочинений» (СПб., 1894—1896). Сюда вошло несколько монографий, объединенных под общим заглавием «Афинская гражданская община по известиям эллинских историков». Значительную часть первого тома составляет большая монография о рабах и вольноотпущенниках, о которой уже упоминалось; во втором томе выделяется столь же обширное исследование о политической структуре древних Афин — «Афинская полития, ее состав, свойство и всемирно-историческое значение».

Как ученый Куторга отличался философским складом мышления. Конечную цель исторического исследования он видел в выяснении общего хода человеческой истории, ее движущих факторов, закономерностей в смене общественных эпох; как исследователь—являлся сторонником историко-критического метода. Куторга был не только выдающимся ученым, но и замечательным университетским преподавателем. Его лекции и семинары стали настоящей школой науки, откуда вышла целая плеяда молодых ученых нового типа. Все они, как правило, по примеру своего учителя дебютировали трудами по древнегреческой истории. Вот соответствующий перечень: Ведров Вл. Жизнь афинского олигарха Крития (СПб., 1848); его же. Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз (с мая 415 до сентября 413 года до Р.Хр.). (СПб., 1857); Стасюлевич М. М. Афинская игемония. (СПб., 1849); его же. Ликург Афинский (СПб., 1851); его же. Защита Кимонова мира (СПб., 1852); Астафьев Н. А. Македонская

игемония и ее приверженцы (СПб., 1856); Бауер В. В. Афинская игемония (СПб., 1858); его же. Эпоха древней тирании в Греции (СПб., 1863); Люперсольский П. И. Храмовый город Дельфы с оракулом Аполлона Пифийского в Древней Греции (СПб., 1869); Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период ее упадка (СПб., 1869). Однако некоторые впоследствии перешли к разработке и других разделов всеобщей истории. Так, В. Г. Васильевский обратился к истории Византии, М. М. Стасюлевич — к западному средневековью, а В. В. Бауер — к истории нового и новейшего времени. Все трое в Петербургском университете стали зачинателями систематических научных занятий в соответствующих областях всеобщей истории. Однако у всех этих родственных потоков был один общий источник — М. С. Куторга. Его по праву считают родоначальником того научного направления в изучении всеобщей истории, за которым закрепилось название «петербургской исторической школы».

* *
*

Историография первой половины XIX в. явилась важным этапом в развитии исторической науки об античности. Именно в этот период были заложены основы истории как научной дисциплины: создана оригинальная и довольно строгая методика исторического исследования, в основе которой лежал историко-критический метод Нибура, выработано понимание истории античности как синтетической и самостоятельной науки, произошло ее окончательное выделение из классической филологии, а сама античность стала восприниматься как один из важнейших этапов во всемирно-историческом процессе.

ГЛАВА 4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИЗМА. К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС ОБ АНТИЧНОСТИ

Марксизм — система взглядов и учения гениальных немецких мыслителей Карла Маркса (1818—1883) и Фридриха Энгельса (1820—1895) — есть теория научного коммунизма, научно обосновывающая неизбежность уничтожения капитализма и появление коммунистического общества. Марксизм есть сформулированное в теоретической форме мировоззрение пролетариата, историческая миссия которого заключается в уничтожении эксплуатации и угнетения, построении принципиально нового общественного строя без классов, без частной собственности, основанного на другой системе культурных ценностей. Как всякому революционному классу, пролетариату свойственны исторический оптимизм, глубокое чувство прогресса, ясный, лишенный мистицизма взгляд на ход мировой истории, убежденность в силе гуманизма, вера в могущество человеческого разума. Все эти особенности присущи марксизму.

Как мировоззрение пролетариата марксизм возник после выхода рабочего класса на арену мировой истории как самостоятельной политической силы, проявившейся во время лионских восстаний, чартистского движения, после июньских баррикад 1848 г. в Париже. Основные теоретические положения марксизма были разработаны Марксом и Энгельсом во второй половине 40-х годов XIX в. «Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще»[1]. Эти три источника стали органическими составными частями единой научной теории — марксизма.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 217.

К. Маркс и Ф. Энгельс создали учение о законах развития природы (диалектический материализм) и общества (исторический материализм). Материалистическое понимание истории явилось переломным моментом в развитии общественной мысли XIX в.; оно дало глубокое и научное объяснение хода мирового исторического процесса, решило целый ряд теоретических проблем, ранее бывших камнем преткновения для историко-философских концепций.

Основные положения исторического материализма заключаются в следующем. Природа и человеческое общество находятся в непрерывном развитии, причем развитие понимается как органический и закономерный процесс. Вместе с тем процессы развития в природе и человеческом обществе не тождественны, по своему существу и формам своего проявления они различны, их нельзя смешивать, как это делали позитивисты, но их нельзя и абсолютно противопоставлять. Развитие человеческого общества есть органический процесс прогрессивных изменений, т. е. движение от простого к сложному, от низшего к высшему, накопление количественных изменений, в определенный момент превращающихся в новое качественное состояние. Важнейшим положением марксистской теории развития было признание спиралевидной формы этого развития, которое предполагает известную повторяемость пройденных ступеней, но повторяющих их на новой, более высокой основе.

Человеческое общество развивается не хаотично, а на основе возникающих в нем исторических законов, причем это не законы природы, как полагали позитивисты («закон сохранения энергии» или «закон сохранения равновесия», «теория биологического развития» и др.), а законы иного характера, имеющие свою специфику. Законы, действующие в человеческом обществе, не вносятся в него извне некоей посторонней силой, а возникают в самом обществе в процессе его исторического развития (материального производства, т. е. развития производительных сил и производственных отношений, их взаимодействия, столкновения классов и т. д.). Диалектика исторического развития такова, что исторические законы носят объективный и неотвратимый характер. Человеческое общество есть сложнейшее явление, тем не менее вполне возможно познание его сущности. Исторический материализм выступил решительно против ко-

нечного агностицизма многих идеалистических схем исторического процесса, отрицающих возможности познания его сущности.

Одним из основных положений исторического материализма является вывод о единстве мирового исторического процесса, т. е. о движении всех конкретных человеческих обществ (например, египтян, греков, римлян, германцев и др.) в одном направлении на основе одних и тех же законов, о прохождении одинаковых ступеней в этом развитии. Вместе с тем единство мирового процесса не подразумевает его, так сказать, унификации. Материалистическое понимание истории предполагает многообразие и вариантность исторического процесса, воплощающегося в разнообразных формах его конкретного проявления в отдельных регионах и странах.

Фундаментальным понятием исторического материализма, в концентрированном виде вобравшим в себя его принципиальные положения, является понятие общественно-экономической формации. С точки зрения материалистического понимания истории мировой исторический процесс рассматривается не как аморфный и однородный, а как внутренне расчлененный на ряд качественно отличных ступеней, или этапов. Понятие социально-экономической формации предполагает характеристику человеческого общества на данном этапе во всем его многообразии, со своей специфической структурой. В трудах Маркса и Энгельса были намечены основные этапы в развитии человечества, выделены определенные общественно-экономические формации: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая.

Понятие общественно-экономической формации, являясь сложным по своей структуре, есть органическое единство таких более узких понятий, как способ производства материальных благ, гражданское общество, политическая организация и культура. Причем все они играют неодинаковую роль во всей системе формации. Большой заслугой Маркса и Энгельса было выявление решающей роли способа производства материальных благ, который точнее и полнее отражает сущность данной экономической системы, чем ранее использовавшиеся в историографии термины «хозяйство», «производство», «экономический быт» и др.

Решающая роль способа производства во всей струк-

туре общественно-экономической формации проявляется не только в том, что именно он определяет особенности классового и социального деления, а через него и политической организации общества, но и в том, что именно в способе производства заложен основной источник движения формации. Сам способ производства понимается как совокупность производительных сил и производственных отношений, развивающихся в диалектическом единстве, противоречивые отношения между которыми рождают основные импульсы, приводящие, в конечном итоге, в движение всю систему формации.

«На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение»[1].

Диалектическое единство производительных сил и производственных отношений воплощается в противоречивом динамизме классовой и сословной структуры, реализуется конкретно в классовой, социальной, политической, национальной борьбе. Поскольку определяющей силой всей совокупности общественных противоречий является классовая борьба, именно она, кратко говоря, и рассматривается в теории исторического материализма в качестве основной движущей силы общественного развития. При этом главным объектом исторического исследования выступают народные массы, т. е. главные производители материальных ценностей, непосредственные участники классовой борьбы. Именно в

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. (далее: Соч.), т. 13, с. 7.

марксизме была в законченном виде решена сложная историческая проблема о роли выдающейся личности и народных масс. Народные массы рассматриваются как подлинные творцы истории, а исторические личности — как наиболее последовательные выразители их запросов и интересов.

В тесной связи с проблемами классовой борьбы стояли и вопросы революции. Со времени французской буржуазной революции термин «революция» стал самым популярным в литературе. Революцией стали называть и крупное общественное движение, и мелкий дворцовый переворот, что свидетельствовало об отсутствии ясных и четких критериев этого важного понятия. Эти критерии были выработаны в марксизме и тесно связаны, с одной стороны, с общим учением об историческом развитии, с другой — с понятием общественно-экономической формации.

Революция стала пониматься как процесс насильственного уничтожения отживающей формации и создание социально-политических условий для благоприятного развития новой формации, как рубеж, отделяющий одно качественное состояние общества, один этап от другого, а сам термин «революция» стал пониматься как социальная или социально-политическая революция. Высшей формой революционного процесса является вооруженное восстание. Возможно — и история доказала это — и мирное развитие революции при определенных условиях. Но главный вопрос всякой революции — это вопрос о власти. Именно он отражает характер революции и ее движущие силы.

В историческом материализме получила объяснение такая сложная историческая проблема, как пути преобразования одной формации в другую, а именно — через зарождение элементов новой формации в лоне старой формации в форме уклада, через его созревание и превращение в господствующий способ производства после совершения социальной революции в той или другой ее форме.

Таким образом исторический материализм с помощью понятия общественно-экономической формации, которое сфокусировало в себе его главные теоретические положения, дал картину всемирно-исторического процесса как сложного, многовариантного, структурно-расчлененного, проходящего ряд крупных этапов в своем

развитии явления. Предложенное в историческом материализме общее теоретическое решение хода всемирно-исторического процесса обогатило мировую историографию, подвело под нее прочный теоретический фундамент, превратило историю в подлинно научную дисциплину.

Эти основные положения новой историко-философской теории имели огромное значение для разработки и античной историографии. Маркс и Энгельс получили классическое образование, прекрасно знали античную историю, читали в подлиннике древних авторов, внимательно следили за текущей литературой (им были хорошо известны труды Г. Нибура, Дж. Грота, Т. Моммзена, Г. Моргана и многих других) и в ряде своих произведений, например в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, дали образцы профессиональной работы с источниками. Знание античной истории и источников позволило Марксу и Энгельсу создать новую концепцию античной истории, которая превосходила по глубине мысли и цельности существующие в буржуазной науке XIX в. и стала крупнейшим вкладом в античную историографию.

Основные черты этой концепции таковы. Исходя из учения о формациях, Маркс, и Энгельс представляли себе древность прежде всего как социально-экономическую формацию, как определенный этап всемирной истории, имеющий свою собственную структуру и свое историческое место в мировом процессе. Были определены границы этой формации: Маркс и Энгельс начинали ее с разложения первобытного, родового общества с конца гомеровского периода в Греции, т. е. с рубежа IX—VIII вв. до н. э., или с реформ Сервия Туллия в Риме в середине VI в. до н. э. Концом формации признавалась дата падения Западной Римской империи в 476 г. н. э. Они определили эту формацию как рабовладельческую, в то время как в профессиональной исторической литературе XIX в. античное общество рассматривалось как неопределенное по своему характеру: или как культурный феномен, или как общество с элементами феодализма и вместе с тем близкое капиталистической действительности XIX в., или как идеальное утопическое общество.

Правда, целый ряд историков — М. Дюро де ла Малль, А. Бек, Дж. Грот, А. Валлон и другие уделяли

большое внимание и античному рабству, но и они рассматривали его не как основу, а как одно из важных явлений, которое разъедало античное общество, вело его к гибели. В связи с распространением антирабовладельческих настроений в Америке и Европе в 30—40-х гг. XIX в. либеральная общественность, ратовавшая за внедрение свободного наемного труда, выступала против рабской системы хозяйства и рабства в южных штатах Америки и колониях европейских стран. Отражением этих настроений в историографии античности было подчеркивание отрицательных сторон рабства, понимание античного рабства как глубоко негативного явления в античности. В этих условиях Маркс и Энгельс полнее и глубже оценивали историческое значение рабства в античной и мировой истории, чем представители буржуазной историографии. «При исторических условиях древнего, в частности греческого мира, — писал Энгельс, — переход к обществу, основанному на классовой противоположности, мог совершиться только в форме рабства... «*Рабство* было открыто. Оно скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины, но в конце концов оно стало также одной из главных причин их упадка. Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма»[1].

Рассматривая античный мир как рабовладельческую формацию, Маркс и Энгельс вместе с тем выступали против опасности единообразия и упрощения исторического процесса, которая столь свойственна теоретиче-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 185—186.

ским схемам, например, просветителей или Гегеля. Они обращали внимание на отличия античного рабства от древневосточного, а для самого античного общества подчеркивали разнообразие конкретных общественных структур, различая, например, развитое рабство Афин V—IV вв. до н. э. и отношения крепостничества в древней Спарте. «Экономический базис, — писал Маркс, — один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»[1].

В работах Маркса и Энгельса дан глубокий анализ рабовладельческой экономической системы, объяснены особенности раба как типа работника и его отличия от крепостного и наемного рабочего, характер орудий труда и технического прогресса, роль земельной собственности и структура античного полиса как экономического организма. Крупным вкладом Маркса и Энгельса в изучение рабовладельческой экономики является определение роли денежного, торгового и ростовщического капитала в древности и четкая периодизация рабовладельческой экономики. «В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же в зависимости от исходного пункта оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости[2]

В работах Маркса получила глубокую разработку сложнейшая экономическая проблема древнего хозяйства: соотношение товарного и натурального производства, которое определяет особое лицо античной рабовладельческой экономики, отличной как от средневекового хозяйства, так и экономической системы капитализма. Следует отметить, что ни в одном специальном сочинении XIX в. античная экономическая система не

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 354.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 364—365.

была исследована столь обстоятельно, как в произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса. Вместе с тем они не упрощали экономическую ситуацию в античности, не сводили ее целиком к рабовладельческой системе хозяйства. Их исследования характера античной формы собственности в экономических рукописях 50-х годов, в отдельных местах «Капитала» показывают, какое большое значение имели общинные отношения своеобразного типа в античных условиях, органически дополнявшие отношения рабовладельческого типа и придававшие в целом античной экономике историческое своеобразие и самобытность.

Поражает своей точностью и проникновенностью в тайны античной древности разработка Марксом и Энгельсом сложнейшей проблемы — сущности и функций греческого полиса и его разновидности — римской цивитас. Как в предшествующей, так и в современной Марксу и Энгельсу историографии античный полис рассматривался главным образом как некое культурное явление, в лучшем случае как своеобразное политическое образование, например у Дж. Грота, Т. Моммзена. Для классиков марксизма античный полис — это специфический социально-экономический организм, в основе которого лежит особая античная форма собственности, отличная как от древневосточной, так и от германской. Это гражданская община мелких земельных собственников, бывших одновременно полноправными гражданами и вместе с тем воинами. Центром полиса, как правило, был город. Особенностью античной формы собственности является ее двуединый характер, органическое сосуществование частной собственности граждан и общей государственной формы собственности как олицетворения и гарантии полисного коллектива. Маркс и Энгельс вскрыли и наиболее глубокую причину разложения классического полиса, которую они видели в развитии рабства и концентрации имущества, в территориальном расширении полиса за его ограниченные пределы.

Рассматривая рабскую эксплуатацию как отличительную черту античного общества, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали сложный сословно-классовый состав античного общества. Прежде всего они значительно углубили представление об общественных классах, которое было высказано французскими историками времен Реставрации (Гизо, Тьерри), понимая под классами боль-

шие общественные группы людей, занимающих определенные места в производстве и связанных с теми или иными отношениями собственности, формами эксплуатации и размерами дохода. Такой подход позволил им увидеть огромную роль классов и классовой борьбы, ее значение как движущей силы общественного развития. Важным для уяснения классовой структуры той или иной формации в произведениях Маркса и Энгельса было положение об основных классах и главной линии классовых противоречий. Вместе с тем они не упрощали сложную историческую действительность, учитывали наличие в классовой структуре того или иного общества других классов и социальных групп, а также сложный характер классовых и социальных противоречий. К. Маркс писал: «Почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия... В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов...»[1] Одной из главных экономических сил, которая двигала вперед развитие античных обществ, являлась, по мнению Маркса и Энгельса, борьба мелкой собственности с крупной рабовладельческой собственностью. «В Италии, — отмечал Ф. Энгельс, — земля была освоена для земледелия преимущественно крестьянами; когда в последние времена Римской республики крупные комплексы имений — латифундии — вытеснили мелких крестьян и заменили их рабами, то они заменили одновременно земледелие скотоводством и, как это знал уже Плиний, привели Италию к гибели»[2]. Эта же мысль более подробно была обоснована Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Наконец, исследуя различные группы свободного населения Древней Греции и особенно Рима, Маркс и Энгельс обратили внимание и на тот слой общества, который римляне называли пролетариями. Марксу и Энгельсу принадлежит определение места этих «пролетариев», положение которых в корне отличалось от положения рабочего класса нового времени в обществе. К. Маркс, в частности, присоединялся к «меткому» мнению Сисмонди в оценке роли античного пролетариата: «Римский пролетариат жил за счет общества, между тем, как современное общество живет за счет пролетариата».

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 424—425.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 181.

Основоположники марксизма впервые показали роль классовой борьбы также и в античном мире, своеобразие классовых столкновений в древних Греции и Риме, дали оценку важнейшим проявлениям социальной борьбы.

Они указывали на роль борьбы рабов против рабовладельцев в античном мире как на отражение главного его противоречия. К. Маркс в статье «Сицилия и сицилийцы» упоминал о восстаниях сицилийских рабов. В письме к Энгельсу от 27 февраля 1861 г. он писал, что Спартак в изображении Аппиана предстает самым великолепным парнем во всей античной истории. Это был великий полководец, благородный характер [1]. В работе «Гражданская война во Франции» К. Маркс отмечает, что война рабов против их угнетателей является единственно правомерной войной [2]. Маркс и Энгельс подчеркивали решающую роль классовой борьбы рабов с рабовладельцами. В «Манифесте Коммунистической партии» сформулировано знаменитое положение о том, что свободный и раб, патриций и плебей, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу [3]. Но основоположники марксизма вместе с тем видели глубокую специфику классовой борьбы рабов, в частности ее стихийный и изолированный характер, отсутствие связи с другими линиями классовых противоречий, использование рабского протеста в своих политических целях представителями других социальных прослоек. Известны слова К. Маркса: «В Древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов...» [4] В 1887 г. Ф. Энгельс писал о невозможности для рабов самостоятельно освободить себя [5].

Оценивая другой аспект классовой борьбы в античном мире — борьбу мелкой собственности с крупной, — Маркс и Энгельс показывали весьма активный характер этой борьбы, которая проходит через всю античную ис-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 30, с. 125—126.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 124.
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 424.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 16, с. 375—376.
[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 349.

торию. К. Маркс указывал относительно римской истории эпохи Республики: «Внутренняя история явно сводится к борьбе мелкой земельной собственности с крупной...» [1]

Общие тенденции развития классовой борьбы в античном мире в целом позволили Марксу и Энгельсу оценить и ее своеобразие. Угнетенные классы, не только рабы, но и мелкие собственники античного общества, не несли с собой нового способа производства. Поэтому их движение не могло привести к ниспровержению рабовладельческого строя. Оно только расшатывало этот строй, но ввести новый способ производства ни рабы, ни мелкие собственники не могли. Поэтому Ф. Энгельс имел основание сказать: «Всякое основанное на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его совершается в большинстве случаев путем насильственного порабощения гибнущего общества другим, более сильным (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор пока эти последние, в свою очередь, имеют своей основой рабский труд, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на более высокой ступени, пока наконец (Рим) не происходит завоевание таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства» [2]. В этом диалектическом единстве внутренних и внешних сил, которые содействовали прогрессу, а затем и гибели рабовладельческой формации, Маркс и Энгельс видели ее историческую особенность.

Всесторонне изучив социально-экономический базис античного мира, основоположники марксизма внимательно изучали также различные сферы надстройки греко-римского общества: античную государственность, культуру, религию. К. Маркс дал замечательное объяснение рабовладельческой природы античной государственности: «Существование государства и существование рабства неразрывно связаны друг с другом. Античное государство и античное рабство — эти неприкрытые **классические** противоположности — были **прикованы** друг к другу...» [3] Особенное внимание уделил проблеме античной государственности Ф. Энгельс в своем сочинении

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 28, с. 368.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 643.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 440.

«Происхождение семьи, частной собственности и государства». Он отверг господствующие в буржуазной историографии взгляды на государство как на надклассовый орган и показал подлинную сущность любого, в том числе античного, государства как органа подавления угнетенных угнетателями. К. Маркс и Ф. Энгельс впервые в мировой науке объяснили происхождение античных государств из разделения родового общества на враждебные классы. Прослеживая генезис государства в Афинах и Риме из недр родового строя, они исследовали процесс замены родовых связей территориальными, отрыв публичной власти от народа, появление специфических государственных учреждений (полиции, суда и т. д.). Для Афин Ф. Энгельс выделил ряд ступеней становления государства: сначала конституция Тесея, введшего синойкизм и разделившего народ на три класса; затем конституция Солона, который, по определению Энгельса, открыл ряд политических революций; наконец, революция Клисфена, которая привела к торжеству государственности в форме рабовладельческой демократии. Каждый из этих этапов отмечен особенностями хозяйства, торговли, отношений собственности, классовой борьбы. Аналогичные ступени Ф. Энгельс вычленял и для становления Римского государства. Причину распада родового строя в Риме он видел в борьбе между патрициями и плебеями, в ходе которой возник единый римский народ и было создано «новое, действительно государственное устройство, основанное на территориальном делении и имущественных различиях» [1].

Ф. Энгельс специально занимался изучением роли армии и военной организации в обществе, ибо рассматривал их как одно из важных условий в борьбе пролетариата с буржуазией. Ф. Энгельсу принадлежит целый ряд статей, написанных для «Новой американской энциклопедии» (статьи «Армия», «Артиллерия», «Кавалерия», «Пехота» и многие другие). В этих статьях, а также в других работах обобщался военный опыт античности, прослеживалась связь армии и войны с развитием производительных сил. Ф. Энгельс вслед за Марксом выступил против «теории насилия», развиваемой Е. Дюрингом, и хотя не отрицал роли насилия в истории, но видел в нем лишь фактор, производный от социально-экономических условий. Ф. Энгельс дал оригинальную оценку

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 129.

некоторым крупным международным конфликтам древности (греко-персидским войнам, борьбе Карфагена с Римом, войнам македонян и римлян и др.). Ему принадлежит глубокая характеристика полководцев и политических деятелей древности. Особенно он ценил военные знания и опыт Эпаминонда, Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря. Вместе с тем Ф. Энгельс подчеркивал, что новые формы армии не могли быть созданы полководцами, как бы они ни были гениальны. Эти новые формы выдвигала сама жизнь, правильно поняв которую полководцы лишь «приспособляли способ ведения боя к новому оружию и новым бойцам»[1].

Маркс и Энгельс неоднократно обращались к анализу духовного наследия античного мира. Особое внимание они уделяли изучению античной философии, науки, литературы, искусства, религии. Диссертация молодого Маркса была посвящена воззрениям двух выдающихся древнегреческих материалистов — Демокрита и Эпикура. Впоследствии Маркс и Энгельс подчеркивали специфику античной философии и особенно ее материалистической линии, сделав вывод о неизбежности борьбы материализма с идеализмом в древности. Они называли античный материализм «стихийно-диалектическим», а также созерцательным. Вместе с тем они подчеркивали связь философских воззрений древних с естественнонаучными воззрениями. Анализируя взгляды Левкиппа, Демокрита, Эпикура, Аристотеля, К. Маркс, например, критиковал современных ему ученых за их ложное представление об Эпикуре как невежественном эпигоне Демокрита и показал то новое, что было свойственно философским взглядам Эпикура.

Подчеркивая выдающуюся роль античного искусства, К. Маркс говорил, что отдельные достижения этого искусства до сих пор остаются для нас в известной мере недосягаемым образцом. Он отмечал также конкретно-исторический характер античного искусства и его связь с рабовладельческой эпохой, но не абсолютизировал этого факта. Трудность, указывал Маркс, заключается не в том, чтобы понять, как искусство и эпос связаны с известными формами общественного развития, а в том, почему они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение[2].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 171.
[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 12, с. 737—738.

Много внимания Маркс и Энгельс уделили вопросам античной религии, в том числе и генезису христианства, прослеживая тесные связи со своей эпохой: «... не гибель древних религий повлекла за собой гибель древних государств, а, наоборот, гибель древних государств повлекла за собой гибель древних религий»[1]. Этим провозглашается материалистический принцип подхода к античным религиям, исследование их особенностей в зависимости от характера организации того или иного общества. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс развили эту идею, а в поздних статьях Ф. Энгельса проблемы религии и генезиса христианства получили свое наиболее полное воплощение. Ф. Энгельс доказал древнейшее происхождение «Апокалипсиса» как одного из самых ранних новозаветных памятников и на этой основе сумел более точно, чем другие ученые, определить тенденции развития христианства на его первоначальном этапе. Он показал, что христианство было естественным продуктом социально-политической и идеологической обстановки в Римской империи. Рассматривая социальный состав христианских общин, Энгельс подчеркнул, что первоначальное христианство «выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»[2]. Но постепенно в социальном составе общин произошли изменения, сюда проникли зажиточные и богатые, поскольку характер новой религии соответствовал их интересам. Ибо эта религия указывала не на реальную программу освобождения масс, а на иллюзорный «выход, который вел страждущих и обездоленных из нашей земной юдоли в вечный рай»[3]. Так постепенно христианство стало орудием угнетения, орудием господствующих классов.

Выясняя эту эволюцию, Ф. Энгельс вместе с тем отмечал демократический характер первоначального христианства и сравнивал его с рабочим движением XIX в. Оба движения возникли как движения угнетенных, оба были оппозиционны по отношению к господствующему строю, оба подвергались гонениям. Но тут же Энгельс подчеркивал и коренное различие между христианством и рабочим социализмом, «... христианство ищет этого из-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 99.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 467.
[3] Там же.

бавления в посмертной потусторонней жизни на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества»[1].

Анализ античной культуры, ее роли и содержания позволил Марксу и Энгельсу верно оценить значение античного и особенно греческого культурного наследия. Они подчеркивали влияние греческой философии на формирование диалектического мировоззрения в новое время, воздействие греков на европейское искусство (классицизм) и даже на политическую идеологию буржуазии. Так, в статье «Положение Англии» Ф. Энгельс писал: «Восемнадцатый век был возрождением античного духа в противовес христианскому; материализм и республика — философия и политика древнего мира — вновь возродились, и французы, представители античного принципа *внутри* христианства, завладели на некоторое время исторической инициативой»[2].

Анализируя буржуазный способ апелляции к античности для оправдания политики, Маркс и Энгельс критиковали модернизаторские воззрения французских буржуазных революционеров, видевших в афинянах и спартанцах «свободные народы» и обвинявших своих политических противников на манер речей Цицерона против Катилины[3]. Однако Маркс и Энгельс вовсе не отрицали правомерности использования античных идей и образцов в политической борьбе пролетариата и сами постоянно вводили эти идеи и образы в арсенал своей революционной пропаганды. Так, К. Маркс в «Гражданской войне во Франции» сравнивал Тьера и Суллу и создал отталкивающий портрет первого, опираясь на образ второго. В произведениях Ф. Энгельса есть немало убийственных характеристик древних политических деятелей (Цезаря, Августа, Сенеки) — характеристик, направленных на обличение политических пороков «адвокатов буржуазии». Наоборот, Лукиана из Самосаты он сравнивает с Вольтером, подчеркивая значение сатиры Лукиана для нового времени.

Маркс и Энгельс обращались к античным сюжетам в связи с потребностями политической борьбы и защиты пролетарской классовой идеологии. Специальные сочинения Ф. Энгельса, посвященные проблемам древней

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 467.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 599—600.
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 135—136.

истории, созданы в тесной связи с идеологической борьбой его времени. Маркс и Энгельс обращали внимание на необходимость разработки проблем древнейшей истории в 70—80-е годы XIX в. в связи с нуждами рабочего движения. В «Капитале» и подготовительных работах к нему К. Маркс рассматривал различные аспекты античного социально-экономического строя как средство лучшего уяснения механизма функционирования капиталистической экономической системы. Эта тесная связь исследований античной истории с современными запросами и в то же время глубокий историзм учения Маркса и Энгельса об античности составляют сущность того непреходящего влияния, которое марксистская концепция античности оказывает на науку до нашего времени.

ГЛАВА 5. БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. ПОЗИТИВИСТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

§ 1. Особенности развития общественной мысли

К середине XIX в. во многих странах Европы и Америки развитие промышленного капитализма достигло значительных успехов. Научно-технический прогресс способствовал складыванию капиталистической экономики, а вместе с ней и классовой структуры буржуазного общества.

После революционных событий 1848—1849 гг. буржуазный строй в Западной Европе утвердился как господствующий, со всеми присущими ему классовыми противоречиями. Позиции буржуазии, утвердившейся у власти, нашли отражение в сфере идеологии, в развитии исторической мысли и науки. В это же время на политической арене появляется пролетариат и его идеология — марксизм. Возникновение последнего означало революционный переворот в развитии мировой исторической мысли. С тех пор буржуазная и марксистская историография развивались в идейном, непримиримом противоборстве, что определяло общие тенденции эволюции всей исторической науки.

Философской основой буржуазной науки с середины XIX в. становится позитивизм. Позитивизм зародился в Европе в первой трети XIX в. Более широкое распространение он приобрел после 1848 г. как теоретическая доктрина достигшей господства буржуазии. С помощью позитивизма буржуазия стремилась найти обоснование исторической роли своего класса, а также поставить себе на службу достижения науки, в которых она была заинтересована для развития экономики.

Позитивисты создали эклектическую методологию, стремившуюся примирить религию с наукой, материа-

лизм, без которого невозможно опытное знание, с идеализмом, апологию существующего буржуазного строя с идеей всеобщего закона развития. Поскольку позитивизм претендовал на роль поборника прогресса и науки, базирующегося на позитивном, т. е. положительном, знании, он завоевал симпатии многих крупных ученых. Они стали проявлять интерес к истории народных масс, шире стала изучаться экономическая и социальная история.

В эпоху наивысшего подъема капитализма идеологи буржуазии еще придерживались учения о прогрессе, поэтому рассматривали новое время как стадию более прогрессивную по сравнению с античностью, а само античное общество — как более совершенное, чем общество Древнего Востока или первобытное.

Вторая половина XIX в. — время расцвета буржуазного историзма. Историки приходят к выводу о том, что античный мир был основан на рабстве. Однако оно изучается и оценивается в основном не с экономических, а с нравственных позиций. Под влиянием развернувшейся борьбы негров в США за свободу, отмену рабства в колониях европейских стран, освобождения крепостных крестьян в России буржуазные историки либерального толка осуждают античное рабство. В этот же период в историографию античности начинают проникать элементы модернизации древних обществ.

На развитие исторической мысли оказывала большое влияние консервативная концепция Л. Ранке. Он, как и Гегель, полагал, что миром движет идея (бог), причем ведущее место занимает идея государства. Реализуют эту идею исторические личности. Задачей историка Ранке считал составление компендиума фактов. Его школа углубила и развила методы критики источников, приемы обрисовки исторических деятелей.

§ 2. Расширение источниковой базы и организация научных исследований

Вторая половина XIX в. была временем накопления положительных знаний, активной разработки истории в целом и культуры античности. Этому способствовали: расширение сети университетов, открытие в них исторических и филологических кафедр, проведение специальных семинаров, освоение и ввод в научный оборот новых

видов источников: археологических, нумизматических, эпиграфических.

В 1871 г. Генрих Шлиман (1822—1890) начал свои раскопки в Малой Азии на предполагаемом месте древней Трои и перенес их затем на греческий материк, в Микены, Тиринф и на остров Итаку. Раскопки Шлимана дали совершенно новый материал и открыли для науки древнейшую эпоху греческого общества. В 1874 г. Шлиман опубликовал книгу «Троянские древности», в которой доказывал, что гомеровские поэмы — не только литературные произведения, но и исторический источник.

В 70-х годах Эрнст Курциус начал раскопки в Олимпии. Было открыто 130 статуй, 13 000 бронзовых предметов, 6000 монет, 400 надписей. Впоследствии по этим материалам было предпринято издание «Олимпия». Очень широко велись раскопки на Делосе под руководством французского археолога Омолля. Французы вели также археологическое изучение Дельф, Милета и других мест.

Успехам изысканий способствовали новые научные учреждения: Греческое археологическое общество, основанное в 1837 г.; Французская школа в Афинах (1846), в середине 70-х годов преобразованная в научное учреждение со своим журналом «Bulleten de correspondance hellenique»; общество, возникшее в 1867 г. во Франции для поощрения изучения Греции со своим научным органом «Revue desetudes Grecques»; немецкое отделение Археологического института в Афинах (1874) и др.

Особое значение для развития научных исследований имело освоение надписей как одного из основных исторических источников, чему способствовали успехи такой научной дисциплины, как эпиграфика. В начале 60-х годов П. Фукар издал надписи, собранные в Дельфах. В конце 60-х годов А. Кирхгоф выпустил исследование о греческом алфавите, Ульрих Келер в 1869 г. опубликовал важный труд по истории Делосско-аттического союза, основанный главным образом на тщательном изучении надписей. В 1871 г. греческий эпиграфист Куманудис собрал аттические надгробные надписи. С 1873 г. начало выходить новое монументальное собрание «Corpus inscriptionum Atticarum», осуществляемое Берлинской Академией наук, через год — собрание надписей, хранившихся в Британском музее, и др. Издавались юридические тексты, нумизматические материалы, исслсдования в области топографии. Шла усиленная работа по

исторической критике источников и по их изданию. В этом отношении большую роль сыграла известная издательская фирма Тейбнера, основанная в Лейпциге еще в 1824 г. Из многочисленных ее изданий особенно замечательна «Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana» (с 1849 г.), имевшая целью дать проверенные тексты всех дошедших до нас греческих и римских авторов.

Другие издатели — братья Вильгельм и Людвиг Диндорф продолжали начатые Бёком комментарии к Аристофану, а затем приступили к монументальному труду «Thesaurus linguae Graecae»; в серии «Bibliothèque des classiques Greqcs» по новым рукописям был издан Демосфен, Софокл, Аристофан, Лукиан и другие авторы.

§ 3. Изучение античности в германской исторической науке

Одно из ведущих мест в Европе в области изучения античности занимала германская наука. Во второй половине XIX в. в Германии шло успешное развитие капитализма в городе и деревне. Быстро развивающийся капитализм был заинтересован в национальном единстве. Но революция 1848—1849 гг. эту проблему не разрешила. Поэтому вопрос о национальном объединении, о двух путях его разрешения стал главным политическим и идеологическим вопросом времени. Многие германские историки, в том числе и античники, принимали активное участие в политической жизни страны, создавали исторические концепции, которые в истории античного общества должны были находить ответы на основной вопрос о путях объединения страны. В этих условиях значительно расширилась научная проблематика исследований. Преобладающим стал интерес к политической истории и истории учреждений. Но исследуются также история права, культура, отчасти аграрная история. Ведется интенсивная работа по розыску, публикации и интерпретации исторических источников, возникают исторические журналы. В университетах совершенствуются методы преподавания исторических дисциплин, создаются специализированные античные семинары.

Учеником и преемником К. Мюллера и Августа Бёка в германской историографии был один из видных антич-

ников XIX в. Э. Курциус (1814—1897). Подобно своему учителю Мюллеру, он углубился в изучение культуры, которую считал стержнем исторического развития. Он симпатизировал греческой демократии и через нее — демократии как таковой, хотя до конца своей жизни поддерживал дружеские отношения с императором Фридрихом II, воспитателем которого состоял, когда тот был еще принцем.

Э. Курциусу принадлежит ряд важнейших исследований. В 1841 г. он издает свою докторскую диссертацию о топографии Афин, собрание дельфийских надписей, а в 1850—1851 гг. — большой труд «Пелопоннесс» с подробным топографическим и археологическим описанием. В этих изданиях, а также в лекциях в Берлинском и Геттингенском университетах проявился своеобразный художественно-публицистический талант историка, сумевшего ярко отобразить живые черты античной культуры. Но здесь же проявились и свойственные Курциусу недостатки — преувеличение роли географической среды, непомерная идеализация греков.

В наибольшей мере своеобразие воззрений Курциуса на античность проявилось в его главном труде «Греческая история» (т. I—III), написанном в 1852—1867 гг. В известном смысле оно явилось воплощением замыслов А. Бека и К. Мюллера о создании общего сочинения о Греции. Главное внимание Курциуса сосредоточено на истории культуры, на умственной и художественной жизни греков; экономические вопросы затронуты мимоходом, почти ничего не сказано о положении рабов и свободных низов греческого общества. Весьма поверхностно изложена политическая история Греции. Курциус считал, что государственная и культурная жизнь органически едины. Ему импонировали не только Афины (без крайностей их демократии), но и аристократическая Спарта, не осуждает он и монархию Филиппа II Македонского.

Изображение явлений греческой культуры у Курциуса во многих случаях интересно, ярко, но лишено глубины и носит, как отмечал В. В. Бузескул, «сентиментально-романтический отпечаток».

Для обоснования своих положений Курциус широко привлекал литературные источники, археологические и топографические памятники, но сравнительно мало пользовался надписями. В этом недостаток книги Курциуса, отступление его от принципов А. Бека. Все же труд Кур-

циуса о греческой истории, написанный легко, изящно, интересен не только для специалистов, но и для широкой публики, он оказал влияние на последующую науку.

Иным характером отличается научное творчество Макса Дункера (1811—1886), профессора в Галле и в Тюбингене, затем директора Прусского государственного архива и члена Берлинской Академии наук. Он занимался не только древней, но и новой историей, был не только ученым, но и публицистом, политиком, членом Германского парламента 1848—1849 гг., Эрфуртского парламента; Прусской второй палаты (до 1852 г.).

В условиях активной политической и парламентской борьбы М. Дункер написал главный труд своей жизни «История древности», над которым продолжал работать постоянно, внося в него новые дополнения. Его первое издание появилось (в 4 томах) еще в 50-х годах (1852—1857). Первые два тома были посвящены истории Востока, а последние два — истории Греции до греко-персидских войн. В конце 70-х — начале 80-х годов автор настолько переработал свое сочинение, что оно уже вышло в семи томах, а затем добавил к ним еще два тома («новая серия»). Труд Дункера остался незавершенным; историю Греции он довел до конца деятельности Перикла.

Для истории Востока Дункер использовал новые открытия в области ассириологии и египтологии, подчеркивал связи греческой культуры с культурными достижениями восточных народов. Написанное прекрасным литературным языком, это сочинение отличается полнотой изложения. Оно охватывает внешнюю и внутреннюю историю, культуру и идеологию, особое внимание уделяется в нем государственному устройству, социальной борьбе и войнам. В изображении исторических личностей автор нередко исходит из своих личных взглядов, что приводит к модернизации исторических событий.

В «новой серии», т. е. в 8—9 томах, написанных в новой исторической обстановке, когда в немецкой историографии господствовал крайний критицизм, особо строгой и беспощадной критике подвергаются действия Перикла и других вождей афинской демократии. В ряде случаев наблюдается произвольное обращение с источниками в угоду надуманной автором схеме.

Исключительное значение для изучения Рима имела деятельность Теодора Моммзена (1817—1903). Учился

он в Кильском университете (1838—1843), подвергся влиянию таких видных ученых, как Г. Зибель, Л. Ранке, Ф. Шлоссер, Б. Нибур, Г. Дройзен. Курс лекций последнего он сам прослушал в университете. Этот курс познакомил его с диалектическим методом Гегеля, который Дройзен стремился ввести в исторические исследования.

Уже первые труды Моммзена «Латинское исследование о римских ассоциациях» (1843) и «Исследование о римских трибах» (1844) обратили на себя внимание ученых. Вскоре он уезжает на 4 года в научную командировку в Италию. Пользуясь поддержкой известного эпиграфиста Б. Боргези, Моммзен собрал больше 7 тыс. надписей, стремился дать им историческое истолкование. В 1848 г. Моммзен принял приглашение занять кафедру римского права в Лейпцигском университете, где проработал три года. Однако в 1851 г. он был вынужден по политическим соображениям покинуть Лейпциг и переехать в Швейцарию. В 1854—1858 гг. преподавал в Бреславле. В 1858 г. Моммзен переезжает в Берлин и становится членом Берлинской Академии. Здесь он ведет большую педагогическую работу, читает лекции, руководит спецсеминаром, из которого вышли многие немецкие ученые, среди них — Вилькен, Домашевский, Дессау, Гиршфельд, Пайс и др.

70—80-е годы — период активной общественно-политической деятельности и научного творчества Т. Моммзена. В 1873 г. он становится членом рейхстага, где примыкает к национал-либеральной партии, а затем к партии «немецких свободомыслящих». Моммзен — ученый широкого диапазона. Он был юристом, филологом, эпиграфистом, но главным образом историком. Им созданы фундаментальные работы в области римского права: трехтомная монография «Римское государственное право» (1871—1887); «Римское уголовное право» (1899); «Вопросы права между Цезарем и Сенатом» (1899). В труде, посвященном римскому государственному праву, содержится исчерпывающий обзор учреждений Рима и подвластных ему территорий, разных категорий гражданства и юридических основ императорской власти. Никто до Моммзена не рассматривал римскую конституцию столь подробно. Моммзен исследует три института: магистратуры, гражданство и сенат. Основное внимание уделяется магистратурам, которые представляются ему как внутренне объединенная система. Моммзен считал,

что все временные изменения римской конституции могут рассматриваться только как второстепенные модификации основной формы. Он полагал, что и римское царство, и римская империя (первых трех столетий) несли в себе начала республиканских магистратур. Так он выводил принципат из магистратур поздней республики.

Моммзен внес большой вклад в развитие эпиграфики и в изучение древних наречий. Наиболее значительным в этой области является многотомное издание «Corpus Inscriptionum Latinarum». В 1863 г. появился первый том этого корпуса, посвященный древнейшим латинским надписям, а также содержавший в себе надписи республиканской эпохи. Начиная со второго тома, в основу издания был положен географический принцип. Из 15 томов он сам издал около половины, другие же носили следы его просмотра, хотя обработка их была поручена различным сотрудникам. На этой работе выросли опытные эпиграфисты. Широко известны работы Моммзена в области нумизматики. Но всемирную известность и кафедру римской истории в Берлинском университете доставила ему его «История Рима». Это произведение стало политическим манифестом германской буржуазии 50-х годов XIX в., стремившейся к объединению Германии под эгидой Пруссии.

Вся «История Рима» написана ученым с одной целью — доказать не только существование демократической монархии в Риме и демократического монарха-объединителя (Цезарь), но и возможность демократической монархии для Германии 50-60-х годов XIX в. Моммзен излагает внешнюю и внутреннюю историю римского общества, касается социально-экономической и культурно-бытовой жизни его. Однако ученый стремится в первую очередь представить социально-политическую историю, модернизируя как политическую, так и социальную жизнь Древнего Рима, проявляя субъективизм в отдельных характеристиках общественных деятелей, партийных группировок. «История Рима», написанная красочно, страстно, талантливо, дает широкую картину жизни древнего общества. Богатая большим фактическим материалом, она оказала огромное влияние на развитие буржуазной исторической науки о Древнем Риме.

Первые три тома были изданы в 1854—1856 гг., история Рима в них доведена до гибели Цезаря, пятый том появился лишь в 1885 г. и посвящен провинциям Рима.

Что касается четвертого тома, в котором должен был быть представлен период «демократической монархии» Цезаря, то он так и не был написан. История объединения Германии в 60—70-х годах разбила иллюзии Моммзена о «демократической монархии», и прославлять ее на римском материале Моммзен уже не мог.

В последние годы жизни Моммзен уделял много внимания изучению и изданию текстов древних авторов (завещание Августа, письма и панегирик Плиния, Дигесты и кодекс Феодосия).

Ученик Моммзена — Герман Шиллер написал 2-томную общую историю Римской империи (1883—1887). Хотя работа эта была выполнена вполне добросовестно, с широким использованием источников и литературы, внутренней истории Рима, социально-экономических процессов автор почти не касается. Основное внимание уделяется внешнеполитической истории. Изложение заканчивается возвышением Диоклетиана. В работе кроме событий политических рассмотрена и культурная жизнь эпохи.

Публицистический способ разработки римской истории Моммзена не мог не вызвать возражения. Последующие историки скорее примыкали к академической манере Нибура и Швеглера. В этом плане была написана «История Рима» Карлом Людвигом Петером (1808—1893). Начиная с краткого изложения легенды о царях, предупредив своих читателей об ее неисторичности, он не отказался от традиции как руководящей нити при изучении образования и развития государственного строя. Опираясь на данные Полибия, Петер более подробно рассматривает историю республики, особенно ее последней фазы. Он допускает, что Цезарь управлял благоразумно, но отрицает, что в его власти было обновить государство. Пунические войны привели к падению республики, а столетие гражданской войны разрушило уважение к праву. Остатки древнего римского характера были сломлены Августом и Тиберием и попраны Калигулой, Клавдием и Нероном. Заканчивается исследование Петера смертью Марка Аврелия. Расходясь с Моммзеном во взглядах на некоторые основные вопросы, Петер неоднократно вступал с ним в полемику.

Более популярное изложение, главным образом истории римской республики в 8 томах, сделал В. Ине (1868—1890). Написанная с большой подробностью, она

интересна тем, что в некоторых отношениях была создана в противовес Моммзену, к которому автор высказывает антипатию. Его рассказы о Древнем Риме написаны под влиянием Нибура и Швеглера. Для него нет героев, и он осуждает жестокость римского характера. Достигнув в своем изложении последних дней республики, он принимает неизбежность основания личного управления. Цезарь и Помпей спорили и боролись, но не могли в действительности изменить хода истории. Республика пала не от решимости или честолюбия Цезаря. Если бы он умер ранее, она все равно нашла бы себе господина. Цезарь же разрешил проблему «без увлечения с величием и возвышенностью духа».

С противоположной Моммзену точки зрения выступал также один из представителей школы Нибура — Карл Вильгельм Нич (1818—1888), профессор университетов в Киле (с 1848 г.), Кенигсберге (с 1862 г.), Берлине (с 1872 г.). Развивая концепцию Нибура, Нич критически анализирует источники по ранней истории Древнего Рима и особенно данные Ливия. Нич предполагал, что современный исследователь может, опираясь на знания римской анналистики, без особого труда найти первоисточники Ливия, до нас не дошедшие. Многие, особенно немецкие, ученые пытались на основе этой гипотезы Нича восстанавливать текст древнейших историков Рима. Нич направляет свое внимание на исследование социально-экономических проблем Римской республики, особенно судеб римского крестьянства. Под этим углом зрения была написана им монография о Гракхах (1847). Нич работал также в других областях истории республики. Извлечения из этих работ, пополненные его лекциями, составили сводный труд по истории Римской республики, опубликованный после его смерти.

Важное значение в историографии античности имели труды двух крупнейших **швейцарских ученых:** И. Бахофена и Я. Буркхардта. Бахофен (1815—1887) между 1840 и 1850 гг. выпустил несколько работ по римскому гражданскому праву. В 1851 г. появился I том его труда по истории Рима, который продолжения не имел. Постепенно Бахофен переключается на изучение роли женщин в жизни народов древности. Основным источником для решения этой проблемы служила ему античная мифология, однако он привлекал и археологические памятники, античные литературные сюжеты,

эпиграфику, этнографические сведения, произведения искусства, данные о религиозных представлениях.

В 1861 г. вышел основной труд Бахофена «Материнское право, исследование гинекократии древнего мира на основе его религиозной и правовой природы». В нем содержится аргументированный вывод о том, что явление матриархата свойственно не только одному или нескольким народам, но является стадией в развитии всего человечества. Через год, в 1862 г., Бахофен выпустил небольшую книжку «Ликийский народ и его значение для развития древнего мира». За этой работой последовало два небольших сочинения: «Медведь в религиях древности» и «Учение орфической теологии о бессмертии в надгробных памятниках античного мира». В 1870 г. Бахофен издал обширную работу о раннем Риме «Предание о Танáквиль, исследование об ориентализме в Риме и Италии». На основании анализа легенды о царице Танаквиль, возведшей на престол своего мужа Тарквиния Приска, а затем Сервия Туллия, а также ряда восточных параллелей к этой легенде Бахофен развил здесь мысль о роли женщины в обществе, в частности в его политической жизни.

Выдвинув тезис об универсальности исторического развития семьи, Бахофен неправильно усматривал основу этого развития в эволюции религиозных идей. За это он подвергся критике со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса, которые, отбросив идеалистические идеи швейцарского ученого, использовали собранный им конкретный материал при создании материалистической концепции древнейшей истории.

Другой швейцарский ученый — Якоб Буркхардт (1818—1897), — профессор Базельского университета, был крупным специалистом в области истории культуры, представителем культурно-исторического направления в историографии. Его общественно-политические взгляды претерпели известную эволюцию. В молодые годы он отличался либерализмом, признавал идею исторического процесса. Но, начиная с 70-х годов, особенно после Парижской Коммуны, Буркхардт правеет, увлекается католицизмом, склоняется к расистским теориям, сближается с Ницше. Исторический процесс он уже рассматривает с иррационалистических позиций, враждебно относится к освободительному движению. Основные произведения Буркхардта: «Время Константина Вели-

кого» (1853); «Чичероне. Введение в понимание художественных произведений Италии» (1885); «История Итальянского возрождения» (1860).

В 70-е и первой половине 80-х годов Буркхардт читал курс лекций, которые были изданы в 4-х томах под названием «История греческой культуры» (1893—1902). Стремясь вызвать интерес к античности, к истории греческого мировоззрения, он разрабатывает важнейшие проблемы культуры, и в ней ищет ключ к пониманию существа «греческого духа». Признавая оригинальность и гениальность греческого народа и его исторических заслуг в деле развития европейской культуры, Буркхардт одновременно отмечает политическую раздробленность греков, их нравственное несовершенство. Том I посвящен осмыслению греческого мифа, проблем государственных форм; во II томе изучается греческая религия, культ и этика греков; в III рассматривается искусство, поэзия, музыка, философия, наука и красноречие; характеристика греков в разные эпохи их существования содержится в IV томе. Рядом с бесспорно гуманистическими представлениями у швейцарского ученого можно обнаружить неприкрытый консерватизм. С его точки зрения «великая» личность — это прежде всего носитель культуры, «цивилизатор». Поэтому Александр Македонский — это «великая личность», тогда как Робеспьер и Сен-Жюст — «не великие», поскольку они представляли не «общее», как Александр, а «программу и ярость одной партии».

Следует отметить труды немецкого филолога и археолога, профессора Кенигсбергского и Страсбургского университетов — Людвига Фридлендера, посвященные критике гомеровских поэм и изображению древнеримской жизни эпохи империи от Августа до конца Антонинов. Его главное сочинение «Картины истории римских нравов» (1862—1871) получило широкое распространение и было переведено на разные языки, в том числе и на русский.

Книга Фридлендера охватывает различные стороны античной культуры эпохи империи. Она основана на большом литературном, эпиграфическом и изобразительном материале. С особой тщательностью показаны город Рим, императорский двор (чиновники, вольноотпущенники и рабы императорского дома, друзья, свита и ближайшее окружение императора), происхождение

и различие в общественном положении трех сословий, общественная жизнь граждан, положение римских женщин. Фридлендер подробно рассказывает об устройстве путей сообщения, о способах и видах путешествий, о зрелищных предприятиях. Привлекая в своей работе большой фактический материал, автор далеко не всегда смог правильно его интерпретировать. Так, он находит в Римской империи «магнатов, капиталистов и предпринимателей». По его мнению, привольнее всего жилось в Риме самым высшим и самым низшим слоям общества, которые «в изобилии наслаждались преимуществами, развлечениями и зрелищами, предоставляемыми мировым городом». К социальным низам Фридлендер относится отрицательно. Он проводит мысль о стирании различий между социальными группами, а если они и сохраняются, то либо лишь в силу традиции, либо в результате вмешательства государства.

Проблемами античного ремесла и искусства занимался Гуго Блюмнер. Ему принадлежит четырехтомное исследование «Технология и терминология ремесла и искусства у греков и римлян» и ряд других произведений об античном искусстве. Блюмнер признавал прогресс ремесленной техники и искусства, считал необходимым изучать факторы развития не только духовной, но и материальной жизни «нации».

Он различал у греков профессиональное искусство и дилетантизм. Так, для греческой скульптуры им признавались в основном профессиональные методы выполнения, а для греческой живописи — дилетантские. Блюмнер был на правильном пути, отмечая связь греческого изобразительного искусства с практической жизнью, с общим уровнем ремесленного производства. Но, как и многие ученые того времени, он преувеличивал «практицизм» римлян, заявляя, что они якобы не внесли никакого вклада в искусство и лишь с огромным трудом освоили греческое культурное наследие. Он ошибочно считал, что только упадок республики, отход от общественной деятельности породили у римлян стремление к занятиям искусством.

§ 4. Французская историография античности

Во французской буржуазной историографии второй половины XIX в. господствующее положение заняла

позитивистская методология, что явилось результатом развития общественной мысли страны. В это время основной линией политического развития Франции была борьба между буржуазией и пролетариатом. В 1852 г. после бонапартистского государственного переворота в стране установилась «цезаристская монархия в особенно гнусной форме», которая в 1870 г. была сметена Парижской Коммуной. Если в первой половине XIX в. первоочередной задачей французской буржуазии была борьба за окончательное завоевание власти, то во второй половине века буржуазия, став правящим классом, прежде всего нуждалась в защите завоеванного буржуазного порядка от революционных потрясений. Богатые революционные традиции Франции становились для нее прямой помехой. Этим определялась основная политическая линия буржуазной историографии.

Одним из крупнейших французских историков, работавших над проблемами древней истории на основе позитивизма, был Нюма Дени Фюстель де Куланж (1830—1889). Уже одна из его первых работ «Полибий, или Греция, завоеванная римлянами» (1858) обратила внимание публики на молодого ученого. Фигура Полибия привлекала Фюстеля своей якобы «беспристрастностью». По мнению ученого, это был последний историк свободной Греции и первый историк ее завоевания. Однако Полибий писал, не испытывая ни сожаления о независимости, ни ненависти к победителям. В этом Фюстель видел его объективность.

С 1860 г. начинается страсбургский период в жизнедеятельности Фюстеля. Здесь, в Страсбурге, он создает свой известный труд по античности «Античная гражданская община» (1864), в котором подчеркивает специфичность античности по сравнению с новым временем, характеризуя античные государства как коллективы граждан.

Политические мотивы «Гражданской общины античного мира» были изложены Фюстель де Куланжем со всей определенностью: «Мысль, которую составили себе о Греции и Риме наши поколения, часто доводила их до смут. В силу ошибочного взгляда на институты державного города древности воображали, что можно воскресить их и ныне. Свобода новейших народов подвергалась опасности из-за того, что заблуждалась насчет значения свободы у древних. Последние восемь-

десят лет французской истории показали ясно, что одно из главных препятствий, мешающих прогрессу нового общества, — привычка его всегда иметь перед глазами греческую и римскую древность». Фюстель де Куланжем было верно подмечено, что древняя история, начиная со времен Великой французской буржуазной революции, становится все более актуальной. Он понимал, что революционные идеи зачастую питались античными традициями.

Фюстель считал что гражданская община состояла из семей и основывалась на религии, своим внутренним строем она уподоблялась церкви. Отсюда ученый выводил ее силу. Существование индивидуальной свободы в городе-государстве он отрицал, историю Греции и Рима изображал как серию изменений, в основе которых лежала религия. Так, уничтожение царского строя разросшимися семьями и установление республики с господством патрициев Фюстель связывал с борьбой за культы. В основе борьбы плебеев с патрициями он видит борьбу за общегосударственный культ.

Особенно плодотворными в научном отношении для Ф. де Куланжа были годы пребывания в Париже. Именно тогда было написано его самое крупное и важное сочинение «История общественного строя древней Франции» (1874—1892), в котором ученый развивает свою теорию исторического развития древних и средневековых обществ. Греция и Рим развивались однотипно, поэтому изменение их общественного строя следует изучать параллельно. Ключ для понимания внутренней истории античности находится в развитии религии. Открыть, какова была религия древних, значит отыскать первоначальную основу их учреждений. Автор строит картину развития древних общин от выделения аристократии из первобытной (патриархальной) монархии через эмансипацию низших классов (клиентов и плебеев) к исчезновению самостоятельности многочисленных гражданских общин, которые объединяются в одно громадное государство первоначально путем завоевания, потом с помощью права и цивилизации. Римская империя подготовила космополитическую теорию «всемирного гражданства». Появление христианства воплощает последнюю революцию, которая прекратила существование древнего государства, общества, семьи, религии.

Фюстель выступает против распространенного мнения о полном падении Римской империи о том, что варвары принесли ей на смену здоровые начала жизни. Он считает основной особенностью истории человечества непрерывность (континуитет) развития между отдельными ее эпохами (стадиями). Несмотря на существенные различия между древней и новой цивилизациями Европы, обе они стоят в тесной связи друг с другом. Европейский мир и его культура выросли из принципов и форм, данных Римской империей. Между двумя эпохами не было перерыва, было только расширение сферы влияния римской культуры. Варвары-германцы не принесли с собой никаких оригинальных начал. Их свобода была лишь анархией варварства. И поэтому они сами неминуемо поддались влиянию более высокой цивилизации.

Римской империи удалось утвердить свою культуру на родине древних кельтов, ассимилировав их национальность и направив романизированных ее потомков к участию в социально-политической и духовной жизни. Но и она не избежала подчинения общему закону перерождения и стала терять единство и централизованную силу.

Большое значение имеет работа Ф. де Куланжа «Римский колонат» (1885), в которой подчеркивается частно-правовое происхождение этого института.

С позиций позитивизма выступил другой французский ученый, литературовед, философ и историк И. Тэн (1828—1893). В своих взглядах он эволюционировал от умеренного либерализма до крайней реакции. Парижскую Коммуну встретил враждебно и стал идеологом контрреволюционной буржуазии. Политическая идея основного исторического сочинения Тэна «Происхождение современной Франции» (1876—1894) направлена против Великой французской революции.

И. Тэну принадлежат работы по истории и культуре Древней Греции (1869) и исследование историко-философской концепции Тита Ливия. Характеризуя приемы по подбору и истолкованию исторических фактов Тита Ливия, изображению им исторических лиц, особенностей речей, влагаемых в уста этих лиц, а также стиль изложения древнего автора, Тэн приходит к выводу, что Ливий в истории остался оратором. Именно это определило значение его творчества. К слабым сто-

ронам Тэн относит недостаточно критическое отношение Ливия к источникам, к сильным — то, что у него есть своя философия истории, т. е. идея, объясняющая причину падения Рима повреждением нравов.

Большое значение в разработке проблемы античного рабства имеют исследования Анри Валлона (1812—1904). Являясь активным участником аболиционистского движения за уничтожение рабства в колониях, Анри Валлон посылает в 1837 г. на конкурс Академии моральных и политических наук работу, посвященную проблеме отмены рабства, побеждает в конкурсе и на основе этого сочинения через 10 лет выпускает первое издание «Истории рабства в античном мире».

В 50—60-х годах Анри Валлон публикует целый ряд богословских и исторических трудов (о Жанне д'Арк, о Ричарде II), которые, по едкому замечанию одного из биографов историка Э. Реклю, были настолько пропитаны духом католицизма, что их мог подписать любой сельский патер. К Парижской Коммуне Валлон отнесся резко отрицательно. Он считал, что борьба трудящихся происходит лишь из-за развращенности нравов, вызванной отсутствием всякого религиозного чувства.

Лучшим трудом Валлона была «История рабства в античном мире» (1847, 2-е изд. — 1879; русск. перевод: 1936 — Греция, 1941 — Греция и Рим). Ценным выводом этого исследования является признание важнейшей роли рабства в античном мире и его глубокого влияния на многие стороны античной цивилизации. Валлон осуждает рабство с позиций «вечной» христианской морали как чисто политический институт, созданный человеческим грехопадением. Однако он непоследователен; придерживаясь провиденциализма и христианской проповеди смирения и равенства всех людей в религии, он приходит к оправданию социального неравенства, в том числе рабства древности.

Представителей консервативного направления во французской исторической науке интересовала проблема законодательства в древности, в чем без труда можно разглядеть «социальный заказ» правящих кругов Второй империи. В 1852 г. Евгений Лерминье выпустил книгу «История законодателей и законодательств в Древней Греции», в которой заявил, что любые завоевания могут оказаться напрасными, если завоева-

тель не проявит себя и как законодатель. Е. Лерминье делил всех законодателей на три типа: а) религиозные законодатели; б) законодатели-поэты; в) политические законодатели. Религиозный тип законодателей существовал главным образом на Крите, а в самой Греции таким был только Ликург. Законодателей-поэтов Лерминье находил в Египте, а затем в Греции, где языком реформаторов служил стих. К ним он относил мифических Орфея, Мусея и Лина и реально существовавшего Солона.

Одним из крупных историков Франции был Виктор Дюрюи (1811—1894), государственный деятель, член Французской Академии, с 1863 по 1870 г. министр народного просвещения Франции. В качестве министра он провел ряд реформ, направленных на развитие системы народного образования, в частности расширение сети начального обучения, создание специального среднего образования, женских учебных заведений, увеличение числа высших школ, включение в учебные программы новых языков и др.

Перу Виктора Дюрюи принадлежат такие капитальные произведения, как «История римлян» в восьми томах, «История греков» в трех томах, «Политическая география Римской республики и империи».

В «Истории греков» Дюрюи подчеркивал значение законодательства. Он высоко оценивал Солона, считая его законодательство «гуманным», согласующимся с потребностями Афин. Однако суть этих потребностей Дюрюи не объяснил. Перипетии острой социальной борьбы в Афинах на рубеже VII—VI вв. он сводил к борьбе «традиций» с «нововведениями», «старого» с «молодым». Наибольшей похвалы со стороны Дюрюи заслужили Перикл, как практик, и Аристотель, как теоретик. Считая конституцию Афин V в. наиболее демократичной, Дюрюи «забыл» о ее рабовладельческой сущности.

Из 8 томов «Истории римлян» Дюрюи первые два были опубликованы в 1843—1844 гг., а остальные увидели свет в 1872 г. Республику Дюрюи представляет как правление узкой олигархии, которая завоевав мир, не знала, как им управлять. Разделяя точку зрения Моммзена на услуги, оказанные империей цивилизации, Дюрюи утверждал, что жизнь провинций была настолько добродетельной, насколько жизнь столицы порочной.

История империи была доведена автором до императора Феодосия.

Одним из крупнейших представителей французской историографии второй половины XIX в. был Жозеф Эрнест Ренан (1828—1892). Напуганный революцией 1848 г., Э. Ренан видел основную свою задачу в служении религиозной идее, стараясь с помощью рационализма приспособить религию для служения буржуазии.

Труды Ренана «История происхождения христианства», «Жизнь Иисуса», «Апостолы» и другие обеспечили ему заметное место в буржуазной историографии XIX в. Небывалый успех имела книга «Жизнь Иисуса», выпущенная им в 1868 г. Христос, по Ренану, вполне реальная историческая личность, сын своего времени и своего народа, продукт той географической и исторической среды, в которой он вырос и сформировался как личность, разделяя идеологию современной ему эпохи, включая и ее иллюзии. Ренан не сомневается в факте существования Христа, ибо в противном случае ему представляется невероятным возникновение христианства. Происхождение христианства объясняется Ренаном моральными, а не социально-экономическими причинами. Христианские церкви почти всех толков (за исключением некоторых ответвлений протестантства) резко отрицательно отнеслись к книге Ренана.

В своей последней книге, посвященной христианству, — «Марк Аврелий и конец античного мира» Э. Ренан излагал культурно-политическую историю Рима последних столетий. Основная идея произведения заключается в том, что римская аристократия сыграла свою политическую роль еще в I в. до н. э. Но потенциальные силы великой средиземноморской державы не были исчерпаны. Одной из главных причин победы христианства Ренан считал «властную потребность сердец к обновлению». По его мнению, заслуга христианства заключается в улучшении нравов и установлении равенства людей перед богом. Христианство, по словам автора, положило начало принципу, развитому Сенекой, Вольтером, Руссо и французской революцией и провозгласившему, что человек должен принадлежать только самому себе. Этот принцип подрывал устои рабства и послужил базой новой веры человечества. В то же время Ренан не отрицал, что христианство, как вампир, выпило все соки из античного общества. Многогранная

жизнь театра, форума, празднеств и бранной славы умерла, уступив место жизни бледной, скучной, вялой, аполитичной и антипатриотичной. Общество разделилось на более мелкие группы, секты и уединилось в своих церквях. В этом невольном разоблачении христианской морали и христианского образа жизни состоит немалая заслуга Ренана. Маркс и Энгельс, отмечая известную поверхностность и «эстетический сентиментализм» многих произведений Э. Ренана о христианстве, вместе с тем ценили его критику канонической концепции происхождения христианства.

§ 5. Английская историография античности

Прочные экономические и политические позиции английской буржуазии обеспечили сравнительно сильное позитивистское влияние в английской исторической науке. Во второй половине XIX в. издавались исторические материалы, шла активная публикация источников, оживилась деятельность различных научных исторических обществ, проводились археологические раскопки. Во вновь возникших университетах повысился уровень исторического образования, совершенствовались методы преподавания, усилилась роль специальных семинаров, развивались вспомогательные дисциплины: эпиграфика, топография, нумизматика, папирология. В 70-х годах Ньютон и Хикс стали издавать «Коллекцию древнегреческих надписей Британского музея», а Хикс, кроме того, опубликовал в 1882 г. еще один сборник греческих исторических надписей.

В 1886 г. открылась Британская школа в Афинах, финансируемая за счет частных взносов. В Англии образовалось «Общество поощрения исследований Греции», издававшее свой ежегодник. Англичане вели крупные археологические работы на Кипре, в Египте, в Малой Азии. Благодаря открытиям египтологов Флиндерса Петри, Гарднера, Гриффита было положено начало изучению папирусных текстов эллинистическо-римского периода и возникла новая наука — папирология. Английский историк искусства и археолог Джон Генри Паркер (1806—1884) заведовал раскопками, производившимися Британским археологическим обществом в Риме. Из его многочисленных сочинений наиболее важ-

ны: «Глоссарий терминов в архитектуре» (1850 г., 5-е изд.) и «Археология Рима» (издано в 1874—1877 гг.).

Наряду с разработкой вспомогательных отраслей антиковедения в Англии велось и изучение многочисленных проблем греко-римской истории исследователями разных научных и политических направлений.

Чарльз Мериваль (1808—1894) занимался главным образом историей Римской империи. Еще в 1840 г. он составил краткий конспект истории императорского Рима, а в 1850—1862 гг. опубликовал 8-томный труд «Римская история в эпоху империи». Мериваль стоял за «твердую власть» и одобрял переворот Луи Наполеона во Франции в 1851 г. Возможно, политическими симпатиями объясняется интерес Мериваля к императорской эпохе Древнего Рима. Первые два тома посвящены периоду от первого триумвирата до смерти Цезаря. Позднее автор выразил сожаление, что не начал свое изложение с Гракхов, чтобы была яснее необходимость перестройки всего общества на монархической основе. Мериваль считал Цезаря великим предтечей императоров. Соглашаясь с тем, что частная жизнь Цезаря была порочной, Мериваль готов простить Цезарю любые грехи за благодетельность его «общественных деяний». Заслугу Цезаря английский историк видит в решительной борьбе диктатора с римской олигархией; автор считает ее «самой бесполезной тиранией, которую когда-либо видел цивилизованный мир». Императора Августа Мериваль именует «гениальным человеком», посвящая ему специально два тома своего сочинения. Раннюю империю он идеализирует, отрицательно относясь лишь к некоторым императорам. Игнорируя многочисленные данные источников, Мериваль объявляет всех правителей — от Августа до Пертинакса — строгими блюстителями законов и обычаев. Начало деспотизма историк видит только в конце Римской империи, в чем винит народные массы Италии, которые якобы покорно приняли деспотическую власть, ибо сами были деспотами по отношению к провинциям. Труд Мериваля основан на литературных источниках, новый материал надписей привлечен им очень слабо, что сделало его быстро устаревшим.

Э. Фримэн (1823—1892) — профессор новой истории Оксфордского университета, описывал в своих книгах

не только античность, но и средневековье и новое время. Он создал труды по норманскому завоеванию, по общей истории Европы, по исторической географии, по истории Сицилии в древности и др. Исходя из вульгарно-эволюционистских позиций, Фримэн не проводит резкой грани между античностью, средними веками и новым временем, что фактически означает отрицание исторического прогресса. Историю Фримэн определял как политику прошлого, а политику считал историей настоящего времени. Поэтому политические проблемы заняли в трудах Фримэна центральное место. В античной эпохе Фримэн искал «современные вопросы», модернизируя древние общества, особенно их политический строй. Так, Ахейский союз (III в. до н. э.) он представлял как федеральное государство, подобное Соединенным Штатам Америки.

Перу Фримэна принадлежит 4-томное исследование по истории Сицилии, изданное в 1891—1892 и 1894 гг. В нем Фримэн использовал сравнительно-исторический метод, видя аналогию между древней Сицилией и Британией эпохи норманского завоевания. Автор подробно останавливается на географической и этнической картине Сицилии, на финикийской, греческой и римской колонизации острова, на истории Сиракуз к началу династии Дейноменидов. Особое внимание уделяет он сицилийской тирании, в частности, правлению Гиерона, а также эпохе падения тиранов. Наряду с политической историей Сицилии излагается ее вклад в область культуры, философии и литературы.

Э. Фримэн занимался также древнейшей историей Англии, в том числе вопросом о римском влиянии на английские общинные порядки. Будучи ярым германистом, он отвергал какое-либо положительное воздействие Рима на древнюю Британию. С источниками Фримэн обращался произвольно, фантазировал, писал не столько научный труд, сколько роман. Энгельс в связи с этим говорил в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» о «низкопробных либеральных фальсификациях господина Фримэна»[1].

Джон Магаффи, профессор Дублинского университета, был исследователем папирусов, истории греческой культуры, истории эллинизма. Концепция Магаффи —

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 26—27.

яркое выражение состояния британского либерального антиковедения накануне эпохи империализма. Подобно Спенсеру и другим позитивистам, он признавал прогресс, исторические закономерности которого сравнивал с закономерностями жизни отдельного человека. Основой прогресса Магаффи считал культуру. Как и прочие либеральные идеологи, он высоко ценил свободу и умеренную демократию, называя себя «бесстрастным судьей добра и зла», однако «беспристрастие» Магаффи иллюзорно. Бурная эпоха развертывавшейся классовой борьбы пролетариата против буржуазии сделала из него откровенного защитника капитализма. О пролетариате Магаффи говорит с ненавистью и страхом, именуя его «чернью», «раздраженным и опасным пролетариатом»; социалистические и коммунистические идеи он именует «мечтаниями». Революция, с его точки зрения, есть разрушение, прерывающее «нормальный» ход истории, после чего развитие начинается снова с «простого».

Идеализируя древнейшие периоды развития Эллады, Магаффи объявлял их временами «наивного человеческого сердца» и поэзии. «Илиаду» он приписал одной художественно развитой личности — Гомеру, тогда как «Одиссея» была, по мнению английского ученого, создана более поздним автором. Архаическую Грецию и, по-видимому, Древний Восток Магаффи считал феодальными обществами. Остальные греко-римские социальные структуры он рассматривал как «рабовладельческие», хотя не видел принципиальной разницы между рабовладением и феодализмом. Вместе с тем Магаффи находил в античной эпохе пролетариат, социалистическую идеологию и коммунизм. Все эти моменты делают концепцию Магаффи об общественном строе древности модернистской и эклектичной.

Английский ученый признавал значительное влияние восточной культуры на греческую. Одним из факторов процветания «греческого духа» Магаффи считал «слияние сословий». Эллинские тираны в изображении историка предстают в первую очередь как «распространители цивилизации». В соответствии с либеральными взглядами Магаффи затушевывал классовую борьбу в истории Греции, восхваляя в равной мере и аристократию, и демос, и единоличных правителей. Его симпатию вызывают Перикл, Сократ, Еврипид, поставлен-

ные им в ряд «умеренных политиков и идеологов». Демосфена Магаффи объявляет нравственно великим борцом за «дело свободы и цивилизации против деспотизма». Однако заслуга Демосфена, в его представлении, заключалась лишь в том, что он удачно сыграл свою роль и произнес «могучую эпитафию над могилой угасшей свободы».

Большое место в трудах английского историка занял эллинистический период. Магаффи идеализировал Филиппа II, Александра Македонского, правителей более поздних эллинистических монархий, особенно Птолемеев и Селевкидов. Всех их он сравнивал с энергичным поколением эпохи Возрождения. Эллинизм Магаффи понимал идеалистически — как «великий век космополитической культуры, подготовивший человечество к единству и миру Римской империи». При анализе событий эпохи эллинизма Магаффи выступает уже всецело сторонником умеренной монархии и противником демократии, потому что ему не по душе радикальная демократия греков в III в. до н. э. Характеристика причин кризиса эллинизма у Магаффи весьма поверхностна. Главной причиной он считает отлив населения из Греции, которая перестала быть сердцем эллинистического мира. Имущественной дифференциации как фактору кризиса Магаффи отводит лишь второе место, причем объясняет обогащение одних граждан их бережливостью, а обеднение других — их расточительством.

Итак, английское антиковедение второй половины XIX в. так же, как немецкое и французское, развивалось под большим идейным влиянием позитивизма. Но в связи с распространением социалистических идей, в противовес им, оно обнаруживало реакционные черты, особенно в трактовке социально-политической истории древности.

§ 6. Итальянская историография античности

Новый этап в развитии итальянской историографии начинается на рубеже 50—60-х годов XIX в., когда в Италии была в основном (а к 1870 г. окончательно) решена задача национального объединения. По всей стране была проведена реформа университетского образования, впервые широко поставлено преподавание ис-

тории и вспомогательных дисциплин, стали возникать различные общества по изучению отечественной истории, со своими изданиями, в том числе по археологии, по древней истории. Ведущую роль играла «филологическая школа», с которой связано совершенствование вспомогательных методов исторического исследования, развитие критики источников, улучшение качества публикации документов. Эта школа не ставила перед собой задачи рассмотрения крупных исторических проблем, но подготовленный ею источниковедческий материал несомненно способствовал развитию исторической науки.

Значительно пополнился фонд археологических источников. В середине XIX в. появились публикации собрания этрусских памятников, проанализированные в работе Л. Канина «Древняя приморская Этрурия» (1846—1851). Большое значение имели археологические изыскания Алессандро Франсуа. Его многолетние исследования отражены в труде А. Ноэля де Верже «Этрурия и этруски» (1862—1864). В результате раскопок были обнаружены гробницы, великолепные этрусские саркофаги, другие памятники материальной культуры, а также надписи. Начинается археологическое изучение этрусских городов. Е. Брицио вел систематические раскопки этрусского города Марцаботто. Издавались репродукции памятников этрусского искусства.

Другие археологические раскопки были связаны с городом Помпеи, здесь много и плодотворно потрудился основоположник итальянской археологической школы, общественный деятель, участник борьбы за воссоединение Италии Джузеппе Фиорелли (1823—1896). С 1860 г. он был профессором археологии Неаполитанского университета, занимался изучением античной нумизматики. В 1863 г. его назначают директором национального музея в Неаполе и инспектором раскопок. С этого времени он на протяжении 12 лет руководил планомерными раскопками в Помпеях, поставив их на строгую научную основу. В 1875 г. Фиорелли стал главным директором всех итальянских музеев и раскопок и был отозван в Рим. Но он успел создать хорошую школу учеников, которые продолжали его работы. Результаты раскопок не только описывались, но и становились важнейшим источником для объяснения исторического прошлого.

§ 7. Американская историография античности

Для истории США второй половины XIX в. особенно важное значение имели: гражданская война 1861—1865 гг., в результате которой было сметено рабство, и борьба за завершение буржуазно-демократических преобразований на юге в период реконструкции 1865—1876 гг. Американскую общественную и научную мысль эти события живо интересовали, становясь объектом научных исследований, дискуссий, споров.

Одним из выдающихся прогрессивных американских ученых был Л. Морган (1818—1886) — последовательный противник рабства, много сделавший для улучшения условий жизни коренного населения Америки. Еще в молодости он заинтересовался жизнью индейцев и создал общество, получившее название «Великий Орден ирокезов». Это общество выступало в защиту прав индейцев. В признание заслуг Моргана племя Сенека в 1846 г. торжественно приняло его в свои ряды. 40 лет Морган отдал изучению североамериканских индейцев, половина этого срока — жизнь среди ирокезов. За эти годы Морган собрал богатейший материал для изучения их форм семьи, системы родства в историческом развитии. Система родства и проблема рода становится стержнем дальнейшей исследовательской работы американского ученого.

Над своим основным трудом Морган работал в годы подготовки, развертывания и завершения буржуазно-демократической революции в США. В 1877 г. вышло его сочинение «Древнее общество», которое было высоко оценено основоположниками марксизма. Они видели в исследованиях Моргана прежде всего подтверждение открытого ими материалистического понимания истории применительно к первому этапу развития человечества. При всем положительном значении книги Моргана она не была лишена недостатков, теоретических ошибок, которые были обусловлены отсутствием у автора последовательного материалистического мировоззрения. Он исходил из господствовавших тогда в буржуазной науке традиционных идеалистических схем в объяснении истории общества и лишь в отдельных вопросах стихийно подошел к материализму.

К. Маркс собирался высказать свое отношение к результатам исследования американского ученого в спе-

циальной работе в связи с теми выводами, к которым он пришел сам в своих исторических работах. Но осуществить это намерение Марксу не удалось. Исследование продолжил и завершил Энгельс. Использовав замечания Маркса, результаты работ Моргана, а также основываясь на многочисленных и разнообразных собственных материалах, Ф. Энгельс написал замечательный труд «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

§ 8. Изучение античности в России

С конца 50-х начала 60-х годов начинается новый период в развитии русской историографии. Поражение царской России в Крымской войне, вскрывшее всю гнилость крепостнической системы, нарастание революционных настроений среди масс крестьянского населения, широкое движение в русском обществе за уничтожение крепостного права привели к резкому размежеванию классовых сил в стране, что вызвало обострение идейно-политической борьбы. Важнейшим вопросом общественной борьбы стал выбор путей дальнейшего развития России: через революционную отмену крепостного права и остатков крепостничества или через медленное и болезненное приспособление старой, отживающей системы к новым отношениям путем половинчатых реформ сверху. Революционно-демократическому направлению русской общественной мысли, возглавляемому А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и другими, которые в своей публицистической и научной деятельности отстаивали программу решительных преобразований русского общества, противостояло умеренное либеральное крыло и охранительно-консервативный лагерь, поддерживавший политику царского правительства, направленную на половинчатое решение аграрного вопроса. Вопросы о личной свободе, человеческом достоинстве, о наделении основных производителей — крестьян — землей стали предметом острой идейно-политической и социальной борьбы, которая велась в разных сферах общественных наук, в том числе и в исторической науке. Получила свое отражение она и в русском антиковедении.

Одной из важных особенностей развития русской

исторической науки данного периода является рост влияния историко-философских концепций представителей революционно-демократического направления.

Их общеисторическая концепция содержала ряд плодотворных идей, оказавших воздействие на ход научной разработки различных проблем всемирной истории. Революционные демократы выступали за единство мирового исторического процесса при признании самобытности тех или иных стран, например Западной Европы и России, подчеркивали его закономерность и прогрессивный характер. В отличие от позитивистов они понимали историческое развитие как скачкообразное и диалектическое, видели в историческом процессе периоды эволюционного развития и революционных взрывов. Они уделяли большое внимание роли социальных противоречий, борьбе демократии и аристократии, взаимоотношениям между разными классами. По их мнению «борьба аристократии с демократией составляет все содержание истории». Революционные демократы подвергали резкой критике распространившиеся в русской историографии взгляды так называемой государственной школы с ее идеализацией государственной власти и выдвинули важнейшее положение о необходимости глубокого исследования экономической жизни простого народа, создателя всех материальных и духовных благ.

Хотя Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев и другие не были профессиональными историками, они знали главные произведения античной художественной и исторической литературы, наиболее крупные исследования русских и европейских специалистов. Н. Г. Чернышевский высоко ценил критический метод Нибура. Революционные демократы выработали оригинальную концепцию античной литературы и общего хода античной истории. Их тонкое и глубокое понимание творчества крупнейших представителей античной культуры, великих трагиков V в., гигантов римской литературы — Плавта, Цицерона, Вергилия, Горация, Овидия, Тацита, Ювенала — опиралось на собственное видение греческой и римской истории. Если расцвет античной культуры в целом они объясняли становлением демократических норм жизни, участием широких слоев народа в управлении, выработкой понятия свободы и раскрытием человеческой личности, то переход к Римской империи

привел, с их точки зрения, к глубокому нравственному и культурному упадку, деградации античной цивилизации. В работах революционных демократов показана отрицательная роль христианской религии в историческом процессе античных обществ. Д. И. Писарев в своем произведении «Аполлоний Тианский» подчеркивал в духе французских просветителей XVIII в. такие источники христианской религии, как прямой обман и шарлатанство первых основателей христианского вероучения, спекулировавших на суеверии и доверчивости забитых и угнетенных народных масс.

В работе «О падении Римской империи» Чернышевский подчеркивал крупные достижения античной цивилизации, оценивая ее как более высокую, чем сменившее ее средневековье. Революционные демократы не были связаны с русскими университетами, в рамках которых развивалось отечественное антиковедение. Тем не менее их общие взгляды на ход всемирной истории и конкретные работы по античной литературе и истории, публикуемые в передовых русских журналах, оказывали воздействие как на студенческие круги, так и на специалистов в области антиковедения.

Напряженная и острая борьба в русском обществе вокруг решения крестьянского вопроса и путей дальнейшего социально-экономического развития России в конце 50-х и в 60-х годах не могла не оказать своего влияния на пробуждение интереса в русской исторической науке к социально-экономическим проблемам, в особенности к аграрному вопросу. С начала 60-х годов в русском антиковедении начал формироваться устойчивый интерес к различным аспектам аграрных отношений, главным образом в римском обществе, который стал одной из особенностей русской историографии античности. Еще до отмены крепостного права в 1861 г. П. М. Леонтьев опубликовал статью «О судьбе земледельческих классов в Древнем Риме», где проследил развитие аграрных отношений в Риме с VI в. до н. э. и до конца Римской империи, причем в центре его изложения стоит эволюция римского колоната, который он отождествляет с крепостным правом и в распространении которого видит одну из причин ослабления и гибели Римской империи. Подобная трактовка римского колоната в значительной степени была навеяна борьбой за освобождение от крепостного права.

Приобретает популярность проблема аграрного законодательства и борьбы за аграрную реформу, в особенности связанную с именами братьев Гракхов, деятельность которых обычно идеализировалась. В работе В. Запольского «Братья Гракхи и их законоположения» (1871), в «Очерках Рима в финансовом и экономическом отношениях» П. Комаровского (1869) дан подробный очерк аграрных отношений, уделено внимание развитию рабовладельческих отношений, а также экономической характеристике римских провинций. Комаровский констатирует экономический переворот в Риме, который он связывает с влиянием римских завоеваний в Средиземноморье. По его мнению, это привело к бурному развитию рабства, его пагубному воздействию на все стороны римского хозяйства и общества, прежде всего на сельское хозяйство.

В 1869 г. в Одессе была опубликована монография М. Вольского — профессора только что основанного Новороссийского университета «Рабская обработка земли». В этой работе, основанной на неплохом знании трудов римских агрономов, самым внимательным образом было исследовано римское сельскохозяйственное рабство. Автор начинает свое изложение с III в. до н. э. и заканчивает I в. н. э., констатируя сокращение источников рабства вследствие прекращения завоевательных войн. На смену сельскохозяйственному рабству шли колонатные отношения, краткая характеристика которых дана в книге. М. Вольский отводит довольно много места характеристике плантаторского рабства в Америке XIX в., причем, по существу, не видит особых различий между древним и современным рабством.

Следует, однако, отметить, что указанные выше авторы, разрабатывавшие новую для русской науки экономическую, в частности аграрную проблематику, в значительной степени опирались на выводы европейских исследователей, особенно Дюро де ля Малля, привлекая узкий круг источников. В этих работах широкие обобщения слабо подкреплялись источниковедческим анализом, хотя главные выводы указанных произведений и общая концепция бесспорно обладали известной свежестью и оригинальностью. В этих условиях стремление к историческому синтезу стало восприниматься как склонность к постановке слишком широких проблем, до которых наука еще не доросла. У молодого поколения

ученых складывалось убеждение в необходимости уточнения самих исторических фактов до того, как эти факты будут положены в основание какой-либо теории.

Наметившаяся таким образом переориентация на строго конкретные историко-филологические исследования была стимулирована успехами вспомогательных источниковедческих дисциплин, в первую очередь эпиграфики. Тысячи греческих и латинских надписей, введенные в научный оборот, дали исследователям возможность изучать древность на безусловно подлинной, строго документальной основе.

В России зачинателями нового направления выступили ученые Петербургского университета, представители следующего после Куторги поколения — Ф. Ф. Соколов, И. В. Помяловский, П. В. Никитин. При этом особенно велико было значение научной и преподавательской деятельности старшего из них Ф. Ф. Соколова (1841—1909). Именно Соколов первым в России сформулировал принципиальное положение о необходимости строго фактического, документального исследования древности, и он же одним из первых дал классические образцы такого исследования в своих работах.

В 1865 г. Соколов защитил магистерскую диссертацию, посвященную древнейшему периоду истории Сицилии,— вопросу, слабо исследованному в мировой литературе. Диссертация молодого Соколова — это большой и оригинальный труд, который может служить образцом конкретно-исторического исследования. В ней подробно рассматривались: история древнейших жителей Сицилии (главным образом сиканов и сикулов) до появления греков; затем древнейшие сношения греков с Сицилией, основание греческих колоний в восточной части острова, расширение территории и политическое состояние этих колоний в VIII и VII вв. до н. э.; отношение греков к сикулам и религия сикулов. Уже в этой первой работе проявилась самостоятельность Соколова как исследователя, который, выступая в русле утвердившегося критического направления, протестует против укореняющегося гиперкритицизма, против излишнего недоверия к античной традиции и обусловленного этим увлечения критикой и исправлением текста древних авторов.

С начала 70-х годов Соколов обращается к эпиграфике, которая вскоре становится главным предметом

его научных занятий. Он публикует целый ряд статей, посвященных малоизвестным периодам греческой истории и основанных прежде всего на изучении нового эпиграфического материала. Больше всего его привлекало время эллинизма — III и отчасти II вв. до н. э., но он нередко обращался к исследованию и более ранних периодов. Среди эпиграфических работ Соколова особо следует отметить «Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского» (1879) — исследование, разъяснившее содержание большой афинской надписи (CIA, II, 1, № 161), неправильно понятой У. Келером и И. Дройзеном.

В статьях, публиковавшихся с 1897 г. в «Журнале министерства народного просвещения» под общим заголовком «В области древней истории», затрагивались самые разнообразные сюжеты, главным образом политической истории: хронология так называемого Пятидесятилетия (периода греческой истории от решающих побед в войнах с персами до начала Пелопоннесской войны, т. е. с 479 по 431 г. н. э.), статус афинских военных колонистов — клерухов, взаимоотношения лакедемонян с их союзниками после Пелопоннесской войны, отношения между Македонией и халкидикскими городами в первые десятилетия IV в. до н. э., конституция Этолийского союза, хронология событий греческой истории III в. и римской истории IV в. до н. э. и пр.

Соколов по праву может быть назван отцом русской эпиграфики, и не только потому, что он сам создал ряд работ, бывших образцами эпиграфического исследования, но и потому, что он подготовил целую плеяду блестящих русских эпиграфистов. У него прошли высшую школу ученые, получившие впоследствии мировое признание и ставшие гордостью русской науки: В. К. Эрнштедт, В. В. Латышев, А. В. Никитский Н. И. Новосадский, С. А. Жебелев.

Независимо от Соколова обратился к эпиграфике И. В. Помяловский (1845—1906). Магистерская диссертация Помяловского была посвящена римскому писателю I в. до н. э. М. Теренцию Варрону, его жизни и некоторым вопросам его литературной деятельности (1869). В 1873 г. вышла в свет докторская диссертация Помяловского «Эпиграфические этюды». «Этюды» состоят из двух частей: 1) древние наговоры (Tabulae defixionum) и 2) римские колумбарии. До Помяловско-

го эти разделы эпиграфики не служили еще предметом специальных изысканий ни в русской, ни в своей первой части в западноевропейской литературе. В 1881 г. вышел в свет составленный Помяловским для V Археологического съезда в Тифлисе «Сборник греческих и латинских надписей Кавказа». Это был первый выполненный по строго научным принципам сборник греческих и латинских надписей, найденных на территории нашей Родины.

Другим крупным ученым, также обратившимся в 70-е годы к изучению надписей, был А. В. Никитин (1849—1916). Первоначальное направление научных занятий Никитина — изучение древнейших греческих диалектов — было чисто филологическим, однако показателен был конкретный выбор, свидетельствовавший о стремлении молодого ученого при реконструкции филологических фактов опереться также и на материал надписей. Уже первая печатная работа Никитина «О древнекипрском диалекте» (1875) была основана на глубоком изучении эпиграфического материала. Намеченные в этой первой работе вопросы получили дальнейшую разработку в магистерской диссертации Никитина «Об основах для критики текста эолических стихотворений Феокрита» (Киев, 1876). Новый этап в научной деятельности Никитина был связан с обращением к изучению афинских надписей, именно той их группы, которая касается организации театральных представлений; в связи с этим его исследования приобретают новый, отчетливо выраженный историко-филологический характер. В 1881 г. он опубликовал «Обзор эпиграфических документов по истории аттической драмы», а в следующем году защитил докторскую диссертацию «К истории афинских драматических состязаний» (СПб., 1882). За двадцать с лишним лет до знаменитого австрийского эпиграфиста А. Вильгельма, автора классического по этому вопросу труда «Источники о драматических постановках в Афинах» (1906), Никитин вполне самостоятельно, доскопально исследовал трудный материал официальных аттических документов и на его основе пришел к целому ряду выводов, имеющих принципиальное значение для правильного суждения об организации театральных представлений в древних Афинах.

Большое значение имели труды И. В. Цветаева (1847—1913) — профессора Московского университета,

бывшего наряду с И. В. Помяловским крупнейшим специалистом по латинской эпиграфике. Научные интересы Цветаева в первые два десятилетия его ученой деятельности были сосредоточены в области латинской филологии. Его магистерская диссертация посвящена критическому исследованию текста тацитовской «Германии». Постепенно его филологические изыскания приобретают отчетливо выраженный лингвистический характер. Он обращается к изучению исторической морфологии, и в частности падежных форм латинского языка. При этом он сознает, что изучение явлений латинского языка невозможно без привлечения параллельного материала других италийских диалектов, нашедших отражение в древних региональных надписях «малых народов» Италии.

Результатом самоотверженного труда Цветаева было опубликование ряда сборников эпиграфических памятников, происходящих из Нижней (надписи осков) и Центральной (надписи пиценов, пелигнов, марсов, вольсков, фалисков) Италии. К этим изданиям, которые по справедливости были оценены научной критикой как образцовые, примыкают и отдельные исследовательские статьи, публиковавшиеся Цветаевым в 80-х годах в «Журнале министерства народного просвещения» под общим заголовком «Италийские надписи». Все эти труды — и публикации, и исследования — составили важный этап в развитии италийской эпиграфики и диалектологии. С конца 80-х годов ученый все более стал обращаться к изучению культурных и исторических реалий. Его интересовали и погребальные обряды, и развитие школьного дела и образования у римлян. В Московском университете, перейдя с кафедры римской словесности на кафедру теории и истории изящных искусств, он много сделал для развития искусствоведческих занятий античностью. Его усилиями скромный музей слепков при Московском университете превратился в богатейшую коллекцию, которая легла в основу открытого в 1912 г. Московского музея изящных искусств. И. В. Цветаев был создателем и первым директором этого музея (ныне это Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина).

Наряду с историко-филологическим направлением, заложенным Соколовым, Помяловским и Цветаевым, которое получило большое развитие в русском дорево-

люционном антиковедении, оформилось и другое, которое, отчасти продолжая линию Куторги на широкое историко-философское осмысление античности, отчасти же и независимо от него, вело работу по изучению и популяризации различных сторон античной культуры: литературы, общественно-политической мысли, философии, религиозных и политических институтов и т. п. Это направление может быть определено как культурно-историческое.

В связь с этим направлением можно поставить уже труды В. Г. Васильевского и К. Я. Люгебиля, чье формирование как ученых проходило под непосредственным влиянием М. С. Куторги. Известный впоследствии как создатель отечественной школы византинистов, В. Г. Васильевский (1838—1899) дебютировал в науке магистерской диссертацией по социальной истории Греции в век эллинизма (Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период её упадка (1869). Его интерес к проблемам социальной истории несомненно стоял в связи с современной русской действительностью, с настроениями и интересами русского общества в пореформенное время. В своей диссертации Васильевский едва ли не первым в мировой науке рассмотрел социальное развитие Греции в эллинистическое время, и в частности обстоятельно исследовал реформаторскую деятельность спартанских царей Агиса и Клеомена (III в. до н. э.). Касаясь проблемы спартанских реформ в широком плане, от легендарного Ликурга до вполне исторических реформаторов эпохи эллинизма, русский ученый справедливо указывал на связь этих реформ — или традиции о них — с развитием античной политической мысли. Хотя он и преувеличивал степень воздействия этой последней на социально-политическое движение, например на деятельность позднейших царей-реформаторов, основное направление его мысли было правильным и плодотворным. Оно предвосхищало исследовательские поиски ученых XX столетия, положивших немало труда на решение «спартанской загадки» — проблемы спартанского законодательства в отражении и в интерпретации античной общественной мысли.

Другой слушатель Куторги, позднее занявший в Петербургском университете кафедру греческой словесности, К. Я. Люгебиль (1830—1887), интересуясь, по преимуществу, древнейшими греческими реалиями, по-

святил специальные исследования отдельным политическим институтам Афин в архаическую и классическую эпохи. Это, во-первых, изданная в Германии работа о сущности и историческом значении остракизма, а во-вторых, представленные в качестве докторской диссертации и посвященные главным образом развитию афинского архонтата (со времени гибели легендарного Кодра до V в. до н. э.) «Историко-филологические исследования» (СПб., 1868).

Ученик Люгебиля, позднее профессор Киевского университета П. И. Аландский (1844—1883), обнаружил особенный интерес к социологической интерпретации древней греческой истории. Задачей исторической науки он считал установление главных закономерностей общественного развития, а это последнее, по существу, сводил к смене политических форм. Свои взгляды он изложил в курсе лекций «История Греции» (Киев, 1885). Автор прослеживает здесь развитие греческих городов-государств, главным образом Спарты и Афин, до конца V в. до н. э., причем сосредоточивает внимание именно на внутренних переменах, отвлекаясь от внешней истории. Замечательна высокая (вполне в духе Куторги) оценка афинской демократии, в которой Аландский усматривал «наиболее совершенную форму общинного быта древних греков, представляющую собой наиболее полное выражение того идеала общежития, который сложился в уме эллинов».

Два других ученика Люгебиля — Л. Ф. Воеводский и Д. Ф Беляев (годы жизни обоих — 1846—1901) в значительной степени унаследовали от своего учителя вкус к изучению древнегреческой мифологии, литературы и общественной мысли. Профессор Новороссийского университета Л. Ф. Воеводский занимался исследованиями древнейших мифологических представлений греков, в частности на материале гомеровского эпоса («Введение в мифологию Одиссеи», Одесса 1882). Д. Ф. Беляев, бывший профессором в Казани, также начав с Гомера (Гомеровские вопросы. СПб., 1875), затем обратился к изучению творчества Еврипида и попытался на основании произведений поэта представить картину целостного его мировоззрения (К вопросу о мировоззрении Еврипида. Казань, 1878). В интерпретации Беляева Еврипид — убежденный сторонник такого государственного устройства, при котором демо-

кратическая форма соединяется с преобладающим значением среднего имущественного класса (земледельцев).

Одним из виднейших представителей культурно-исторического направления в русском антиковедении второй половины XIX в. был Ф. Г. Мищенко (1847—1906) — профессор Киевского (1872—1884) и Казанского (1889—1906) университетов. Свою научную деятельность он начал с изучения античной драмы. Его первые исследования были посвящены Софоклу: «Фиванская трилогия Софокла» (Киев, 1872), «Отношение Софокла к современному поэту действительной жизни в Афинах» — магистерская диссертация (Киев, 1874). Последняя замечательна тем, что в ней решение кардинального вопроса об отношении искусства к действительности дается на классическом материале античной трагедии, но в духе передовой эстетической теории Н. Г. Чернышевского.

В античности Мищенко интересовало прежде всего развитие общественной мысли, успехи которой он ставил в прямую зависимость с развитым республиканским строем греческих городов-государств, с их народоправством. Постепенно расширяя круг изучаемых материалов, Мищенко от греческой драмы обратился к прозаической литературе. Переводу и комментированию важнейших памятников этой литературы он и посвятил большую часть своих трудов. В 1879 г. появился его перевод «Географии» Страбона, затем последовали великолепные переводы трудов трех величайших греческих историков: Геродота (1885—1886), Фукидида (1887—1888) и Полибия (1890—1899) и, наконец, перевод речей Демосфена, оставшийся, правда, неоконченным (1903).

Оригинальные исследования Мищенко, связанные по большей части с работой над переводами, могут быть сгруппированы по трем разделам. Это, во-первых, работы, относящиеся непосредственно к истории общественной мысли у древних греков. Здесь после диссертации о Софокле наиболее важными были докторская диссертация Мищенко «Опыт по истории рационализма в Древней Греции» (Киев, 1881), где прослеживалось развитие рационалистического мышления у греков начиная с Гомера и до софистов включительно, и обстоятельные статьи, посвященные жизни и творчеству Геродота, Фукидида и Полибия, публиковавшиеся частью

в виде приложений к переводам, частью же и отдельно. Характерной чертой этих статей было трезвое отношение к источнику, без излишней идеализации, но и без модного в век гиперкритицизма стремления во что бы то ни стало развенчать древний авторитет, на сведения которого между тем мы только и можем положиться.

Вторую группу образуют статьи Мищенко, посвященные политическому развитию Греции в классическое и эллинистическое время, судьбам особенно интересовавшей русского ученого гражданской городской общины. Ряд этюдов касаются отдельных аспектов политической жизни Афин; их написание стояло в связи с изучением вновь найденной «Афинской политии» Аристотеля.

Но еще более важны работы Мищенко, посвященные политическому развитию Греции в позднее, эллинистическо-римское время. Среди них выделяется обширная статья, по существу, целая монография, предпосланная переводу Полибия, — «Федеративная Эллада и Полибий». Если Васильевский первым обратился к изучению социальной истории эллинистической Греции, то Мищенко был новатором в исследовании другой актуальной проблемы, уже чисто политической, — федеративного движения.

Третью группу работ Мищенко составляют иссследования, касающиеся истории античной цивилизации на территории нашей страны. Среди работ этого круга — этюд о торговых связях Афин и Боспора (1878) и целая серия статей о геродотовой Скифии и греко-скифских отношениях. Среди наблюдений и выводов, к которым пришел ученый на основании многолетней работы над изучением сведений Геродота о скифах, важными были заключения о неоднородности скифского населения, об этническом отличии скифов-земледельцев от так называемых царских скифов, о том, что первые обосновались на юге России еще в глубокой древности, были практически местным народом, тогда как вторые явились в эти земли много позже, уже в ходе упоминаемых у Геродота переселений VII в. до н. э.

В развитии культурно-исторических штудий в области римской историографии большую роль сыграла ученая и преподавательская деятельность Н. М. Благовещенского (1821—1892). Его интересы лежали почти исключительно в области античной культуры. Начав

с изучения римской драмы, Благовещенский затем перешел к Горацию, которому посвятил специальный «психологический этюд» — «Гораций и его время» (СПб., 1864; 2-е изд. Варшава, 1878). Здесь он попытался объяснить мотивы, заставившие Горация изменить республиканским идеалам и перейти в лагерь сторонников империи. Благовещенский интересовался не только литературой, но и искусством древнего мира. Ему принадлежит, в частности, обширная и живо написанная книга «Винкельман и поздние эпохи греческой скульптуры» (СПб., 1891), где опровергается восходящий к Винкельману взгляд на греческое искусство эллинистическо-римского времени как на искусство ущербное, клонившееся к упадку.

Благовещенский был выдающимся педагогом, и в Петербургском университете им была подготовлена целая группа специалистов по римской словесности и истории. Среди них упоминавшиеся выше И. В. Помяловский и И. В. Цветаев, а также В. И. Модестов (1839—1907). Последний был горячим приверженцем прогрессивных, либеральных взглядов, отрицательно относился к проводившемуся царским правительством насильственному насаждению формального классического образования, за что неоднократно подвергался гонениям.

Свою научную деятельность Модестов начал с изучения жизни и творчества Тацита. Ему он посвятил свою магистерскую диссертацию «Тацит и его сочинения. Историко-литературное исследование» (СПб., 1864). В ней молодой ученый выступает горячим защитником древнего римского историка от новейших критиков (в частности, от Амедея Тьерри и Чарльза Мериваля). Позднее, уже в 80-х годах, Модестов издал превосходный по точности и по стилю перевод всех его сочинений (1886—1887).

Обнаружившаяся уже в магистерской диссертации склонность Модестова к полемике с новейшим гиперкритическим направлением получила дальнейшее развитие в его докторской диссертации «Римская письменность в период царей» (Казань, 1868). Здесь он резко выступает против скептического взгляда на достоверность ранней римской истории и для опровержения этого взгляда доказывает, что латинская письменность (а стало быть, и письменная традиция) развилась в

очень раннее время, возможно, еще в доримскую эпоху.

Увлечение древнейшей римской историей в особенности проявилось у Модестова в последний период его жизни, когда, выйдя в отставку и проживая подолгу в Риме, он получил возможность близко познакомиться с результатами новейших археологических изысканий в Италии. Итогом его занятий в этой области явился ряд статей, посвященных древнейшим археологическим культурам на Апеннинском полуострове, этно-культурным процессам в архаической Италии и началу Рима. Печатавшиеся первоначально в «Журнале министерства народного просвещения», эти статьи были затем им сведены в книгу «Введение в римскую историю» (ч. I—II. СПб., 1902—1904). В этом труде, получившем европейскую известность, Модестов дал отличный для своего времени обзор доисторических культур на территории Италии, начиная с палеолита и кончая ранним железным веком, культурой Вилланови. Вторая часть была посвящена культуре этрусков и мессапов. Третью должно было составить исследование о расселении и цивилизации древнейших италийских племен «арийского корня» (вольсков, эквов, осков и пр.), однако успели выйти в журнальном варианте лишь отдельные этюды, посвященные этому вопросу («Журнал министерства народного просвещения», 1904—1905).

Модестову также принадлежит лучшее в дореволюционной русской литературе пособие по истории римской литературы, особенно замечательное яркими индивидуальными характеристиками выдающихся латинских писателей (Киев, 1873).

Изучением и истолкованием римской истории в широком культурно-историческом аспекте занимались и другие ученые. В Московском университете много внимания вопросам историографии уделял В. И. Герье (1837—1919), известный более как специалист по новой истории, но читавший лекции и по истории Древнего Рима. В статье «Август и установление Римской империи» («Вестник Европы» 1877, № 6—8) он дал содержательный обзор взглядов историков нового времени на систему принципата. Герье отверг предложенную Моммзеном трактовку принципата как своего рода двоевластия, диархии и высказался за оценку власти Августа как по сути своей монархической.

В Киевском университете видный впоследствии пред-

ставитель украинского буржуазно-либерального и националистического движения М. П. Драгоманов (1841—1895) до своего увольнения в отставку и эмиграции выступил с двумя диссертациями, посвященными Тациту и Римской империи. В своей работе «Император Тиберий» («Киевские университетские известия»), 1864, № 1—2) Драгоманов ставит своей целью защитить политику Тиберия против критики Тацита, которую он считает пристрастной. Магистерская диссертация Драгоманова «Вопрос об историческом значении Римской империи и Тацит» (Киев, 1869) — ценное историографическое исследование, содержащее обстоятельный разбор взглядов на Римскую империю, высказывавшихся в древности и в новое время. Драгоманов связывает эти взгляды с общими, присущими той или иной эпохе историко-философскими воззрениями, в русле которых складывалось мировоззрение соответствующих писателей и ученых.

* * *

Итак, буржуазный историзм второй половины XIX в. сохранял много положительных черт. Поддерживая идею прогресса, ученые-античники основательно разработали политическую историю, концепцию рабства, в целом придерживаясь антимодернизаторской направленности. Основываясь на идейной почве позитивизма, национальные буржуазные историографии отдавали предпочтение тщательному разбору разных видов источников, изучению аспектов социально-политической и культурной истории древности. Но, оставаясь на идеалистических позициях, буржуазные антиковеды не были в состоянии вскрыть закономерности развития греко-римского мира, а страх перед все более распространяющимся марксистским научным мировоззрением привел многих ученых на путь гиперкритицизма и модернизации исторических событий. Этим создавалась почва для кризиса буржуазной историографии накануне эпохи империализма.

ГЛАВА 6. ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. (1890—1917). НАЧАЛО КРИЗИСА БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В конце XIX в. капитализм вступает в свою монополистическую стадию развития. В экономической жизни капиталистических стран играют все большую роль картели и синдикаты, установившие господство на внутреннем рынке и приступившие к дележу мирового рынка. Включившись в безудержную конкуренцию, капиталистические государства усиленно захватывают колонии. Растет милитаризм. Обостряется классовая борьба.

Идейным знаменем рабочего класса становится марксистская теория. В странах Западной Европы возникают влиятельные социал-демократические партии, но их руководство оказывается под влиянием ревизионизма и оппортунизма. Социальные и национальные противоречия наибольшего накала достигают в России, которая становится центром международного рабочего движения и одновременно бастионом передовой марксистской теоретической мысли. Высшим достижением многовекового развития мировой науки и культуры становится ленинизм, теоретически обосновавший и практически подготовивший социалистическую революцию.

§ 1. Новые тенденции в буржуазной науке о древности

Начало XX века — это время кризиса буржуазной исторической мысли, который был одним из проявлений общего кризиса буржуазной идеологии эпохи империализма. Противоречие между идеалистическим подходом и усложнившимся предметом исторической науки обнаружило методологическую слабость всех важнейших теоретических установок, господствовавших в историо-

графии XIX в., и прежде всего позитивизма. Ее кризису способствовали открытия в области физики, воспринятые буржуазными историками как крушение позитивистских представлений и иллюзий о прогрессе.

Теоретико-методологической основой буржуазного антиковедения XX в. стали различные идеалистические течения и системы и прежде всего неокантианство. Подвергнув критике идею единства научных знаний, неокантианцы, например Вебер, доказывали специфику истории, имеющей якобы дело лишь с отдельными единичными, неповторимыми событиями. Сводя задачу исторической науки к описанию специфического, единичного, неокантианцы отрицали самую возможность исторических законов. Признавая необходимость в истории определенных общих понятий, они подчеркивали, что эти понятия не отражают реальную закономерность и играют исключительно служебную роль. Конкретной реализацией неокантианства была циклическая теория в том ее варианте, который возник в начале XX в.

Отрицая возможность познания истинных причин событий, теория психологической несовместимости людей, отделенных веками, служила оправданием модернизации истории. Суть последней заключается в перенесении явлений, свойственных новому времени, в более древние эпохи, что объективно искажает историческую действительность. Историки рядили героев античного мира во фраки и цилиндры финансистов или в рабочие блузы пролетариев, придавали храмам облик биржей и банков, переименовывали мастерские в фабрики, чтобы на классических примерах утвердить взгляд об извечности капиталистических отношений.

Глубокое влияние на развитие исторической мысли в конце XIX — начале XX в. оказало учение Ч. Дарвина об эволюции. Основные положения дарвиновской теории, безусловно верные в применении к развитию животного мира (борьба за существование, естественный отбор), стали механически переноситься на историю человечества. Возник социал-дарвинизм. Его апологеты рассматривали историю с точки зрения «выживания достойнейших», проводя аналогии между обществом и биологическим организмом, вводили понятие «молодых и старых народов», «растущих и разлагающихся наций». В области античности социал-дарвинистские концепции нашли воплощение в попытках объяснить причины падения

Римской империи вырождением римской нации, заменой италийской крови восточной.

Эпоха колониальных захватов отражается в прославлении грубой силы. Культ силы уже в этот период сочетается с проповедями национальной нетерпимости и расизма. В то же время в исследованиях, которые проводят отдельные ученые западных стран, нельзя не видеть положительных черт, обусловленных расширением источниковой базы, кооперацией исследований и особенно влиянием передового марксистского учения. Опровергая марксизм, буржуазные историки втягивались в изучение проблем социально-экономической истории. В их работы проникает мысль, что историю Греции и Рима нельзя более трактовать как сумму деяний великих людей. Социально-экономическая история превращается в буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. в важную отрасль исторического знания.

Обращение к экономической и социальной истории древнего мира способствовало изменению характера науки о древности, терявшей черты любования высотами эллинского духа и совершенством римской военно-политической организации и приближавшейся к пониманию реальных основ жизни греков и римлян. В то же время выделение экономических и социальных факторов не означало, что историки экономического направления рассматривали их как решающие в историческом процессе. Напротив, анализ экономических отношений и социального вопроса в древности зачастую имел своей целью показать решающую роль государства, политики, права.

§ 2. Расширение источниковой базы и изменения в организации научных исследований

С 80-х годов XIX в. в невиданных ранее масштабах осуществляются археологические раскопки, охватившие всю обширную зону античного Средиземноморья.

Археологи конца XIX в. вскрывали целые комплексы памятников на больших площадях, что позволяло установить принципы античного градостроительства, уточнить планы античных городов, выяснить устройство общественных построек, фортификационных сооружений, сельских вилл. Каждодневная жизнь античного ми-

ра предстала перед людьми нового времени не в отрывочных описаниях древних авторов, а в ощутимом разнообразии памятников материальной культуры.

В ходе раскопок за два-три десятилетия было выявлено больше надписей на твердом материале, чем за предшествующие три столетия. Это не могло не сказаться на состоянии эпиграфики. Вновь найденные и прежде известные надписи публикуются в новых собраниях. На смену издававшемуся в 1825 г. «Корпусу греческих надписей» приходит новый, «Корпус аттических надписей. CJA», «Надписи Греции. JG.» (с 1873 г.). К 1899 г. было издано 15 томов «Корпуса латинских надписей».

Семимильными шагами продвигается новая вспомогательная дисциплина — папирология. В результате раскопок в Египте выявляются многие тысячи папирусных отрывков с хозяйственными или административными документами, произведениями художественной литературы. К концу XIX и началу XX в. относится издание важнейших папирусных серий.

Новый толчок в своем развитии получает одна из старых вспомогательных дисциплин — нумизматика. Массовые находки монет подняли их значение как точного датирующего материала, расширилась возможность их использования для решения вопросов экономической, политической и культурной истории античного мира.

Кооперация и индустриализация как символы времени распространяются и на организацию научных исследований в области древней истории. Создаются институты, объединяющие группы исследователей и технических сотрудников. Они берутся за работы, осуществление которых было не под силу ученым-одиночкам. Новые возможности открываются вследствие сотрудничества между научными учреждениями разных стран. Так, в результате кооперации между прусской и датской академиями наук издается «Корпус греческих медиков». Академии Лейпцига, Мюнхена и Вены предпринимают издание «Сокровищницы латинского языка» — словаря, охватывающего многовековое развитие латыни. Своеобразной кооперацией ученых в международном масштабе выступают конгрессы историков, объединявшие специалистов по истории всех эпох, а также филологов-классиков и археологов. Конгрессы в Париже (1900),

Риме (1903), Берлине (1908), Лондоне (1913) имели секции древней истории, эпиграфики, классической археологии.

Для ориентировки специалистов в имеющемся материале и в степени разработанности отдельных проблем античной истории в целом создаются специализированные энциклопедии и справочные пособия. С 1882 г. Г. Виссова, а позднее В. Кролль приступили к коренной переработке выходившей в середине XIX в. «Реальной энциклопедии классической древности Паули». Эта работа, продолженная учеными нескольких поколений, вылилась к 1974 г. в создание 80 монументальных томов, дающих наиболее полное представление о состоянии знаний в области античной истории. Составленный группой французских ученых, десятитомный «Словарь греческих и римских древностей» содержит наряду с текстами статей о политических учреждениях, праве, религии, искусстве, быте греков и римлян также воспроизведения древних памятников по соответствующим сюжетам.

На новом филологическом уровне осуществляется Тейбнеровское издание греческих и латинских авторов с вводными статьями и комментариями на латинском языке. Такого же типа издание текстов древних авторов выходит во Франции. Оно носит имя родоначальника французской классической филологии Г. Бюде.

С конца XIX в. в Германии под наблюдением И. Мюллера стала издаваться серия: «Руководства по науке классической древности». Каждое из них давало систематическое изложение истории накопления источников, поднимаемой ими проблематики, методики исследования и достигнутых научных результатов.

К началу XX в. археологические раскопки перестают быть делом энтузиастов и переходят в руки государственных учреждений или научных обществ, хотя в финансировании их по-прежнему значительную роль играет частное благотворительство. Раскопки нередко сопровождаются рекламой, цель которой далека от развития подлинной науки.

Центрами хранения и исследования памятников античного искусства и истории становятся музеи. Коллекции предметов, относящихся к античности, весьма обширны. Некоторые из них преследуют учебные цели (музеи слепков). Каталогизация музейных собраний выходит за национальные рамки, объединяя группы памятников всех стран.

§ 3. Германская историография античности

Реакционные тенденции и положительные черты буржуазной историографии античности начального периода империализма ярче всего проявились в немецком антиковедении, занимавшем ведущее место в европейской науке.

Одним из наиболее авторитетных историков древнего мира в Германии и за ее пределами был Эд. Мейер (1855—1930), крупный специалист в самых различных областях древневосточной, греческой, римской истории и раннего христианства.

Делом всей жизни Эд. Мейера стала пятитомная «История древности», вышедшая первым изданием в 1884—1902 гг. Выходу каждого из томов этого основного труда Эд. Мейера предшествовало появление специальных работ по наиболее спорным вопросам истории Востока, Греции и Рима. Эти специальные работы были объединены в тома «Исследований по древней истории».

Заслугой Эд. Мейера было утверждение универсально-исторического подхода к древности, пришедшего на смену тому пониманию места культуры греков и римлян, которым оперировала гуманистическая историография и которое дошло до нас в термине «античность». Народы Передней Азии и Средиземноморья рассматриваются им в постоянном взаимодействии, и античная культура трактуется как их общее достижение. Смешение культур в ходе более или менее длительного процесса взаимовлияния народов приводит к созданию «культурных комплексов». Эд. Мейер говорит о существовании трех таких комплексов: 1) восточного и эллинского, перерастающих впоследствии в римско-эллинский; 2) комплекса христианских стран и ислама в середине века и в новое время; 3) восточноазиатского комплекса (Индии и Китая).

Взгляды Эд. Мейера на социально-экономические проблемы древности сложились в полемике с представителями немецкой школы политической экономии, настаивавшими на примитивности хозяйственных форм древности. К. Бюхер (1847—1930), развивший в своей книге «Возникновение народного хозяйства» (1893) теорию ойкосного хозяйства Родбертуса, установил три фазы экономической эволюции человечества: 1) ступень замкнутого домашнего хозяйства (период хозяйства без

обмена); 2) ступень городского хозяйства (период прямого обмена); 3) ступень народного хозяйства. Прилагая свою экономическую схему ко всемирной истории, Бюхер отнес к первой фазе всю древнюю историю и значительную часть средневековой (до конца первого тысячелетия н. э.).

Это вызвало резкие возражения Эд. Мейера. Последний был уверен, что уже в древности существовали промышленность, развитая торговля, что капитал играл чрезвычайно важную роль в экономике и государство во внешней политике руководствовалось интересами капиталистов. В этой связи Эд. Мейер утверждал, что рабство не было основой натурального хозяйства в античном мире, а, наоборот, вело к развитию капиталистических отношений в древности. Эд. Мейер пытался доказать, что античный мир переживал стадии общественного развития европейского общества, что там были свои средние века и феодализм, свой капитализм, своя эпоха упадка и возвращения к примитивным общественным отношениям. Эта теория циклизма была реализацией идей неокантианства.

В 1903 г. Эд. Мейер выступил со статьей «Император Август», выросшей в монографию «Монархия Цезаря и принципат Помпея» (1919). Вопреки Моммзену, идеализировавшему Цезаря и считавшему, что Август развил политические начала, заложенные Цезарем, Эд. Мейер противопоставил политический режим Августа режиму Цезаря. Первый он считает развитием принципата Помпея, а последний — прообразом монархии, появившейся много столетий спустя, во времена Константина. Принципат — это порядок, при котором защитником республики выступает первый гражданин — принцепс. Августа как принцепса Эд. Мейер считает действительным восстановителем республики, а Цезаря — создателем монархии восточного типа.

Выдающимся знатоком литературных источников и исследователем истории Древней Греции был У. Виламовиц-Меллендорф (1848—1931). Он одним из первых откликнулся на находку «Афинской политии» Аристотеля и создал монументальный труд «Аристотель и Афины». Виламовиц-Меллендорф стоял на идеалистических позициях, но был далек от той явной модернизации, которая характерна для работы Эд. Мейера.

Наиболее реакционные черты немецкой буржуазной

историографии воплотились в трудах К. Белоха (1854—1929). Уже в своей первой крупной работе «Аттическая политика со времени Перикла» он выступил как откровенный модернизатор и реакционер. В отрицательной оценке вождя афинской демократии сказывается ненависть Белоха к современному ему революционному движению. Но вместе с тем Белох создал ценное исследование, посвященное изучению вопроса о численности населения греко-римского мира. В нем он один из первых применил к древней истории статистический метод. Однако с помощью статистики Белох пытается подкрепить ошибочное положение о малочисленности рабов в древних государствах и незначительной роли рабского труда. Главная работа Белоха — «Греческая история», вышедшая двумя изданиями, сначала на итальянском, а затем на немецком языке. Наряду с изложением фактов экономической, политической и культурной истории в этом труде находятся главы теоретического характера «Роль личности в истории», «К историческому методу». Склоняясь в оценке роли личности к позитивизму и давая основание думать, что он признает историческую закономерность, Белох в той же главе утверждает, что история есть искусство, и следует не научным, а художественным законам. Определяющей чертой изложения Белохом древнейшего периода истории Греции является разрушительная критика исторических преданий греков.

Белох занимался не только историей Греции, но и историческими судьбами народов древней Италии. В книге «Италийский союз под гегемонией Рима» сделана попытка определить территорию Римского государства и численность римских граждан.

Одновременно развивается научная деятельность Р. Пёльмана (1852—1914). В работе «Перенаселение крупных античных городов в связи с общим развитием городской цивилизации» (1884) он обращается к проблеме, которая приобретает актуальность в жизни капиталистической Европы конца XIX в. Сравнивая Александрию и Древний Рим с Лондоном, Парижем, Берлином, Пёльман выявляет присущие им рост нищеты, антисанитарию, эпидемии как симптомы общей «социальной болезни». Если в ранних работах Пёльман исследовал отдельные стороны социальной жизни древнего мира, то в «Истории античного коммунизма и социализма»

(1893—1901) темой изучения стал социальный вопрос в целом. Р. Пёльман рассматривает его на фоне экономической жизни Древнего Рима и пытается связать с развитием форм собственности. Он не отрицает существования в Греции общинных форм собственности, а, напротив, принимает их как основу дальнейшего развития. Но эта организация, по его мнению, сохранялась недолго благодаря раздробленности территории Греции и «врожденному индивидуализму индоевропейских народов».

В той части труда, которая посвящена социальным утопиям древнего мира, Пёльман имеет целью показать тождество античного и современного социализма. Понимая социализм как реакцию народных масс на обнищание и их мечту об улучшении имущественного положения, Р. Пёльман находит элементы социализма всюду, где были зачатки «капиталистических отношений». Что касается «развитого капиталистического общества», каким он считает Грецию V—IV вв. до н. э., то там он отыскивает настоящие социалистические теории. Идеальнейшим из социалистов древности Пёльман признает Платона, видя в его «Государстве» развитие тех же идей, которые под влиянием сходных экономических условий пропагандируют современные социал-демократы. Основу взглядов Р. Пёльмана составляют положения так называемого «этического социализма» в его самом реакционном варианте как неосуществимой иллюзии, выработанном Марбургской школой неокантианства.

Видным историком Древней Греции был Г. Бузольт (1850—1920). Его «Греческие государственные и правовые древности» стали для историков Греции тем же, чем для истории Рима было «Римское государственное право» Т. Моммзена. Труд Г. Бузольта основывается не только на литературных источниках, но и на использовании надписей, а в более поздних изданиях — и папирусов. Бузольт исследовал греческий полис на его конкретной географической и этнической почве, выявляя не только политические, но и социально-экономические отношения. Гиперкритическая мода мало затронула Г. Бузольта, и он сдержанно оценивает труды Белоха и Пёльмана.

Общей истории эллинизма посвящена двухтомная работа Ю. Керста. В отличие от Дройзена, Керст глав-

ное внимание уделяет не описанию военной истории эллинистических государств, а раскрытию сути эллинизма, его черт, сформировавшихся в процессе превращения города-государства в эллинистические монархии. Большой вклад в изучение истории эллинистического Египта внес Ульрих Вилькен (1862—1944). Совместно с Л. Митейсом он составил четырехтомную хрестоматию документов эллинистического Египта.

Наиболее полным в немецкой историографии трудом по истории Поздней Римской империи является 6-томная «История упадка античного мира» О. Зеека. В ней наряду с исследованием политической формы императорской власти — домината, бюрократизации государственного аппарата содержится также анализ социально-экономического положения Римского государства. Главную причину гибели Римской империи Зеек видел в прогрессирующем истреблении «лучших людей» — аристократов и в распространении культуры среди чуждой образованности провинциальной массы.

Историей военного искусства древности в эти годы занимаются как кабинетные ученые, так и профессиональные военные. В этом отношении характерна фигура Г. Дельбрюка (1848—1929), выходца из прусской военной семьи, участника битвы при Седане. Г. Дельбрюк начинает «Историю военного искусства в рамках политической истории» с греко-персидских войн, считая данные Гомера и предшествовавших ему памятников восточной литературы о военном деле недостоверными. Дельбрюк делает попытку пересмотреть сведения античных авторов о численности армий, участвовавших в крупных войнах древности, и приходит к парадоксальному выводу о численном превосходстве греческой армии над персидской в период греко-персидских войн.

К достоинствам труда Дельбрюка следует отнести разбор ряда военных операций с профессиональной точки зрения, установление фактического хода военных событий, разрушение многих легенд, долгое время державшихся в военной истории.

В толковании истории религии в Германии, как и в других странах, столкнулось два направления. Одно из них может быть условно названо «антропологическим», другое — филологическим. Приверженцы антропологического направления были уверены в том, что верова-

ния и мифология греков, обрядность римской религии соответствуют религии «первобытных обществ» и слабо затронутого городской культурой крестьянского населения Европы. На этой основе возникло толкование Г. Узенером (1834—1905) италийских мифов в статье опубликованной в 1875 г.

В другой своей работе «Троица» (1903) Узенер выяснил важный для понимания древних религий принцип троичности. Справедливо считая, что «имена богов едва ли не самое древнее, что мы о них знаем», Узенер попытался по ним изучить становление религиозных верований.

Как показатель растущего разложения буржуазной культуры, можно рассматривать появление пессимистической теории древнегреческой мифологии, где вместо пластики и безоблачной красоты детства человечества на первый план выступали экстазы и темные инстинкты человеческой души. Эти взгляды, восходящие к философу-мистику Ф. Ницше, нашли наиболее полное выражение в книге Эрвина Роде (1845—1898) «Псюхе».

В вопросах возникновения и истории раннего христианства в немецкой науке конца XIX и начала XX в. столкнулись две школы — мифологическая и историческая.

Первая из них — виднейшим ее представителем был Артур Древс (1865—1935) — распространила гиперкритику на область истории христианства. Древс не только отрицал историчность Иисуса, но видел в нем мифического героя наподобие Ликурга и Ромула. Все сведения *нехристианских авторов об Иисусе и о преследовании* христиан в I в., в том числе и сообщение Тацита о гонении на христиан при Нероне, он объявлял подделками.

Более солидный характер носило 7-томное исследование о раннем христианстве А. Гарнака (1851—1930). Оно было основано на тщательной критике новозаветных текстов как исторических источников. С точки зрения Гарнака, в Евангелиях отразилась та форма христианства, которая сложилась около 70 г. н. э., а местом возникновения новой религии была Палестина, а не диаспора. Открытия кумранских текстов показали правильность многих положений А. Гарнака и беспочвенность гиперкритики А. Древса.

§ 4. Французская историография античности

В конце XIX в. завершается переход капиталистической Франции в стадию империализма. Жестокое поражение Франции в войне 1870—1871 гг. придало соперничеству с Германией исключительную остроту и страстность. Давая ответ на вопросы о происхождении французской нации, роли в ее формировании романских и германских элементов, античная история приобретала особую актуальность. Этому способствовали также обострение классовой борьбы и поляризация сил демократии и реакции. Как сторонники буржуазной демократии, так и ее противники использовали факты античной истории для аргументации политических концепций. Обладая давними традициями классического образования, Франция не уступала Германии в разработке фундаментальных проблем древней истории и классической филологии и соперничала с ней в области археологических, эпиграфических и нумизматических исследований.

Значительную активность проявляла в эти годы французская археологическая школа в Афинах. Одним из наиболее значительных ее предприятий были раскопки на Делосе (1877—1880), игравшем благодаря своему святилищу Аполлона и географическому положению большую роль в экономической и культурной жизни Восточного Средиземноморья. Еще более результативными оказались французские раскопки общегреческого святилища и оракула в Дельфах (1893). Они во многом изменили представления о развитии греческой скульптуры и архитектуры, уточнили знания об организации культа. Большой исторический материал для понимания жизни в римских провинциях дали раскопки городов Тимгада, Ламбезиса, Карфагена, Волюбилиса в Северной Африке. Одновременно начались исследования созданной римлянами на границе с пустыней оборонительной системы.

Организованный характер приобрели раскопки на территории Франции, выявившие памятники греческой, кельтской и галло-римской культур. Созданные при университетах кафедры археологии и региональные общества любителей древностей взяли на себя проведение раскопок и публикацию находок. О масштабах этой деятельности можно судить по четырехтомному «Руководству по доисторической, кельтской и галло-римской

археологии» (1908—1915) Ж. Дешелетта (1862—1914). В конце XIX в. сложилась школа французских эпиграфистов, давшая такие блестящие имена, как Р. Канья (1852—1937). Не меньшим признанием пользовалась французская нумизматика, представленная трудами Ж. Бабелона (1854—1924). Раскопки в Файюме, Антинополе и в других местностях Египта обогатили французские собрания папирусов.

Широкий размах приобрела во французской науке модернизация экономической истории античности. Французские модернизаторы особое внимание обращают на деятельность древнегреческих и древнеримских ростовщиков, в которых видят банкиров древности (например, работа П. Делуме «Римские дельцы»). В этом бесспорно сказалось своеобразие французского империализма, который В. И. Ленин определил как ростовщический.

Сильные позиции в исследовании социальной и экономической истории античности занимала школа Фюстель де Куланжа. Ученик Фюстеля П. Гиро (1850—1907) известен своими работами по истории земельной собственности (1893), ремесленного производства Греции (1900). Ему принадлежит также сборник статей по экономике античного мира (1905) и хрестоматия по частной и общественной жизни греков и римлян. Подобно своему учителю, Гиро решительно отвергает тезис об общинном характере земельной собственности в гомеровскую эпоху.

Острая дискуссия возникла во французской науке по проблемам афинской демократии. Профессор Страсбургского университета и Парижского католического института Э. Кавеньяк (1876—1963) перенес свою ненависть к французскому рабочему классу на изображение афинского демоса. Афинская демократия для него — это «анархия» и «антинациональный режим», демос — «канальи», а его предводители — «крикуны». Главный порок афинской демократии, по его мнению, в том, что она предоставляла власть невежественным людям, отстраняя от управления государством людей богатых и влиятельных. Зато олигархическая Спарта и Сиракузы времен Дионисия Старшего вызывают у Кавеньяка восхищение, поскольку, как он считает, ими был установлен «законный порядок». Эпаминонду Кавеньяк дает исключительно негативную оценку, так как он под-

рывал гегемонию Спарты и «не считался с возможностями своего народа».

С иных позиций освещается история афинской демократии в работах А. Круазе (1845—1923) — «Античные демократии» (1909), «Аристофан и Афины» (1906). Защищая афинскую демократию от ее современных и древних недругов, Круазе настаивает на том, что демократическая организация сама по себе неповинна в «анархии», в отсутствии дисциплины. Что касается афинской демократии, то она была далека от крайностей нового времени. Политическая борьба «пятидесятилетия» между демократами и аристократами, с точки зрения А. Круазе, отличалась сдержанностью и умеренностью так же, как и внешняя политика Перикла, а «социализм», хотя и не был вовсе чужд афинянам, не представлял серьезной угрозы демократии. Считая демократию «одним из величайших творений греческого гения», Круазе затушевывает ее историческую ограниченность. Так, он уверяет, что существование рабства не наложило на демократию особого отпечатка, поскольку в Афинах наиболее многочисленный класс составляли не рабы, а свободные бедняки.

Со времени выхода «Истории эллинизма» Дройзена появился папирологический и эпиграфический материал, сделавший необходимым новое освещение истории эллинистических государств. Это понял переводчик Дройзена и исследователь античной религии и астрологии Буше-Леклерк (1842—1923), взявший на себя задачу написать труд, подобный дройзеновскому, но на новом материале. Два тома «Истории Лагидов» (1903—1907) Буше-Леклерка посвящены политической истории эллинистического Египта, земельным отношениям, ремеслу, торговле, налоговой системе, военному делу. Рассматривая историю государства Селевкидов в другой своей работе, Буше-Леклерк распутывает ряд сложных хронологических вопросов. Его задачей является также установление на материалах надписей особого положения греческого города.

История эллинистических государств Малой Азии привлекла внимание Т. Рейнака (1860—1928). В своей первой работе «Три царства Малой Азии: Каппадокия, Вифиния, Понт» (1888) Рейнак ввел в научный оборот монеты, что ему позволило по-новому осветить вопросы хронологии этих эллинистических государств. Другая

работа — «Митридат Евпатор, царь Понта» (1890) представляет собой тщательное, основанное на литературных, эпиграфических и нумизматических данных исследование политической истории Понтийского царства, превратившегося к началу I в. до н. э. в черноморскую державу.

Историей Рима в широком плане занимался Г. Буассье (1823—1908). Будучи далек от гиперкритики, он ставил своей целью подтвердить данные античной традиции с помощью археологии, доказывая, например, реальность троянской колонизации Италии. Мировоззрение Буассье отчетливее всего выявляется в работах, посвященных идеологической борьбе в римском обществе: «Картины древнеримской жизни. Очерки общественного настроения времен Цезарей» (1896); «Падение язычества» (1892). Давно уже минуло то время, когда французские ученые прославляли раннее бунтарское христианство и осуждали позднее за его конформизм. Г. Буассье выступает с апологией христианской церкви времени падения Римской империи. Ей приписывается роль спасительницы античной культуры от катастрофы, в которую она была ввергнута вторжением варваров. С большим литературным талантом автор описывает последних носителей античной мысли и культуры, изображая их застарелыми реакционерами, а империю — живым трупом. Если Вольтер в борьбе с реакцией и католицизмом видел в Юлиане Отступнике своего союзника, то для Буассье Юлиан — «благочестивый мистик» и близорукий политик, пытавшийся провести в жизнь программу неоплатоников.

Посвящая часть труда языческому и христианскому воспитанию, Буассье стремится доказать, что христиане не были враждебны античной образованности, как это явствует из трудов Тертуллиана и Августина, а усвоили ее «здоровые элементы». Именно поэтому, считает Буассье, христианство сыграло исторически прогрессивную роль, сохранив и передав средним векам наследие античной культуры.

Расширение французской колониальной империи, в частности колонизация Туниса и Алжира, дало в распоряжение французских ученых ценный эпиграфический и археологический материал и способствовало появлению ряда фундаментальных исследований по истории Римской Африки. Один из пионеров ее археологического изучения Ст. Гзелль (1864—1932) создал капитальный

труд «История Африки в древности» (1914). Гзелль дает в целом объективную оценку римской политики. Так, он указывает на опасные последствия оттеснения берберских кочевников к Сахаре и лишения их земель, пригодных для земледелия. Широко использует Гзелль эпиграфический материал, восстанавливая полнее, чем его предшественники, историю колоната.

Наряду с общими работами по истории Северной Африки в античную эпоху появляются исследования, посвященные римскому завоеванию, римской оккупационной армии. Написанные одним из лучших эпиграфистов того времени Р. Канья, они включают всю научную информацию надписей.

Работы французских ученых по истории Галлии, созданные в конце XIX — начале XX в., основывались на новом эпиграфическом и археологическом материале и уже поэтому находились на высоком научном уровне. Это прежде всего относится к 8-томному труду К. Жюллиана (1859—1933) «История Галлии». В работе выяснены социальные, экономические, религиозные, этнические аспекты истории кельтов, прослежены их отношения с соседними народами Европы, исследован длительный процесс романизации.

На характер работ французских ученых о галлах и Галлии наложили отпечаток современные политические события — поражение Франции в войне с Пруссией. Подобно тому как в Германии создавались работы, героизирующие Арминия, возглавившего сопротивление древних германцев римской агрессии, К. Жюллиан воссоздал героическую эпопею Верцингеторига — борца за кельтскую свободу (1901).

Рост количества памятников античного искусства потребовал новой их систематизации. Она была осуществлена С. Рейнаком (1858—1932), принимавшим участие во всех крупных французских раскопках конца XIX в. и составившим описание всех греческих и римских статуй, рельефов, расписных греческих и этрусских ваз, картин и мозаик. С. Рейнаку принадлежит превосходная по материалам общая история пластических искусств (см.: Аполлон. Общая история пластических искусств. Авт. пер. с франц. И. Г. Самсоновой. М., 1924. Лекции, читанные в Высшей школе при Лувре). Среди работ С. Рейнака было исследование по истории Боспорского царства.

Археологические раскопки на территории бывших западных провинций Римской империи дали в распоряжение французских ученых огромное количество эпиграфических свидетельств о религиозных верованиях. Они были обобщены Жюлем Тутэном (1865—1961) в работе «Языческие культуры в Римской империи» (1907, т. I; 1911, т. II; 1920, т. III). Тутен рассматривает распространение официального культа императоров, культа восточных божеств, характер локальных культов, изучая тенденцию синкретизма. Он поставил также вопрос о социальном положении носителей тех или иных культов.

§ 5. Английская историография античности

Уступая немецкой и французской науке в энциклопедичности и систематичности освещения античной истории и культуры, английское антиковедение, начиная с 90-х годов XIX в., постепенно выдвигалось на первый план и начало во многих отношениях задавать тон. Этому способствовали богатейшие музейные собрания, постоянно пополняемые за счет новых раскопок и приобретений. Сокровищницей античных памятников был Британский музей с его собраниями скульптур, ваз, монет, гемм. Ценные собрания древностей имелись в Оксфорде и Кембридже. С 1886 г. Великобритания имела свой археологический институт в Афинах, а с 1905 г. — в Риме. Институты выпускали периодические издания «Ежегодник Британской школы в Афинах», «Документы Британской школы в Риме». Наличие британских научных центров в странах античной цивилизации позволило английской археологии занять одно из ведущих мест. Наиболее результативными в научном отношении оказались раскопки английского археолога А. Эванса (1851—1941) на острове Крите (с 1900 г.). Эвансом были открыты остатки кносского дворца с многочисленными дворцовыми и хозяйственными сооружениями, обнаружены настенные фрески своеобразного стиля и глиняные таблички с пиктографическим и линейным письмом. Неведомую ранее культуру Эванс назвал минойской (по имени легендарного царя Миноса) и предложил ее периодизацию, принятую и ныне. Археологическому исследованию с целью выявления остатков римских городов-крепостей и укрепленных линий подвергалась и территория самой Англии.

Велики заслуги английских ученых по систематизации и введению в научный оборот нумизматического материала. Полную историю греческих монет дали Хед и Гарднер (1846—1937). Хед написал историю греческого монетного дела, в которой большое место заняли экономические вопросы.

В силу британского господства в Египте (с 1882 г.— колония) английские ученые первыми начали там систематические поиски и раскопки с целью открытия греческих и латинских папирусов. Пионером был У. Флиндерс Петри, отыскавший множество папирусов. Среди папирусов, приобретенных в Египте Британским музеем, была важнейшая из «Политий» Аристотеля — «Афинская полития». Ее издание в Лондоне Ф. Кенионом (1891) произвело переворот в знаниях по истории Афин.

Английское общество «Фонд по исследованию Египта» с 1892 г. начало издавать ежегодные отчеты о раскопках и находках в Египте. По поручению общества Б. Гренфель и А. Хант произвели раскопки в Оксиринхе, к югу от Каира. Были обнаружены тысячи папирусов разнообразного содержания, в том числе неизвестные отрывки из сочинений Пиндара, Менандра, Еврипида. списки победителей на Олимпийских играх, множество деловых документов. Оксиринхская серия папирусов была опубликована в 1898—1911 гг. и насчитывает 10 томов. Кроме того, в 1899—1900 гг. Гренфель и Хант произвели раскопки древнего поселения Тебтюнис и обнаружили более тысячи документов птолемеевской эпохи, преимущественно с 130 по 80 г. до н. э. Папирусы покрывали мумии священных крокодилов. Первый том собрания папирусов Тебтюниса, изданный в 1902 г., почти удвоил количество деловых греческих папирусов эллинистической эпохи по сравнению с имевшимися в XIX в.

Большое место в английском антиковедении занимали эпиграфические публикации и исследования. В течение 40 лет (с 1874 по 1916 г.) были изданы греческие надписи из Британского музея. Появилась подборка греческих надписей, имеющих отношение к истории (1901).

Отражением реакционных тенденций в английской историографии явились прежде всего попытки трактовать историю с позиций расовой теории. У. Риджуей рассматривает ранний период истории Греции в плане расового конфликта между носителями микенской культуры —

«греческими пелазгами», темноволосыми и темнокожими людьми, и светлокожими ахейцами.

Одним из наиболее крупных английских историков античности был Джон Бьюри (1861—1927). Прекрасный знаток античной литературной традиции, он понимал также значение археологических источников и широко вводил их в научный оборот. В своей работе «Древнегреческие историки», выросшей из курса лекций в Гарвардском университете, Дж. Бьюри взглянул на труды греческих историков не как на сумму фактических данных по истории Древней Греции, а как на памятники исторической мысли. Историческое мышление древних греков, согласно Бьюри, сформировалось после греко-персидских войн, приведших греков к знакомству с Востоком и к новому видению истории.

В центре научных интересов Джона Бьюри была история Римской империи. Вместо широко распространенной теории гибели Римской империи в результате морального разложения Бьюри выдвигает теорию умственного разложения и пытается доказать, что империю привели к упадку неспособность ее подданных к размышлению, отсутствие умственной оригинальности, «скудость идей».

Отрицательное отношение к модернизаторскому подходу в изучении истории античности проявилось в работе английского историка А. Циммерна «Греческая государственность». В этом исследовании Циммерн обращает внимание на географические и экономические условия, отмечая ограниченность ремесленного производства, отсутствие развитого денежного хозяйства. Не отрицая того, что Пелопоннесская война была вызвана необходимостью экономического развития и столкновением этого фактора с унаследованными политическими учреждениями и традициями, автор выступает против объяснения неповторимого в своем своеобразии процесса с помощью современной экономической фразеологии.

Критика анимистической теории представителями разных научных школ привлекла внимание не только к религии, но и к неисследованным ранее сферам политической и идеологической жизни. Работа Дж. Фрейзера (1854—1941) «Золотая ветвь» (1911—1915), выросшая из толкования одного древнего культового обычая италийской религии, претендовала на объяснение происхождения религии вообще.

Вместо идеи постепенной эволюции, свойственной классической английской школе антропологии, Фрейзер выдвинул теорию трех стадий развития человеческого мировосприятия — магической, религиозной и научной. Фрейзер настаивал на принципиальном различии магии и религии и видел в религии древнейшую универсальную форму мировоззрения. Фрейзер по-новому истолковал множество религиозных обрядов, мифологических и фольклорных образов, выявил зависимость древнейшей царской власти от магических обрядов плодородия.

Стремление рассмотреть греческую религию с точки зрения развития греческого общества характеризует многочисленные работы Джен Гаррисон (1850—1928). Особенно интересно исследование ею культа Фемиды (1912), выясняющее, как в эволюции этого хтонического божества воплотились социальные корни и развитие греческой религии. Гаррисон рассматривает развитие религии как явление, логичное в своей основе, недостаточно учитывая иррациональные моменты.

На материале литературных, археологических, эпиграфических источников основана пятитомная работа Фарнелла о культах греческих городов (1896—1907), по полноте не имеющая себе равных как в Англии, так и за ее пределами.

В вопросах происхождения христианства сильные позиции в английской науке занимала мифологическая школа. Ее виднейший представитель — Дж. Робертсон (1856—1933). Находясь под влиянием антропологического направления, он изучал религии классового общества под углом зрения истории первобытных религий. Основателя христианской религии, так же как его преемников, он считал порождением процесса мифотворчества и отыскивал им самые фантастические параллели в греческой, сирийской и индийской религиях.

§ 6. Итальянская историография античности

В первые десятилетия существования объединенного итальянского государства закладываются основы итальянской исторической науки. Для пришедшей к власти итальянской буржуазии история Древнего Рима была не просто предметом научного изучения, а патриотической гордостью. Молодое государство не жалеет средств

на раскопки. Дж. Бони (1859—1925) был одним из основателей стратиграфического метода в археологии. Под его руководством с 1898 по 1907 г. осуществлялись раскопки на римском форуме, в ходе которых были впервые изучены древнейшие поселения и погребения на территории Рима. Широкую деятельность по археологическому изучению Сицилии и Южной Италии развернул с 1898 г. П. Орси (1859—1935). С начала XX в. итальянские ученые проводят археологические исследования за пределами своей страны. Наибольшее значение имели раскопки итальянских археологов Альбера, Савиньони и Пернье на острове Крите (раскопки Феста в 1900—1908 гг.).

Налаживается публикация результатов раскопок. Начинают выходить «Бюллетень палеэтнологии Италии» (с 1889 г.), «Классическая филология» (с 1873 г.), «Исторические исследования» (с 1892 г.) и др.

Весом вклад итальянских ученых в изучение надписей и папирусов. В 1867 г. А. Фабретти выпустил в свет «Свод италийских надписей». В 70-х годах XIX в. он опубликовал три дополнения к нему. Основателем итальянской папирологии был филолог Дж. Вителли (1849—1935). Созданное по его инициативе «Общество по изучению греческих и латинских папирусов» способствовало образованию флорентийской коллекции папирусов и ее изданию. Другим центром папирологии стал Милан, где благодаря деятельности А. Кальдерини (1883—1939) в 1913 г. был создан папирологический институт.

Итальянская историография, переживающая после объединения страны подъем, в конце XIX и начале XX в. оказывается охваченной как прогрессивными, так и реакционными влияниями. Прогрессивные веяния исходят от марксизма, находящего себе приверженцев среди рабочего класса и части интеллигенции. Проявлением влияния марксизма в интересующей нас сфере является выход работ, посвященных социально-экономической истории античного мира. Такова книга Дж. Сальвиоли (1857—1928) «Капитализм в античном мире» (1906), посвященная доказательству того, что Древняя Греция и Древний Рим не знали промышленного капитала и что приложение капитала в древности ограничивалось двумя сферами — ростовщичеством и земледелием. В земледелии не существовали капиталистические хозяйства, поскольку главной целью было не производство, а непроизводительное потребление.

Реакционные влияния исходили из модных в то время идеалистических философских систем. Создателем одной из них был Б. Кроче (1866—1952), ставший общепризнанным лидером неогегельянства. С точки зрения Кроче, стремившегося очистить систему Гегеля от дуализма, единственной реальностью является сама история, признаваемая как жизненная активность саморазвивающегося духа.

Философия Б. Кроче оправдывала и обосновывала гиперкритицизм, нашедший в Италии ряд видных представителей. К их числу принадлежал Э. Пайс (1856—1939). Работая в Палермском и Неапольском университетах, Пайс написал труд по истории Сицилии и Великой Греции. От предшествующих работ он отличался резкой критикой античной традиции. Сведения римской традиции Пайс рассматривал как недостоверные, как результат сознательно применяемых античными историками приемов «удвоения» и «утроения» одного и того же сообщения.

В своей 4-томной «Критической истории Рима» (1913—1915) Э. Пайс отказывается от крайних гиперкритических увлечений и дает систематическое исследование первых пяти веков римской истории. На основании дошедших легенд он реконструирует этнографическую и лингвистическую карту древнейшего Лация, выявляет отношения его народов с этрусками, финикийцами и греками. Э. Пайс анализирует предания о каждом из семи римских царей. В традиции о царях он выявляет различные слои и устанавливает на ее основании юридические и социальные условия Рима царского периода. Он уже не отрицает историчности законов XII таблиц и использует как источник так называемые царские законы.

Уже до первой мировой войны выдающееся место в итальянской науке о древности занял Г. де Санктис (1870—1957). Ученик К. Белоха, он взял у него интерес к спорным проблемам древнейшей истории Греции и Рима. Работа де Санктиса «Аттис. История Афинской республики» (1912) представляет одно из наиболее полных и тщательных изложений истории Аттики. Используя названия аттических демов и правовые пережитки, автор стремится проникнуть в родовое прошлое Аттики. Автор испытывает горячую симпатию к демократической форме правления, что составляет резкий контраст по сравнению с трудами К. Белоха.

Вышедший в 1907 г. первый том «Истории римлян» де Санктиса был началом обширной работы, публикация которой растянулась на 50 лет. В противовес Э. Пайсу, Г. де Санктис находит в римском предании, дошедшем в пересказе Тита Ливия, достоверные черты, поскольку римский пожар 387 г. до н. э. не уничтожил всех документов. Де Санктис поддерживает идею Б. Г. Нибура о существовании у римлян эпоса, признает историчность коллегии децемвиров и законов XII таблиц. В то же самое время де Санктис относит центуриатную реформу Сервия Туллия к III в. до н. э., отвергает историчность аграрного законодательства Лициния и Секстия. «Умеренная критика» Де Санктиса перерастает в гиперкритику в тех случаях, когда речь идет о фактах социальной борьбы в раннем Риме.

Наиболее ярким выразителем философско-исторических взглядов либеральной буржуазной интеллигенции перед первой мировой войной был Г. Ферреро (1871—1942).

Главная его работа «Величие и падение Рима» была задумана как история создания Римской мировой державы и ее крушения. Но пятый том заканчивается смертью Августа, так что падения Рима, вопреки названию, в ней нет. Сторонник историко-экономического направления в науке, Ферреро истолковывает историю создания Римской империи под углом зрения экономических и социальных процессов современности.

Раннее римское общество рассматривается им как чисто крестьянское с его сельскими добродетелями — бережливостью, простотой. В III в. до н. э. вследствие первых побед за пределами Италии в нее проникают «торговый дух» и «спекуляция», а уже во II в. до н. э. из среднего класса формируется «капиталистическая буржуазия». Тот же процесс, который вызвал ее появление, ведет к разорению земледельцев, росту рабства и экономическому оскудению старой аристократии, занимавшей по традиции посты в государственном управлении. Все это приводит к появлению «подлинного римского империализма». Деятельность братьев Гракхов по восстановлению мелкого землевладения Ферреро рассматривает как попытку осуществления идей «аграрного коммунизма», имевшую, однако, пагубные результаты —усиление плутократии, а выступление Сатурнина и Главции — как «великое восстание античного пролетариата». Цезарю Ферреро дает отрицательную оценку: он не мудрый го-

сударственный деятель, а гениальный авантюрист и честолюбец. Август, уничтоживший гражданские распри, пользуется симпатией Ферреро. С его точки зрения, Август был действительным восстановителем республиканских порядков.

Пороки исторического метода Ферреро исходят из неправильного анализа экономических и социальных факторов. Стремление во что бы то ни стало отыскать в древности аналогии современным процессам приводит его к крайней модернизации. Хотя Ферреро принимает во внимание экономические факторы, он в то же время говорит о «роковом ходе событий», «таинственных законах, управляющих судьбами наций», т. е. скатывается на позиции фатализма. В его оценке исторической роли Римской империи звучат апологетические мотивы, и образование ее расценивается как осуществление исторической миссии Рима — посредника между культурным Востоком и варварской Европой.

§ 7. Изучение истории античности в других странах Европы

Изучение античности в **Австро-Венгрии** в этот период стимулировалось обилием памятников греко-римской культуры в долине Дуная и на Адриатическом побережье, давними культурными связями с Италией, богатством античных коллекций в музеях, рукописей античных авторов, а позднее папирусов.

Созданные в конце XIX в. научные институты[1] вели раскопки на территории Австро-Венгрии и за ее пределами. На территории Австро-Венгрии были раскопаны города Аквинк (1879), Аквилея (1906), лагерь римских легионеров в Лорке (1905—1909), с 1897 г. производится систематическое исследование римских пограничных укреплений (лимеса). Из раскопок австрийских ученых вне Австрии наиболее крупным было археологическое исследование Эфеса (1896—1907).

Развитие империализма при сохранении полуфеодальных пережитков и сложные национальные противо-

[1] Институт древней истории, археологии и эпиграфики Венского университета (1876), Институт древней истории Инсбрука (1892), Институт археологии в Инсбруке (1892), Институт классической археологии в Граце (1894), Австрийский археологический институт (1898).

речия придавали австро-венгерской официальной науке особо реакционные черты. В этом отношении наиболее показательна оценка Ю. Шварцем (1819—1900) афинской демократии. Согласно его трактовке, преклонение перед ней — предрассудок, вызванный демократическими симпатиями либералов. В Афинах якобы господствовали своекорыстие, жестокость, коррупция; здесь не знали ни свободы мысли, ни подлинного равенства, не способствовали развитию талантов и наук. Поэтому сочувствие Ю. Шварца было на стороне тираний и олигархических режимов древности.

Ад. Вильгельм создал на эпиграфическом материале классический труд о драматических представлениях в Афинах.

Большой вклад в изучение истории Древнего Рима внес австрийский ученый М. Гельцер (1886—1949). Своими работами в области истории высшего сословия Римской республики и ранней Империи он положил начало просопографическому направлению в антиковедении, сводившему движущие силы в истории к интересам знатных родов. В противовес Моммзену, отождествлявшему римские политические партии с политическими партиями современности, М. Гельцер, основываясь на сведениях о родственных отношениях между представителями римского нобилитета, постулирует существование аристократических групп со своей собственной политической программой.

К началу XX в. относится подъем исторической науки в **Бельгии.** Бельгийские ученые вели раскопки в Сирии, Малой Азии, Греции. И подобно тому как в медиевистике Бельгия дала Анри Пиренна, в истории античной религии она прославилась научными заслугами Фр. Кюмона, в истории римского государственного права — работами П. Виллемса, а в экономической истории Древней Греции — монографиями А. Франкотта.

Фр. Кюмон (1868—1947) был автором первого серьезного исследования о митраизме, важнейшем сопернике христианства. На основании надписей он пришел к выводу о длительном сохранении религии Митры в низших сословиях, среди рабов, солдат или бывших солдат. Римская аристократия первоначально была чужда митраизму, так же как и христианству. Лишь впоследствии христианство нашло влиятельных приверженцев среди чиновников Рима, а в муниципиях — среди августалов и

декурионов. Взгляды Ф. Кюмона на социальный состав сторонников Митры имеют значение для понимания истории раннего христианства.

Сделав предметом исследования римский сенат, П. Виллемс в трех томах своего труда проследил историю высшего органа Римского государства, его состав и функции. Им разработана просопография римских сенаторов от 179 до 55 г. до н. э., без которой нельзя обойтись при изучении последнего века Римской республики. Начатое Виллемсом исследование о сенаторском и всадническом сословии империи не было завершено.

Мимо бельгийской науки не прошел общий для всей европейской науки интерес к проблемам социально-экономической истории древности. А. Франкотт (1856—1918) был автором исследований, посвященных и «финансам» и «промышленности» в Древней Греции. Модернизируя экономические отношения, Франкотт находит у греков банки и банкиров, фабрики и фабрикантов. Сведения о наличии городской отчетности в Милете он истолковывает как наличие «бюджета». А. Франкотту принадлежит также фундаментальное исследование о положении иностранцев (проксенов и метеков и др.) в греческих государствах.

В области истории искусства с большим успехом работал бельгийский ученый В. Деонна. Интересные идеи об эволюции античного искусства он высказал в своей работе «Археология, ее значение и методы» (1912). В ней мы также находим формулировку задач истории археологии, выявление тех причин, которые способствуют развитию археологии в отдельные эпохи.

Нидерландская наука о древности обладала богатейшими традициями университетского классического образования и гордилась тем, что его фундамент был заложен Эразмом Роттердамским. Но эти же традиции накладывали на исследования голландских ученых отпечаток определенного консерватизма и провинциализма. В них нет постановки широких исторических проблем, мало привлекаются археологические источники. Сильной стороной нидерландской науки была филологическая критика, в том числе и христианских текстов. Взгляды голландской школы критиков христианства изложил один из ее представителей Г. Ван Эйсинг. По его мнению, первоначально существовало доканоническое Евангелие, к которому восходят синоптические Евангелия, написан-

ные в первой половине II в. Существованием общего источника Эйсинг объясняет буквальные совпадения в Евангелиях, вошедших в христианский канон. Научной заслугой голландских критиков христианства является выявление в Евангелиях противоречивых представлений, свидетельствующих о существовании в раннем христианстве враждебных течений и тенденций.

Конец XIX — начало XX в. был периодом расцвета греческой классической археологии. «Греческое археологическое общество» впервые предпринимает раскопки, не уступающие по своим масштабам и значению раскопкам других стран. С 1885 г. на акрополе начинаются археологические работы под руководством Каввадиаса, выявившие историю Афинской крепости с Микенской эпохи и одновременно давшие массу памятников древнеаттической скульптуры. Хр. Цундас осуществил важные по результатам археологические исследования на Кикладских островах, Фессалии. Благодаря раскопкам А. Керамопулоса в Беотии (1909—1921) Фивы были поставлены в ряд таких центров древнейших культур Эгеиды, как Микены, Тиринф, Кносс.

Продолжал свою научную деятельность К. Папаригопулос (1815—1891), известный своей 5-томной «Историей греческого народа» (1860—1874). В основанном им журнале «Пандора» он выступил со статьей «Об образовании греческих племен и греческой нации», в которой подчеркивал непрерывность существования эллинской народности и культуры. Работы К. Папаригопулоса носят националистический оттенок. Он выдвигает так называемую «великую идею» воссоздания греческой империи с включением в нее всего Ближнего Востока.

Ученик Папаригопулоса и его преемник по кафедре Афинского университета С. Ламбрас создает трехтомный труд по истории Древней Греции. В нем широко используются данные археологии. Проблема соотношения Древнего Востока и Греции заинтересовала Георгия Сотриадиса, посвятившего ей фундаментальное исследование (1894).

Под влиянием Белоха, Гиро, Франкотта в греческой науке появляется модернизаторское направление. А. Андреадис написал ряд работ, посвященных денежным отношениям в гомеровской Греции и Спарте. Видя в финансах «зеркало социальной жизни», Андреадис пытался проследить, как в финансах гомеровской Греции

отражаются черты феодального государства. Он всерьез рассматривает доходы «царского дома» по описанию Гомером дворца легендарного царя феаков, а также расходы его обитателей, ведущих паразитический образ жизни.

Освобождение от многовекового турецкого ига и образование в 1878 г. Болгарского государства были толчком для развития **болгарской** исторической науки. Ее центрами стали Народная библиотека (основана в 1878 г.), Софийский университет (основан в 1888 г.), Народный археологический музей (основан в 1892 г.), Академия наук (основана в 1911 г.). Эти научные учреждения осуществляли археологические раскопки, ведали хранением и изучением археологических памятников, выпуском научных периодических изданий. В Народном археологическом музее в начале XX в. были сформированы ценные коллекции памятников фракийского, кельтского, греческого, римского быта и искусства, прекрасное собрание монет. История государств, возникших с VI в. до н. э. в северной части Балканского полуострова, привлекала преимущественное внимание болгарских ученых.

Крупнейшим исследователем древней истории северобалканских народов был Г. Кацаров (1874—1938), член Болгарской Академии наук (с 1909 г.), профессор университета в Софии (с 1910 г.). Его первые работы появились в русских журналах и посвящены истории Афинского государства[1]. В годы войны Г. Кацаров опубликовал ряд превосходных работ по истории фракийцев и кельтов. Кацаров критически относится к созданной античными авторами картине счастливой жизни гетов в I в. до н. э., полагая, что они жили в условиях, приближающихся к положению илотов Спарты и пенестов Фессалии. Он считает, что частная собственность на землю уже победила и общинные отношения были в далеком прошлом. Г. И. Кацаров использовал в своих работах эпиграфические памятники и в 1915 г. сам издал превосходный корпус надписей по Фракии и Македонии.

---

[1] См.: *Кацаров Г.* Об отношении афинской политики Аристотеля к Ксенофонту. — ЖМНП, 1904, июнь, отд. V, с. 270 и сл.; *его же.* К роману Ямбула. — ЖМНП, 1909, апр., отд. V, с. 1 и сл.; *его же.* К внешней политике Афин. — ФО, 1901, т. 20, с. 189 и сл.; *его же.* К истории олигархического переворота в Афинах 411 г. до р. Хр. ЖМНП, 1908, июль, отд. V, с. 278 и сл.

Прибывшие в 1882 г. из Чехии в Болгарию как учителя математики и биологии братья Г. Шкорпил (1858—1923) и К. Шкорпил (1859—1944) осуществили раскопки множества античных поселений и публикацию греческих и латинских надписей.

Провозглашение в 1881 г. независимости Румынии было стимулом в развитии национальной культуры. Именно с этого времени интерес к историческому прошлому находит выражение в появлении научных учреждений, музеев, в начале археологических раскопок. Впервые румынская классическая археология заявила о себе раскопками «трофеев Траяна» в Адамклиси (1881—1890). В начале XX в. наиболее крупным исследователем античности в Румынии был В. Пырван (1882—1927). Выпускник Бухарестского университета, он продолжал свое образование в Германии, занимаясь под руководством крупных эпиграфистов. С занятиями в семинарах германских университетов связана первая работа молодого ученого «Национальность римских торговцев эпохи Римской империи». Заняв в 1909 г. кафедру древней истории и эпиграфики Бухарестского университета, В. Пырван занялся проблемами истории населения Нижнего Подунавья в античную эпоху. Решающим в исторической эволюции гето-дакийского мира В. Пырван считал «скифское вторжение», относя его к V в. до н. э. В настоящее время ученые склоняются к мнению, что появление на территории Румынии памятников «звериного стиля» объясняется торговыми связями со скифами или подражанием их культуре. В 1912 г. В. Пырван опубликовал работу, посвященную «Трофеям Траяна» не только как археологическому, но и эпиграфическому памятнику. Как эпиграфист В. Пырван известен также публикацией христианских надписей, найденных на Нижнем Дунае, а как археолог — раскопками милетской колонии Истрии (1914—1916).

В конце XIX — начале XX в. **шведские** ученые активно включились в исследование античной культуры. О. Монтелиус (1843—1921) в своих трудах заложил основу хронологии бронзового и раннежелезного веков Европы и Средиземноморья. Выработанный им типологический метод стал определяющим в исследовании памятников раннего искусства Греции и Италии. Датская археологическая экспедиция осуществила раскопки на острове Родос, исследовав акрополь города Линда (1902—1904).

С начала XX в. в **Скандинавских** странах много занимались этрускологией. Норвежский ученый А. Торп в сотрудничестве с Г. Гербигом издал сборник неизвестных этрусских надписей (1904). Финский ученый М. Гаммерштрем в своей монографии об этрусском и латинском алфавите пришел к выводу, что этрусское письмо происходит из Беотии, где этруски задержались на пути из Лемноса в Италию. Датский ученый С. Кортсен заложил основы комбинаторного метода дешифровки этрусских надписей. Шведский ученый К. Тулин в 1906—1909 гг. выпустил фундаментальное исследование «Этрусская дисциплина», в котором он на основании традиции и памятников этрусского религиозного искусства восстановил этрусскую религиозную систему.

Из работ ученых Скандинавских стран по истории эллинизма должна быть отмечена монография датского исследователя И. Уссинга, посвященная истории Пергамского царства и его памятникам (1899).

Последнее десятилетие XIX и первые два десятилетия XX в. были переломным периодом в развитии **испанской** науки о древности, преодолевавшей свое отставание. В это время как ученики французских и немецких археологов-классиков начинают участвовать в раскопках и испанские ученые (Рамон Мелида, П. Бош-Гимпера и др.). История доримской и римской Испании занимает значительное место в «Истории Испании и испанской культуры» Рафаэля Альтамира-и-Кревеа (1866—1951). Находясь под влиянием позитивизма, испанский ученый выделял в истории народов Пиренейского полуострова не только линию их политического развития, но и социальные и экономические факторы. Сторонник общинной теории, он проследил, насколько это возможно, развитие общинной собственности у коренного населения страны (1890). В сохранении пережитков коллективизма он видел источник сопротивления испанцев чужеземной агрессии.

Центрами археологического исследования территории Испании в конце XIX в. становятся Национальный археологический музей в Мадриде (с 1867 г.) и провинциальные археологические музеи (в Севилье — с 1880 г., в Кордове — с 1898 г.). Их богатые керамические коллекции стали предметом изучения П. Бош-Гимперы, пришедшего к выводу, что иберийская расписная керамика относится не к XII в. до н. э., как это признавалось за-

падноевропейскими авторитетами, а к V в. до н. э. Эта точка зрения впоследствии стала общепринятой.

Ведущую роль в **португальском** антиковедении в конце XIX в. играл Мартинс де Оливейра (1845—1894). Он написал «Историю иберийской культуры» (1879), «Систему религиозных мифов» (1882), «Историю Римской республики» (1885). В этих работах перекрещивалось влияние Мишле, Карлейля, Ницше. Занятие историей Мартинс рассматривал как способ политической пропаганды. Он преувеличивал значение расовых особенностей древних народов, склонялся к модернизации экономической и социальной истории древности.

§ 8. Изучение истории античности в США

Последняя четверть XIX в. в США — это время формирования монополистического капитала и вступления американского государства в мировую политику. Новые условия требовали большего количества высокообразованных людей, расширения связей с крупнейшими научными центрами Европы. Не желая отставать от европейских стран в сфере гуманитарного образования, правительство создает университеты, в которых наряду с другими предметами преподаются древняя история и классическая филология.

Несмотря на удаленность страны от центров античной цивилизации американцы активно включаются в археологические раскопки. Своеобразной фигурой первого периода американской классической археологии был Л. Чеснола (1832—1905) — генерал американской армии и консул на Кипре. Вступив в соперничество со славой Шлимана, он начал в 1875 г. раскопки на острове и вскоре выступил с широковещательным заявлением, что открыл царские гробницы, не уступающие сокровищнице Приама. На поверку царских гробниц не оказалось, но результатом хищнических раскопок было обогащение музея Метрополитен тысячами статуй, пятью тысячами ваз и многими сотнями надписей («Коллекция кипрских древностей Чеснолы»).

В 1879 г. был открыт Американский археологический институт со школами в Афинах, Риме и Палестине. Щедро субсидируемый государством и частными пожертвованиями, институт организовал в широких масштабах

раскопки в Троаде (1881—1883), на Крите (Псейра — 1907, Гурния —1908), в Коринфе (1896—1913), в Сардах (с 1908 г.). В исследовании найденных надписей принял участие первый американский эпиграфист Дж. Ситлингтон Стеррет.

В ходе раскопок и приобретений создаются музеи с ценными античными коллекциями — Бостон (1869), Нью-Йорк (1870), Бруклин (1889) и др. С 80-х годов XIX в. в США начинают выходить «Американский журнал филологии» (с 1880 г.), «Классический журнал» (с 1913 г.), «Классическая филология» (с 1907 г.).

Историей античности в широком плане занимался Дж. Ботсфорд (1860—1917). Его труд «Развитие афинской конституции» (1893) в значительной части основывается на выводах Л. Моргана о родовой организации греков. Ботсфорду принадлежит также ряд учебников по древней истории и популярный очерк истории греческой культуры. Видным специалистом в области истории Рима был Дж. Эббот (1860—1924), профессор университета в Принстоне, а затем сотрудник Американской школы в Риме. Подобно европейским коллегам Эббот модернизирует социальные отношения в древности и отыскивает там те же проблемы, какие волновали современную ему Америку.

Уже в ранних работах Тенни Франка (1876—1939) прослеживаются реакционные тенденции. В статье «Смешение рас в римской империи» он приходит к выводу, что в Риме на рубеже нашей эры преобладал восточный расовый элемент. Первоначальное население в результате потерь во внешних и гражданских войнах, разорения свободного крестьянства резко упало в численности, а образовавшийся вакуум был заполнен вольноотпущенниками из числа рабов восточного происхождения. Объясняя, почему их число было велико, Франк прибегает к аналогии из истории США. «Ситуация в империи, — пишет он, — мало отличалась от того, что происходило в южных штатах. С 1800 по 1880 г. в силу очевидных экономических стимулов уровень рождаемости рабов-негров был выше, чем у свободного населения». Замену «италийской расы» восточной Франк считает фактором, отрицательно сказавшимся на судьбах Рима, ибо, с его точки зрения, восточной расе недоставало энергии, прозорливости, здравого смысла, т. е. всех тех качеств, которые «имели наибольшее значение для удержания им-

перии в целостности». Такая же модернизация присуща и другой работе Т. Франка — «Римский империализм», написанной еще до «открытия» им роли расового фактора. В ней преувеличивается экономическая подоплека римской политики. Например, Франк утверждает, что уже во II в. до н. э. римский сенат был заинтересован в поддержке виноградарства в Массилии и руководствовался этим в своей политике.

Отцом американской военной истории древности был Г. Додж (1842—1909). Его книги «Александр», «Ганнибал», «Цезарь», вышедшие в серии «Великие капитаны» являются не только биографиями полководцев, но и очерками военного искусства древности. В войне Додж видит не общественно-историческое явление, а выражение присущих человеку «как сражающемуся животному» биологических особенностей. Из истории военного искусства он стремился извлечь уроки для современности и, напротив, рассматривая военные операции древности, прибегал к современным аналогиям. Так, войны Дария со скифами Додж рассматривает под углом зрения военных действий 1812 г. в России, а операции Александра Македонского в Малой Азии сравнивает с кампаниями Крымской войны. Достоинством труда Доджа является ясное представление о театре военных действий, бывшее результатом посещения историком мест сражений.

§ 9. Русская историография античности

На развитие русской общественной мысли в России, в том числе и исторической науки, оказали особенности развития русского капитализма.

Как и на Западе, развитие исторической мысли в России приобретает противоречивый характер. Наряду с методологическим кризисом и усилением реакционных тенденций наблюдается и целый ряд позитивных моментов в ее развитии: введение в научный оборот множества новых документов (археологических, эпиграфических), успехи источниковедческой техники, расширение проблематики исследования, многостороннее понимание исторического процесса. Указанные особенности развития исторической мысли получили отражение и в русском антиковедении. Проявлением кризиса его методологических основ является распространение модернистской

концепции циклического развития Эд. Мейера, идей скептицизма и гиперкритики, возрастающий интерес к изучению лишь узких проблем преимущественно историко-филологического характера.

Вместе с тем в русском антиковедении конца XIX — начала XX в. появляется ряд выдающихся ученых, которые обогатили развитие русского антиковедения, способствовали разработке целого ряда самых актуальных и темных проблем античной истории. Развитие русского антиковедения проходило главным образом в университетах и силами университетских преподавателей. Активную деятельность развернули Императорская археологическая комиссия, Русское археологическое общество, которые финансировали и руководили раскопками греческих колоний Северного Причерноморья, в частности развалин Ольвии (под руководством Б. В. Фармаковского), Херсонеса (К. К. Косцюшко-Валюжинича), Пантикапея (В. В. Шкорпила).

Русское антиковедение этого времени развивалось в самой тесной связи с европейской наукой. Регулярные научные командировки в европейские (главным образом германские) университеты, на места раскопок в Греции, в крупнейшие музеи Европы, постоянное участие в международных конгрессах способствовали прогрессу русского антиковедения. Вместе с тем русская историческая мысль отражала специфические условия общественного развития России, особенности освободительного движения, которые налагали черты глубокого своеобразия на русскую науку об античности.

В частности, глубокий и постоянный интерес в русском обществе второй половины XIX в. к разрешению аграрного вопроса, борьба за различные пути («прусский» или «американский») развития русского капитализма в земледелии обусловили широкую популярность социально-экономической проблематики и в области античной истории.

Наряду с социально-экономическим направлением, которое занимало определенное место в русском антиковедении, довольно сильным было направление с преимущественным интересом к изучению политических учреждений и культуры. В рамках последнего работали такие крупные специалисты, как Ф. Ф. Зелинский, В. П. Бузескул, С. А. Жебелев, И. В. Нетушил, В. И. Модестов, А. И. Кулаковский и др. Традиционно влиятельной была

историко-филологическая школа. Наблюдается возрастание активности в историко-юридических исследованиях, главным образом в области римского права и римских юридических институтов, в работах В. И. Синайского, Ф. М. Дыдынского, В. М. Хвостова, Н. П. Боголепова, И. А. Покровского и др.

Наиболее крупными представителями социально-экономической школы были Р. Ю. Виппер, М. М. Хвостов, И. М. Гревс и М. И. Ростовцев.

Р. Ю. Виппер (1859—1954), профессор Московского университета, обнаружил большой интерес к методологическим проблемам, выпустил труд «Очерки теории исторического знания» (1911), в котором выступил с позиций эмпириокритицизма, отрицал объективный характер исторического процесса, его познаваемость, существование исторических законов. В лекционных курсах по истории Древней Греции (1905) и Древнего Рима (1908) Виппер ярче, чем кто бы то ни было из русских ученых, представил ход греческой истории с IX по IV в. до н. э. и римской истории с III в. до I в. до н. э. как историю внутренних отношений различных социальных слоев и групп, борьбы между ними и влияния этих отношений на развитие греческой и римской экономики, политических учреждений. Сосредоточив свое внимание на описании общества, Р. Ю. Виппер сдержанно относился к характеристике так называемых великих личностей, за которыми он не признавал крупной роли в исторических событиях. Изложение социально-экономической истории как Греции, так и Рима дано с позиций модернизма. Автор видит движущую силу греческой и римской истории в возникновении и развитии капиталистических отношений. Данью гиперкритицизму является изложение римской истории лишь с III в. до н. э. Вместе с тем яркая и глубокая картина социальных взаимоотношений в греческом и римском обществе сделала эти труды Р. Ю. Виппера крупным явлением русского антиковедения.

Профессор Казанского университета М. М. Хвостов (1872—1920), так же как и Р. Ю. Виппер, преимущественно разрабатывал социально-экономические проблемы древнегреческой истории и эллинизма. Ему принадлежит серия статей, посвященных социально-экономической проблематике Греции архаического периода: хозяйственный переворот в VI в. в Спарте, разложение эвпадрид-

ского землевладения и реформы Солона, социальный характер тирании Писистрата, общие аспекты изучения экономического быта древности. В более поздних работах М. М. Хвостов предпринял исследование специальных экономических проблем другого периода древнегреческой и римской истории, а именно греко-римского Египта. Ему принадлежат две капитальные монографии — «История восточной торговли греко-римского Египта» (1907) и «Текстильная промышленность в греко-римском Египте» (1914). Обе монографии выделялись не только в русской, но и в европейской науке тщательностью исследования конкретной экономической проблемы определенной страны, в данном случае греко-римского Египта, и стали новым словом в антиковедении. В общих курсах по истории Древнего Востока (1909), истории Древней Греции (1915), истории Римской республики (1911) Хвостов дал систематическое изложение их истории прежде всего с точки зрения развития социально-экономических отношений. Причем экономический быт и социальные отношения он понимал как факторы, действующие в истории наряду с другими. В общей концепции социально-экономической истории, изложенной в этих общих курсах, проявляется модное в то время, хотя принимаемое с рядом оговорок, модернизаторство, предполагающее признание эволюции общества из примитивного состояния в феодальную стадию, а затем и в капиталистическую.

Заметным явлением русской науки в области социально-экономической проблематики был капитальный труд профессора Петербургского университета И. М. Гревса «Очерки по истории римского землевладения (преимущественно во времена империи)» (1899), в котором аграрные отношения рассматривались как органическая часть экономических. Гревс был одним из немногих ученых, который разделял ойкосную теорию немецкого экономиста К. Бюхера, подчеркивал натуральный характер римской и в целом античной экономики. Основной хозяйственной единицей римского аграрного строя он считал огромный ойкос, римскую латифундию, обрабатываемую толпами рабов, живущих в казармах.

В трудах известного русского медиевиста Д. М. Петрушевского был поставлен вопрос о генезисе феодальных отношений, начало которых он видит во внутреннем развитии позднего римского общества III—V вв. В «Очер-

ках по истории средневекового общества и государства» (1907) дан лучший для того времени синтетический очерк социально-экономических отношений в Римской империи. В центр его концепции поставлена эволюция римского поместья, нарастание в его структуре феодальных черт. Интересна его характеристика провинциального города, его роли в общем социально-экономическом развитии. Глубокому анализу была подвергнута проблема взаимоотношений государства и общества во время общего кризиса Римской империи (III в.). Показывая разложение старой социально-экономической структуры римского общества, Д. М. Петрушевский подчеркивает его внутреннее перерождение, которое было лишь дополнено варварскими вторжениями. Перу Петрушевского принадлежит труд об обществе и государстве у Гомера (опыт исторической характеристики). Гомеровское общество представляется как средневековое, со сложившимся государством. Петрушевский был приверженцем социологической теории М. Вебера, который отрывал общие понятия типа «капитализм», «феодализм», «товарное и натуральное хозяйство», «город» и т. д. от их социальных корней, объявлял их идеально-логическими типами, находил их во все периоды древности так же, как и в европейском средневековье и новом времени.

Перечисленные выше известные русские историки разрабатывали преимущественно социально-экономическую проблематику. В трудах профессора Петербургского университета М. И. Ростовцева (1870—1952) социально-экономическая проблематика была одним из направлений. Ученик Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцев активно разрабатывал проблемы истории и культуры северочерноморских колоний. Он показал себя тонким знатоком искусства в капитальном труде «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., т. 1, 1914). Изучение судеб причерноморских греческих колоний Ростовцев проводил в тесной связи с историей соседних кочевников, стремился показать их взаимодействие (см. его работу «Эллинство и иранство на юге России». Пг, 1918). М. И. Ростовцев исследовал также интересную проблему о взаимоотношениях греческих колоний, главным образом Херсонеса, с Римской империей и римской цивилизацией. Исследования истории причерноморских колоний, их связей, с одной стороны, с античной цивилизацией, с другой — с кочевой периферией обогатили русскую

науку, ввели в научный оборот большой материал, добытый раскопками русских археологов.

Вместе с тем в работах Ростовцева обнаруживается большой интерес и к социально-экономической проблематике, которая рассматривается с модернистских позиций, близких Эд. Мейеру. Наиболее крупными исследованиями М. И. Ростовцева в этом направлении являются его монографии «История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)» (1899) и «Исследования по истории римского колоната» (1910), где Ростовцев одним из первых в европейской науке ставит важные проблемы о роли эллинистического наследства в распространении откупной системы и колонатных отношений, о сложном генезисе римского общества, его эллинистических корнях, что бесспорно представляло собой вклад русского ученого в современную ему науку.

Следует отметить, что в русском антиковедении интерес к аграрному вопросу в античности, особенно в римском обществе, был велик еще с середины XIX в. Кроме капитальных трудов И. М. Гревса и М. И. Ростовцева проблемы аграрной истории, и особенно римского колоната, были предметом исследований целого ряда ученых — М. Белоруссова, Ф. Нахмана, Г. Пригоровского. Из работ по истории аграрных отношений следует выделить исследования профессора Юрьевского университета В. И. Синайского. Его привлекали проблемы раннеримской аграрной истории, слабо разработанные в русской науке, в частности размеры древнейшего подушного надела, общинное землевладение, наследование земельного владения, проблемы общинной организации. Синайский находил черты сходства между римским общинным устройством и казачьим землевладением XIX в., что, однако, не встретило поддержки специалистов.

Нарастание реакционных тенденций в политической жизни Европы в конце XIX в. привело к новой постановке вопроса о роли демократии, олигархии и монархического начала в истории, в том числе и в античности. Традиционный для большей части европейской и русской науки XIX в. интерес к исследованию политических институтов возрос в связи с открытием новых источников, в частности «Афинской политии» Аристотеля и других документов, нового эпиграфического материала, в том числе надписей, освещающих устройство греческих городов и римских муниципиев.

Общие проблемы политического развития в древности, включая древневосточные страны и античность, разрабатывал Н. И. Кареев (1850—1931). Он издал два обобщающих труда о политических учреждениях древнего мира: «Государство — город античного мира» (1903) и «Монархии Древнего Востока и греко-римского мира» (1904). Обе работы вышли тремя изданиями, что свидетельствовало об их популярности.

Специалист в области новой истории Кареев в этих работах не претендовал на самостоятельность научных изысканий с проработкой всего комплекса источников и всей литературы, тем не менее они дали своего рода сводку существующих концепций, синтетическую картину развития политических учреждений древности, представляющую известный научный интерес. Его концепция античного полиса была направлена против теории гражданской общины Фюстель де Куланжа. В частности, в основу его развития он ставил не религию, а совокупность многих факторов. Если Фюстель де Куланж противопоставлял античную общину современным политическим учреждениям, то Н. И. Кареев видел в греческом полисе элементы некоторых современных институтов.

Новым в русской и европейской науке явилось обращение к проблеме организации древневосточных монархий, воздействия их на формирование эллинистических царств, а через них и на Римскую империю, показ известной преемственности «универсальных монархий» древности. Генезис и эволюцию политических форм Кареев рассматривает в неразрывной связи с историей социальных отношений, что делает его общую концепцию оригинальной и свежей.

Предметом научных изысканий В. П. Бузескула (1858—1931) была история афинской демократии VII—IV вв. до н. э. Еще в 1889 г. он выпустил объемистый труд «Перикл. Историко-критический этюд», где дал самое обстоятельное в европейской науке исследование о вожде афинской демократии. Открытие «Афинской политии» Аристотеля усилило внимание В. П. Бузескула к проблемам афинской демократии как политическому строю и определило направление его последующих изысканий. Бузескул рассматривал афинскую демократию как одно из крупных завоеваний греческого политического гения, оказавшее большое влияние на развитие греческой культуры и политических форм древнего мира

и новой Европы. Обращение Бузескула к изучению афинской демократии и ее высокая оценка в условиях самодержавия свидетельствовали о прогрессивных либеральных взглядах ученого. Стремление показать воздействие афинской демократии на последующее развитие политических форм вплоть до нового времени, наряду с влиянием модного в те времена модернизаторства, привели к тому, что модернизм постепенно становится частью исторического мировоззрения Бузескула. В сборниках статей «Исторические этюды» (1910), «Античность и современность» (1913) модернизация событий древнегреческой истории проявляется в большей степени, чем в его предшествующих трудах.

Одним из направлений творчества В. П. Бузескула была разработка источниковедческих проблем древнегреческой истории и знакомство с ее изучением в Европе XIX и начала XX в. Он издал в 1903 г. труд «Введение в историю Греции», не потерявший значения до сих пор.

Разносторонним исследователем античности был С. А. Жебелев (1867—1941). Он был специалистом в области эпиграфики, археологии, классической филологии, истории. Жебелева привлекали малоисследованные периоды античной истории, в частности история эллинистических Афин, судьбы Греции в римское время. В двух монографиях Жебелев рассматривает афинскую историю с 229 по 31 г. до н. э. (1898), а затем воссоздает историю уже всей Балканской Греции, ставшей провинцией Ахайей в I—III вв. н. э. (1903). В этих работах, написанных на основе комплексного исследования всех имеющихся источников (им были привлечены и мастерски использованы эпиграфические свидетельства и археологические материалы), даны политическая история страны, изменение конституции, политическая борьба, финансовое положение городов, местное управление и др. Прослеживается постепенное вмешательство Рима во внутренние дела Афин, приведшее к установлению аристократического правления в Афинах, а затем и к потере независимости. Исследуя политические и другие учения Греции в связи с переводом «Политии» Аристотеля, переработкой мищенковского перевода «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида (1915), С. А. Жебелев считал, что в греческих полисах шла постоянная борьба между аристократией и демократией, в которой принимало активное участие и государство.

Предметом специальных занятий И. В. Нетушила (1850—1928) была политическая история раннего Рима, которую он изучал, разделяя скептическое отношение к римской традиции. К тому же Нетушил мало привлекал археологический материал, что усиливало его критицизм. В общем университетском курсе римской истории (1910) он бегло излагает немногие, по его мнению, достоверные сведения по раннеримской истории, и лишь с III в. до н. э. повествование приобретает более подробный характер. Из специальных вопросов раннеримской истории Нетушил исследовал довольно широкий круг: создание римских триб, социальные отношения и их освещение в книгах Тита Ливия, величина ценза 1-го класса римского гражданства по конституции Сервия Туллия, ранний этап монетного дела, начало широкой (мировой) завоевательной политики Рима. Для своего времени крупным вкладом Нетушила была разработка истории древнейшего Лация (1905). Вместе со знаменитым трудом В. И. Модестова «Введение в римскую историю» сочинения И. В. Нетушила свидетельствовали о самом серьезном внимании русских ученых к ранней римской истории и определенном вкладе в европейскую историографию.

Кроме специальных работ по раннеримской истории И. В. Нетушил занимался изучением римских государственных древностей. Результаты этих занятий были опубликованы в виде трехтомного труда (1894—1902), в котором дана самая подробная в русской литературе систематическая история римских политических учреждений. Общей особенностью всех работ Нетушила в области политических учреждений Рима является их изолированное от социальных отношений, несколько антикварное изучение, что ослабляло научное значение исследований, хотя в смысле полноты и тщательности они стояли на высоком уровне.

Солидное исследование о развитии императорской власти, распространении и утверждении монархических идей в Риме от Августа до Марка Аврелия было предпринято Э. Д. Гриммом (1900—1901). В этой 2-томной работе Гримм выступил против широкораспространенной на Западе теории Моммзена о единстве принципата как монархической формы с 30-х годов до н. э. до III в. н. э. Автор вскрывает внутреннюю эволюцию императорской власти в I—II вв., отмечая постепенное изживание

республиканских начал и формирование Римской монархии. Однако Гримм рассматривает развитие Римской монархии как спонтанное, слабо связывая ее эволюцию с изменением социально-экономических отношений, к тому же его источниковедческая база страдает неполнотой, поскольку Гримм мало привлекает материал эпиграфики и нумизматики.

Теми же недостатками страдает и монография Е. А. Черноусова «Очерки по истории Римской империи 180—235 гг. Подготовка смуты III в.» (1911), которая продолжает хронологически и по существу изучение римской императорской власти, начатое Э. Д. Гриммом. Отдельные сюжеты социально-политической истории: римские коллегии, взаимоотношения императорской власти и армии, военные поселения ветеранов в Римской империи — были предметом изучения Ю. А. Кулаковского, переводчика «Истории» Аммиана Марцеллина (1906—1908).

Кулаковский в последние годы жизни переключился на исследование истории Византии, издав 3-томный труд «История Византии» (1910—1914).

В работе Ф. Дыдынского «Император Адриан» (1896) дано обстоятельное, главным образом в юридическом плане, описание политического положения, административной структуры и законодательной деятельности Римской империи в первой половине II в. н. э. Если Ф. Дыдынский опирался главным образом на юридические источники, то исследование П. Ю. Куля «Провинциальные собрания у римлян. Их организация и функции в век принципата» (1898) было построено целиком на эпиграфических материалах и давало исчерпывающее исследование этого частного элемента римской провинциальной структуры I—II вв.

Таким образом, изучение политических учреждений античности проводилось довольно активно и было представлено рядом серьезных работ, которые вместе с тем страдали узостью источниковой базы, отрывом истории политических учреждений от социально-экономических отношений.

Крупнейшим исследователем античной культуры в ее различных аспектах был Ф. Ф. Зелинский (1859—1944). Трудно назвать какую-либо тему древнегреческой религии, мифологии, литературы, которую бы он так или иначе не затрагивал в своих работах. Его многочисленные

статьи на самые разнообразные темы были собраны в одном 4-томном труде под характерным названием «Из жизни идей» (1905—1907, 1922). Для Зелинского античная культура и религия — своего рода предшественники христианства, которые, так же как и последнее, удовлетворяли в большей или меньшей степени некоторым вечным потребностям человеческой души. Именно в условиях античного мира создавались идеи, ставшие затем через христианство частью современной культуры. В связи с этим он рассматривал античный мир не как тихий и отвлекающий от современной жизни музей, а как живую часть новейшей культуры.

Античная умственная культура, важнейшие идеи религии и нравственности рассматривались Зелинским как возникающие сами из себя, и проблемы каких-либо связей между ними, материальными условиями жизни и сложными аспектами социально-политической борьбы не существовало. По своим историко-философским взглядам Зелинский принадлежал к представителям ярко выраженного религиозно-идеалистического мировоззрения. Стремясь подчеркнуть глубину античной умственной культуры и согласовать ее со своим христианским мировоззрением, Зелинский должен был преувеличивать степень близости и воздействия античных идей на христианство. Вместе с тем следует отметить, что Ф. Ф. Зелинский глубоко показал плодотворное воздействие античной культуры на многие стороны европейской духовной жизни, особенно европейской литературы.

Плодотворные традиции русской историко-филологической школы были продолжены в работах В. В. Латышева, А. В. Никитского, Н. И. Новосадского и др.

Основным направлением своего творчества В. В. Латышев (1855—1921) избрал разработку источниковой базы и истории Северного Причерноморья. Ему принадлежит мастерское издание в трех томах всех найденных в Северном Причерноморье надписей (1885—1901), сборника отрывков произведений греческих и римских писателей о Скифии и Кавказе в двух томах (1890—1906). Опираясь на прекрасное знание всего известного материала, Латышев предпринял исследование многих сторон жизни древнегреческих колоний в Северном Причерноморье: Херсонеса, Ольвии и Боспора. Особенно его

привлекало изучение политических учреждений. Анализ государственного устройства Херсонеса (1884), Ольвии (1887), обобщающий очерк истории Боспорского царства (1893) сыграли большую роль в разработке истории греческих колоний в Северном Причерноморье, способствовали превращению антикварного и археологического описания их древностей в научное исследование их богатой истории.

А. В. Никитский (1859—1921) предметом своих научных занятий избрал эпиграфический материал и древности Дельфийской общины, а также ряд слабо изученных областей Балканской Греции, таких, как Локрида, Эпидавр, Этолия. Его выводы по ряду вопросов, например правовые аспекты отпуска рабов на свободу и положение отпущенников, денежные системы, взаимоотношения греческих полисов, эллинистических монархий и Рима, международные правовые нормы, отличались тщательностью анализа и стали определенным вкладом в историческую науку.

Интерес к изучению греческой эпиграфики, греческой литературы и религии характерен и для Н. И. Новосадского (1859—1941). Ему принадлежат серьезные исследования в области недостаточно изученных проблем древнегреческой религии: об элевсинских мистериях (1887), о культе кабиров (1891). Его докторская диссертация об орфических гимнах (1900) стала фундаментальным трудом по этой малоизвестной теме. На основе лекционных курсов Новосадский издал ценные пособия по греческой эпиграфике (1909) и истории греческой драмы (1912).

В области латинских эпиграфических штудий следует отметить исследования М. Н. Крашенинникова «Римские муниципальные жрецы и жрицы» (1891) и «Августалы и сакральное магистерство. Исследование в области муниципального права и древностей» (1895). Указанные работы Крашенинникова вместе с исследованиями И. Турцевича о провинциальных собраниях в I—III вв. (1900), П. Куля (1898) и Л. Н. Беркута об устройстве городских общин в эпоху империи (1912), написанные на эпиграфическом материале, дали обстоятельную разработку такого нового в науке вопроса, как внутренняя структура Римской империи, и внесли определенный вклад в изучение Рима.

* *
*

Развитие буржуазной историографии в конце XIX — начале XX в. приобретает противоречивый характер. Совершенствование методов исторического исследования, обилие фактического материала и расширение проблематики исторического исследования пришли в несоответствие с ограниченностью историко-философских концепций, внутренними пороками идеалистической методологии. В этих условиях появляется и все более увеличивается разрыв между достижениями в конкретно-исторических исследованиях и их теоретическим осмыслением, развивается тенденция к превращению истории из научной дисциплины в разновидность искусства, к произвольному использованию результатов исторического исследования, часто в реакционных целях. В буржуазной историографии наблюдается пересмотр ряда достижений предшествующего периода, отказ от концепции исторического прогресса. Выход из этого методологического тупика указывала марксистско-ленинская теория исторического процесса, материалистическое понимание истории, с которой представители буржуазной историко-философской науки повели ожесточенную идейную борьбу.

ГЛАВА 7. БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ (1917—1945). НАРАСТАНИЕ РЕАКЦИОННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

§ 1. Общие особенности развития историографии

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. знаменовала рождение новой общественно-экономической формации — коммунистической. Она показала, что начался распад капиталистической системы, глубочайший кризис ее экономики, общественного строя, системы культурных ценностей. Революция 1917 г. имела большое международное значение. Под ее влиянием начались революции в Германии и Венгрии, большой размах получило революционное движение во Франции, Италии, США.

Потрясение экономических основ капитализма, рост революционных настроений в рабочем классе вызвали усиление реакционных тенденций в политике правящих классов Европы, отход от классических форм буржуазного либерализма и парламентаризма, переход к диктаторским, тоталитарным методам правления. В 1922 г. в Италии власть захватывают фашисты, в конце 20-х годов фашизм распространяется в Германии, а в 1933 г. Гитлер и его национал-социалистическая партия приходят к власти. Фашистские группы оказывают сильное давление на политику правящих слоев во многих странах Европы. Установив свою кровавую диктатуру в Италии и Германии, фашизм начал подготовку новой мировой войны.

Лагерю фашизма и реакции в Европе, политике подготовки новой мировой войны противостояли Советский Союз, коммунистические партии, демократические и патриотические силы европейских стран.

На фоне указанных социально-экономических и по-

литических процессов углубляется кризис буржуазной идеологии, проявляющийся в дальнейшем отходе от либерально-позитивистских концепций и распространении реакционных историко-философских систем (Шпенглера, Бергсона, Питирима Сорокина и др.).

Пересматриваются прежние теории развития в сторону их фактического отрицания (развитие признается в определенных пределах, в цикле или в замкнутом регионе, в области духа или понятий, развитие как кажущееся явление, развитие как включение предыдущего в последующее и др.), что свидетельствовало о глубоком кризисе того ограниченного историзма и той непоследовательной теории прогресса, которая была создана буржуазной историографией XIX в.

Признание непознаваемости сущности мира средствами науки, отрицание теории развития объективно усиливало позиции клерикальной философии, которая претендовала на объяснение сущности вещей через мистическое откровение, отражающее вечные христианские истины. Сближение реакционной философии с религиозными концепциями обусловило популярность неотомизма, в котором проповедь гармонии веры и разума Фомы Аквината дополнялась некоторыми идеями неокантианства.

Одной из модных теорий в реакционной историографии становится геополитика, т. е. объяснение особенностей политической истории географическими условиями, а также расистская интерпретация истории, которые послужили основами фашистской историографии. Фашистские историки широко применяли в своих работах идеи философии презентизма, предполагавшие объяснение исторических событий с точки зрения современности, широко используя исторический материал для подтверждения своей человеконенавистнической идеологии. Поскольку история не может познать сущность вещей и должна ограничиться поверхностным описанием внешних фактов, она перестает рассматриваться в качестве науки, а играет роль отрасли искусства или публицистики. Начинается дискредитация истории под лозунгом: история ничему не учит и поэтому может быть использована для обоснования любых действий. Под влиянием реакционных историко-философских концепций, которые, по существу, разрушали историю, многие профессиональные историки начинают игнорировать произвольные построения фило-

софов, отказываются от обобщений теоретического характера и сосредоточиваются на исследовании сугубо конкретных, частных проблем.

Методологический кризис буржуазной историографии, не был, однако, распадом ее во всех направлениях. Можно говорить о противоречивом развитии буржуазной историографии, в процессе которого усиливается разрыв между ее количественными и качественными сторонами: растущей специализацией, расширением проблематики исследований, круга источников, совершенствованием исследовательской техники, расширением издательского дела и сужением познавательных возможностей, методологическим эклектизмом, субъективизмом и пессимизмом конечных выводов.

В 20—30-х годах интенсивно развиваются многие отрасли всемирной историографии: медиевистики, нового и новейшего времени, стран Азии и Африки, древневосточных стран. Конкретные исследования исторического процесса многих регионов земного шара показали большое значение истории всех народов в общеисторическом процессе, их вклад в сокровищницу мировой цивилизации. В связи с этим в науке стали более объективно воспринимать роль античного мира, греко-римской цивилизации в мировой истории как важной, но тем не менее лишь части всемирного процесса, в то время как раньше значение античной цивилизации переоценивалось.

В указанный период развития антиковедения продолжалось расширение круга источников и улучшение исследовательской техники. В связи с совершенствованием методики археологических раскопок и обработки добытого материала, выделением нумизматики в одну из научных дисциплин повышается роль археологических материалов и монет как важного исторического источника. От иллюстративного использования этого материала историки переходят к его глубокому анализу. Особенностью археологических исследований этого времени является активная работа по всему Средиземноморью, на территории многих римских провинций, что позволило резко увеличить количество материала по истории античной периферии.

Публикации археологического материала приобретают исчерпывающую полноту и часто даются в виде корпусов. Так, в 20-х годах началась очень важная публикация «Корпуса античных ваз», которая была разби-

та на несколько серий (каждая серия относилась к одной стране, например к Италии, Германии и т. д.), внутри каждой серии материал делился на тома и выпуски.

В 20—30-х годах приобрел распространение просопографический метод исследования, получивший особую популярность в изучении социально-политической истории Древнего Рима. Зародившись в германской науке накануне первой мировой войны, просопографический метод затем был воспринят в Англии, где он особенно пропагандировался школой Л. Б. Нэмира, а также во Франции и приобрел международное признание. Сторонники просопографического направления рассматривали историческую личность не как изолированного героя, а как члена определенного коллектива (семьи, клана, политической группировки). Деятельность личности детерминирована ее ближайшим окружением. Они призывали тщательно исследовать финансовые, политические и клановые связи выявленных партийных группировок. Политическая история воспринималась как борьба многочисленных замкнутых политических клик, программы которых определяются набором узкопартийных, клановых интересов. Сторонники просопографического метода преувеличивали значение столкновений и разногласий мелких политических групп, не обращали внимания на глубинные основы политической борьбы, которые коренились в социальном и классовом расслоении общества. Однако как частный метод исследования политической борьбы внутри господствующего класса этот метод давал интересные результаты.

Выдающийся итальянский философ Б. Кроче стал основателем так называемой этико-политической исторической школы, которая при всех своих идеалистических основах боролась как с «мертвой хроникой» эрудитов-фактографов, так и с фальсификацией истории, столь характерной для фашистской историографии. Этико-политическая школа Кроче отрицала определяющее значение материальных условий и главным фактором исторического развития считала распространение этико-политических идей.

Прогрессивные позиции разделяли представители школы «Анналов» во Франции, группировавшиеся вокруг журнала «Annales d'histoire économique et sociale», возглавляемого М. Блоком и Л. Февром. Они призывали к изучению социально-экономических отношений, стреми-

лись к выявлению причинно-следственных связей. Они отвергали тезис о непознаваемости исторического процесса, рассматривали историю как науку. Представители школы «Анналов» бесспорно испытывали влияние марксистской концепции, однако оставались в рамках буржуазной методологии. Они разделяли теорию факторов, считая каждый из факторов исторически равнозначным, а экономику рассматривали не как определенную систему, а механическую сумму отдельных частей: техники, денежного обращения, форм собственности и др.

Развитие мировой историографии античности межвоенного периода проходило в рамках оформившихся национальных историографий, имевших специфические особенности.

§ 2. Англо-американская историография античности

Развитие англо-американской историографии в межвоенные годы определялось сложными и противоречивыми тенденциями: с одной стороны, рост числа источников, все большая изощренность в их исследовании, глубокие источниковедческие штудии; с другой же — все большая утрата основной исторической перспективы, усиление реакционных тенденций, появление нигилистического отношения к истории. Неслучайным является то обстоятельство, что одним из основоположников концепции непознаваемости истории в современной буржуазной науке выступил английский археолог-антиковед Коллингвуд, полностью отрицавший возможность понять прошлое, считавший, что каждый историк «моделирует» его по-своему. В это же время антиковед Арнольд Тойнби (1889—1976) создает свою концепцию истории, базой для которой стала античная цивилизация. А. Тойнби позднее отмечал, что толчок ему дала первая мировая война, поскольку она — полнейшая аналогия Пелопоннесской войны.

В это время усиливаются тенденции к единству английского и американского антиковедения, постоянно происходит обмен научными кадрами, создаются силами ученых той и другой страны коллективные труды, взаимодействуют издательства. Но при всем том и английская и американская наука сохраняет определен-

ную специфику, сильнее всего сказывающуюся в наиболее популярных темах исследованиях. Для американской науки особое значение имеют проблемы экономической истории, для английской — проблемы эллинистического мира, античного «колониализма».

В межвоенные годы английские и американские исследователи проводят широкие по масштабам археологические работы. Важнейшее значение имели раскопки Э. Эванса (1851—1941) на Крите, начавшиеся еще до первой мировой войны. В 1921 г. вышел в свет его обобщающий труд (в четырех томах), где давался полный отчет о раскопках дворца в Кноссе, содержащий огромный фактический материал. Интерес к критским древностям эпохи бронзы не ослабевал и позднее. Важную роль сыграла комплексная работа ученика Эванса — Дж. Пендлбери «Археология Крита» (1940). Продолжались раскопки на Крите и в ряде центров бронзовой эпохи на Балканском полуострове, активно исследовался накопленный материал, издавались каталоги микенских и критских объектов, хранящихся в различных музеях (главным образом в Британском).

Больших успехов достигла археология и в изучении других эпох истории Греции и Рима. Особо важное значение имели раскопки Олинфа, проведенные американским археологом Д. Робинсоном. Значение их определяется тем, что город был уничтожен Филиппом II и никогда больше не возрождался, таким образом здесь перед археологами предстали «стерильные» археологические слои классического времени, в которых полностью отсутствовали вещи более поздних периодов. Благодаря этому олинфские материалы стали своего рода «эталоном» для изучения других памятников классического времени. В это же время начались раскопки территории агоры Афин, активно исследовался Коринф (отчеты под редакцией Ричардсона, 15 томов), велись работы в столице государства Селевкидов (а затем крупнейшем римском центре Востока) — Антиохии на Оронте. Под руководством М. Ростовцева осуществлялись многолетние раскопки Дура-Европос, начатые Академией надписей (Франция), а затем продолженные Йельским университетом. Английский археолог Дж. Маршалл в течение ряда лет осуществлял раскопки в Таксиле. Мичиганский университет проводил исследования Селевкии на Тигре.

Накопление археологического материала привело к качественным изменениям в сфере его интерпретации. Именно в это время впервые в буржуазной науке археологические материалы стали использоваться как полноправный исторический источник для выявления процессов экономического и даже социального развития античного общества. Основная заслуга в этом принадлежит русскому буржуазному ученому М. Ростовцеву, эмигрировавшему в Англию, а затем переселившемуся в США, где он в течение многих лет был профессором Йельского университета.

Заметных успехов достигла в это время и античная эпиграфика. Важнейшим направлением в ней стало изучение афинских надписей периода существования Первого афинского морского союза, проводившееся Б. Мериттом, Э. Вестом, В. Притчеттом, Х. Вэйд-Джери, М. Мак Грегором. Появился ряд публикаций, освещавших отдельные проблемы, а в 1939 г. вышел первый том фундаментального исследования «Athenian Tribute Lists», законченного уже после второй мировой войны. Для изучения эпохи эллинизма очень важна была сводная публикация всех сохранившихся писем эллинистических царей, подготовленная Ч. Уэллзом (1934).

Межвоенные годы характеризуются также и значительным прогрессом в папирологических исследованиях. В Англии продолжали издаваться папирусы из Оксиринха (Тэрнер, Хант, Белл, Джонсон), был опубликован ряд коллекций папирусов, как частных (Адлера, Р. Харриса), так и университетских (Абердинского). Были изданы и греческие остраки, хранившиеся в Оксфорде (Тэйт, 1930). Огромную роль сыграла в изучении раннего христианства публикация папирусов Честер-Битти (1933—1940), среди которых особенно важен текст посланий Павла. Данный папирус примерно на 200 лет старше, чем самые ранние (известные до того времени) рукописи новозаветных сочинений. Разночтения с каноническими текстами дали обширный материал для понимания истории формирования христианского вероучения.

Активно развивались папирологические исследования и в США. Были опубликованы папирусы из находок экспедиции Метрополитен-музея (1926), издавались также коллекции, принадлежащие отдельным университетам (Принстонскому — 1931, 1936; Корнельскому —

1926), важную роль сыграли публикации папирусов из архива Зенона, хранящиеся в Мичигане (1931), и папирусов из Тебтюниса (1934). Были изданы также греческие остраки из коллекции Мичиганского университета (1935). Публикация папирологических материалов часто сопровождалась углубленными исследованиями тех проблем, материал для решения которых они давали. К числу таких работ относится монография У Уэстерманна «Относительно рабства в Птолемеевском Египте» (1929), представляющая собой публикацию одного из важных документов начала II в. до н. э. и одновременно исследование комплекса вопросов, связанных с развитием рабства в эллинистическом Египте. Это было одно из частных исследований, на базе которых в дальнейшем развилась общая концепция Уэстерманна об античном рабстве. Для него характерным является стремление всячески преуменьшить значение рабского труда в Египте. Большое влияние на направление исследований социально-экономических проблем эллинистического мира оказала монография М. Ростовцева «Большое поместье в Египте III в. до н. э.» (1922), посвященная хозяйству диойкета Аполлония. Эта работа до сего времени сохраняет свое значение, являясь наилучшей сводкой фактических материалов по архиву Зенона. Но в то же время в ней очень ярко проявляются модернизаторские тенденции. Птолемеевское царство рассматривается как централизованное государство с национализированной продукцией сельского хозяйства и промышленности, в нем функционировала детально разработанная система планирования и государственного контроля. Именно государственный контроль, подавляющий частную инициативу, стал причиной падения царства Птолемеев. Хозяйство Аполлония М. Ростовцев определяет как уменьшенную копию царского хозяйства.

В это время многое было сделано и для изучения античного монетного дела. Среди общих руководств необходимо отметить книгу К. Селтмана «Греческие монеты. История денежного обращения и монетной чеканки до падения эллинистических царств» (1933) и книгу Х. Маттингли, посвященную общим проблемам римской нумизматики (1928). Появлялись исследования по монетному делу отдельных центров: «Антиохия на Оронте» — Э. Ньюэлл (1918), «Олимпия» — Селтман

(1921), «Афины», — Селтман (1924), «Коринф» — К. Эдвардс (1933), «Крит» — Д. Хилл (1937) и т. д. Серию работ, посвященных эпохе Александра Македонского, издал Э. Ньюэлл, ему принадлежат две фундаментальные монографии по монетной чеканке государства Селевкидов (1938, 1940). Для римской нумизматики особое значение имели работы Маттингли и Сайденхэма, посвященные монетам императорского и республиканского времени. Тогда же начали широко использоваться новые методы исследования монет: сравнения штемпелей, анализа кладов. В связи с этим важную роль сыграла работа С. Ноу (1937), в которой были учтены все известные на это время клады древнегреческих монет.

В межвоенные годы в англо-американском антиковедении усилилось внимание к источниковедческим проблемам. Из работ этого плана необходимо упомянуть книгу Д. Пауэлла о Геродоте (1939) и Дн. Эббота о Фукидиде (1926).

Одной из примечательных черт буржуазного антиковедения этого времени (в том числе и англо-американского) было стремление к созданию больших обобщающих трудов. Наиболее ярким примером предприятий этого рода в Англии было издание 12-томной «Кембриджской древней истории» (1928—1938), к участию в написании которой были привлечены виднейшие специалисты. Работа была построена по синхронистическому принципу; авторы стремились охватить в одном томе события, происходившие во всех регионах в рассматриваемый период (правда, этот принцип строго не выдерживался). По охвату исторического материала, по привлечению многочисленных источников и литературы она представляет наиболее обстоятельное коллективное исследование по истории древности. Однако в нем наиболее ярко проявились и присущие буржуазному антиковедению коренные пороки: отсутствие понимания причин развития исторического процесса, его движущих сил. Отчетливо сказывается и модернизация исторического процесса.

В США было осуществлено другое крупное коллективное издание. По инициативе и под редакцией Тенни Франка (1876 — 1939) выходит обширное 5-томное издание «Экономический обзор Древнего Рима» (1933 — 1940). Т. Франк был одним из ведущих специалистов США в области древней истории. Окончив

Канзасский университет, он работал в ряде университетов в США, в Американской Академии в Риме, слушал лекции в нескольких университетах Германии, в конце жизни был приглашен для чтения лекций в Оксфорде. Основной сферой интересов его была экономическая и социальная история Рима. Уже в первой своей монографии «Римский империализм» (1914) Т. Франк выступает апологетом римской завоевательной политики. С его точки зрения римляне никогда не вели агрессивных войн, а, наоборот, были сами жертвами нападений. Оккупируя те или иные территории, римляне преследовали прежде всего цивилизаторские цели. Завоевание Апеннинского полуострова — это, по его мнению, в первую очередь объединение кровнородственных народов. Римские колонии на покоренных землях создаются не для укрепления власти Рима, а для защиты местного населения от внешних врагов.

Проблемы экономики в дальнейшем занимают все большее место в трудах Т. Франка. В 1920 г. выходит в свет его «Экономическая история Древнего Рима». В ней и в ряде других работ самым ярким образом проявляются характерные черты его метода. Это прежде всего модернизация, при этом модернизация многоплановая: римский клиент VI в. до н. э. сравнивается с крестьянином английского средневекового манора, рабовладельческое хозяйство Катона — с современным капиталистическим предприятием, римские политические учреждения эпохи республики — с политическим строем США и т. д. В истолковании причин исторического развития Т. Франк особое место уделяет «национальному духу», причем подобный подход часто у него приобретает расистский оттенок. Все лучшее, что было в истории Рима, объясняется «расовым превосходством» римского народа, а все беды и неудачи — его «ориентализацией» и в результате этого «вырождением». Особое место в концепции Т. Франка занимают сравнение Рима с США и соответственно апология «американского образа жизни». Экспансию Рима он сравнивает с движением американцев на Запад, американское общество XIX в. имеет много общего с «римской национальной системой свободного крестьянства» и т. д.

Важнейшую роль в разработке проблем социальной и экономической истории античности сыграл и М. Рос-

товцев. Среди многочисленных его работ, вышедших в это время, особое место занимают две капитальные монографии: «Социальная и экономическая история Римской империи» (1926) и «Социальная и экономическая история эллинистического мира» (1941, 3 тома). По охвату материала, по широте использованных источников эти работы (особенно последняя) не имеют себе равных в буржуазном антиковедении. Они оказали огромное влияние на развитие науки и тем, что в них автор впервые широчайшим образом привлек археологические материалы в качестве полноправного источника, такого же, как нарративные и эпиграфические источники. Важнейшим недостатком этих работ была модернизация античного общества. В концепции М. Ростовцева важнейшее место занимает тезис о борьбе античной «буржуазии» и античного «пролетариата». Экономические отношения античного мира уподобляются капиталистическим, а отношения, существовавшие на Востоке,— феодальным.

В исследовании Древней Греции особое внимание в англо-американском антиковедении занимали проблемы ранней истории Греции, особенно Афин. Пристальное внимание уделялось реформам Солона: К. Фримэн — «Труд и жизнь Солона» (1936), В. Вудхауз — «Солон—освободитель», (1938), Дж. Линфорт—«Солон—афинянин» (1919). Во всех этих работах в той или иной степени сказывается модернизация ранней истории Афин. Борьба в афинском обществе этого времени выступает аналогом борьбы «третьего сословия» против феодальной аристократии в эпоху позднего средневековья. Подобная позиция характерна и для книги К. Селтмана «Афины, их история и монетное дело до персидского вторжения» (1924). В монографии П. Юра, посвященной ранней тирании (1922; 2-е изд.— 1962), где также явно видна модернизация античности, эпоха ранней тирании рассматривается как век «необыкновенного торгового развития». Тираны же — это лидеры торгового класса, класса «новых богачей». Предпосылкой их возвышения было богатство, созданное в результате торговли.

Афинская демократия, как правило, идеализировалась, полностью элиминировался ее ограниченный и рабовладельческий характер. У афинян существовала наиболее совершенная форма демократии вообще

(Р. Боннер «Аспекты афинской демократии», 1933). Империализм считался неразрывно связанным с демократическим строем.

В этот период много внимания уделялось проблемам военной истории. Среди работ этого типа необходимо указать на книгу Х. Парка «Греческие солдаты — наемники от древнейших времен до битвы при Ипсе» (1933). Работа в значительной мере фактологична и представляет собой очень полный очерк военно-политической истории наемничества. Резкое увеличение числа наемников в IV в. до н. э. он объясняет экономическими причинами: изменением характера сельского хозяйства, разорением мелкого крестьянства, невозможностью найти источники существования для него в городе.

В англо-американском антиковедении этого времени известное место занимала и проблематика, связанная с изучением рабства. Исследованием проблемы численности рабского населения Афин занималась Р. Сарджент (1924). В этой работе очень показательно противоречие общих положений автора и его конкретных выводов. Сарджент резко выступает против положения о рабовладельческом характере афинского общества, но собственные ее подсчеты убеждают в том, что некоторые отрасли хозяйства были областями полного господства рабского труда. Общие проблемы народонаселения Афин в V—IV вв. до н. э. исследовал А. Гомм (1933); естественно, что он касался также и проблемы численности рабов. Согласно его подсчетам, рабы составляли большинство населения Аттики. Однако У. Уэстерманн, написавший в эти годы статью «Рабство» для энциклопедии Паули-Виссова, всячески преуменьшал число рабов и идеализировал их положение.

Очень активно в это время исследовались проблемы эллинистической истории. Кроме упомянутой выше монографии М. Ростовцева необходимо сказать о книге В. Тарна «Эллинистическая цивилизация» (1926; переиздание в 1941 и 1951 гг.), представлявшей собой попытку дать общий очерк истории эллинистического мира. Хотя В. Тарн и признает рабовладельческую основу эллинистической цивилизации и видит в этом основное отличие эллинистического мира от современного, все же нередко он вступает на почву модернизации и, кроме того, в числе факторов, определяющих ход исторического процесса, решающее место отводит идеологическому. Его

книга «Греки в Бактрии и Индии» (1938, переиздание 1951 г.) представляет собой попытку обрисовать историю самых восточных областей эллинистического мира. Недостаток фактических данных В. Тарн возмещает в ней самыми фантастическими гипотезами. В это же время он начинает разрабатывать свою теорию об Александре Македонском как провозвестнике «братства народов». Очень ярко модернизация эллинистического мира проявляется в книге М. Кэри «История греческого мира от 323 до 146 гг. до н. э.» (1932). В ней появляются и богатая буржуазия, и муниципальный социализм; экономическая политика Птолемеев уподобляется меркантилизму Кольбера и т. д. Очень показательны основные исходные идеи автора: колонизационное движение рассматривается как нечто имманентно присущее любому «здоровому» народу, греки эллинистической эпохи упрекаются за то, что они не смогли создать мировую империю. Важную роль сыграла книга Д. Т. Гриффита «Наемники эллинистического мира» (1935) — очень полное исследование, в котором особое внимание уделялось экономическим проблемам наемничества. Для изучения восточной периферии эллинистического мира важна была книга Н. Дибвойза «Политическая история Парфии» (1938).

В изучении истории Древнего Рима (кроме отмеченных уже выше работ) примечательным явлением оказалась книга Р. Сайма «Римская революция» (1939). Являясь в известной мере развитием идей Ростовцева (рассматривавшего переход от республики к империи как своеобразную революцию, основной движущей силой которой была новая римская армия — вооруженный пролетариат), эта книга в то же время служит ярким примером применения в историческом исследовании нового тогда просопографического метода. Р. Сайм считает, что политическая борьба в Риме определялась не борьбой партий или политических программ, а спором знатных фамилий, вокруг которых группировались приверженцы, связанные с ними чисто личными отношениями.

В отличие от М. Ростовцева, Р. Сайм считает Цезаря не революционером, а, скорее, «оппортунистом»; Октавиан же определяется им как настоящий революционный вождь. Данная концепция оказала значительное влияние на взгляды буржуазных ученых относительно перехода от республики к империи.

Большое внимание англо-американские исследователи уделяли проблемам теоретического и юридического оформления римской императорской власти в различные периоды: Хэммонд — «Принципат Августа» (1933), Хендерсон — «Жизнь и принципат императора Адриана» (1923) и др. Другой излюбленной темой было изучение римских провинций. Важное место здесь сыграли книги А. Джоунза «Города восточных римских провинций» (1938) и «Греческий город от Александра до Юстиниана» (1940). Основная проблема этих монографий — судьбы греческого города после утраты им независимости, в период вхождения его в крупные государственные образования. Она исследуется как с точки зрения внутренней эволюции города, так и с точки зрения его места в общей структуре государства. По мнению А. Джоунза, причина конечной гибели их (а вместе с ними и эллинизованного мира) кроется в том, что основой города всегда выступал очень узкий круг богатых граждан, эксплуатировавших «городской пролетариат» и крестьянство. В римское время происходит дальнейшее сужение господствующего слоя.

Из числа других работ, посвященных римским провинциям, необходимо отметить книги Броутона «Романизация проконсульской Африки» (1929) и Сазерлэнда «Римляне в Испании» (1939). Для большинства исследований, посвященных этим проблемам, характерна идеализация римского господства. Наиболее ярким примером является книга Стевенсона «Римская провинциальная администрация в эпоху Антонинов» (1939). Автор стремится доказать, что римское завоевание несло свободу и процветание покоренным народам. При этом крайне показательным является постоянное уподобление Римской империи Британской колониальной империи. Причины римских завоеваний объясняются как геополитическими факторами, так и «национальным характером» римлян, которые подобно «британским джентльменам» уважали чужую свободу и собственность.

§ 3. Французская историография античности

Как и многие страны Европы, Франция в 20—30-х годах переживала серьезные трудности, вызванные глубокими экономическими и социальными потрясения-

ми послевоенного времени, которые оказывали влияние на общую идейно-политическую атмосферу, в том числе и на развитие исторической науки. Вместе с тем победа в первой мировой войне, получение контрибуции от Германии, существование колониальной империи позволяло французской буржуазии несколько стабилизировать положение в стране. Большие финансовые возможности, наличие квалифицированных кадров, соответствующих учреждений, интерес к античности, существующий в обществе, обусловили дальнейшее развитие французского антиковедения, в котором были прочны традиции либерально-позитивистской школы Фюстеля де Куланжа.

Продолжала свою активную археологическую деятельность Французская школа в Афинах. Наиболее крупные ее работы были сосредоточены вокруг традиционных мест ее деятельности на Делосе, в Дельфах, на Родосе, Фасосе, Крите. Весьма активной стала деятельность французских ученых по исследованию археологических объектов римской Галлии, французских колониальных владений в Тунисе, Алжире и Марокко. Результаты многолетних исследований были изданы в многотомных публикациях, которые вводили в научный оборот большой археологический материал. Такими публикациями стали: «Раскопки в Дельфах», под редакцией Т. Омоля (т. I—V, 1914—1932); А. Габриель — «Город Родос» (т. I—II, 1921); Т. Омоль и М. Олло — «Археологическое обследование на Делосе» (т. I—XIX, 1909—1932); «Критские исследования французской школы в Афинах» (т. I—X, 1922—1953). В Сирии и Ливане, перешедших под управление Франции после первой мировой войны, также велись активные археологические работы. Особое место среди них занимали исследования римского лимеса, Тира и Сидона, проведенные Пуадебаром. Здесь впервые в широких масштабах стали применяться методы аэрофотосъемки и был проведен один из первых опытов подводных археологических работ. Результаты раскопок и исследований в Галлии публиковались в специальном периодическом органе «Галлия», который стал выходить с 1900 г., в 5-томном капитальном «Руководстве по галло-римской археологии» А. Гренье (1931—1952). Активно развивались раскопки французских археологов в Иране и Афганистане. В то же время во французской археологии этого времени явственно проявляются

«ограничительные» тенденции, стремление свести археологию только к истории искусства (например, в работах Ш. Пикара).

В межвоенные годы продолжалось развитие папирологии. Осуществлялась публикация коллекций папирусных документов, хранящихся во Франции: «Папирусы Ахмина из Национальной библиотеки», «Папирусы Бурианa», «Лилльские папирусы». Важную роль играли французские ученые в папирологических исследованиях, проводившихся в Египте, где активно продолжал работать Французский институт восточной археологии. Кроме того, ряд французских исследователей работал в «Службе древностей Египта» и в «Египетском обществе папирологии». Так, в частности, А. Батай, О. Геро и П. Жуге опубликовали папирусы, принадлежавшие тогдашнему египетскому королю Фаруку (1939). Были проведены совместные франко-польские раскопки в Аполлинополисе Великом и опубликованы полученные при раскопках «Папирусы Эдфу» (1938, 1939).

Среди нумизматических работ этого времени необходимо отметить общий очерк Э. Бабелона по нумизматике Древней Греции (1921) и его же публикацию коллекции де Люня (т. 1—2, 1924—1930).

Развитие греческой эпиграфики в это время характеризуется стремлением к изданию больших «Корпусов». В частности, в это время осуществляется практически полное издание надписей, найденных при раскопках Делоса (5 томов, 1925—1937— Ф. Дюррбах, П. Руссель, М. Лоней). Издавались и исследовались дельфийские надписи (ряд выпусков, подготовленных Н. Валмэном, Ж. До, Э. Бурже).

В этот период началась деятельность Л. Робера. В 1927—1932 гг. он работал в составе Французской школы в Афинах, с 1938 г. он (совместно с Ж. Робер и Р. Фласельером) начал издавать «Эпиграфический бюллетень», выходящий в журнале «Revue des Etudes Grecques». В эти годы им были выпущены первые монографии: «Анатолийские этюды. Исследования греческих надписей Малой Азии» (1937), «Гладиаторы на греческом Востоке» (1940), — для которых характерны в высшей степени тщательное исследование эпиграфического материала, большая эрудиция и всесторонний учет всех данных источников по исследуемой проблеме. Среди эпиграфических работ необходимо отметить также и книгу М. Ол-

ло «Этюды по греческой эпиграфике и истории» (т. 1—2, 1938).

Интересным явлением французской историографии межвоенного периода было формирование прогрессивного научного направления, объединившегося вокруг основанного в 1929 г. журнала «Анналы социально-экономической истории».

Большим достижением французской буржуазной историографии стал выпуск многотомной «Всеобщей истории» под редакцией Густава Глотца — монументальное издание в трех частях, каждая из которых делилась на несколько томов, которые в свою очередь подразделялись на полутома (всего в 13 книгах). «Всеобщая история» выходила в течение 16 лет (с 1923 по 1939 г.) параллельно со знаменитой «Кембриджской древней историей». Часть первая, состоящая из двух томов, была посвящена истории Древнего Востока и написана известным египтологом А. Море. Вторая часть—«История Древней Греции» состояла из четырех томов (в 5 книгах); ее авторами были Р. Коен, П. Руссель, П. Эймар, П. Коллар. Третья часть — «История Древнего Рима» включала четыре тома (восемь книг) и была составлена Э. Пайсом, Г. Блоком, Ж. Каркопино, Л. Омо, М.Бенье и А. Пиганьолем. Как можно видеть, в этом издании принимали участие самые крупные антиковеды Франции межвоенного периода. Глотц был учеником Фюстеля де Куланжа, сторонником органического развития общества.

В работе были учтены все достижения тогдашней науки, данные новых раскопок, папирологические и эпиграфические источники. Единая композиция, общая концепция, попытка научного исследования прошлого, стремление дать интегральную историю различных обществ делают эту работу крупным явлением мировой историографии античности. В основу была положена концепция древнегреческой цивилизации и ее истории, согласно которой именно в Греции, в частности в Афинах, были выработаны основные принципы цивилизованного общества, которые полностью проявились в создании грандиозной римской средиземноморской империи. Во «Всеобщей истории» описаны многие стороны античного общества, включая его социально-экономические аспекты, и в этом можно видеть известное влияние «школы Анналов» на это монументальное издание.

Другим многотомным изданием французских антиковедов межвоенного периода была серия «Народы и цивилизация. Всеобщая история» под редакцией Луи Альфана и Филиппа Саньяка, в пяти томах, которая выходила в 30-х годах. Этот труд, рассчитанный на широкие круги читающей публики, уступает по своему научному значению «Всеобщей истории» Г. Глотца. Повторяя многие положения последней, «Всеобщая история» Альфана и Саньяка имела и некоторые особенности: синхронистическое изложение истории народов Древнего Востока, Греции и Рима, меньшее количество авторов и, следовательно, большое единство изложения и основной концепции. История Греции в этом издании написана П. Русселем, ход римских завоеваний и характеристика римского республиканского устройства даны А. Пиганьолем, Средиземноморье эпохи Римской империи рассмотрены Е. Альбертини, переходный от античности к средневековью период проанализирован Л. Альфаном. Несмотря на то что ключевые тома данной серии написаны теми же авторами, что и «Всеобщая история» Г. Глотца, тем не менее здесь несколько смещены акценты основной концепции древней истории. В частности, подчеркнуто особое значение римской цивилизации, римской государственности, единство которой противопоставляется анархической Греции. Идеализируя средиземноморскую империю и римскую цивилизацию, авторы видят в ней не только источник последующего культурно-исторического развития Европы, но и ключ к пониманию важнейших проблем капиталистической Европы и ее роли в современном мире.

Во французском антиковедении 20—30-х годов можно отметить некоторые проблемы античной истории, которые становятся весьма популярны и привлекают к себе повышенное внимание специалистов. Среди них можно выделить тему античной цивилизации в широком смысле этого слова, особенно римской средиземноморской цивилизации, в том числе экономики, истории римских провинций (в частности северо-африканских и, конечно, римской Галлии). По данным проблемам в межвоенный период вышел ряд фундаментальных трудов. Появился ряд крупных исследований в области античной экономики. Р. Бийяр опубликовал две основательные монографии по истории античного виноградарства (1913) и истории античного земледелия, главным сбразом по ма-

териалам «Георгик» Вергилия (1928) (одно из самых полных исследований по истории античного сельского хозяйства в мировой литературе). В это же время вышла в свет и работа А. Жарде «Зерновые в греческой античности» (1925). Эта работа до сего времени является одним из наиболее полных исследований по истории древнегреческого сельского хозяйства и обмена. Автор считает, что сельское хозяйство Древней Греции имело застойный характер. Способы ведения хозяйства от Гомера до Полибия практически не менялись. В попытке найти отсутствующий в древности статистический материал он обращается к сельскому хозяйству Греции XIX в. Из специальных работ следует отметить изучение Е. Кавеньяком истории народонаселения в крупных городах античного мира как одного из важных социально-экономических факторов древних обществ (1922).

Наряду со специальными работами в 1927 г. появилась сводная работа известного французского антиковеда Ж. Тутена «Античная экономика». Предметом внимания автора является весь комплекс античной экономики от гомеровского времени до падения Западной Римской империи. В отличие от экономических работ рубежа XIX—XX вв., принадлежащих К. Ю. Бюхеру, Эд. Мейеру и М. Веберу, Ж. Тутен не злоупотребляет использованием социологических понятий применительно к античной экономике («ойкосное хозяйство», «капитализм» или «феодализм») и старается излагать фактический материал. Тутен считает возможным говорить об античной экономике как определенном целом, которое в своем развитии проходит несколько этапов: 1) собственно греческий (от Гомера до завоеваний Александра Македонского); 2) эллинистический, характеризующийся перемещением центра тяжести экономической активности в Восточное Средиземноморье. Параллельно эллинистической экономике развивается своеобразная экономика Западного Средиземноморья (Италии, этрусков, Карфагенской державы); 3) высший, начинавшийся с установления Римской империи, когда экономическое развитие Восточного и Западного Средиземноморья, ранее изолированное, приобрело единство в рамках огромного государства. Варварские вторжения расшатали римскую экономику, подорвали систему свободного предпринимательства, привели хозяйство и общество к развалу.

Несмотря на стремление изложить максимально об-

ширный фактический материал, включая земледелие, ремесленное производство, денежное обращение, работа Тутена показывает обычные даже для прогрессивной буржуазной историографии пороки: он видит последнюю причину экономических изменений в смене политических форм, находит черты капиталистического свободного предпринимательства в эпоху максимального экономического расцвета античности (I—II вв. н. э.). Наконец, общая картина римской экономики периода расцвета дана в панегирическом плане, причем Тутен полагает, что никогда еще народы Средиземноморья не пользовались таким благосостоянием и процветанием, какого они достигли при римском господстве.

Одним из наиболее авторитетных представителей французского антиковедения этого времени был Г. Глотц. Помимо общих работ, выходивших под его руководством и при его участии, необходимо отметить ряд его монографий: «Труд в Древней Греции» (1920), «Эгейская цивилизация» (1923), «Греческий город» (1928; переиздание 1953). В отличие от многих англо-американских и немецких ученых того времени Г. Глотц отнюдь не был склонен недооценивать роль рабства в Древней Греции. Древнегреческий полис Г. Глотц считал основным феноменом античной истории. Вопреки мнению исследователей того времени, он полагал, что формирование мира полисов как небольших городов-государств, определяется не только географическими условиями, так как и в Малой Азии, и в Италии, где природные условия отличаются от природных условий Греции, все же политической формой организации оставался полис.

С другой стороны, Г. Глотц отказывался и от идущего еще от Фюстель де Куланжа представления о домашней религии как основном источнике развития политической организации античного общества. Он полагал, что взаимодействие трех основных компонентов определяет всю судьбу города-государства: индивида, семьи, города. Соответственно вся история города-государства делится на три периода: 1-й — город состоит из семей, которые сохраняют свою первоначальную организацию и свои права. Индивид в семье строго подчинен авторитету семьи и ее коллективным интересам; 2-й — город подчиняет семью, призвав на помощь индивидов, освобожденных от подчинения ей; 3-й — дальнейшее развитие индивидуализма приводит к разрушению самого

города, результатом чего становится необходимость возникновения более широкого и более мощного государства.

Примечательным явлением была и работа Г. Глотца «Труд в Древней Греции. Экономическая история Греции от гомеровского периода до римского завоевания» (1920). Отвергая концепции Бюхера и Эд. Мейера, Г. Глотц создает свою схему развития экономики древнегреческого мира. В «гомеровский» период происходит переход от пастушества к земледелию, от коллективной собственности на землю к частной, вокруг местных рынков возникают города — рождается «городская и торговая экономика». В архаическую эпоху развивается монетарная экономика, порождающая борьбу ремесленников и торговцев против землевладельческой аристократии, начинается торговая конкуренция различных центров. Наивысшего расцвета древнегреческая экономика достигает в эллинистическую эпоху, когда возникает мировой рынок. В сущности, это модернизаторская схема, построенная согласно «модели» перехода от европейского средневековья к капитализму. Однако в ней имеется одна черта, резко отличающая Г. Глотца от немецких модернизаторов античности: признание важнейшей роли рабства в истории Древней Греции. Г. Глотц считает, что основным отличием древнегреческого общества от капиталистического было наличие рабов и именно это обстоятельство помешало возникновению «машинной индустрии». В силу этого развитие производства отставало от развития обмена.

Из других проблем истории Древней Греции французские историки наиболее активно изучали афинскую демократию. Крупное значение здесь имели работы П. Клоше, особенно «Афинская цивилизация» (1927), «Внешняя политика Афин от 404 до 338 гг. до н. э.» (1934) и «Демосфен и конец афинской демократии» (1937). В соответствии с традициями французской науки афинская демократия П. Клоше идеализировалась. Афины несли всему эллинскому миру свободу и процветание. Демосфен обрисовывался как величественная и трагическая фигура. Очень характерны критические отзывы об авторах, не разделявших этого преклонения перед Демосфеном: всякое сомнение в безукоризненности облика Демосфена рассматривалось Клоше как покушение на основы демократии. Ответствен за гибель афинской

демократии в конечном счете народ, который предпочел тяжким трудам спокойствие.

Проблемы истории эллинистического Востока занимали очень видное место в исследованиях французских ученых. В 20-е годы начались раскопки Дура-Европос, во главе которых стоял известный бельгийский исследователь Ф. Кюмон. Результаты этих исследований были обобщены в монографии «Раскопки Дура-Европос» (1926). Ф. Кюмоном же были подготовлены к печати греческие надписи, полученные при раскопках Суз (1929). Период Александра Македонского изучал Ж. Раде (1931 г. и несколько последующих переизданий), давшим очень детальную картину хода завоеваний македонского царя, которого он явно идеализировал. Монография П. Жуге «Македонский империализм и эллинизация Востока» (1926 г. и ряд последующих переизданий) представляла собой один из ярких примеров применения к древней истории популярных в это время во Франции концепций «благодетельного империализма». Завоевание Востока рассматривалось только как в высшей степени прогрессивное явление, способствовавшее широкому распространению здесь греческой культуры.

Следует отметить, что французские историки, изучающие римскую историю, как правило, идеализировали успехи Римской империи и всячески подчеркивали огромное значение римской цивилизации в мировой истории. Франция, так же как и многие другие страны послевоенной Европы, испытавшие большие социально-экономические и политические потрясения, искала своего рода образец стабильного государства и прочного общества в далекой древности и находила его в Римском средиземноморском государстве. Неудивительно, что в творчестве наиболее крупных антиковедов межвоенного периода — Андре Пиганьоля, Леона Омо и Жерома Каркопино — проблема римской культуры, Римского государства занимала основное место.

А. Пиганьоль (1883—1972) был профессором в Страсбурге (1925—1927), а с 1928 г.— в Сорбонне. Последователь Фюстель де Куланжа и представитель «школы Анналов» (он входил в состав редакции этого журнала), Пиганьоль занимал либеральные позиции и в своих исследованиях придерживался взглядов, типичных для «школы Анналов». Предметом его исследований были различные периоды римской истории: проблемы проис-

хождения Рима (1917), различные аспекты римских завоеваний и создания огромной державы. Однако большое внимание он уделял изучению Поздней Римской империи, в частности религиозно-политической деятельности императора Константина и истории, как он сам называл, христианской империи, т. е. периоду римской истории после Константина. Избегая крайних взглядов, Пиганьоль ставил своей задачей создание прагматической истории с описанием различных сторон римского общества, подчеркивая его плавное развитие с трансформацией города-государства в федеративное государство, затем в единую и могущественную империю, в рамках которой языческая цивилизация достигла своих высших форм и постепенно стала изменяться под влиянием христианства. Синтез исторических воззрений Пиганьоля дан в его сводной работе «История Рима», вышедшей в 1939 г. Прослеживая историю возникновения, расцвета и упадка Римского государства, автор кладет в его основу эволюцию политических учреждений Рима, прямо связывает упадок Римского государства в конце III в. н. э. с установлением бюрократической монархии, подавлением частной инициативы и происшедшей религиозной революцией. При изложении исторических событий Пиганьоль стремится учесть точки зрения многих исследователей на ту или иную проблему, в частности М. Ростовцева и Ферреро, Зеека и Корнеманна, что придает его работе несколько эклектический и описательный характер.

Близкую Пиганьолю проблематику разрабатывал Леон Омо — известный специалист в области римской истории. Ему принадлежат серьезные исследования в области ранней Италии и начала римской завоевательной политики (1925). Он был автором одного из самых популярных учебных пособий по истории Древнего Востока, изучал деятельность Александра Великого. Ведущей и главной темой творчества Омо было изучение ранней Римской империи и блестящей цивилизации, возникшей в ее рамках. Уже в 1925 г. он опубликовал свою работу «Римская империя», затем в серии «Всеобщая история» под редакцией Глотца он написал третий том «Ранняя Римская империя». Затем одна за другой выходят его исследования общего характера: «Римские политические институты. От города к государству» (1927), «Римская цивилизация» (1930), «Август» (1935), «Золотой

век Римской империи» (1947), «Имперский Рим и урбанизация в античности» (1951). Все эти работы позволили Омо внести большой вклад в изучение римской средиземноморской цивилизации, стать ее певцом. Им привлечен огромный фактический материал, дана характеристика политической и социально-культурной обстановки, положения в провинциях. Однако в оценке римской цивилизации Омо стоит на идеалистических позициях, безмерно идеализируя Римскую империю, объясняя все ее достижения деятельностью отдельных личностей — императоров, не видит острых классовых и социальных противоречий внутри римского общества, игнорирует рабовладельческую природу римской цивилизации, а его блестящая характеристика имперского Рима носит описательный и несколько публицистический характер.

Крупнейший представитель французского антиковедения межвоенного периода Жером Каркопино разделял реакционные идейно-политические взгляды. Каркопино был специалистом широкого профиля, ему принадлежат работы по различным проблемам аграрных отношений, колонату (1906), борьбе вокруг аграрного законодательства Гракхов (1928), по римской налоговой политике в провинциях (1919). Каркопино получил прекрасную археологическую подготовку во французской школе в Риме. С 1937 по 1940 г. он был ее директором и опубликовал ряд исследований, связанных с изучением археологических материалов: «Римский форум» (1906), «Остия», «Археологическое обследование Марокко» и др.

Однако преобладающими в научной деятельности Каркопино с начала 30-х годов становятся три темы. Первая — изучение римской завоевательной политики и прославление римского империализма, его «благодетельной» роли для завоеванных Римом народов. Вторая — прославление великих личностей, особенно Цезаря, который, по его мнению, уничтожил классовое соперничество и антагонизм рас в римском обществе, провозгласил справедливость и отказался от насилия. Третьей излюбленной темой Каркопино был интерес к мистическим сторонам языческой религии и философии, генезису христианства, которое якобы воспринимает лучшие традиции античной цивилизации, возвещает зарю новой цивилизации. В своем творчестве он глубже, чем другие буржуазные историки, пытался использовать изучение метаморфоз римского империализма и римского мирового господ-

ства для решения задач, стоящих в 30-х годах перед империалистическими кругами своей страны.

Для французской историографии межвоенного периода характерна активная разработка проблем истории римской и доримской Галлии и римских провинций Северной Африки, связанная с энергичной раскопочной деятельностью французских археологов. Появляется несколько капитальных исследований, которые стали крупным вкладом французского антиковедения в мировую науку. Следует отметить прежде всего монументальный 8-томный труд Камилла Жюлльена (1913—1926), 8-томную работу Ст. Гзеля «Древняя история северной Африки» (1913 — 1928), монографии Жульена, Каркопино, Канья, Тутена и др.

§ 4. Немецкая историография античности

В Германии после первой мировой войны историческая наука переживала трудные годы. Длительная империалистическая война истощила силы страны и до предела накалила социальную обстановку. Непрекращающиеся экономические и финансовые трудности, уменьшение государственных дотаций на развитие образования и науки и обусловленное этим сокращение штатов университетских преподавателей и научных работников имели тяжкие последствия, в частности и для немецкого антиковедения. Резко сокращается публикация книг и диссертаций, приостанавливается выход ряда периодических изданий. Резкое снижение научной активности привело к тому, что немецкая наука об античности утратила свое первенствующее положение, уступив место более интенсивно развивавшемуся антиковедению Франции, Англии и США.

Но дело не ограничилось одним лишь сокращением научной продукции. Именно в Германии наиболее полно обнаружился тот внутренний, идеологический упадок, тот кризис мировоззрения, который в эпоху империализма стал характерен вообще для всего буржуазного мира. И общее неустойчивое положение и личные невзгоды, обрушившиеся в Германии на буржуазную интеллигенцию средней руки, которая в основном и поставляла кадры для науки, содействовали росту пессимистических, декадентских настроений и вызвали к жизни соответст-

вующие философские доктрины. Огромный успех имела написанная еще во время войны, а опубликованная только теперь книга мюнхенского литератора Освальда Шпенглера (1880 — 1936) «Закат Европы» (1920 — 1922).

Шпенглер решительно выступил против традиционной доктрины историзма, т. е. представления о прогрессивном, обусловленном действием определенных законов развитии человеческого общества. Этому представлению о едином историческом процессе Шпенглер противопоставил свое учение о самостоятельных культурах, или циклах развития, каждый из которых совершается на основе известной расово-географической общности. Таких особенных культур Шпенглер насчитывает восемь: египетская, индийская, вавилонская, китайская, «аполлоновская» (греко-римская), «магическая» (византийско-арабская), «фаустовская» (западноевропейская) и майя. Ходом истории, по Шпенглеру, управляет судьба. В каждой культуре действуют свои особенные, присущие только данной расе, мистические и иррациональные начала, саморазвитие и самовыражение которых и составляет содержание отдельного цикла. Конгениальное познание этих начал людьми другой культуры в принципе невозможно; исключение делается лишь для людей «фаустовской», западноевропейской культуры, которая, таким образом, провозглашается высшей из всех.

Философия Шпенглера была философией упадка не только потому, что она силилась дать сочувственное объяснение упадку современной буржуазной цивилизации, но и потому, что она знаменовала отказ от традиционной научной методологии. Взамен объективной исторической закономерности она выдвигала на первый план мистическое начало, прадуховный характер рас, создавая тем самым повод для мистического, расистского перетолкования истории. Неслучайно, что именно философия Шпенглера стала одним из источников формирования нацистской идеологии.

После войны возобновилось участие немецких ученых в археологическом обследовании очагов древней цивилизации. Важное значение имело участие Адольфа Шультена в работе специальной испанской комиссии, которая на протяжении ряда лет вела раскопки одного из важнейших центров древней Иберии — Нуманции. Начатая еще до войны публикация результатов этих раскопок была теперь доведена Шультеном до конца (т. I—IV, 1914 —

1931). Немецкие археологи продолжали также исследование полосы римских пограничных укреплений времени империи (так называемого лимеса), главным образом между Средним Рейном и Дунаем. Результаты этих работ, много давших для уточнения наших представлений об отношениях Рима с древними германцами, публиковались в фундаментальном труде «Верхнегерманско-ретийский лимес Римской империи» (I—XIV, 1894 — 1938).

Подготавливались к изданию очередные тома фундаментальных сводов греческих и латинских надписей («Inscriptiones Graecae», большое и малое издания; «Corpus Inscriptionum Latinarum»). Гиллером фон Гертрингеном было завершено переиздание сборника важнейших греческих надписей, составленного в свое время Вильгельмом Диттенбергером (т. I—IV, 1915 — 1924).

Усиленно трудились папирологи. Наряду с продолжением начатых ранее серийных изданий (среди них крупнейшее — «Собрание греческих источников из Египта» Ф. Прейзигке, Ф. Билабеля, У. Киссслинга, (т. 1, 1915—1916) Ульрихом Вилькеном было предпринято новое издание деловых папирусов птолемеевского времени (т. I—II, 1922—1937). На основе предварительных работ Ф. Прейзигке началось издание пособий, без которых теперь не обходится ни один папиролог,— «Общего лексикона греческих деловых папирусов и надписей из Египта» (1925) и «Списков исправлений к уже изданным деловым папирусам» (1922 — 1926). Вышли также новые «Введения в папирологию» В. Шубарта и К. Презенданца (1933).

Наряду с исследованием вновь обнаруженных эпиграфических и папирологических первоисточников продолжалось изучение и традиционных литературных источников. Здесь особо надо отметить труд Феликса Якоби, предпринявшего новое издание фрагментов сочинений древнегреческих историков с исчерпывающими филологическими и историческими комментариями (1923). Это колоссальное мероприятие затянулось на полстолетия и лишь сейчас близится к завершению.

Приток новых материалов стимулировал деятельность немецких антиковедов старшего поколения. Эд. Мейер продолжал работать над переизданием своей «Истории древности». Вместе с тем увидели свет его новые капитальные труды, посвященные римскому принципату и возникновению христианства (о них пойдет речь ниже).

К. Ю. Белох наряду с завершением переиздания своей «Греческой истории» выпустил труд по истории раннего Рима «Римская история до начала Пунических войн» (1926) — сочинение, отличающееся характерными для Белоха обстоятельностью изложения и склонностью к рискованным датировкам и реконструкциям. У. Вилькен помимо специальных папирологических штудий, о которых уже упоминалось, и исследований по времени эллинизма дал общий очерк греческой истории «Греческая история в рамках древней истории» (1924). Наконец, Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф, признанный глава немецкой классической филологии, следуя своему представлению об универсальном характере науки классической филологии, уже в преклонном возрасте создал ряд ценных трудов, посвященных важнейшим аспектам социально-политической и культурной жизни древних греков: «Государство и общество греков» (1923); «Эллинистическая поэзия во времена Каллимаха» (1924); «Вера эллинов» (т. I—II, 1931—1932). Наряду с представителями старшего поколения в послевоенные годы выступили и новые ученые, чье участие в особенности проявилось в разработке отдельных периодов и тем античной истории. С этим новым поколением все более стали вторгаться в науку об античности и те новые идеи, рождение которых было обусловлено кризисом буржуазного миросозерцания и буржуазного историзма. Правда, эти новые веяния обнаружились не везде сразу и с одинаковой силой. Так, в изучении раннегреческой истории на первых порах сохранялось традиционное направление (например, книга Фиммена «Крито-микенская культура», 1921; труд Э. Форрера, 1924, и Ф. Зоммера об Ахийяве, 1932).

В послевоенный период упал интерес к классическим эпохам греческой истории. Зато возросло внимание ко времени эллинизма, и объяснялось это не одним лишь притоком новых материалов. Военные и социальные потрясения последних лет породили в немецкой буржуазии тоску по «сильной власти», способной окончательно подавить революционно-демократическое движение и установить в стране «железный порядок». Шовинистические и реваншистские настроения еще более подогревали эту тягу к «новому порядку» и «новому рейху». Естественным было то внимание, которое стало уделяться немецкими буржуазными историками переходному времени между классикой и эллинизмом, когда, по их представлениям,

разложившийся от избытка свободы греческий мир был спасен целительным вмешательством македонских царей. Отсюда ставшие уже традиционными для немецкой буржуазной историографии развенчание Демосфена и идеализация его противников — Филиппа и Александра.

Показательной в этом отношении была уже появившаяся в конце войны книга Дреруна «Из истории древней адвокатской республики» с подзаголовком «Демосфен и его время» (1916). Автор выносит суровый приговор Демосфену и другим афинским «адвокатам», которые своими речами подстрекали народ к ненужной войне с Филиппом. Истинным патриотом был Исократ, «человек с крепкими политическими убеждениями», «аристократическая натура».

В этом же году, когда Дреруп опубликовал свой памфлет против афинской демократии, ряд крупнейших немецких антиковедов выступили с публичными, характерно составленными докладами об Александре Македонском: В. Кольбе — в Ростоке, В. Отто — в Марбурге и У. фон Виламовиц-Меллендорф — в Берлине. После мировой войны тема Александра — его личности, его завоевательных походов, его империи — становится одной из излюбленных в немецкой историографии. У. Вилькен публикует ряд статей, посвященных отдельным аспектам политической деятельности Александра (1921 — 1923), а затем и сводную работу «Александр Великий» (1931), где личность и дела македонского царя представлены в сильно идеализированном виде. Но особое значение имела книга молодого мюнхенского ученого Берве «Империя Александра на просопографическом основании» (т. I—II, 1926).

В труде Берве собран большой фактический материал. Вместе с тем книга Берве свидетельствовала об утверждении в немецкой исторической науке нового просопографического направления в его наиболее реакционной форме. Автор не только ставил в центр исследования выдающуюся историческую личность; он все развитие избранного периода сводил к действиям этой наделенной особыми гениальными качествами сверхличности, помыслы и поступки которой будто бы определялись непостижимыми, иррациональными побуждениями ее духа. В такой трактовке места и роли личности в истории надо видеть отражение восходящего к Ницше и ставшего характерным для немецкой буржуазной исто-

риографии культа героев; вместе с тем это предвосхищение одного из важнейших моментов в фашистской интерпретации всемирной истории.

В истории Рима, как и в истории Греции, классическая эпоха республики не вызывала особого интереса. Внимание ученых сосредоточилось на переходных, кризисных периодах, причем и здесь преимущественный интерес вызывала деятельность выдающихся полководцев и политиков. В 1918 г. вышла в свет монография Эд. Мейера «Монархия Цезаря и принципат Помпея». В противовес Моммзену, видевшему в римском принципате своего рода диархию, а с другой стороны, и тем исследователям, которые склонны были подчеркивать в принципате его монархическое начало (Гардтхаузен и др.), Мейер доказывал аристократически-республиканский характер принципата. Август, по его мнению, действительно стремился к восстановлению республики. Результатом его усилий явилось создание особой формы республиканского устройства, при которой вся полнота власти принадлежала сенату, а его охранителем был первый человек в государстве — принцепс.

Если у Эд. Мейера повышенное внимание к политическому творчеству выдающихся римлян носит еще скорее традиционный характер, то у представителей молодого поколения это внимание принципиально обосновывается и находит выражение в сознательно культивируемом просопографическом направлении их штудий. Показательными были в этом отношении работы М. Гельцера и Ф. Мюнцера.

Маттиас Гельцер в книге «Нобилитет Римской республики» (1912) выступил против моммзеновского понимания политической борьбы в Риме. Согласно Моммзену, эта борьба в последние два века республики сводилась к борьбе оптиматов и популяров, в которых надо видеть соответственно аристократическую и демократическую партии. Гельцер отрицал возможность такого прямолинейного, явно модернизаторского понимания борьбы оптиматов и популяров как принципиального противостояния аристократии и демократии. До такого четкого размежевания политических принципов римская действительность никогда не доходила. Практически политическая жизнь направлялась аристократическими кланами и их выдающимися вождями, по именам

которых и обозначались так называемые партии (partes); понятие же «популяр» означало не принципиальную политическую программу, а скорее тактику отдельных вождей нобилитета.

Воспринявший эти взгляды Ф. Мюнцер в своей книге «Римские аристократические партии и аристократические семьи» (1920) доказывал, что политическая жизнь Рима в первую очередь определялась борьбой знатных родов за влияние и власть. Родовые, семейные и личные связи между отдельными представителями знати играли в политической жизни Рима гораздо большую роль, чем это принято думать.

Исследования ученых просопографического направления имели известное научное значение. Они предостерегали против прямолинейной модернизации политической жизни древних, указывали на действительно большую роль традиций, фамильных и личных связей, инициативы отдельных политиков. Однако в конечном итоге они вели к искажению исторической картины. Игнорируя социальные основания политических течений, принципиальный характер конфликтов между знатью и народом, закономерность и значимость выступлений рабов, неполноправных италиков и провинциалов, они сводили все богатое содержание социально-политической борьбы в Риме к столкновениям внутри одного нобилитета, к борьбе лидеров этой привилегированной группировки за власть.

В более академическом духе выдержаны исследования Эрнста Штейна по истории позднеантичного государства. Знаток политических институтов, Штейн особое внимание уделял анализу структуры и функций государственного аппарата. Его самый значительный труд — «История поздней Римской империи», первый том которой вышел в 1928 г. В этом томе рассматривается заключительный период собственно античной истории — от начала правления Диоклетиана до падения Западной Римской империи, т. е. с 284 до 476 г. н. э. (второй том вышел в 1949 г.). Изложение отличается исключительной обстоятельностью, особенно в том, что касается эволюции государственного строя. Однако и Штейн тоже склонен к переоценке роли «творческой личности»: уделяя известное внимание социальной жизни, положению и составу различных сословий, он все решающие перемены в государственной жизни Ри-

ма объясняет реформаторской деятельностью тех или иных императоров.

Наряду с углубленной разработкой отдельных исторических периодов продолжалась работа и по изучению важнейших аспектов античной цивилизации. Здесь также наряду с продолжением старых исследовательских линий можно было заметить появление новых тенденций. В области античной экономики в 20-е и 30-е годы продолжалась начатая в конце XIX в. К. Бюхером и Эд. Мейером дискуссия о степени развития промышленности и торговли в древнем мире. Линию Бюхера продолжал Иоганн Хазебрек: «Государство и торговля в Древней Греции» (1928); «История хозяйства и общества у греков доперсидского времени» (1931). Его оппонентами выступали Э. Цибарт и В. Шван (см., например: История морского пиратства и морской торговли в Древней Греции. М., 1929). Из работ по истории античного государства и права помимо упомянутых в другой связи трудов Э. Штейна выделяются исследования Ульриха Карштедта и Виктора Эренберга по истории греческого, в особенности спартанского полиса. Первый систематически исследовал государственные институты, греческое государственное право «Спарта и ее союз», (1922), второй сосредоточил внимание на главных этапах формирования полисного строя «Основатели государств», (1925). В области изучения античной культуры известное значение имели: общий очерк Вальтера Отто «История культуры древности» (1925), где автор обращается к культурному наследию Древнего Востока и взаимодействию цивилизаций Запада и Востока в век эллинизма; трехтомная монография Эд. Мейера «Происхождение и начало христианства» (1921—1923), ценная скрупулезным анализом новозаветного предания, но беспомощная в своей концепции наивного историзма, сводящего историю христианства к истории проповедника Иисуса. Книга Макса Поленца «Политическая мысль и учение о государстве у греков» (1923) полна внимания и сочувствия к монархической доктрине и тоски по «сильной руке» в Греции в период кризиса полиса (IV в. до н. э).

Эти характерные для послевоенной буржуазной историографии настроения — страх перед усугубляющейся революционной ситуацией и тоска по «сильной власти»— особенно проявились в тех работах, которые специально

трактовали социальную борьбу в древности и связывали упадок античной цивилизации с разрастанием классовых антагонизмов.

Характерной была в этом отношении позиция Отто Зеека, который еще до мировой войны в труде своем о падении античного мира выступил с теорией «истребления лучших». Теперь он опубликовал отдельное извлечение из этого труда под заглавием «История развития христианства», сопроводив его новым «принципиальным» введением (1921). Это злобный памфлет на пролетариат, пролетарскую революцию и Советскую Россию. Автор вновь развивает свой любимый тезис о том, что причиной гибели античной цивилизации было именно «истребление лучших». Он проводит прямую параллель между тем, что происходило в позднеантичный период, и тем, что делается в Советской России, где власть взяли в свои руки «худшие», и на этом основании пророчит русским полную и окончательную гибель. Патологическое неприятие Зееком любого равенства находит выход в злобных нападках на античное христианство, которое, по крайней мере в начальный период, прокламировало такое равенство среди верующих в Христа.

У. Карштедт выступил со статьей «Основы и предпосылки римской революции» (1926), своего рода памфлетом против пролетариата и пролетарской революции. Достаточно сказать, что он находит диктатуру пролетариата и большевизм в Коринфе (149—146 гг. до н. э.) и прославляет римский меч, разрушивший Коринф.

Эти примеры ярко показывают усиление реакционных тенденций в немецкой буржуазной историографии античности. Известная своими академическими традициями немецкая наука об античности все более оказывалась рупором самых реакционных идей.

* *
*

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. с особой силой поразил Германию, еще не оправившуюся от всех последствий первой мировой войны. Катастрофическое падение производства, рост безработицы, резкое ухудшение жизненных условий всколыхнули активность немецкого пролетариата, во главе которого выступала Германская коммунистическая партия. Однако в те же

годы возросла активность и крайней реакционной партии немецких фашистов — национал-социалистов, которые, спекулируя на экономических и социальных трудностях, разжигали шовинистические и реваншистские настроения, возбуждали ненависть к «внутренним врагам» — коммунистам и вели разнузданную националистическую и расистскую пропаганду. В условиях резкого обострения социальных, классовых противоречий, опасаясь нового подъема революционного движения, немецкая буржуазия в начале 1933 г. форсировала передачу власти в руки фашистов. Новый режим уничтожил все демократические завоевания ноябрьской революции 1918 г. В стране установилась диктатура наиболее оголтелых реакционных кругов, объединившихся под знаменем нацизма.

Свершившаяся в стране политическая метаморфоза нашла свое отражение и в антиковедении; взяли верх те установки, которые профашистские публицисты разрабатывали еще в 20-е годы. Уже тогда началось тенденциозное переосмысление и перекрашивание античной истории с целью установить традиционность исповедуемых фашистами идеалов. Фашиствующий философ Эдгар Залин, автор книг «Платон и греческая утопия» (1921) и «Социализм в Элладе» (1923), выступил против усвоенных наукой представлений о том, что античным обществам была свойственна социальная борьба, что в Древней Греции, в частности, получило широкое развитие демократическое движение и были выработаны своего рода социалистические, уравнительные идеалы. Подобные представления Залин объявил злостными вымыслами. На самом деле, утверждал он, античная жизнь была безусловным «художественным целым» и в качестве такового должна служить образцом для немецкого народа.

Одновременно в тех же целях началось и более широкое перетолкование античности с расовой точки зрения. Германский север был объявлен прародиной древних классических народов, начались поиски «нордических элементов» в этнических конгломератах античности. При этом характерно было стремление обнаружить остатки «нордических элементов» именно среди слоя господ и силой или слабостью «нордических компонентов» объяснить расцвет или упадок отдельных древних цивилизаций. Ведущий фашистский «расовед» Ганс

Гюнтер одним из первых обратился к изучению расового вопроса в древности. В 1929 г. он опубликовал книгу «Расовая история эллинского и римского народа», где доказывал, что древнейшие сословия эвпатридов в Афинах, спартиатов в Спарте и патрициев в Риме являлись нордическим слоем господ.

Открытая политическая фальсификация античности, проводимая Гюнтером и ему подобными, вызывала протесты со стороны немецкой научной общественности. Однако сопротивление ученых было сломлено грубой силой. Специалисты, «политически неблагонадежные» или «расово неполноценные», были лишены права преподавать и заниматься научной деятельностью.

Одновременно с университетами подвергались «чистке» и «перестройке» все научные журналы. В 1935 г. во главе редакции авторитетнейшего в Германии «Исторического журнала» вместо неугодного Ф. Мейнеке был поставлен правоверный фашистский историк К. Мюллер. В передовой статье первого выпуска за 1935 г. новый редактор заявил, что в основу деятельности журнала будут отныне положены национал-социалистические принципы. Редакция стремится внести свою лепту в борьбу немецкого народа за «новую цивилизацию» и «подобающее положение» среди других государств. В том же номере был опубликован доклад В. Франка, директора вновь учрежденного «Имперского института истории новой Германии». Франк призывал ученых активно включиться в борьбу за новую эру «германского величия». Перед новым поколением немецких историков он ставил задачу «писать снова такую историю, чтобы творцы истории захотели носить ее в своих ранцах». Фашистский гауляйтер от науки предупреждал инакомыслящих, что любое их возражение против новых установок будет рассматриваться как «бунт дерзких рабов, который должен быть усмирен при помощи кнута».

Наряду с общими «перестройке» подверглись и специальные антиковедческие издания. В 1937 г. был вынужден уйти с поста редактора журнала «Клио» К. Ф. Леман-Гаупт — крупный ученый, основатель этого журнала и его бессменный глава на протяжении 30 с лишним лет. Леман-Гаупт не устраивал нацистов своими либеральными настроениями, своим последовательным выступлением в защиту академической науки. Взамен него редактором «Клио» был назначен извест-

ный своими реакционными убеждениями Эрнест Корнеманн. Равным образом должны были приспособиться к новым условиям и такие специальные журналы, как «Гермес» и «Гномон». Даже в очередных томах сугубо академической «Реальной энциклопедии» Паули начали появляться статьи, пропитанные фашистскими идеями. Так, например, в статье Фритца Шахермейра о Писистрате (Энциклопедия Паули-Виссова, 1937, Bd. XIX, Hbbd. 37) утверждалось, что этот афинский правитель «по своей крови несомненно в очень значительной мере имел северные показатели», что «его отношение к государству имело тоталитарное направление» и что «он стремился к примирению интересов всех групп».

Одновременное наступление на университеты и журналы привело нацистов к желаемой цели: научная работа была подчинена отныне задачам официальной нацистской пропаганды. Ведущими историко-философскими установками в немецком антиковедении стали нацистские положения о расовом родстве ведущих народов античности с высшей нордической расой — германцами, о достигнутом в образцово устроенных античных обществах, типа Спарты или Перикловых Афин, единстве народа и вождей, о провиденциальной роли наделенных особенной волей к жизни и власти героев.

Естественно, что в этих условиях все мало-мальски оригинальные направления были обречены на смерть. Примером может служить судьба культурнического направления, представленного Вернером Егером, автором многочисленных фундаментальных трудов, среди которых особо выделяются два: эссе об Аристотеле (1923) и трехтомная «Пайдейя», посвященная формированию эллинского духовного типа (т. I—III, 1934—1947). Даже это исполненное прекраснодушного идеализма направление, которое никогда нельзя было заподозрить в интересе к жгучим социально-политическим проблемам, было пресечено в своем развитии враждебным отношением официальных нацистских кругов.

Немецкая наука об античности была поставлена под жесткий фашистский контроль и превратилась в рупор нацистской пропаганды. Окончательно тоталитарный охват немецкого антиковедения идеологией фашизма был завершен в годы второй мировой войны. Наука об античности должна была служить «делу нации» и вносить свой вклад в «великую борьбу немецкого народа».

Пример такого служения подавали Г. Берве, ставший руководителем нового ведомства, обеспечивавшего «участие науки об античности в войне», М. Гельцер, Э. Корнеман, Ф. Тегер, И. Фогт и др. Значительную часть печатной продукции этих и других немецких антиковедов составляли в годы войны популярные очерки и брошюры, в которых авторы на античном материале старались показать величие арийского, нордического духа, силу и свершения чистых нордических рас и их вождей. Немногие издания, претендовавшие на научное качество, — коллективные сборники «Спарта» (1940), «Новый образ античности» (т. I—II, 1942), «Рим и Карфаген» (1943) — были выдержаны в том же духе. Нацистскими по своим главным установкам были общие обзоры античной истории: «Греческая история» Берве (т. I—II, 1931—1933), «Римская история» Корнеманна (т. I—II, 1938—1939) и «История древности» Тегера (т. I—II, 1939).

Характерно стремление фашистских историков дать новую концепцию этногенеза античных народов. Начало расистскому переосмыслению основ греческой истории было положено еще Шпенглером. Во 2-м томе своего «Заката Европы» он уже сформулировал принципиальное положение о противостоянии в древнейшей Эгеиде двух миров — микенского и минойского, мира поднимающегося, растущего и мира, шедшего к своей гибели. Эта идея была подхвачена реакционными историками и развита дальше в чисто нацистском духе. Корнеманн в работе «Положение женщины в догреческой культуре Средиземноморья» (1927) доказывал, что предыстория греков определялась конфронтацией двух рас и двух культур — северной, индогерманской, и южной, неарийской. Между тем как культуру южан отличает ведущее положение женщины и «использование быка», мигрировавшие же с севера индогерманцы привели с собой коня и утвердили «самодержавное царствование мужчины». Обладая благодаря этому абсолютным превосходством, они покорили слабый, изнеженный юг, положив этим начало собственно греческой истории.

В том же духе толковал предысторию греков в целом ряде своих работ Э. Бете; «Тысяча лет древнегреческой жизни» (1933), «Микены и Крит» (1934). Он тоже противопоставлял север и юг как два особых «культурных круга», воплощающих противоположные миры пол-

ноценной и неполноценной расы. Север — родина арийцев-греков, которые были «здоровыми и сильными варварами» и обладали «мужским умом», требовавшим «войн и вооруженных действий». Юг — это «счастливый остров» Крит, где находилось «женское царство».

Не было недостатка в попытках подкрепить эти общие построения соответствующей интерпретацией археологического материала. Так, Г. Каро (до того как он не рассорился с фашистами и в 1939 г. не уехал в США) в обоснование тезиса о покорении Южной Греции «нордическими» племенами ахейцев ссылался на инвентарь древнейших микенских гробниц: находки оружия в так называемых шахтовых гробницах доказывают, по его мнению, «ярко выраженный мужской характер» микенских греков («Шахтные могилы Микен», 1930—1933). Свою лепту в обоснование исконного различия между северной, «германо-греческой», и южной, «иллирийской», культурами внес У. Шуххардт — в прошлом видный исследователь эгейской культуры, а затем, при фашизме, столь же крупный ее фальсификатор («Древнейшая Европа. Культуры, расы, народы», 1935). По Шуххардту, керамика с веревочным орнаментом и квадратный дом мегароновидного типа являются безусловными атрибутами северной культуры, а спиралевидный орнамент и круглая хижина — столь же верными признаками южной. Опираясь на эти будто бы твердо установленные показатели, Шуххардт рисует фантастическую картину постепенного продвижения индогерманских племен на юг и их контактов с иллирийцами. Различив таким образом археологические культуры, Шуххардт сумел столь же «четко» расчленить по расовому признаку и Гомера. В «Илиаде», по его мнению, выступают подлинные герои, истинные паладины германо-греческого типа, тогда как в «Одиссее» главное действующее лицо являет собой совершенно иной расовый тип — хитрого, но, по существу, трусливого иллирийца.

Противопоставление индогерманского севера неарийскому югу и востоку, а затем «чистых» и «здоровых» дорийцев «рассеверившимся» ионийцам и ахейцам легло в основу трактовки фашистскими историками и собственно греческой истории. Показательна была при этом идеализация дорийской Спарты, особенно ярко проявившаяся в работах Г. Берве «Греческая история», 1931—1935; «Спарта», 1937) и Т. Леншау «Возникнове-

ние Спартанского государства», 1937). В спартиатах нацистская историография видела чистый нордический элемент, подлинную расу господ, а в политической организации Спарты — идеальное воплощение тоталитарного государства. Поэтому спартанцы и Спарта беззастенчиво наделялись всеми превосходными качествами: превозносилась непревзойденная мужественность спартиатов явно нордического происхождения и типа; подчеркивались особенные заслуги спартанцев в защите национального дела греков, в частности в греко-персидских войнах; восхвалялась несравненная гармоничность социально-политического строя Спарты, где не было тлетворной демократии, где рабы знали свое место, а господствующая группа была сплочена сознанием общности своих интересов и общею же верой в своих вождей.

Наряду с расовой проблемой и темой тоталитарного государства тема вождей также была одной из излюбленных в фашистской историографии. В частности, у Берве она нашла выражение в работах, посвященных истории Афин времени высокой классики (о Мильтиаде, 1937; о Перикле, 1940). Берве доказывал, что социально-политическое развитие Афин на рубеже VI—V вв. до н. э. определялось ведущей ролью знатных лидеров, стоявших вне и над полисом. Не гражданская общность, которая как суверенное целое будто бы не существовала вплоть до времени Перикла, а аристократическая сверхличность, не интересы социальных групп и классов, а воля к власти могучих владык — вот что, по Берве, определяло физиономию Афин того самого времени, когда, по современным представлениям, закладывались основы афинской демократии. Классическим образцом аристократического лидера Берве считает Мильтиада.

Менее тенденциозные, более выдержанные в академическом духе штудии можно обнаружить по истории эллинизма. Известный интерес представляет, например, работа Альфреда Хейса «Город и властитель эпохи эллинизма в их государственно- и международно-правовых отношениях» (1937), где, однако, неверный акцент на чисто внешней юридической стороне дела привел автора к парадоксальному, противоречащему действительному положению вещей утверждению, что греческие полисы в системе эллинистических монархий обладали подлинной политической самостоятельностью. В работе Бенгт-

сона «Стратегия в эллинистическое время» (т. I—III, 1937—1952) дано исследование, важное для понимания военных основ власти эллинистических правителей и их администрации.

По истории республиканского Рима наиболее значительными были работы Ф. Альтгейма: «Эпохи римской истории» (т. I—II, 1934—1935), «Lex sacrata» с подзаголовком «Начало плебейской организации» (1940) и «Италия и Рим» (т. I—II, 1941). В первой из них автор старается дать новую периодизацию римской истории; исходными моментами при этом служат шпенглеровские представления об особом духовном начале каждого культурно-исторического цикла и о двух стадиях его развития — стадии роста и стадии упадка. Эти шпенглеровские положения Альтгейм дополняет собственными идеями о формировании нового исторического начала в связи с изменениями внешней обстановки и о провиденциальной роли великой личности.

Решающим для Рима фактором развития (до 168 г. до н. э., т. е. до разгрома Македонии) было взаимодействие с греческим миром, от которого он унаследовал идею мирового господства. После 168 г. до н. э. определяющим моментом вновь выступает внешний фактор — столкновения с молодыми варварскими народами — и лишь в зависимости от этого толкуется внутренний социально-политический кризис Рима. Именно Альтгейм развивает шпенглеровскую схему в ярко выраженном нацистском духе, говоря о выступлении сверхличности: «В той мере, в какой нация как целое перестает быть носительницей исторических событий, в какой она сама себя расхищает и разлагается на массу столичного населения, — в такой же мере освобождается место для великого единственного. Он с этих пор делается судьбой народа и государства».

В другой своей работе — «Lex sacrata» — Альтгейм занимается решением более частного вопроса о происхождении плебейской организации. Он ищет параллели в развитии социально-политических форм Рима и остальной Италии и в обычае италиков скреплять свои военные предприятия священной присягой (Lex sacrata) видит исходную точку для суждения о происхождении и характере плебейской организации. Плебс, согласно Альтгейму, никогда не составлял в Риме особой гражданской общины. Объединение плебеев было прежде

всего военной организацией, возникшей по образцу древнейших италийских военных объединений, и, как и эти последние, освящалось и скреплялось клятвой. Соответственно решается вопрос и о плебейском трибунате. Альтгейм отвергает мнение Эд. Мейера в том, что плебейские трибуны были представителями четырех триб, и вслед за Моммзеном считает, что должность их возникла по образцу военных трибунов, поскольку они были именно военными предводителями плебеев. При спорности ряда выводов работа Альтгейма интересна стремлением решать вопросы социально-политического развития Рима в связи и по аналогии с развитием остальной Италии. Работа Альтгейма о происхождении плебейской организации написана в академической манере.

Известное сохранение академических традиций можно констатировать также и на примере исследований о римском принципиате. Здесь наиболее значительным явлением была монография А. Премерштейна «О становлении и сущности принципата» (1937). На большом историческом материале Премерштейн убедительно показал, как умело использовал Август традиционные доктрины (стоицизм), установления (патронат и клиентела) и нормы («авторитет» — auctoritas) для освящения своей власти. Особое внимание Премерштейн обратил на auctoritas Августа. Врученная ему сенатом, эта auctoritas как бы легализовала его исключительное положение в государстве. Не признавая моммзеновской концепции диархии, сильнее оттеняя монархическое существо принципата, Премерштейн полностью поддержал выводы Моммзена о юридических основаниях власти Августа — проконсульский империй и трибунские полномочия, но к этим двум он добавил третье — особенный «авторитет», воспринятый Августом от сената.

Работа Премерштейна, как и труды Моммзена, Гардтхаузена и Мейера, не выходила из круга формально-юридических штудий, и в этом был ее существенный недостаток. Все же на фоне общего упадка науки в фашистской Германии солидное исследование Премерштейна было положительным явлением. По той же теме принципата Августа тон задавали такие выдержанные в нацистском духе эссе, как очерк Г. Берве «Император Август» (1934) или книга В. Вебера «Принцепс» (1936). В этих работах Август прославлялся как совершенный

тип властителя, причем у Вебера героизация Августа доходила до того, что в его «Завещании» он видел подлинный религиозный памятник, сущее творение новоявленного божества.

Вообще одним из ведущих видов исследования стали просопографические штудии. Их развитию безусловно содействовал исповедуемый нацизмом культ героев. Со вниманием изучались биографии выдающихся политиков, полководцев и императоров, чья воля будто бы творила историю. При этом любимые герои, вроде Цезаря или Августа, подавались в совершенно апологетическом плане, как идеальные вожди, соединявшие высокое личное честолюбие с заботами о благе Римской державы и неизменно пользовавшиеся симпатиями своих солдат. Характерный пример такого рода работ — неоднократно переиздававшаяся монография М. Гельцера о Юлии Цезаре. Можно указать также на ряд других посвященных Цезарю работ (И. Фогт, 1940; Л. Виккерт, 1941; Виллрих, 1944). Все они, как правило, выдержаны в апологетическом духе. Исключение в этом плане составляет книга Г. Штрасбургера «Вступление Цезаря в историю» (1938), где Цезарь представлен гениальным авантюристом-неудачником. Однако, по существу, и она тоже являет собой пример индивидуализирующего этюда, где в центре внимания стоит исключительно личность, и лишь успехи этой личности оцениваются иначе, чем в большинстве других работ.

В русле просопографического направления стоят также работы, посвященные карьере выдающихся современников Цезаря — Помпея и Цицерона. Наиболее крупными из них являются исследования М. Гельцера. Книга Альтгейма «Солдатские императоры» (1939), посвященная римской истории более позднего времени, несет на себе отчетливую печать этого доминирующего интереса к личности. Сводя сплошь и рядом политическую историю Римской империи к деятельности отдельных императоров, Альтгейм вместе с тем придает большое значение этнической принадлежности правителей и в учащавшихся случаях прихода к власти императоров «неримской крови» видит едва ли не важнейший симптом и фактор упадка Римского государства.

§ 5. Итальянская историография античности

Сложные социально-экономические и политические процессы в Италии периода 1917—1945 гг. обусловили весь спектр ее идеологического развития, в том числе своеобразие итальянской историографии. В результате первой мировой войны страна оказалась в критическом положении. Недовольство создавшейся обстановкой охватило самые различные слои общества. В этих условиях начался в Италии революционный подъем, усилившийся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

В период обострения классовой борьбы из социалистической партии выделилась в 1921 г. Коммунистическая партия Италии. Используя раскол рабочего движения, сочетая социальную демагогию с террором возникло фашистское движение. Опираясь на агрессивный империалистический блок монополистического капитала и помещиков, фашисты, захватившие власть в 1922 г., к 1926 г. ликвидировали буржуазно-демократические свободы и установили фашистскую тоталитарную диктатуру.

В интеллектуальной жизни страны сказывалось влияние неогегельянства. Эта идеалистическая философия служила основой фашизму, но притягивала к себе и представителей других политических течений, вплоть до философов либерального толка, таких, как популярный в Италии Бенедетто Кроче. Это обстоятельство помогло фашистам на первых порах привлечь на свою сторону часть интеллигенции. Фашисты создали Национальный институт культуры, философ-идеалист Джованни Джентиле стал активным поборником фашистской идеологии и политики.

Стремясь подчинить своему влиянию историческую науку, фашисты поощряли деятельность существовавших и создание новых центров по изучению отечественной, итальянской истории. С начала 1920-х годов по всей Италии возникло много локальных обществ, занимавшихся местными древностями, ведших археологические раскопки, публиковавших их результаты, созывавших свои конгрессы и симпозиумы, а также музеев и специализированных институтов. Так, в 1930 г. при Римском университете был создан Итальянский институт античной истории. В целях контроля фашисты учредили

в 1934 г. центральную джунту (союз) исторических исследований, призванную направлять историческую мысль в стране.

Оживление работы в исторических и археологических обществах первоначально привело некоторых историков к поддержке фашистов. Во главе их встал откровенный апологет фашистского режима медиевист Джоакино Вольпе. Г. Ферреро занял в 1922 г. пост министра в правительстве Муссолини, Г. де Санктис и Б. Кроче недолгое время проявляли полную лояльность. Но вскоре все они, исключая Вольпе, в числе многих других перешли в лагерь антифашистов, за что подвергались преследованиям. Влияние фашизма сказывалось прежде всего в подходе к исследованиям и их тематике. Псевдопатриотические лозунги выдвигали на первый план не только римскую, а вообще италийскую историю и культуру, что расширяло рамки исследований древней римской истории. Но делалось это в ущерб истории Греции, к тому же проявлялось в освещении событий. Древняя история в большей или меньшей степени испытала на себе прививку апологии агрессии, вождизма, иррационализма, национализма, что объективно превращало ее в той или иной мере в рупор соответствующих реакционных идей.

В трудах даже крупных специалистов противоречиво сочетались богатый фактический материал, интересные конкретные наблюдения с реакционной политической тенденциозностью. При этом одни ученые, которые испытали на себе влияние фашизма, принадлежали к фашистской партии, а другие формально и не принадлежали, но были пропитаны идеями реакционной философии.

В этом смысле весьма типична фигура Альдо Феррабино (род. 1892). Он был профессором и ректором Падуанского, затем профессором Римского университетов, стал членом Национальной академии Линчеи, Туринской Академии наук, почетным членом Западногерманской Академии наук, а в 50-х годах достиг положения сенатора. Феррабино занимался историей Рима и Италии с древности до XIX в. включительно, историей Греции и философией истории. Его историческая концепция построена на базе неогегельянства. С течением времени Феррабино склоняется к субъективному идеализму. В работе «Человеческое призвание» (1943) он формули-

рует свою доктрину «метаистории», согласно которой внешний опыт полностью зависит от внутреннего сознания человека. Начиная с 1945 г., доктрина «метаистории» переместилась в лоно христианства: примат человеческого сознания и познания обусловлен духом божиим. Последние произведения Феррабино пронизаны христианским мистицизмом.

Феррабино был учеником Дж. Джентиле, которому посвятил вышедший уже в 1962 г. сборник своих трудов «Философия истории». В соответствии со своей философской позицией он еще в 1920 г. в статье «Историография и политика» поставил вопрос об их соотношении. По его мнению, различие между ними не исключает их синтеза. В 1955 г. в докладе на X Международном конгрессе исторических наук о свободе историка Феррабино уточнил этот тезис. Исходя из представления об истории как о воплощении мирового духа, а о работе ученого — как о познании этого духа, Феррабино ратует за «духовную свободу» историка. В этом проявилась скрытая полемика с марксизмом, с классовым подходом к истории.

В согласии с неогегельянством Феррабино уделяет особое внимание проблеме государства, видя в нем проявление свободы. В 1937 г. вышла его книга «Распад греческой свободы», в которой проводится мысль о том, что у греков свобода воплощалась в автаркичных полисах, у персов — в монархии, объединявшей разные элементы и сохранявшей на местах старые порядки, в том числе у малоазиатских греков — их полисы. Персидское государство оказалось сильнее тем, что достигло большего единства, чем греческий мир. Македонскими царями, особенно Александром, был поставлен вопрос об универсальной монархии, о равенстве Македонского царства и ойкумены. Но Александр сумел создать только греко-варварскую монархию, поэтому разрешить поставленный им вопрос удалось лишь еще более сильному в военном отношении и единому с Италией Риму. Сила греческих общин была в культуре, выросшей в условиях греческой свободы. Но своего апогея культура, по мысли Феррабино, достигла скорее в противоречии, чем в гармонии с греческой свободой, о чем свидетельствует судьба Сократа, Фукидида, Геродота и др. Принцип свободы помешал грекам создать великую империю. Таким образом, читатель подводится к выводу о пре-

имуществе военной империи перед другими политическими системами.

Фашисты искали истоки своего движения в древности, подчеркивая, что носителями древнейшей культуры были автохтоны Италии не меньше, чем северные пришельцы-италики, принадлежащие к арийцам. Специфика политической ситуации в фашистской Италии выдвигала на передний план идеи не столько расизма, сколько национализма и шовинизма.

Вполне в националистическом духе написана работа Феррабино «Исторический долг Греции» (1940), где доказывается превосходство римлян над греками. Греки способны скорее на слова, а римляне дали пример действий в соответствии с высокими словами, воплотив таким образом божественную идею. В этом проявилось национальное различие, в основе которого лежит духовное начало. Противопоставление греки — римляне — это противопоставление бездеятельности и динамики, гражданских войн и империалистических, в конечном счете Востока и Запада. Высшей добродетелью оказывается военная экспансия, создавшая великую Средиземноморскую империю, наследницей которой считала себя фашистская Италия. В соответствии с этим в книге «Цезарь» (1945) Феррабино изображает его как «великого итальянца», гениальность которого необъяснима иначе как интуицией.

Колоритную фигуру межвоенной эпохи представляет Перикле Дукати (1880—1944). Он был активным сторонником фашизма и поплатился жизнью за поддержку Муссолини. Такая политическая ориентация обеспечила процветание Дукати при фашистах. С 1920 г. он был профессором Болонского университета, а вскоре вместе с тем и директором муниципального музея Болоньи; впоследствии стал членом Национальной академии Линчеи. Дукаги был знатоком греческого и римского искусства, особенно вазописи, а также крупным специалистом в области этрускологии. В 1925 г. он издал книгу «Древняя Этрурия», а в 1928 г. — том «Истории Болоньи», посвященный древности, построенный на широком использовании археологического материала, в том числе болонского. Изучение материальной культуры и искусства привело Дукати к выводу о восточном происхождении этрусков. Ему же принадлежит мысль о распространении культуры Виллановы из района Тоска-

ны в район Болоньи. В 1936 г. выходит его 2-томная «История Италии», первый том которой охватывает период с палеолита до гибели Юлия Цезаря. Исторические взгляды Дукати тесно связаны с его идеалистическим мировоззрением. История, по его мнению, движется сильными личностями, выходящими из кругов аристократии. Особое значение имеют обладатели военного таланта. Именно они объединили Италию. Среди всех выделяется Сципион Старший в качестве предтечи Цезаря. Цезарь же — величайший гений, создавший империю, которая в согласии с неогегельянством Дукати являет собой выражение мирового духа.

В 1939 г. в книге «Как возник Рим», сопоставляя археологический материал с античным преданием и результатами этрускологических исследований, Дукати рисует картину происхождения Рима из разноплеменных поселений от эпохи древнекаменного века до конца царского времени. Он признает существенный вклад этрусских завоевателей в оформление римской государственности, но подчеркивает истинно римский, т. е. латино-сабинский характер его населения и духовной культуры, что обеспечило Риму процветание в будущем. Лейтмотив книги — утверждение исторических истоков римского величия — служил официальной идеологии современной Дукати Италии.

Разумеется, тлетворное влияние фашизма коснулось не всех. Придерживающийся идеалистического мировоззрения Г. де Санктис, разрабатывая в работе «Проблемы античной истории» (1932) вопрос об историческом познании, формулировал задачу историка в постижении провидения. Но в непосредственной исследовательской практике он предпочитал более опираться на анализ конкретного материала источников. В свойственной ему академической манере Г. де Санктис заканчивает свои многотомные труды по истории римлян (1923) и Греции (1939), анализируя их экономику, социальный строй, формы государства, право, внешнюю и внутреннюю политику. Такое комплексное изучение античных обществ выгодно отличает де Санктиса от многих его современников, подчинивших изучение истории задачам фашистской пропаганды.

К той же категории ученых относится и профессор Миланского католического университета Р. Парибени (1876—1956). Он начал как археолог, изучал памятни-

ки Балканской Греции, Крита, Малой Азии и Египта. С 1928 по 1933 г. был генеральным директором Управления древностей и изящных искусств. В 1929 г. стал академиком, в 1934 г. — президентом Римского института археологии и истории искусств. Его перу принадлежат работы по античному изобразительному искусству (1934), истории Македонии, по истории Рима. Парибени отказался от гиперкритических воззрений в отношении римской традиции, что видно уже в его работе о римской фамилии (1939) и особенно в одном из томов «Истории Рима» — «Начало Рима и царский период» (1954). Занимался Парибени и эпохой империи. Придавая большое значение роли личности в истории, он, в частности, отмечал благодетельное влияние Цезаря и Августа, которое видел не в воинственной политике, а в том, что они покончили с бедствиями гражданских и внешних войн («Эпоха Цезаря и Августа», 1950), а также Диоклетиана и особенно Константина, укрепивших единство империи («От Диоклетиана до падения Западной империи», 1941). Парибени показал политическое значение веротерпимости Константина, стремившегося к религиозному и государственному единству. Антихристианская политика Юлиана не была возвратом к римскому язычеству; она окрашена «грецизмом». С дальнейшей победой христианства Рим перешел — к средневековью.

В Миланском католическом университете преподавал Аристиде Кальдерини. В 1920 г. он основывает журнал «Египет», а в 1939 г. — «Эпиграфика». На базе папирологических и эпиграфических исследований появляются его труды «Состав фамилии по кадастровым спискам греко-римского Египта» (1923) и «Θησαυροι. Исследования по топографии и истории администрации в греко-римском Египте» (1924). Затем он обращается к римской тематике. Его привлекают переломные, кризисные периоды. В курсе лекций «Гражданская война 50—48 гг. до н. э.» (1945) он проводит мысль о личном и политическом преимуществе Цезаря. В том же году выходит его фундаментальная монография «Северы. Кризис III века», посвященная важной для итальянцев теме государственного единства. В ней Кальдерини касается социально-экономического и идеологического развития империи.

Свою концепцию кризиса ученый строил исходя из

позитивистских представлений о взаимосвязи исторических событий, признавая равнозначность внутри- и внешнеполитического, социального, экономического, религиозного и этнического факторов. В его оценке имперского общества ощущается модернизация событий: в эпоху Антонинов он находит «средние классы, которые соответствуют приблизительно современной буржуазии» и проводят «либеральную экономическую политику». Кризис III в. определяется как переход сначала к аристократической, а затем — к христианской империи. В кризисе обнаружились не только силы разрушения, но и единства. Христианство представляло собой опасность для единой Римской средиземноморской империи, но вместе с тем выражало сознание ее единства. Порядок, установленный Диоклетианом, показал, что историческая функция Римской империи была еще не исчерпана, хотя в будущем объединительная роль отводилась христианству, которое способствовало постепенному развитию от Рима к средним векам.

Характерен для рассматриваемой эпохи интерес к личности, военному вождю. Восхваление военного и государственного гения переходило границы научного исследования и превращалось в апологию фашистского дуче. Э. Чачери откровенно изображает Цезаря предшественником Муссолини. Отражение этой специфической темы видно и в публикации Институтом римских исследований серии «Римские императоры». Отражается она явственно и в работах Роберто Андреотти (род. 1908). С 1930 г. он стал профессором истории и философии сначала в лицее, затем в университетах Болоньи, Турина и Пармы, членом итальянских и заграничных исторических обществ и академий. В 1933 г. выходит его книга «Политическая проблема Александра Великого», подчеркивающая значение политического и военного таланта. В 1936 г. он обращается к правлению императора Юлиана, а в названной серии ему принадлежит книга «Коммод» (1942).

Работы Андреотти, особенно о Коммоде, фактологичны. Его интересует политическая история и психологический аспект исторического деятеля. Исторический процесс у Андреотти не случаен, а связан в духе позитивизма взаимной причинно-следственной цепью. В противовес общепринятому мнению ученый выступает против противопоставления личности Марка Аврелия и

Коммода, полагая обусловленность правления сына деятельностью отца. Андреотти настаивает на преемственности политики Коммода и в отношении к солдатам, и в вопросе о войне с маркоманнами и квадами. «Реабилитируя» Коммода, Андреотти указывает на то, что заключение мира с этими племенами было для императора вынужденным шагом, а не изменением политического курса.

В русле той же тематики находятся книги Арнальдо Момильяно (род. 1908) «Деяния императора Клавдия» (1932) и «Филипп Македонский. Опыт по изучению греческой истории IV в. до н. э.» (1934) и только начинавшего свою научную деятельность Санто Мадзарино (род. 1920) «Стилихон. Кризис империи после Феодосия» (1942). Но их содержанием являются уже не восхваление сильного духа исторических персонажей, а проблемы соответствующего исторического периода. Оба автора стоят на идеалистических позициях, поэтому в значительной мере исторические события рассматриваются ими как конкретизация мирового духа. Так, Момильяно, подчеркивая, что наднациональное государство Филиппа и Александра создавалось не в силу контакта с Персией, а в условиях кризиса греческих государств, понимает под этим борьбу политических идей. Мадзарино видел кризис Римской империи V в. в контрасте Восточной и Западной половин империи. На Востоке уже сложился византийский, глубоко религиозный образ мысли, и это помогло устоять против варварского мира. Запад еще находился на прежнем политическом, а не религиозном мышлении, оказавшимся недостаточным. Отсутствие высокого религиозного начала привело римский сенат в трясину экономических низменных интересов. Лишь в мучительных поисках средневековья было выработано плодотворное западное мышление.

Теме крупной исторической личности посвящена и книга де Санктиса «Перикл», вышедшая в 1944 г., уже после падения Муссолини, когда ученый получил возможность вернуться на кафедру Римского университета. Она содержит не биографию, а историю Афин эпохи Перикла, как политическую, так и социальную, что характерно для де Санктиса. Историк, глубоко интерпретирующий источники, делает существенные наблюдения. Он отмечает двойственность афинской демократии, проявляющуюся в противоречиях между свободным трудом

и рабским, между гражданами и негражданами. Де Санктис высоко ценит Перикла, но не идеализирует, считая его ответственным за тяжелую Пелопоннесскую войну. Показателен для ученого сам выбор героя книги — вождя афинской демократии, которой он явно симпатизирует. Демократический строй Афин, по его мнению, доказал свою историческую ценность, свою жизненность кратковременностью триумфа антидемократических сил. В этой оценке видны политическая позиция автора-либерала, а также выдержанное в духе Кроче понимание связи истории с современностью в том смысле, что историческая наука должна служить современной действительности. Таким образом, работа о Перикле — не дань популярной в фашистской Италии теме, а осуждающий отклик Де Санктиса на время фашистского владычества.

Интерес к завоевательной политике Рима, обусловленный атмосферой агрессивных притязаний империалистической Италии, ярко обозначен в работах Э. Пайса межвоенного периода. Не изменяя гиперкритическим принципам, Пайс преимущественное внимание уделяет Римской республике начиная с III в. до н. э., известия о которой в целом считает достоверными. История Рима изображается им как поступательное развитие римских завоеваний сначала в пределах Апеннинского полуострова, а затем — в Средиземноморье. Отсюда следует особое значение Пунических войн в периодизации римской истории. Это выявляется даже в заглавиях работ. В 1926 г. выходит том «Истории Рима от его происхождения до начала Пунических войн», в 1931 г. — «Внутренняя история Рима и управление Италией и провинциями с Пунических войн до Гракханской революции», в 1934 г. — «История Рима с царской эпохи до победы над Тарентом и Пирром», а в 1935—1936 гг. — 2-томный труд «История Рима в эпоху Пунических войн». При подробном изложении хода военных кампаний и отдельных операций Пайс останавливается и на религиозных, экономических и социальных аспектах истории, полностью при этом игнорируя рабовладельческий характер как римско-италийского общества, так и его войн.

Продолжает эту линию Джулио Джаннелли, посвятивший II том своей 2-томной «Истории Рима» (1938) специально Пуническим войнам. Особое значение в по-

бедах Рима оба историка придают государственно-правовой и военной организации, а Джаннелли — еще и национальной консолидации в процессе завоеваний. Для обоих Пунические войны — этап в создании Римской империи, особую роль в котором играет Сципион Старший.

Неотъемлемой чертой историографии данного периода является теория автохтонизма, которая использовалась и официальной фашистской идеологией. Подчеркивалась изначальность, исконность италийской культуры и населения на всех этапах истории. Наиболее рельефно выглядит это в работах профессора Мессинского, затем Римского университетов Дж. Серджи (1841—1936). Он родился и учился в Мессине, в юности был гарибальдийцем. Научная специальность Дж. Серджи — антропология. Он стоял на позициях полигенеза, вел краниологические исследования, выделив морфологические черты индоевропейцев и «средиземноморской расы». Наряду с этим занимался проблемой античных, прежде всего италийских цивилизаций, в том числе языками, письменностью и топонимикой древней Италии. В обобщающем труде «От Альбы Лонги до Рима» (1934) Дж. Серджи утверждает, что вся римско-италийская история и культура была создана ее автохтонным населением, средиземноморцами лигуро-сикулами. Это туземное население полностью растворило в себе незначительные группы индоевропейских пришельцев, так что под италиками — латинами, сабинами, умбрами и пр., равно как и под этрусками, надо понимать средиземноморцев. Такая крайность вызвала возражения даже со стороны П. Дукати, отмечавшего в своих трудах большой вклад средиземноморцев в древнейшую культуру Италии.

Автохтонизм давал себя знать в этрускологии, делавшей успехи благодаря археологическим раскопкам и лингвистическим изысканиям. Крупные языковеды А. Тромбетти, Г. Девото признавали в этрусках реликт средиземноморского населения Италии. Не чужд автохтонизму был и профессор Туринского и Неаполитанского университетов Л. Парети (1885—1963). Ученик Г. Белоха и Г. де Санктиса, ученый широких научных интересов, Парети в первый период своей деятельности занимался историей греков. В 1910 г. вышла его книга «Спартанские этюды», а в 1914 г. — книга, посвященная Великой Греции — «Греки Сицилии и Италии». Осо-

бенный интерес вызывали в нем история и культура архаических обществ: Спарты — «История архаической Спарты» (1917) и Этрурии — «Происхождение этрусков» (1926). Вслед за адептами ретийской теории Л. Парети считал ретов потомками расенов, расенов же — автохтонами Северной Италии. Поэтому взгляд Л. Парети на этрусков можно считать вариантом автохтонной теории их происхождения. Наряду с этрускологическими работами он занимался и историей Рима. Здесь его привлекали проблемы социально-политической борьбы («Заговор Катилины», 1934).

В основе достижений лучших итальянских историков лежало глубокое владение материалом источников, среди которых все большее значение приобретали данные археологии. Археологические исследования охватили весь Апеннинский полуостров и многие районы Средиземноморья. Признанным лидером среди археологов Италии был Амедео Маюри (1886—1963), широко образованный историк искусства, филолог и эпиграфист. Он учился в Римском университете, археологическую практику, подобно Парибени, прошел в археологических школах Рима и Афин, вел раскопки на Крите; с 1914 по 1924 г. был директором археологической школы в Коринфе, на Родосе, где основал музей, на Додеканезских островах, в Карии и других местах Эгеиды. С 1924 г. Маюри стал директором Национального музея в Неаполе и на высоком научном уровне возобновил раскопки Помпей. От пепла и пемзы была освобождена и часть города Геркуланум, открылся форум, жилые кварталы и пригородные виллы. Он вел раскопки в Кумах, Пестуме, в Байях, где был вскрыт комплекс терм, в других районах Центральной и Южной Италии и на острове Капри.

Большое место в работах итальянских археологов занимали история этрусков и их культура. В 1926 г. во Флоренции открылся первый национальный этрускологический конгресс и был основан Институт изучения этрусков и италиков, а с 1927 г. под эгидой этого института стало выходить периодическое издание «Этрусские исследования». На основе активной археологической деятельности и успехов лингвистики этрускология выделилась в особую историческую дисциплину. Продолжало развиваться и традиционное для Италии направление исследований — палеэтнология. Оно представле-

но многими видными именами, такими, как Патрони и Реллини, особенно их ученицей Пиа Лавиозой Замботти (1898—1965), преподававшей с 1939 г. в Миланском и с 1947 г. в Римском университетах. В 1933—1938 гг. она изучала культуру раннего железного века Атесте, в 1935—1939 г. — Голосекки, в 1939—1940 гг. открыла позднеолитическую культуру Лагоцца, а в 1935—1939 гг. — *культуру бронзового века и палафиттов* Северной Италии, названную ею культурой Полады. Она занималась также древнейшими культурами дунайского и балканского мира, Иберийского полуострова и Ближнего Востока, исследовала процесс индоевропеизации Италии. Вслед за своими учителями и предшественниками уделила особое внимание методам изучения диффузии археологических культур и проблеме соотношения культуры и этноса.

* *
*

В рассматриваемый период в буржуазной историографии усиливается наметившийся ранее разрыв между успехами в конкретно-исторических исследованиях, совершенствованием организационных основ науки и бессодержательностью, реакционным характером господствующих историко-философских схем. В буржуазной историографии происходит размежевание между либеральным направлением, которое пытается возродить позитивистские и гегельянские принципы в исследовании, и ярко выраженным реакционным течением, породившем фашистскую интерпретацию исторического процесса с точки зрения расизма, геополитики и презентизма, прямо поставивших историческую науку на службу человеконенавистническим реакционным целям. Важным явлением этого времени стало создание советской историографии, развивающейся на основе марксистско-ленинской методологии, оказывающей воздействие на мировую историческую мысль. В указанный период происходит упадок германской историографии и потеря ею лидирующего положения в европейской буржуазной науке, усиливается значение французской и английской национальных историографий, возрастает роль национальной историографии США.

ГЛАВА 8. СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ОБ АНТИЧНОСТИ (1945 — конец 70-х годов)

§ 1. Общие особенности развития науки

Разгром фашизма во второй мировой войне стал военно-политическим и идеологическим поражением наиболее реакционных сил империализма и антикоммунизма. Последствия победы сил демократии и социального прогресса были огромными. В результате народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии был установлен строй народной демократии и был открыт путь к строительству социалистического общества. Возникло принципиально новое общественное явление в истории — мировая социалистическая система, которая стала оказывать большое влияние на развитие не только мировой экономики и политики, но и культуры.

После второй мировой войны начался мощный подъем национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах, приведший к концу 50-х годов к крушению господствующей около полутора столетий колониальной системы. Сформировался так называемый третий мир, включающий государства с переходной общественной структурой, неопределенной формационной принадлежностью, причем некоторые из таких государств провозгласили своей конечной целью построение социализма в своих странах.

В странах капиталистического мира наблюдается рост активности рабочего класса и его партий и прежде всего боевого авангарда трудящихся — коммунистических партий. Коммунистические партии превратились в мощные политические организации, располагающие большим влиянием, значительными средствами, своей прессой, теоретическими журналами, научно-политическими институтами.

В целом можно говорить об укреплении сил мира и социализма, распространении марксистско-ленинской идеологии не только в рядах пролетариата, но и о ее влиянии на другие слои капиталистического общества, во многих странах третьего мира. Буржуазия и ее идеологи перед лицом усиливающегося влияния марксизма-ленинизма принимают самые решительные меры борьбы с ним, разрабатывают новые и совершенствуют старые философские идеалистические системы, противостоящие материалистическому пониманию современного мира и его исторического прошлого. Наиболее влиятельными историко-философскими теориями послевоенного времени выступают неокантианская концепция в обработке Макса Вебера, этико-политическая школа последователей Б. Кроче, философия экзистенциализма, историософия А. Тойнби, так называемые индустриальные концепции мировой истории, например У. Ростоу, концепции структурализма. Весьма влиятельной в послевоенные годы стала философская система экзистенциализма, или философия существования, наиболее крупными представителями которой были Г. Хайдеггер и К. Ясперс в Германии, Ж.-П. Сартр во Франции.

С точки зрения экзистенциалистов общество состоит из изолированных индивидов, которые ведут «существование» (сложное философское понятие, давшее название всей философской системе). Существование человека глубоко индивидуально, человек живет, обремененный «заботой» о продолжении существования, преодолевая присущий ему страх смерти. Под влиянием конкретной исторической «ситуации» человек принимает ряд «решений», действует, но это мнимая деятельность, так как внешний мир переживается человеком как «абсолютное ничто». Главным и решающим является его собственное «наличное бытие» или «существование», т. е. то или иное отношение к самому себе, которое является имманентным и совершенно неуправляемым. Резкое противопоставление «существования» человека и его внутреннего мира и человеческого общества как механической суммы неуправляемых индивидов, трактовка общественной деятельности человека как иллюзорной обусловили особое понимание исторического процесса; основной акцент был сделан на внутреннем совершенствовании человеческой личности.

Примером исторической концепции экзистенциалистов является теория осевого времени Карла Ясперса. С его точки зрения человечество прошло четыре крупных этапа в своем развитии: 1) предыстория, или «прометеев век» (возникновение языка, орудий труда, употребление огня и др.), до 3000 г. до н. э.; 2) основание первых цивилизаций — шумерской и египетской (около 3000 г. до н. э.); 3) осевое время (I тыс. до н. э., точнее 800—200 гг. до н. э.); 4) научно-технический век — век бездуховной техники и массовой культуры.

Именно в осевом времени возникли культурные ценности, которыми человечество живет до сих пор. В это время в Индии, Китае, Греции произошли религиозно-философские революции, заложившие основные категории религии, философии, науки. Человек стал одухотворенным, осознал свое бытие, стоящие перед ним проблемы и цели, свои возможности и их границы, открыл личность и разум. В концепции осевого времени особо выделяется Греция как колыбель политической свободы, гуманизма, рационализма, стремления к активному осуществлению внутреннего идеала.

Другой популярной историко-философской системой в 40—50-х годах стала историософия Ар. Тойнби, который развил до логического конца идеи замкнутых цивилизаций, высказываемые Эд. Мейером и О. Шпенглером. С точки зрения Ар. Тойнби не существует единой истории человечества, а последняя суть совокупность историй 21 отдельных замкнутых и независимых друг от друга цивилизаций, больших историко-культурных комплексов. Все эти цивилизации равноценны и современны, даже если они исчезли тысячи лет назад, например вавилонская или египетская.

Каждая цивилизация проходит в своем развитии пять стадий: рождение, рост, надлом, разложение, гибель, — после чего она бесследно исчезает в истории, уступая место другой. События и процессы, происходящие во всех цивилизациях, аналогичны; сравнивая их, можно вывести некоторые «эмпирические законы», которые определяют внешнее движение цивилизаций, но сущность их специфична и неповторима. Поскольку события и процессы в цивилизациях аналогичны, то можно сравнивать, например, реформаторскую деятельность Петра I в православной цивилизации и Эхнатона — в

древнеегипетской, захватническую политику Тиглат-Паласара III и милитаризм Гитлера.

Движущей силой цивилизаций является творческое господствующее меньшинство — элита, носитель мистического «жизненного порыва» цивилизации, — которое, удачно отвечая на различные «вызовы» исторической судьбы, ведет за собой инертное большинство. Однако, если господствующая элита утрачивает способность удачно отвечать на вызовы, начинается недовольство инертной массы, которое в конечном итоге ведет к гибели всей цивилизации.

В ходе истории реализуется некая высшая трансцендентная цель, определенный божественный план. Осознать этот план могут лишь отдельные избранники, причем в этом процессе познания решающую роль играет внутреннее озарение, мистическая интуиция. Крупный специалист в области греко-римской цивилизации Арн. Тойнби строит модель развития каждой цивилизации главным образом на античном материале, развивая свою собственную концепцию античного мира. Особенностью, которая делает ее детищем середины XX в., является принципиальная равнозначность со всеми другими цивилизациями, ярко обрисованными именно специалистом в области античной истории.

Своеобразной реакцией в буржуазной науке на огромное значение промышленного развития для судеб современного мира является появление ряда исторических концепций, получивших название теорий индустризма. Примером одной из таких теорий может служить концепция американского социолога У. Ростоу, выпустившего в 1960 г. работу «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест». С точки зрения У. Ростоу человеческое общество развивается в рамках прямолинейной эволюции и проходит пять основных стадий, которые различаются уровнем техники и «индустризма». Эти стадии таковы: 1) традиционные общества, куда входят все докапиталистические государства, вплоть до современных слаборазвитых стран; 2) переходное общество (разные страны Европы в XVIII—XIX вв., страны, получившие независимость после национально-освободительных движений в XX в., например Индия, Китай до 1950 г.); 3) сдвиги в промышленной революции (Англия с конца XVIII в., Франция и США с середины XIX в., Россия с конца XIX в., Ин-

дия и Китай с 1950 г.); 4) зрелость (Англия с 1850 г., США с 1900 г. Германия и Франция с 1910 г., СССР с 1950 г.); 5) высокое массовое потребление.

Все античные общества Ростоу понимает как традиционные. По его мнению, их структура развивается в рамках ограниченных функций производства, основанного на доньютоновской науке и технике. Небольшие технические возможности резко лимитируют рост производства на душу населения. Слабое развитие «индустризма» предопределило ведущую роль земледелия, а следовательно, господство кровнородственных и общинных связей, иерархическую структуру общества, господство землевладельцев, ограниченную подвижность и фатализм мышления, т. е. представление о неизменности положения всех поколений, об ограниченности средств для улучшения своей участи. «Теория индустризма» Ростоу — пример одностороннего примитивного подхода к роли производства в историческом процессе, сведенного к гипертрофированному пониманию роли техники в отрыве от производственных отношений людей.

Подводя некоторый итог обзору общих теоретических концепций современной историографии, на основе которых работают многие буржуазные историки, в том числе и специалисты по античности, следует отметить, что в них ярко проявляются черты идеализма с оттенком мистицизма, непознаваемости сущности исторического процесса, антиисторизма и в конечном итоге исторического пессимизма. По существу, все разновидности современной буржуазной философии истории направлены против материалистического понимания истории, марксистско-ленинской теории исторического процесса.

Одной из общих особенностей современной историографии является создание марксистского и близкого к нему направления в капиталистических странах. Как правило, его представителями выступают члены коммунистических партий или сочувствующие им ученые, но влияние исторического материализма испытывают и буржуазные по происхождению и образованию специалисты. В Италии и Франции действуют научно-исследовательские институты, работающие под руководством коммунистических партий, где занимаются разработкой истории, главным образом новейшего времени, но имеются специалисты и по античной истории, например в Италии Э. Серени, Бьянко-Бандинелли, Домини. Под

влиянием марксистской концепции стали работать специалисты, объединенные в Центр по изучению античной истории в университете Безансона во Франции, а также такие известные ученые, как Дж. Томпсон, А. Робертсон, Мазон, Г. Чайльд в Англии, А. Боннар в Швейцарии и др. Возникновение марксистского или близкого к нему направления в капиталистических странах — свидетельство широкого распространения исторического материализма, показатель зрелости марксистской исторической науки, ее все усиливающегося влияния в современной историографии.

§ 2. Англо-американская историография античности

Изменения в мире (углубление общего кризиса капитализма, возникновение и укрепление социалистического лагеря, крах колониальной системы) находили свое отражение в развитии англо-американского антиковедения.

Послевоенное время характеризуется прежде всего резким расширением источниковедческой базы исследований. Успехи археологии, эпиграфики, нумизматики, папирологии давали в руки исследователей новый огромный материал, усовершенствование методов исследования позволило извлекать из этого материала неизмеримо больше информации, чем ранее.

Американские и английские археологи в послевоенное время вели активные и широкие по масштабам археологические изыскания в Греции, Италии, Малой Азии. Эти работы проводились как постоянными центрами (Американская и Британская археологические школы в Афинах, Американская академия в Риме), так и специальными экспедициями, организуемыми большей частью различными университетами (Чикагским, Нью-Йоркским и др.). Характерной особенностью является осуществление широких по масштабам проектов по сплошному археологическому исследованию больших районов. Так, английские археологи изучали Южную Этрурию, фиксируя все памятники, находящиеся на этой территории, и проводя стратиграфические раскопки. В результате была выявлена картина расселения населения в различные исторические эпохи (в том числе

в доримскую и римскую), что позволило выявить характерные особенности развития целого района, а не какого-либо отдельного пункта. Техника раскопок стала более совершенной, особое внимание начали уделять созданию детальных стратиграфических схем. В практику археологических исследований вошли методы точных наук, особенно ценные для выявления особенностей древней технологии (при анализе произведений ремесла). Для археологических разведок широко применяется аэрофотосъемка, для поисков находящихся на большой глубине руин древних сооружений — протонный магнитометр (он, в частности, использовался объединенной итало-американской экспедицией при поисках Сибариса). Широко развернулись подводные археологические исследования, объектом которых стали остатки затонувших в древности кораблей, затопленных морем районов древних городов и прочее. Особое значение имело открытие остатков критского корабля II тыс. до н. э. у мыса Яссын-ада (Южная Турция).

Активно исследовались памятники III и особенно II тыс. до н. э. в Греции. Особый интерес к этим памятникам вызвала дешифровка линейного письма Б. Важное значение имели результаты американских раскопок под руководством Блегена в Пилосе, где исследовались дворец и прилегающая к нему территория. Пилосский дворец сохранился намного лучше, нежели одновременные с ним дворцы Тиринфа и Микен. При раскопках был найден и дворцовый архив. Среди работ английских археологов следует отметить раскопки в Кноссе, где широко исследовались слои, предшествующие созданию дворца, что позволяет лучше, чем раньше, понять процесс возникновения государства на Крите.

Важные результаты были получены англо-турецкой экспедицией (под руководством Дж. Кука и Э. Акургала) в Смирне, давшие материалы для решения вопроса о характере греческого полиса в самый ранний период его истории. Было установлено, что поселение здесь возникло в X в. до н. э., выявлена система планировки, характер укреплений, облик жилища в VIII—VII вв. до н. э.

Чикагский университет проводит широкие по масштабам археологические раскопки Коринфа. Интересные находки сделаны в гавани Коринфа — Кенхреях. Продолжаются и исследования Афин, где американская

экспедиция раскапывает агору. Найденные материалы позволили выявить историю общественного центра Афин за время его существования. Исследования Афин показали своеобразие судьбы города в период дорийского завоевания: в то время как в других центрах Эллады в это время заметен явный упадок, Афины продолжают расти, что, видимо, объясняется переселением сюда, в область, не затронутую дорийским завоеванием, беглецов из Пелопоннеса.

При раскопках Сард на большой площади были вскрыты слои от бронзового века до византийского времени. Сравнительно недавно начаты работы в Афродисии (Малая Азия) — городе, ранее совершенно не подвергавшемся раскопкам. На территории Сицилии американские археологи изучают городище Сьерро-Орландо — крупный местный центр, существовавший с VI в. до н. э. и очень рано подвергшийся эллинизации. Исследовались также города и на восточной периферии античного мира. В частности, английские археологи вели раскопки в Чарсаде (Пакистан), где были вскрыты слои времени греко-индийского царства.

Огромный и очень ценный археологический материал, полученный при раскопках, был детально исследован и издан в послевоенный период в виде многотомных публикаций. Отметим, в частности, серию публикаций материалов из Дура-Европос, Антиохии на Оронте, Таксилы.

Наибольшее внимание в Англии, однако, уделялось исследованию римских памятников Британии. Самой характерной чертой здесь являются широкие масштабы исследований. В последние годы появилось множество монографий, посвященных отдельным городам римской Британии, написанных главным образом на основе археологических данных. Активно изучаются отдельные сельские поселения, римские укрепления по границам, дороги, местные поселения кельтского населения, процесс его романизации. В английской археологии все более заметным становится стремление использовать археологические материалы как основной исторический источник. Проводятся, в частности, сплошные исследования отдельных регионов, позволяющие создать их детальную историю (см., например: «Римский западный край», 1973; «Классическая культура и кельтское общество», 1976). Большое внимание уделяется изучению

ремесленного производства (на базе археологического материала) — книга И. Вилда «Текстильные мастерские в северных провинциях» (1970). Кроме того, британские материалы сопоставляются с материалами из других римских провинций, что позволяет выявить специфику развития Британии в римское время.

Важнейшими явлениями в развитии древнегреческой эпиграфии рассматриваемого периода является издание (или переиздание) капитальных тематических сборников надписей: 2-томный сборник М. Тода «Греческие исторические надписи», новое издание которого подготовили Мейгз и Льюис (основной эпиграфический источник об истории Афинского морского союза), еще один сборник, выходивший под редакцией Вудхэда (вышло 5 томов, издание сейчас прекращено). Для архаической эпохи важнейшим исследованием была работа Л. Джеффери о локальных вариантах греческого письма.

Заметным явлением стала публикация первого тома римских надписей Британии (1965). Всего издано более 2400 лапидарных надписей. Меньшее значение имеет сборник «избранных» надписей, подготовленный Берном, в котором в первую очередь публикуются надписи, освещающие римское присутствие в Британии (1969).

Происходит заметное расширение нумизматических исследований, началась публикация музейных коллекций античных монет (в частности, Американского нумизматического общества). В исследованиях древних монет теперь все шире используются методы точных наук (например, метод нейтронной активации), проводятся эксперименты по воспроизведению процесса изготовления античных монет.

Одним из важнейших достижений стала публикация каталога греческих монетных кладов, подготовленного Американским нумизматическим обществом (заменившего устаревшую уже сводку Ноу), в котором собраны сведения о всех обнаруженных кладах древнегреческих монет (редакторы М. Томпсон, О. Моркхольм, К. Крей, 1973). Важное значение имела публикация ряда общих руководств по древнегреческой нумизматике (например, К. Крэя «Архаические и классические греческие монеты», 1976). В изучении афинской нумизматики наиболее примечательным явлением было появление книги М. Томпсон, посвященной так называемым афинским тетрадрахмам «нового стиля» (1961). Необходимо

также отметить книгу Вэллес, посвященную чеканке монет Эвбейской лиги (1956).

В изучении нумизматики эллинистической эпохи большие заслуги принадлежат Э. Беллинджеру, изучавшему монетное дело Александра Македонского («Очерк монетного чекана Александра Великого», 1963). Он исследовал не только собственно нумизматические вопросы, но и экономическую политику царя, установив, в частности, ее «экстравагантный» характер — резкое превышение расходов над регулярными доходами. Большое значение имели также работы М. Томпсон и Э. Беллинджера по изучению чеканки монет различных городов Малой Азии в эллинистическую эпоху. Значение этой работы заключается в выделении из огромной массы монет, чеканившихся по типу монет Александра Македонского, серий, принадлежавших отдельным городам, и точное хронологическое распределение их. Для изучения монет эллинистического Востока (Парфия, Греко-Бактрия) особое значение имели работы Селлвуда, Дженкинса, Мак Дауэлла.

Для римской нумизматики важное значение сыграло завершение публикации коллекции римских монет времени империи, хранящихся в Британском музее, осуществленное Г. Маттингли. Так же важны монументальные исследования, посвященные римскому монетному делу, как республиканского, так и императорского времени, проведенные Х. Маттингли и Э. Сайденхэмом. Большую роль сыграли публикации монет, добытых различными экспедициями при раскопках ряда крупных античных центров (Трои, Антиохии на Оронте, Дура-Европос).

В современной нумизматике все сильнее замечается стремление к рассмотрению монеты, как источника по экономической истории античного мира. При этом заметно также стремление отказаться от модернизации в объяснении общественных отношений. В частности, в ряде нумизматических исследований постоянно подчеркивается мысль, что при анализе ареала распространения монет того или иного центра необходимо учитывать не только экономические связи, но и иного рода факторы (например, военно-политические). Однако иногда подобный подход приобретает крайние формы и, по существу, элиминируется все значения экономики. Так, в частности, К. Крэй полностью отрицает роль торговли (как внешней, так и внутренней) в процессе появления монет.

В послевоенное время продолжались начатые ранее публикации коллекций папирусов (принадлежащих различным учреждениям и частным лицам): Британского музея (в дальнейшем Британской библиотеки), Мичиганского (несколько томов различных папирусов и остраков из Карианса), Нью-Йоркского (также документы из Карианса) и Йельского университетов, Библиотеки Джона Риландса в Манчестере и Честер Битти в Дублине (папирусы из Панополиса), коллекций лорда Амхерста и Вильфреда Мортона. Знаменитая серия документов из Оксиринха, издаваемая английскими учеными, пополнилась двадцатью новыми томами. Английские папирологи принимали участие в публикации папирусов, хранящихся в других странах (например, из библиотеки Михаилидиса в Каире).

Характерной особенностью развития папирологии в эти годы является стремление издавать (и переиздавать) комплексы документов: отдельные архивы или подборки документов по определенной проблематике. Так, были опубликованы папирусы из архива семьи Аврелия Исидора (конец III — начало IV в. н. э.), хранившиеся частью в Египетском музее (Каир), частью в Мичиганском университете, и архив римского офицера Абиннея (время императора Константина II). Среди изданий, в которых собраны и прокомментированы документы по одному какому-либо аспекту жизни греко-римского Египта, заслуживают внимания сборник решений императора Сентимия Севера по различным юридическим вопросам, собрание документов по налоговому обложению из Теадельфии, сборник папирусов, освещающих проблему литургии в римском Египте, и, наконец, трехтомное издание папирусов, дающих всестороннее представление о жизни иудейского населения греко-римского Египта. Продолжали публиковаться также и демотические документы. Очень заметным явлением была полная публикация папирусов и пергаментов из раскопок Дура-Европос — самая обширная коллекция папирусов документального характера вне пределов Египта. Одной из примечательных особенностей является то, что в последние годы осуществлялись попытки использовать ЭВМ для анализа данных, содержащихся в документах на папирусе, предпринятые американскими учеными.

Расширение источниковедческой базы бесспорно способствовало развитию конкретных исторических иссле-

дований. Общей их особенностью является ожесточенная идейная борьба. Для первых послевоенных лет характерным было усиление реакционных тенденций, находивших свое выражение в распространении модернизаторских концепций, антидемократизме, в презрении к народным массам. Модернизация античности проявилась и в традиционных формах. Так, в частности, в «Эллинской истории» Дж. Ботсфорда и Ч. Робинсона (1948) основополагающими понятиями являются «капитализм», «социализм». В книге В. Эренберга «Народ Аристофана. Социология древней аттической комедии» (1961) в несколько модифицированной форме делался большой акцент на роль и значение «средних классов» в противовес старой схеме противопоставления античной «буржуазии» и античного «пролетариата». Еще сильнее реакционные тенденции проявлялись в модернизации другого характера — в попытках провести параллели между положением в древнем мире и в современном и, пользуясь этими мнимо существующими аналогиями, более или менее откровенно проповедовать идеи, прямо враждебные СССР и странам социалистического лагеря (см.: Бергер А. К., Зельин К. К., Штаерман Е. М. О некоторых направлениях в современной буржуазной историографии античности. — Вестник древней истории, 1959, № 1, с.151). Так, например, английский военный историк генерал Фуллер в заключении книги о военном руководстве Александра Македонского (1968) утверждает, что поход македонского царя — один из этапов вековой борьбы Европы и Азии. В современном мире роль «Европы» играют страны НАТО, а «Азии» — СССР.

В дальнейшем эти грубовульгаризаторские построения все больше исчезают, хотя использование античной истории в пропагандистких целях продолжается в более смягченной форме. Одновременно происходит постепенная перестройка основных исходных принципов исследований. Неудовлетворенность модернизаторским подходом, заводящим антиковедение в тупик, привела к рождению нового направления — антимодернизаторского, основным принципом которого стало стремление выявить специфику античного общества в экономике, социальной структуре, формах классовой борьбы и, наконец, в идеологии.

Бесспорно, что рождение этого направления — значительный шаг вперед в понимании сущности античной

эпохи по сравнению со старыми модернизаторскими построениями. Однако для большинства исследователей отказ от модернизации не сопровождался принятием марксистской методологии и очень скоро стали заметны недостатки этого направления, оказавшегося более продуктивным в разрушении старых схем, нежели в создании новых концепций. Поиски специфики античного общества иногда приобретают абсолютный характер, и его своеобразие в трудах некоторых ученых становится столь всеобъемлющим, что никакие общие законы развития человеческого общества (с точки зрения этих исследователей) к нему неприложимы. Иногда же античное общество трактуется как одно из «традиционных» обществ и анализируется исходя из этой посылки. Подобный подход также глубоко неправилен. «Традиционное общество» — понятие, введенное в науку американской культурантропологией. Под этой рубрикой объединяются все общества, не достигшие стадии промышленной революции. Таким образом, воедино собираются первобытные, рабовладельческие и феодальные общества. Но растворение античного общества среди массы иных, принадлежащих другим общественно-экономическим формациям, может только дезориентировать исследователя.

Виднейшим представителем этого «антимодернизаторского» направления в современном англо-американском антиковедении является М. Финли (род. 1912).

М. Финли в основном занимается исследованием истории Древней Греции, хотя в ряде своих работ, посвященных общим вопросам истории античного мира, широко обращается и к римскому материалу. Им издано большое число монографий («Исследования о земле и кредите в древних Афинах 500—200 гг. до н. э.», 1952; «Древние греки», 1963; «Мир Одиссея», 1954; «История Сицилии», 1968; «Ранняя Греция. Бронзовый и архаический века», 1970; «Конституция предков», 1971; «Древняя и современная демократия», 1973; «Древняя экономика», 1973) и сборников статей («Аспекты античности», 1960; «Польза и бесполезность истории», 1975). Кроме того, под его редакцией выходил ряд сборников статей различных ученых, посвященных некоторым кардинальным проблемам античного мира («Рабство в классической античности», 1960; «Проблемы земли в Древней Греции», 1973).

Значительное влияние на современное антиковедение оказала первая из монографий М. Финли, посвященная изучению земельных отношений в Афинах классической эпохи. Крайне показательно, что она вышла практически одновременно с работой Дж. Файна «Горой. Исследования по закладу, залогу и земельному держанию в древних Афинах» (1951), построенной на базе изучения той же категории источников—закладных камней на имущество (участок земли или дом), и что авторы в своих основных выводах близки. Сущность исторических выводов заключается в том, что, несмотря на известное развитие в IV в. до н. э. процесса концентрации земли, он не привел к созданию крупных единых хозяйств и к массовому обезземеливанию крестьянства. Хотя в афинском обществе и возрастал уровень бедности, он не сопровождался возрастанием богатства на другом социальном полюсе, вследствие чего не происходило обострения социальных конфликтов.

Этот вывод через некоторое время стал отправной точкой для целого ряда исследований проблем истории Греции в IV в. до н. э. Поскольку факт кризиса полиса не отвергался, то стали необходимыми новые объяснения его причин, иные, чем в традиционных схемах, в которых основной причиной являлось обезземеливание крестьянства и все остальные стороны кризиса возводились к этой. В этих новых концепциях основой кризиса полиса считаются: борьба двух форм собственности (традиционной земельной и денежной) растущее несоответствие политической и социальной структур полиса и т. д.

Наиболее полное выражение взгляды М. Финли на основные проблемы истории античного общества нашли в его книге «Древняя экономика». Пафос этой книги — в утверждении своеобразия античного общества, резко отличающегося как от капиталистических обществ, так и от обществ Древнего Востока. Особенно активно М. Финли выступает против модернизации античных обществ, применения к ним категорий и понятий, характерных для нового и новейшего времени. Он утверждает, что античность не знала таких экономических категорий, как «капитал», «продукция», «капиталовложение», «спрос», «предложение»; не существовало представления о полезности и возможности постоянного прогресса технологии. Он указывает, что античный город был прежде всего центром потребления, а не центром производства; что

в условиях Римской империи не могло существовать мирового рынка, в античности не было государственной экономической политики в современном смысле этого слова, не было борьбы за рынки сбыта и не было войн, объясняемых торговыми интересами.

Экономическая система античности, считает М. Финли, всегда оставалась тесно связанной с натуральным производством, а основой социально-экономических отношений были восходящие к крестьянскому хозяйству ойкос или фамилия с нерасчлененной на экономический, социальный и личный аспекты властью их главы, без четкого разделения на базис и надстройку. При определении места человека в обществе имели значение: состояние (бедность всегда презиралась), сословие, статус, класс, причем, с точки зрения М. Финли, марксистская концепция класса вряд ли применима при анализе античного общества. Очень важное место в общей концепции М. Финли занимает его идея относительно «спектра состояний»: античное общество знало не только свободу и рабство, но и целый ряд промежуточных состояний. Рабы — это только одна из многих категорий зависимого населения. В Греции и Риме только в исторически короткие периоды, периоды расцвета, рабство вытесняло остальные категории, а в начале и в конце античной эпохи социальная структура характеризовалась многообразием форм зависимости.

Гибель античного общества, по мысли М. Финли, проистекает вследствие замены полисного строя бюрократической монархией. Прекращение поступления внешней добычи в конце империи привело к необходимости усиления налогового гнета (и закабалению основной массы населения) для содержания огромной армии и бюрократического аппарата, что окончательно подорвало хозяйство.

Концепция М. Финли явно создавалась под определенным воздействием марксизма. В частности, проводимая им постоянно мысль о коренном отличии целей производства в условиях античной и капиталистической экономики безусловно порождена марксистским положением о том, что только при капитализме целью производства становится само производство, его постоянное расширение. Однако М. Финли не сознает, что за многообразием социальных слоев очень ясно прослеживаются основные классовые деления античного общества.

Наконец, для М. Финли сами основные особенности античного экономического мышления (отсутствие ориентации на прибыль) остаются, в сущности, невыясненными, хотя им в его концепции придается огромное значение.

Значительнейшим явлением была дешифровка линейного письма Б., осуществленная английскими учеными М. Вентрисом и Д. Чадвиком («Свидетельства о греческом языке в микенских архивах», 1953) и открывшая возможность для неизмеримо более глубокого понимания характера древнегреческого общества II тыс. до н. э. Прежде всего, было бесспорно доказано, что население Греции этого времени говорило на греческом языке, анализ же содержания документов позволил выявить характер социальной организации общества. В дальнейшем исследования по этой тематике стали занимать очень важное место в англо-американском антиковедении. При Лондонском университете был создан специальный институт классических исследований, стал издаваться посвященный изучению этой проблематики журнал «Minos». Исследования велись по нескольким направлениям: в археологических работах — Дж. Грэхэм «Дворцы Крита» (1962); В. Тэйлур «Микенцы», (1964); Э. Вермюль «Греция в бронзовый век» (1964) — помимо раскопок ранее уже известных центров большое внимание уделялось разведкам, составлению точных карт памятников II тыс. до н. э.; очень важную роль играли исследования технологической базы данной цивилизации. Наконец, проводились исследования по выявлению характера общества, отраженного в документах.

Среди англо-американских специалистов, работающих над этой проблемой, некоторые (например, Л. Палмер) полагают, что в Пилосе существовали феодальные отношения, причем одним из основных аргументов служит утверждение, что такие отношения исконно присущи индоевропейской расе (Палмер «Ахейцы и индоевропейцы», 1955; его же «Микенцы и минойцы», 1962). Ученые другого направления (к которому, например, принадлежит Т. Вебстер) считают, что общественная структура микенского общества близка структуре древневосточных обществ (отрицая при этом их рабовладельческий характер). Согласно М. Финли, дворцовое хозяйство определяло все стороны жизни критского общества: через его посредство распределялась работа, материа-

лы, конечный продукт. В этом отношении общество напоминало общества Переднего Востока, но с одним важным отличием: здесь существовала совершенно иная система ценностей — не прокламировались ни могущество царя, ни военная функция общества. В материковой Греции также основой экономической системы были дворцовые хозяйства, но в отличие от Крита важнейшую роль здесь играла военная аристократия.

В современном англо-американском антиковедении господствующей является концепция, согласно которой поэмы Гомера (как бы ни решался вопрос об авторстве) не отражают историческую реальность микенской эпохи (Д. Пэйдж «История и гомеровская Илиада», 1959; Дж. Кирк «Песни Гомера», 1962; М. Финли «Мир Одиссеи», 1962). Решающую роль в новой оценке информации, содержащейся в «Илиаде» и «Одиссее», сыграла дешифровка линейного письма Б, в результате чего стало ясно, что общество, изображенное в гомеровских поэмах, и общества, отображенные в архивах Пилоса, Кносса и других центров, не могут иметь ничего общего. И если ранее (особенно в английской литературе) часто искали микенские реминисценции в поэмах Гомера (например, «Справочник по Гомеру», изд. Э. Вэйс и Ф. Стаббингз, 1967), то теперь исследователи считают, что «Илиада» и «Одиссея» отражают главным образом историческую реальность IX—VIII вв. до н. э. Вместе с тем подчеркивается, что в поэмах содержится определенное историческое ядро — сам факт троянской войны не может вызывать сомнений (М. Финли, Дж. Каски, Д. Мэйдис «Троянская война»). Кроме того, большое внимание уделяется анализу поэм как эпического произведения: К. Боурэ «Гомер и его предшественники» (1955); его же «Гомер» (1965); М. Парри «Создание гомеровских стихов» (1971); Э. Лорд «Певец сказок» (1960), в частности эпического языка и эпических формул, через посредство которых передается информация о ранних исторических эпохах, поскольку общепринятым является мнение, что Гомер использовал предшествующую эпическую традицию.

Археологические материалы по «темным векам» (XI—IX вв. до н. э.) наиболее полно исследовал В. Десборо — «Последние микенцы и их преемники» (1964). Лучшей работой (с точки зрения полноты фактического материала) по проблемам греческой колонизации, види-

мо, можно считать книгу Дж. Бордмэна, видящего в колонизации феномен, постоянно присущий греческой цивилизации — «Заморские греки» (1973). В работе Грэхэма «Колония и метрополия в Древней Греции» (1964), исследующей взаимоотношения между греческими колониями и их метрополиями, опровергается распространенный тезис, согласно которому греческие колонии не зависели политически от своих метрополий. Он подчеркивает разнообразие «моделей», по которым строились эти отношения: от полной независимости до полной зависимости.

В англо-американском антиковедении довольно важное место занимают работы, посвященные экономической истории. Хотя в целом все сильнее укрепляется тенденция рассматривать экономику античного общества отличной от современной экономики, все же встречаются и работы, в которых античная экономика трактуется в традиционном модернизаторском духе. Одним из наиболее ярких примеров этого является первый том «Европейской экономической истории» (авторы В. Дэвисон и Дж. Харпер, (1972). Античная экономика определяется как безусловно рыночная экономика, где господствуют мелкие товаропроизводители. Не учитывается специфика социальных отношений античного общества: по мнению авторов, рабство не было базисом античной экономики, поскольку в условиях господства рыночных отношений рабский труд становится невыгодным. Однако подобного рода работы играют все меньшую роль в современном англо-американском антиковедении. Примером принципиально иного подхода является книга Дж. Сэн-Круа, в которой исследуется происхождение Пелопоннесской войны (1972). Изучив конкретные причины данной войны, автор переходит к более широким обобщениям. Он доказывает, что какое бы соперничество ни существовало между отдельными торговцами различных полисов, оно никогда не проецировалось на сами полисы. Античность, по мнению Сэн-Круа, не знала ни меркантилистской государственной политики, ни торгового соперничества, ни торговых войн.

Проблема рабства в античности не принадлежит к числу тех проблем, которые активно разрабатываются современным англо-американским антиковедением. Наиболее полным исследованием этой проблемы является книга У. Уэстерманна «Рабские системы греческой и

римской античности» (1955). Автор подчеркивает, что никаких общих закономерностей в развитии античного рабства не было, что в каждом районе античного мира оно развивалось по-особому. У. Уэстерманн последовательно проводит принцип идеализации рабства. В частности, он утверждает, что «мягкая форма» рабства (типа гомеровского) широко была распространена вплоть до II в. до н. э. в тех областях, где не развилось ремесло. Им совершенно бездоказательно отвергается ряд свидетельств о численности рабов и об их тяжелом положении. По мнению Уэстерманна, общее число рабов всегда было невелико и только в исключительных обстоятельствах резко возрастало. Так, он признает наличие огромного числа рабов в Италии, Сицилии и Африке в конце республики, однако при этом не обращает внимания на влияние самого института рабства на различные стороны социальной жизни, политического строя и культуры. С установлением же империи, как он считает, роль рабства вообще сходит на нет. Противоречий между рабами и свободными не было. С распространением же вольноотпущенничества переход из рабского статуса к свободному, по его мнению, вообще не представлял каких-либо сложностей. Рабство не тормозило технического прогресса и, следовательно, не влияло на экономику; причиной падения античного мира поэтому был отнюдь не институт рабства. Подобная концепция роли рабства в античном мире весьма далека от подлинной картины, она вдохновляется идеей о том, что классовые противоречия в любом обществе постепенно затухают. Нельзя сказать, чтобы Уэстерманн был одинок в своих стремлениях умалить роль рабства в античном обществе. Очень показателен сборник «Рабство в классической античности» (1960). В статье А. Джоунза «Рабство в древнем мире», опубликованной в этом сборнике, также проводятся аналогичные идеи: незначительность роли рабства в производстве (основная масса рабов — прислуга); рабство в значительных размерах — результат исключительного стечения обстоятельств и т. д. Важную роль сыграла опубликованная в этом же сборнике статья М. Финли «Была ли греческая цивилизация основана на рабском труде?». М. Финли подчеркивал, что рабство было «одним из основных элементов греческой цивилизации». Совершенно справедливо он указывал, что для того, чтобы считать общество рабовладельческим, совсем не

обязательно, чтобы в нем основную часть населения составляли рабы.

В исследовании проблемы древнегреческого полиса современная англо-американская наука не дала никаких принципиально новых решений. Отметим только работу Литтона, который утверждал (в отличие от огромного большинства исследователей), что древнегреческий полис не был устойчивым политическим образованием, поскольку с самого момента возникновения в нем шла внутренняя борьба. Большое влияние на развитие представлений о характере политической организации античного общества оказала книга Дж. Ларсена, вышедшая двумя изданиями, «Представительное правление в греческой и римской истории» (1953). Заслуга автора состоит в том, что он привлек внимание исследователей к федеративной форме политической организации, существовавшей в античном мире. Вместе с тем основные выводы автора вряд ли могут быть приняты, поскольку он исходит из явно идеалистических посылок. Так, в частности, он полагает, что возникновение демократического государственного строя в Греции было результатом только распространения демократических идей без попыток выяснить, что же рождало эти идеи.

Особое внимание привлекает работа П. Гринхэла, в которой более подробно, чем в других, ставится проблема связи социальной структуры общества с военным делом, с принципами его организации (П. Гринхэл «Раннегреческие приемы войны. Всадники и колесницы в гомеровской и архаический века», 1973). Автор считает, что процесс демократизации древнегреческого общества связан с появлением фаланги, что бесспорно справедливо, хотя зависимость здесь более сложная, чем это представляется автору. Но, с другой стороны, само возникновение фаланги у него имеет только одну причину — замену щита дипилонского типа гоплитским. Таким образом, глубочайшие социальные изменения в обществе в конечном счете определяются, по мнению П. Гринхэла, чисто военно-техническими причинами.

Можно отметить и другие работы, посвященные военным проблемам. Греческая и римская артиллерия исследуются в книге Э. Марсдена «Греческая и римская артиллерия, историческое развитие» (1969); отдельные вопросы истории военного дела Спарты (армия при

Клеомене III, структура моры по Ксенофонту, организация и размер спартанской армии в битвах при Левктре и Мантинее) рассматриваются в сборнике работ А. Тойнби «Несколько проблем греческой истории» (1969); военному делу IV в. до н. э. посвящена книга А. Андерсона «Военная теория и практика в век Ксенофонта» (1970).

Ряд вопросов военной практики греков (введение оплаты и ее размер, жертвоприношения, война и праздники, глубина и ширина фаланги, захват добычи, право собственности на нее и т. д.) освещены в книге В. Притчетта «Древнегреческая военная практика» (1971).

Как и ранее, одной из наиболее популярных в англо-американском антиковедении проблем является проблема сущности и истории античной демократии вообще и прежде всего афинской.

В подавляющем большинстве работ политическая эволюция афинского общества ставится в связь с экономической. В некоторых из них утверждается, что экономический подъем Афин, перестройка традиционной сельскохозяйственной экономики — результат создания Афинского морского союза (Ф. Форст «Племенная политика и гражданское государство», 1976). В других же, наоборот, подчеркивается, что Афины достигли высокого уровня экономического развития к моменту его создания, что и предопределило их ведущую роль в этом союзе (А. Френч «Рост афинской экономики», 1964).

Одной из основных тем в англо-американском антиковедении является защита афинской демократии. Наиболее последовательно эту роль выполняет известный английский ученый А. Джоунз. В книге «Афинская демократия» (1957) он следующим образом определяет цель своей работы— опровергнуть два основных «обвинения», выдвигаемых против афинской демократии: 1) афинская демократия с ее широкой системой раздач и оплат была паразитом на теле империи; 2) афинская демократия была рабовладельческой. А. Джоунз стремится доказать, что расходы на раздачи и оплату не были особенно велики и в мирное время покрывались за счет внутренних средств города. В качестве основного аргумента им используется следующий довод: демократия продолжала существовать и в IV в. до н. э., когда Афины не имели каких-либо внешних доходов. А. Джоунз пытается также доказать, что большинство (по его подсчетам 60%) граждан жило за счет собственного труда и «даже бога-

тейшие афиняне были относительно скромными людьми». Именно преобладание средних слоев обеспечивало устойчивость афинской демократии. По мысли автора, афинская демократия была «отлично смонтированным инструментом для выражения и выполнения воли народа».

Роль средних слоев подчеркивает и В. Эренберг («Народ Аристофана», 1951), выступающий против преувеличения роли раздач и оплат. Он доказывает, что они не могли служить основой существования даже беднейших афинян, а только своего рода «подспорьем». В. Эренберг считает, что в Афинах различия между знатными и незнатными, богатыми и бедными не имели сколько-нибудь серьезных последствий для развития общества, поскольку социальный организм был достаточно единым объединением «среднего класса». Единственный внутренний конфликт, который он допускает в Афинах, — это конфликт поколений.

Против преувеличения роли дани (фороса) союзников в развитии радикальной афинской демократии выступает и Р. Мейггз («Афинская империя», 1972). Он полагает, что было бы неправильно считать, что афиняне эксплуатировали союзников, чтобы поднять свой уровень жизни. Часть фороса возвращалась союзникам в виде платы за службу на море и на суше, а также в виде создания в Афинах благоприятных условий для метеков — выходцев из городов союза. Афины обеспечивали безопасность на море, и благодаря этому выросла торговля.

Однако эти достаточно близкие друг другу концепции встречают оппозицию в ряде работ. Так, в частности, в книге Р. Делэ «Пробулевсис в Афинах. Изучение принятия политических решений» (1973) опровергается мнение Джоунза о полном суверенитете народного собрания и малом значении Буле. П. Мак Кендрик и Дж. Дэвис возражали против тезиса об упадке значения аристократии и богатства в Афинах. На основании просопографических данных они доказывали, что и в период господства демократии, как правило, важнейшие посты в государстве занимались представителями аристократических родов и богатых семей (П. Мак Кендрик «Афинская аристократия», 1969; Дж. Дэвис «Афинские собственнические фамилии» 1973).

В современном англо-американском антиковедении значительное место занимает изучение проблем истории. Спарты. Среди многочисленных работ, посвященных это-

му кругу вопросов, выделяются монографии: К. Чраймс — «Древняя Спарта» (1952); Х. Мичелла — «Спарта» (1952); Дж. Хаксли — «Ранняя Спарта» (1962); В. Форреста — «История Спарты от 950 до 192 гг. до н. э.» (1968); статья М. Финли «Спарта» (1975).

К. Чраймс исходит из того, что спартанский государственный строй в целом мало менялся на протяжении веков. Для нее ранняя Спарта — феодальное государство, раздробленная монархия, образовавшаяся после реформ Ликурга, в результате которых единое унифицированное государство заменило прежнюю феодальную систему. В книге Х. Мичелла точно так же заметна тенденция к модернизации истории. В частности, описывая систему землевладения в Спарте, он широко пользуется аналогиями феодального общества: спартиат получает участок земли на тех же условиях, что и феодальный рыцарь. Сравнивая спартиатов то с японскими самураями, то с рыцарями феодальной Европы, Мичелл квалифицирует их как военную касту; он также считает, что Спарта в течение веков не меняла своей социально-экономической структуры. Разложение же спартанского общества объясняется им ростом купечества, которое скупало земли у спартиатов. Илоты определяются как государственные рабы, но положение их было лучшим, чем положение рабов в других эллинских полисах. Мичелл высоко оценивает Спарту: «По отношению к современному политическому опыту конституционная система Спарты была превосходна и избегла многих недостатков и опасностей крайней формы демократии, которую мы находим в Афинах и демократиях наших дней».

Весьма своеобразны взгляды Хаксли, который считает, что Спарта первоначально была быстро развивающимся государством. Мнение о застойности спартанского общества он считает неправильным. Серьезные изменения происходят только после того, как Персия укрепила свою власть в Восточном Средиземноморье. Спарта в результате этого лишилась своих рынков. Ослабление экономии сделано неизбежным падение уровня жизни и привело к «окостенению системы» и рождению «грубого милитаризма».

Решительнейшим образом выступает против тезиса о спартанском милитаризме М. Финли. С его точки зрения, основная функция Спартанского государства не военная, а полицейская. В ходе второй Мессенской войны Спарта

получила большие территории и много илотов. Отныне все стороны жизни государства были подчинены одной цели — удержанию господства над илотами. Особая структура спартанского строя создалась именно в результате «революции шестого века», в ходе которой была сломлена власть аристократии и создана «община равных». По мнению Финли, спартанская система не была уникальным явлением в Греции: все элементы, из которых она слагалась, встречаются и в других государствах, специфика же заключается в том, что эти элементы (илотия, царская власть, система возрастных классов, сисситии) соединены воедино.

Относительно реформ спартанских царей эллинистической эпохи Агиса, Клеомена, Набиса необходимо отметить работу Т. Африкиа «Филарх и спартанская революция» (1961), который подчеркивает, что идеи, которыми воодушевлялась деятельность этих реформаторов, были не стоического, а кинического происхождения. А. Джоунз («Спарта», 1967) доказывает, что в этих движениях ведущими были отнюдь не «социалистические идеи» (как это часто утверждается авторами-модернизаторами), а идеи восстановления спартанской военной мощи и гегемонии («Лаконский патриотизм»).

Эллинистическая проблематика, традиционная в английском антиковедении, в последние годы стала также популярна и в американской науке. Очень характерна тенденция к расширительному пониманию эллинизма, которое объединяет собственно эллинизм (со всеми присущими ему социальными и политическими структурами) и культурное наследие эллинизма. В силу этого распространяются идеи о римском, христианском и даже византийском эллинизме (Ф. Петерс «Плоды эллинизма. История Переднего Востока от Александра Великого до триумфа христианства», 1970). Сохраняют свое значение старые концепции, которые сводят эллинизм к совокупности культурных явлений, определяя его как эпоху, когда греческая культура широко распространилась по Востоку. При этом греческая культура часто рассматривается идеалистически, как порождение «эллинского духа», без каких-либо попыток показать социально-экономическую и политическую обусловленность ее (М. Уилер «Пламя над Персеполем. Поворотный пункт в истории» 1968). Вместе с тем появляются работы, в которых эволюция греческой культуры тесно связывается с судьбами грече-

ского полиса на Востоке, с характером социальных отношений, сложившихся здесь. Однако и в этих работах (М. Хадас «Эллинистическая культура». 1967) имеются серьезные недостатки, порожденные модернизацией существующих в эллинистическом мире отношений: эллинистическая городская культура определяется как буржуазная, созданная городской буржуазией.

В изучении истории эллинистического мира особое место отводится действиям и личности Александра Македонского.

Но именно в этом вопросе чаще всего проявляются идеалистические принципы буржуазной науки. Само рождение эллинистического мира рассматривается как результат усилий одной «героической» личности, своей деятельностью изменяющей мир. Так, А. Тойнби все исторические судьбы Македонии объясняет только тем, что в критический момент ее истории власть принадлежала двум гениальным людям: Филлипу II и Александру («Эллинизм. История цивилизации», 1959).

Вместе с тем в обрисовке образа Александра Македонского проявляются новые прогрессивные веяния. Ранее наибольшим признанием пользовалось апологетическое направление, наиболее видными представителями которого были В. Тарн («Александр Великий», 1948) и Ч. Робинсон («Александр Великий. Встреча Востока и Запада в мировом правительстве и братстве», 1947). Александр, по их мнению, был «первым интернационалистом, поборником братства народов, надолго опередившим свое время». Эта концепция позднее была подвергнута критике со стороны ряда английских и американских ученых, показавших ее полную несостоятельность. (Э. Бэдиэн «Исследования по греческой и римской истории», 1964; Х. Балдри «Единство человечества в греческой мысли», 1965). В целом же все больше укрепляется тенденция рассматривать деятельность Александра Македонского не как результат неких иррациональных побуждений героя-сверхчеловека, стремящегося познать неизвестное, или как человека, видящего свою миссию в распространении эллинской культуры, а как прежде всего политика, стремящегося к господству над ойкуменой, как человека холодного расчета (Р. Милнз «Александр Великий», 1968; П. Грин «Александр Великий», 1970).

В некоторых англо-американских работах (В. Тарн

«Эллинистическая цивилизация», 1952) проводится мысль о том, что после завоеваний Александра и установления власти Селевкидов в целом улучшилось положение восточного крестьянства. Эта концепция, с одной стороны, определяется представлением о том, что на Востоке уже во времена Ахеменидов существовал феодальный строй и Селевкиды, приписывая деревни к городам, освобождали их от этой зависимости, а с другой — она имеет свои истоки в идее о «благодетельном империализме», столь популярной в английской историографии времени существования Британской колониальной империи. Точно так же именно этой идеей определяется и представление о том, что градостроительная деятельность Селевкидов порождалась стремлением распространить «высокую урбанистическую культуру среди народов, ранее не знавших ее» (В. Тарн, М. Уилер, Ф. Петерс). Однако в последнее время все более активно исследуется проблема сопротивления народов Востока власти грекомакедонян. Наиболее полно исследовал ее С. Эдди, хотя, несмотря на целый ряд серьезных наблюдений, в ней также содержатся неверные положения, например тезис о том, что наиболее активную роль в этом сопротивлении играли не народные массы, а местная знать и жречество (С. Эдди «Царь мертв», 1961).

Активно исследуются в современном англо-американском антиковедении и проблемы эллинистической государственности. Наиболее полно этот вопрос исследовал В. Эренберг во второй части своей книги, посвященной эллинскому государству, «Греческое государство» (1969). Важность этой работы определяется тем, что автор решительно отказывается от широко принятого в буржуазной науке формально-юридического рассмотрения государства. В его концепции соединены воедино политический, социальный и экономический аспект государственности, однако при этом автор проходит мимо того обстоятельства, что во всяком классово антагонистическом обществе государство служит орудием для поддержания власти господствующего класса. У него же государство — это некая самодовлеющая и абсолютно независимая сила, а то обстоятельство, что эллинистическое государство по своей форме является монархией, окончательно затемняет для него вопрос о классовой природе государства.

В современном англо-американском антиковедении

широко представлены работы, посвященные локальным вопросам истории эллинистического мира. Издаются монографии, посвященные истории отдельных крупнейших городских центров: Александрии Египетской (Фрэзер. П. Александрия Птолемеев, т. 1—3, 1972) и Антиохии на Оронте (Дж. Дауни. История Антиохии Сирийской от Селевка до арабского завоевания, 1961). Однако вопросы социальной истории здесь отступают на второй план по сравнению с культурной историей. Необходимо также отметить монографии В. Тарна «Греки в Бактрии и Индии» (1951) и Вудкока «Греки в Индии» (1966). В ряде работ по истории эллинистического Египта наметилось стремление отказаться от старых модернизаторских схем в рассмотрении экономической политики Птолемеев. Если раньше признавалось существование в Египте планового хозяйства и даже государственного капитализма или социализма, то теперь доказывается, что «планирование» экономики здесь не имело ничего общего с собственно планированием, а было одним из элементов фискальной системы (Крауфорд. Д. Керкеосирис. Египетская деревня в птолемеевский период 1971).

Одной из особенностей англо-американской историографии послевоенного времени является повышение роли биографического жанра, особенно в применении к истории Рима. Выходит из печати огромное число работ, являющихся жизнеописаниями выдающихся деятелей римской истории. Подобное явление связано с широко распространенным убеждением, что понять исторический процесс во всей его сложности и противоречивости невозможно и что более реально для историка попытаться проследить судьбы крупных исторических личностей. Эти взгляды иногда приобретают несколько «смягченный» характер: указывается, что какой-либо исторический период наиболее ярко можно выразить через судьбу отдельного человека. В ряде биографий заметно стремление покончить с некоторыми устоявшимися, но неверными концепциями. Например, в биографии императора Септимия Севера (автор Бирли) доказывается, что все попытки представить его разрушителем империи, «Новым Ганнибалом» (традиция, идущая от современников — противников его политики) совершенно не верны. Септимий Север хотя и происходил из Северной Африки, но был подлинно римским политическим деятелем, никакого пиетета к пунийцам у него не было.

Огромное количество исследований посвящено Цицерону, из их числа необходимо отметить книги Р. Уилкина «Вечный адвокат» (1947), Э. Коуэлла «Цицерон и Римская республика» (1948), Р. Смита «Цицерон — государственный деятель» (1966), Д. Стоктона «Цицерон. Политическая биография» (1971). В первых двух работах, типичных для англо-американского антиковедения послевоенных лет, античные темы тесно переплетаются с проблемами современности, а античность используется для проповеди самых реакционных политических взглядов. В книге Коуэлла, в частности, доказывается, что Римская республика погибла не вследствие классовой борьбы а вследствие того, что массы утратили веру в «нравы предков», а «естественные руководители государства» впали в опасную апатию. Очень сильная модернизация заметна в книге Уилкина. Цезаря он отождествляет с тираном — Гитлером, а Цицерона — с «идеальным парламентарием» — Черчиллем. В работах Смита и Стоктона, вышедших позднее, уже нет назойливой модернизации, насильственного извлечения уроков из прошлого.

Большое внимание уделяется современными англо-американскими историками внешней политике Рима, римским завоеваниям и системе управления завоеванными территориями. В монографии М. Чарсворта «Римская империя» (1951) автор стремится доказать, что в эпоху империи все страны Средиземноморья пользовались выгодами законности, процветания, порядка. Тех, кто желал с ними сотрудничать, Рим награждал правом гражданства, независимо от его расовой или религиозной принадлежности. Блага, которыми пользовались римские граждане, были столь велики, что практически невозможно было найти противников империи. Именно благодаря этому прочность Римской империи была чрезвычайно велика.

Однако позднее со столь прямолинейным восхвалением римских завоеваний и Римской империи серьезные исследователи практически не выступали. Появились работы, в которых эта проблема рассматривалась с несколько иных позиций. В этом отношении показательны книги Э. Бэдиэна «Иностранная клиентела» (1958) и Р. Эррингтона «Рождение империи. Подъем Рима к мировому могуществу» (1973). В них доказывается, что завоевание Средиземноморья не было результатом заранее обдуманного плана, нацеленного на покорение и эксплуатацию других народов. Эррингтон считает, что про-

цесс римской экспансии распадался на несколько этапов, но в каждом из них главной целью было обеспечение безопасности Рима. Таким образом, Эррингтон выступает с апологией римских завоеваний. Э. Бэдиэну принадлежит заслуга выработки концепции «иностранной клиентелы». Он доказывает, что принцип клиентелы, давно известный в Риме, в ходе римских завоеваний стал применяться и в международных отношениях. Могущественный «патрон» обеспечивает «клиенту» защиту и помощь, взамен последний должен был выполнить определенные обязанности по отношению к патрону, попадая к нему в зависимость. Впервые римляне в международных отношениях использовали эту политику по отношению к сицилийским, греческим городам, затем она превратилась в главное средство контроля со стороны Рима над зависимыми от него государствами. Отказ от этой системы приходится на 30-е годы II в. до н. э., когда римляне, осознав неэффективность ее, переходят в широких масштабах к прямому управлению завоеванными территориями.

Активно обсуждалась в литературе и проблема классовой позиции римлян в отношении завоеванных территорий (И. Брискоу «Рим и классовая борьба в греческих государствах», 1974; Э. Груэн «Классовые конфликты в период третьей македонской войны», 1976). Исходные позиции авторов близки — они оба считают, что Рим никогда не проводил сознательную политику поддержки господствующих слоев в Греции, его политика определялась только его собственными интересами. Но Груэн останавливается на этом выводе, а Брискоу идет дальше, подчеркивая необходимость рассмотрения этого вопроса в более длительной исторической перспективе: после установления власти Рима последний нуждался в социальной опоре в завоеванных странах, и постепенно этой опорой становились господствующие слои местного населения.

Среди многочисленных работ о римской истории конца республики необходимо выделить книгу Т. Вайзмана «Новые люди в римском Сенате. 139 г. до н. э.—14 г. н. э.» (1971). В монографии рассматриваются система пополнения сената, складывание идеологии и другие более общие вопросы формирования господствующего класса Италии. Автор подчеркивает, что в Италии конца республики сложился (с точки зрения социальной структу-

ры общества) единый господствующий класс, включавший в себя как верхушку Рима, так и верхушку других италийских городов. Однако с точки зрения политической организации общества этот класс делился на две группы: римская знать и знать италийских городов. Различие и борьба между ними определялись разной степенью участия в эксплуатации обширных владений Рима.

По-иному рассматривается политическая борьба в Риме в книге Л. Росс-Тейлор «Партийная политика в век Цезаря» (1949). Росс-Тейлор идеализирует Римскую республику времени до Пунических войн, когда, по ее мнению, существовала общность интересов между знатью и народом. Она считает, что внутреннее разложение республики произошло благодаря тому, что римский плебс впитал в себя большое количество выходцев с Востока, которые превратили его в безземельный пролетариат, легко поддающийся влиянию демагогов.

В изучении экономики Древнего Рима примечательным явлением можно считать книгу Р. Дункан-Джонса «Экономика Римской империи. Квантативные исследования» (1974). Автор считает, что экономика Рима стояла на низком уровне и в наше время Рим был бы причислен к «развивающимся странам». Одной из характерных черт Рима он считает резкую дифференциацию между социальными классами и группами, а также значение ценза, определявшего сословную принадлежность человека и его статус. Р. Дункан-Джонс собрал имеющийся цифровой материал, характеризующий экономику Римской империи. И крайне показательны при этом выводы, к которым он приходит. Р. Дункан-Джонс, по существу, утверждает, что на основании имеющегося цифрового материала решить какие-либо важные вопросы истории римской экономики невозможно.

В работе А. Барфорд «Ремесленники в греческом и римском обществе» (1972) изучаются темы, достаточно редкие в современном антиковедении. В монографии содержится много интересных наблюдений, например ее вывод о том, что одна из причин развития рабства в Риме заключалась в нехватке квалифицированных рабочих из числа свободных граждан. А. Барфорд возражает тем, кто считает, что технический застой античного общества объясняется обилием рабов. Она подчеркивает, что в XVIII — начале XIX в. было изобилие рабочих рук, но техника развивалась очень быстро. Главное отличие

между этими эпохами, по ее мнению, заключалось в том, что в античную эпоху отсутствовало желание увеличивать прибыль именно за счет изменения методов производства. А причиной этого является консерватизм и традиционализм, присущие античному обществу. Однако она оставляет без ответа вопрос о причинах римского консерватизма.

Для изучения сельского хозяйства римского мира наибольшее значение имел выход в свет книг К. Уайта «Сельскохозяйственные орудия римского мира» (1967) и «Римское сельское хозяйство» (1970). Эти работы стали своеобразной энциклопедией по данному вопросу и позволили разрушить целый ряд превратных представлений о характере сельскохозяйственного производства Римской империи. Автором доказано, что сельскохозяйственная техника была достаточно высоко развита, хорошо приспособлена к условиям всей хозяйственной системы, что она постоянно развивалась, а сельское хозяйство Рима во II в. до н . э. — I в. н. э. стояло на высоком уровне. Интересным представляется и исследование Персиваля «Римская вилла: историческое введение» (1976), где доказывается, что распространение вилл на территории римских провинций было ярчайшим признаком романизации, которая должна сводиться не только к распространению римской культуры, но и сложившихся в Риме хозяйственных и социальных отношений.

В изучении рабства (помимо более общих работ, упомянутых выше) следует отметить исследование П. Вивера «Фамилия цезарей» (1972), который рассмотрел положение и род занятий императорских рабов и вольноотпущенников, в том числе использование их в административном аппарате. Констатируется противоречие между юридическим статусом и местом в социальной структуре общества раба или вольноотпущенника императора, занявшего высокое место в административной системе.

Для изучения социальной структуры Римской империи и социальной борьбы в ней особое значение имеют работы Р. Мак-Маллена «Римские социальные отношения. 50 г. до н. э. — 281 г. н. э.» (1974) и «Враги римского порядка» (1967). Автор особое внимание уделяет всем формам социального протеста, рождавшимся среди народных масс Римской империи.

Одной из постоянных проблем в англо-американ-

ской историографии (особенно в английской) является проблема истории отдельных римских провинций, в частности Британии. В изучении Британии сталкиваются две тенденции: романоцентрическая, подчеркивающая благотворность римского завоевания, и, так сказать, локальная. К числу работ второго типа принадлежит книга Дж. и Ч. Хауксов «Доисторическая Британия» (1948), в которой явно преувеличивается значение кельтских институтов в общественной жизни римской Британии, но в то же время даже не упоминаются восстания бриттов против римлян. Прямо противоположную тенденцию представляет собой книга Д. Джерольда «Введение в историю Англии» (1949), в которой непомерно восхваляется Цезарь, а все римские неудачи объясняются только стихийными бедствиями. Поход же Клавдия — это не военное вторжение, а освобождение Юго-Восточной Британии от власти непопулярной династии Катувелланов.

В 60—70-х годах, однако, уровень работ, посвященных римской Британии, повышается, совершенствуется методика, отходит на задний план грубая тенденциозность обоих (и романоцентрического и локального) толков. Большое внимание стало уделяться борьбе с римским господством (Г. Вебстер и Д. Дадли «Восстание Боудики», 1962; они же «Римское завоевание Британии», 1965), жизни кельтских племен и романизированного местного населения (А. Ривет «Город и деревни в римской Британии», 1958; С. Томас «Доримская Британия», 1965; П. Сэлвэй «Пограничный народ римской Британии», 1965), жизни римской армии и характеру римского завоевания (Э. Бирли «Римская Британия и римская армия», 1953; Д. Дадли и Г. Вебстер «Римское завоевание Британии», 1965). Среди работ, посвященных другим провинциям Римской империи, наибольший интерес вызывает монография Дис. Уилкса «Далмация» (1969), в которой обобщен огромный материал по самым различным сферам жизни провинции. Особенно важно то, что автор тщательно анализирует социально-экономические отношения в местном обществе, рассматривая процесс романизации как взаимодействие местных и римских элементов.

В последние годы вновь резко возрос интерес к проблемам падения Римской империи. Наиболее важным явлением в этой сфере исследований было появле-

ние трехтомной монографии А. Джоунза «Поздняя Римская империя» (1964). Автор стремится доказать, что причины падения Римской империи были весьма разнообразны: внешние вторжения, экономические и социальные перемены, пороки административного механизма, упадок нравственности. Однако в ходе изложения наибольшее значение придается внешней угрозе, «давлению варваров». Идеями А. Джоунза порождена и книга его ученика М. Арнхейма «Сенаторская аристократия в поздней Римской империи» (1972), основанная на просопографическом анализе. Суть концепции Арнхейма — в противопоставлении западной и восточной частей Римской империи. На Западе знать обладала не только огромными земельными владениями, но и пользовалась политической властью, причем чаще всего в тех областях, где были расположены ее земельные владения. Иная картина существовала на Востоке, где подобное сочетание политического контроля и обширных земельных владений встречается гораздо реже. В силу этого и судьбы двух частей империи были различными. На Западе императорская власть была слабее и тенденция к феодализации проявилась явственнее, что и стало конечной причиной падения Западной Римской империи. Судьбам одного из крупнейших городов Римского Востока — Антиохии — посвящена книга Дж. Либешютца «Антиохия. Город и императорская администрация в поздней Римской империи» (1972), где в основе также лежит проблематика, связанная с падением античного мира. Доказывая, что в IV в. н. э. экономическое положение города оставалось стабильным, суть перемен он находит в политической сфере.

Таким образом, в современной англо-американской историографии все большее значение приобретают исследования, посвященные кардинальным вопросам истории, социальных отношений античного общества, все чаще проблемы политической и идеологической истории рассматриваются в связи с социальной историей. Расширение источниковой базы и возросшая тщательность анализа заставляют многих авторов отказаться от недавно модных модернизаторских построений.

Ярким проявлением этого процесса является расширение рядов исследователей-антиковедов, стоящих на позициях марксизма, принимающих принципы исторического материализма как единственно научные в

познании античного мира. Своеобразным манифестом этой группы исследователей стало выступление их в журнале «Аретуза» (1975, т. 8, № 1), в специальном номере, озаглавленном «Марксизм и классика». Среди статей этого номера особого внимания заслуживает работа Сэн Круа «Карл Маркс и история классической античности». Один из крупных современных антиковедов, автор многих печатных работ, в том числе интересной книги «Причины Пелопоннесской войны», заявляет открыто, что только использование марксистской методологии дает «адекватное постижение античного общества». Сэн-Круа решительно возражает тем исследователям, которые полагают, что марксистский метод сформировался при изучении только капиталистического общества и для анализа других типов общества, якобы неприменим. Он указывает, что К. Маркс глубоко знал античное общество, специально изучал его и что те закономерности развития человеческого общества, которые установил К. Маркс, выявлены на анализе не только капиталистической формации, но и всех формаций, предшествующих ей, в том числе и рабовладельческой. Сэн-Круа самым решительным образом оспаривает тезис, достаточно распространенный в западной науке, который сводит исторический материализм к экономическому детерминизму.

Сэн-Круа специально останавливается на проблеме классов и классовой борьбы. Собрав все упоминания К. Маркса о классах, автор приходит к выводу о тесной связи понятия «класс» с фундаментальным понятием «способ призводства». Класс должен определяться по его отношению к средствам производства и месту в производстве. В античности основным средством производства была земля, а главной формой эксплуатации труда был подневольный труд, главным образом рабский.

При этом необходимо учитывать, что основная масса продукции производилась (вплоть до поздней античности) мелкими независимыми производителями (крестьянами и ремесленниками), большинство которых использовали только труд членов своей семьи. Это посредствующий класс, и при анализе его места в обществе необходимо учитывать два обстоятельства: 1) этот класс почти не производил избыточного продукта; 2) он не входил в состав господствующего класса.

Если взглянуть на общее развитие античного общества, то безусловно будет заметна основная тенденция — зависимость политической власти от экономической позиции, общая тенденция перехода политической власти к богатым. В связи с этим Сэн-Круа указывает, что подобный анализ античного общества оказывается близким тому, как анализировали свое общество сами древние, например Аристотель, для которого деление населения полиса — это деление на собственников и лишенных собственности, а политические формы полиса зависят от взаимоотношений этих двух групп.

Непременной чертой всякого классового общества является наличие классовой борьбы, причем нельзя смешивать понятия политической борьбы и классовой борьбы. Политическая борьба может происходить и и внутри различных слоев одного класса. Такой борьбой, считает автор, была борьба внутри свободного гражданства и в Греции и в Риме. Постоянное противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми определяло все стороны жизни античного общества. При этом классовая борьба проходила в основном по линии: рабы — рабовладельцы, а не свободные — рабы.

В этом же номере журнала помещены также статьи П. Картледжса «К спартанской революции» и Р. Пэдгага «Классы и общество в классической Греции», также признающих необходимость обратиться к теории исторического материализма при исследовании античного общества. Этот переход на позиции марксизма весьма знаменателен, он является симптомом глубоких изменений, происходящих в англо-американском антиковедении, усиления прогрессивных тенденций в нем.

§ 3. Изучение античности во Франции

Развитие французского антиковедения в послевоенное время в значительной мере определялось теми общими процессами, которые происходили в стране: усиление классовых противоречий, растущая поляризация политических сил, формирование мощного народного и демократического движения во главе с Французской коммунистической партией. Традиционное для французского антиковедения преимущественное внимание к политической истории (с акцентом на деятельность отдельных личностей) или к истории политических уч-

реждений и идеологии вызывало все большее неудовлетворение среди группы молодых исследователей, стремившихся понять глубинные процессы исторического развития, выявить причины (кроящиеся не в намерениях и деятельности отдельных лиц) его. К этому добавилось также влияние «школы Анналов», которая сформировалась еще в 30-х годах., главным образом на базе медиевистики, но идеи которой казались все более притягательными и для историков, специализировавшихся на изучении других исторических эпох. Результатом всего этого явилось возникновение достаточно влиятельного течения во французском антиковедении, ставящего во главу угла исследование социально-экономических отношений античного общества, их влияния на все остальные стороны жизни. Ядром этого течения стала группа историков-марксистов, наиболее последовательно выражавших тенденции нового этапа развития французского антиковедения. Серьезная борьба идей во французском антиковедении в послевоенное время проявлялась как в выборе тем исследований, так и в методах решения различных проблем. Этот процесс происходит к тому же в условиях значительного расширения базы источников, совершенствования технических методов исследования, заметных успехов археологии, нумизматики, эпиграфики, папирологии.

Французские археологи продолжали активное изучение археологических памятников Греции, римской Галлии, территории римских африканских провинций. Французская археологическая школа в Афинах осуществляла традиционные, ведущиеся уже несколько десятилетий раскопки Фасоса и Делоса, где вскрывались новые обширные жилые кварталы и общественные сооружения. Для исследования памятников II тыс. до н. э. наиболее важны результаты раскопок Маллии, где изучался самый крупный (после Кносса) дворцовый комплекс Крита. Принципиально важны открытия, сделанные на холме Дикли Таш (Македония) во время совместных греко-французских работ, где изучались слои от среднего неолита до ранней бронзы. В результате этих работ выявляется важность северных, дунайских культур в формировании эгейско-анатолийской цивилизации в противовес мнению, согласно которому генезис почти всех дунайских культур объясняется движениями народов Анатолии.

На территории Сицилии французские археологи исследовали Мегару Гиблейскую. Результаты этих раскопок чрезвычайно важны для понимания «великой греческой колонизации» и характера древнейших греческих поселений на Западе (Ж. Валле, Ф. Виллар «Мегара Гиблейская», т. 1—2, 1964). В Малой Азии продолжались раскопки Ксанфа. В Сирии и Ливане проводились исследования во многих эллинистических и римских центрах, важнейшие результаты находили отражение в многочисленных публикациях А. Сейрига. Для судеб эллинизма на территории Ирана важны были работы Р. Гиршмана в ряде сакральных центров Персиды (1976). Настоящей сенсацией стало открытие греческого города, построенного при Александре Македонском и существовавшего в селевкидскую и греко-бактрийскую эпохи в Афганистане (Ай Ханум). Раскопки были начаты выдающимся французским археологом и искусствоведом Д. Шлюмберже и продолжены П. Бернаром.

Одним из примечательных явлений французской античной археологии является широкое применение новых методов исследования, в частности использование аэрофотосъемки и исследований остатков затонувших кораблей на морском дне. Фр. Бенуа принадлежит одна из лучших публикаций описания остатков затонувшего в III—II вв. до н. э. около острова Гран Конлюэ римского корабля (1961). Один из близких сотрудников знаменитого французского ученого-подводника Ж.-И. Кусто — Фр. Дюма сообщил в печати об известных к началу 60-х годов находках античных кораблей на дне Средиземного моря (1964). Эти работы важны для изучения средиземноморской торговли в римское время. Одним из инициаторов применения аэрофотосъемки для целей археологического исследования стал Р. Шевалье, который подытожил результаты своих изысканий (в Метапонте, в Южной Италии и в Тунисе) и исследований других ученых в монографии «Применение авиации для открытия прошлого» (1962).

Из других публикаций археологического материала следует отметить завершение монументального издания Альбера Гренье «Руководство по римско-галльской археологии» в четырех томах, посвященных соответственно памятникам городского строительства, общественным празднествам, термам и акведукам (1958—

1960). Ж. Шарль Пикар проводил свои изыскания по археологии пунического Карфагена и римских провинций Западной Африки (1958, 1959 и др.). Л. Шателен изучал римские древности Марокко, римской Мавритании (1944).

В рассматриваемый период развитие древнегреческой эпиграфики во Франции связано в первую очередь с именем выдающегося современного эпиграфиста Л. Робера. Он продолжает (совместно с Ж. Робер) публиковать ежегодные «Эпиграфические бюллетени» в журнале «Revue des Études Grecques». Сравнительно недавно они были собраны и изданы в виде отдельных книг (7 томов, 1972—1974). Значение этого издания заключается не только в том, что в нем фиксируются все эпиграфические издания, но и в том, что они оцениваются и корректируются крупнейшим знатоком греческой эпиграфики. Нередко такая рецензия превращается в самостоятельное исследование, много более ценное, чем первоначальная публикация. Чрезвычайно важны и другие исследования Л. Робера, всегда построенные на тщательном изучении документов: «Элленика» (т. 1—15, 1940—1964) «Кария. История и историческая география» (совместно с Ж. Робер, 1954), «Документы из Южной Малой Азии» (1966) и др. Необходимо также отметить серию публикаций греческих надписей из Египта (А. и Э. Бернан...).

Для изучения многих проблем римской аграрной политики и более широко — процесса романизации в провинциях представляет очень большой интерес тщательная и полная публикация кадастровых документов из римской колонии Араузион (совр. Оранж). В этой работе А. Пиганьола даны не только все документы и надписи, включая многочисленные фрагменты, которые позволили определить наличие не одного, а трех кадастров, но и самое тщательное историко-эпиграфическое исследование многих вопросов межевания и аграрных порядков.

Продолжалась публикация папирусов. Особенно активно в этом отношении работал Французский институт восточной археологии в Каире. Его сотрудник Е. Ж. Шварц опубликовал архив Сарапиона и его сыновей — один из наиболее интересных семейных архивов, датируемый концом I — началом II в. н. э. (1961), — а затем коллекцию папирусов, принадлежав-

ших институту (1971). Началась полная публикация папирусов, хранящихся в Сорбонне (А. Каде, 1966); продолжалось издание папирусов из Страсбурга (1948, 1963).

Среди работ французских нумизматов-антиковедов наибольшее внимание привлекают работы Ж. Ле Ридера. Им опубликовано монументальное исследование «Сузы при Селевкидах и парфянах» (1965), в котором даны все античные монеты, найденные при раскопках Суз. На базе этих находок и других материалов сделана попытка восстановить политическую и экономическую историю этого крупного эллинистического центра. Им же опубликован очерк о монетном деле Крита (1968). Большое значение имели другие нумизматические работы Л. Робера: общий очерк «Греческие монеты» (1967), специальное исследование о монетах Троады (1966) и «Этюды по греческой нумизматике» (1951). Огромный клад селевкидских и греко-бактрийских монет, найденных на севере Афганистана, описали и исследовали Ф. Кюрье и Ж. Фуссман (1965). Французский археологический институт в Бейруте начал систематическую публикацию кладов селевкидских монет (А. Сейриг, 1973).

Заметным явлением во французской нумизматике стали работы Ж. Каллю, автора серьезных исследований различных проблем денежного обращения и монетной политики первой тетрахии (1963), а затем капитального труда о монетной политике римских императоров с 238 по 311 г. (1969), вносящего целый ряд новых идей в сложную проблему кризиса III в. Более раннему периоду — времени Марка Аврелия и северовской династии — посвящены работы Ж. Ги (1962). К. Николе посвятил ряд работ разным проблемам монетной политики Римской республики времени 2-й Пунической войны (1963) и середины I в. до н. э. (1970). Ж. Мазар издал полный свод монет, найденных в двух римских провинциях — в Нумидии и Мавритании (1955).

Для французского современного антиковедения характерен самый широкий диапазон исследований, которые ведутся по различным проблемам и периодам античной истории. Одним из традиционных для французского антиковедения направлений было изучение социально-экономической истории античных обществ и истории цивилизации как определенного сложного комп-

лекса. Специальных работ по античной греческой и римской экономике не так-то много. Это монография Е. Кавеньяка о греческой экономике (1951), работа общего характера об античной экономике Ж. Леви (1964), ряд специальных исследований по истории римской экономики царского и раннереспубликанского периода Р. Бенье (1947; 1955). Можно назвать большой раздел в «Общей истории труда» о состоянии трудовых ресурсов и положении трудящихся в Греции и Риме, написанный Р. Ремондоном (1959). Несколько серьезных исследований различных проблем аграрной истории Древнего Рима от времени Катона до Плиния Младшего принадлежат Р. Мартену (1967; 1971). Новым и плодотворным аспектом в изучении античной экономики является широкое использование монет как исторического источника. В работах Ле Ридера, К. Николе, Ж. Ги, Ж. Каллю изучение монет перестает быть объектом сугубо нумизматических штудий и превращается в важный источник по изучению широких экономических и других проблем.

Для большей части работ по античной экономике характерна, так сказать, большая или меньшая модернизация античных отношений, которая проявляется как в использовании понятий капиталистической экономики, так и в постоянном сопоставлении рабовладельческой экономики с капиталистическими экономическими категориями и с буржуазными отношениями, если термин «капитализм» и не употребляется.

При современном уровне антиковедческой науки исследование социальных отношений в древних обществах занимает самое видное место. Проблема социальной структуры античного общества является одной из важных в общих трудах, например. А. Эймара, как в работах по греческой, так и по римской истории (см. его составленные вместе с М. Обуайе два тома: т. I — «Восток и Древняя Греция», 1953; т. II — «Рим и его империя», 1954) в рамках 8-томной «Всеобщей истории цивилизации», издававшейся в 50-х — начале 60-х годов под редакцией М. Круазе. Другие работы Эймара — «Этюды по античной истории» (1967), исследование о социально-экономических институтах греческих полисов классического периода (1955) раскрывают концепцию социальной структуры античных обществ. Автор модернизирует античное общество по образцу капиталистического,

стремится затушевать классовые и социальные противоречия различных прослоек населения. Исследование социальных отношений в античном обществе приводит А. Эймара к выводу, что конечными двигателями исторического развития цивилизации являются не массы, не процесс внутреннего социально-экономического развития, а избранные сильные личности.

По истории социальной структуры римского общества следует отметить работы К. Николе о всадничестве (его докторская диссертация, 1966), а также исследования по структуре господствующих классов римского общества конца республики и труд Ж. Гаже о социальных классах Римской империи (1964). К. Николе подчеркивает функциональное значение римских сословий, говорит о тесном переплетении экономики и политики в социальном поведении разных слоев населения и видит в этом своеобразие античной общественной структуры. Несмотря на нечеткое определение понятий «класс», «сословие», социальный статус, заимствование некоторых элементов концепции М. И. Ростовцева, работа Ж. Гаже является серьезным исследованием о социальной стратиграфии римского имперского общества I—III вв. н. э., особенно положения свободных сословий и их взаимоотношений.

Наряду с различными проблемами социально-экономических отношений столь же традиционной для французской науки является изучение широкого комплекса вопросов об античной жизни, который покрывается термином «цивилизация». Как историю цивилизации составляли упомянутые выше два тома по античной истории А. Эймара и Ж. Обуайе. Так же рассматривали римскую античную историю старейшие антиковеды — Л. Омо и П. Грималь. Л. Омо на склоне своей долгой жизни в 50-х годах издал и переиздал ряд своих работ, в том числе такие фундаментальные, как «Золотой век Римской империи» (1947), «Императорский Рим и урбанизм в древности» (1951), «От Рима языческого к Риму христианскому» (1950) и др., в которых дал яркую характеристику огромных достижений римской цивилизации, причем особое внимание уделил характеристике политических учреждений античности.

В другом аспекте, подчеркивая различные стороны духовной жизни, исследовал различные стороны античной, главным образом римской, цивилизации П. Грималь

(работы «О веке Сципиона»; «Рим и эллинизм во время Пунических войн», 1953; «Римские города», 1961; «Век Августа», 1961; «Римская цивилизация», 1960; «Рим до Цезаря», 1967; работы о Горации, Сенеке, средиземноморской мифологии). Подчеркивая значение политических или духовных факторов в развитии античных цивилизаций, Омо и Грималь противостоят тому направлению французских антиковедов, которые отводят ведущую роль социально-экономическим отношениям в историческом процессе.

Работам этого типа, модернизаторским по своей основе и конечным выводам, противостоит прогрессивное направление во французском антиковедении, представленное историками, близкими к марксизму. К последним можно отнести Вернана, Парэна, Гарлана, Левека и Видаль-Накэ (бельгийца по происхождению, в настоящее время работающего во Франции). В 50—60-е годы эти ученые начали освоение марксистской методологии, и их труды этого времени в основном были посвящены наиболее общим теоретическим проблемам истории античного общества, таким, как его классовая структура, особенности классовой борьбы в условиях античности и т. д. После исследования теоретических вопросов они перешли к рассмотрению отдельных конкретных проблем истории античности, пытаясь применить теорию исторического материализма к их решению.

Организационным центром этого направления служит Безансонский университет, где создан специальный Центр исследований по древней истории. Характерной особенностью его является то, что он объединяет не только марксистов, но более широкие круги ученых-антиковедов прогрессивного направления, отвергающих модернизацию античности, стремящихся выявить специфику античного общества, его социальной и политической структуры, признающих определяющее значение рабства в истории античности и роль классовой борьбы. Безансонский центр издает свои труды, с момента начала публикаций их (1969) вышло уже 28 томов, в которых отражена исследовательская деятельность по широкому кругу самых различных проблем античной истории: история отдельных общин (работы Клавель-Левека об округе Безье в Южной Франции; П. Кабанэ об Эпире, 1976; А. Вансович об Ольвии, 1975); социально-политическая история (П. Левек и Видаль-Наке о Клисфене;

Кл. Ледю о Псевдоксенофонтовой конституции, 1976); соотношение племени и города (Д. Руссель, 1976); изучение отдельных личностей и их роли (П. Бриан об Антигоне Одноглазом; Ж. Тексье о Набисе, 1975; исследование о Цицероне, 1976); мифология и другие проблемы.

Однако главное внимание уделено изучению социальной истории, в том числе и рабства. Представителями Безансонского объединения подготовлены три сборника о рабстве (1970—1972), а с 1974 г. издаются солидные «Dialogues d'histoire ancienne», где собраны исследования по различным аспектам социальной жизни Греции, Рима и римских провинций, начиная с ранних периодов до конца Римской империи.

Рабство и другие формы зависимости, колонат, наемный труд, проблема разбоев и пиратства, положение женщины, рабство в сельском хозяйстве и ремесле, участие вольноотпущенников в административном аппарате ранней империи, античные религиозные воззрения, проблемы источниковедения — таков широкий диапазон исследовательских интересов этой прогрессивной школы французских антиковедов, вносящих большой вклад в развитие современной науки.

Необходимо отметить также некоторые важные работы исследователей-марксистов, вышедшие в другой серии. Особого внимания заслуживает труд Остина и Видаль-Накэ, посвященный экономике Греции в классическую эпоху (1968). Представляя собой, в сущности, сборник источников и комментарий к ним, эта работа тем не менее заслужила самую высокую оценку со стороны многих ученых, даже не разделяющих марксистские взгляды, благодаря глубокому анализу самых основных явлений экономики классической Греции. Большое значение имеет и работа И. Гарлана «Война в античности» (1972), в которой, опираясь на мысли К. Маркса, автор исследует роль войны в античном обществе, причины, ее порождающие, ее характер и влияние на ход исторического развития. Он подчеркивает, что в античности война «относится к экономическим условиям существования общества».

Среди исследователей, не принадлежащих к марксистскому направлению, выделяется своими работами Вилль. В статье «Три четверти века исследований экономики греческой античности» (1954) он первым среди французских исследователей, проанализировав все основ-

ные работы по этой проблеме, решительным образом высказался против всяческих попыток модернизации античной экономики. Однако в целом его вывод достаточно пессимистичен. Он полагал, что на нынешнем уровне знаний никаких обоснованных выводов сделать еще нельзя. Определенная доля подобного пессимизма сохраняется и в фундаментальной работе Вилля «Греческий мир и Восток» (т. I — «Пятый век», 1972). В этой монографии наибольшее место занимают главы, посвященные сущности полиса, показывающие, как близко подошел автор к марксистскому пониманию этой важнейшей формы социальной, экономической и политической организации античного общества.

Значительную роль в современном французском антиковедении играет К. Моссе, начавшая свою деятельность в Университете города Клермона, а ныне являющаяся профессором Парижского университета. Ею написано большое число работ, из которых особого упоминания заслуживают «Конец афинской демократии» (1962), «Тирания в Древней Греции» (1969), «Колонизация в античности» (1970), «Афины в период упадка» (1973) и др. В первой из них она изложила свое понимание сущности кризиса полиса как результата обезземеливания крестьянства, обострения вследствие этого классовой борьбы и, конечно, разложения полисной формы организации. В дальнейшем она, однако, несколько изменила свою точку зрения. К. Моссе стала придавать большое значение внутренней дифференциации крестьянства, с одной стороны, и слиянию в единый слой богачей (как землевладельцев, так и владельцев ремесленных мастерских), — с другой. Колонизацию К. Моссе рассматривает как постоянно действующий фактор древнегреческой истории.

Большое внимание уделяют проблемам колонизации и другие исследователи. Особенно ценна работа Ж. Валле «Регион и Занклы» (1958), важная не только своими конкретными выводами относительно этих двух центров, но и общими концепциями, стремлением сочетать данные письменной традиции и археологические материалы. Интересна также книга Ж. Берара «Греческая экспансия и колонизация до мидийских войн» (1960), в которой колонизация рассматривается как сочетание торговой и земледельческой экспансии. Для истории градостроительства важны работы Р. Мартэна, в которых заметно

стремление рассматривать собственно градостроительные проблемы как производные от политических условий развития общества. Во французском антиковедении постоянен был интерес к вопросам идеологии. В этой связи особого внимания заслуживает книга Р. Мартэна и А. Метцгера «Греческая религия» (1976), в которой последовательно проводится мысль о том, что единой греческой религии не существовало, а существовала большая группа родственных религиозных систем, достаточно сильно влиявших друг на друга.

Одной из традиционных тем во французском антиковедении является история эллинизма. В этой области, так же как и в других, хорошо заметно противоборство научных тенденций, усиление значения прогрессивного направления. Если ранее, например, для французского антиковедения характерными были идеализация личности Александра Македонского и твердая убежденность в том, что создание эллинистического мира — это результат его воли (Ж. Раде «Александр Великий», 1950; Л. Омо «Александр Великий», 1951; П. Клоше «Александр Великий», 1961), то в настоящее время все большее значение имеют работы иного плана. Наиболее ярким примером может служить работа П. Бриана «Александр Великий» (1974). Стремление выявить реальные мотивы деятельности Александра, понять их, исходя из той конкретной исторической обстановки, в которой она развертывалась, понять характер и мотивы действий противников македонского царя, исходить из данных источников, а не из предвзятых идей — таковы основные принципы П. Бриана. Он резко и ядовито полемизирует с историками, видящими в Александре «поэта», поход которого был продиктован стремлением познать неизвестное. Весьма критичен П. Бриан и к идеям тех, кто считает, что оценивать поступки великого завоевателя исходя из норм «обычной психологии» невозможно. Важное значение имеет и работа П. Бриана «Антигон Одноглазый. Начало его карьеры и проблемы македонского народного собрания» (1973), в которой детально исследуется один из важных этапов завоеваний Александра. П. Бриан доказывает, что считать поход Александра «триумфальным шествием» невозможно; он обращает внимание на сопротивление македонскому царю и восстанавливает события, связанные с попыткой персидского контрнаступления во время осады Александром Тира.

В работе П. Клоше «Распадение империи. Первые преемники Александра Великого» (1959) детально исследуется политическая история диадохов. Однако авторский подход остается чисто фактологическим: основными причинами успехов или неудач отдельных полководцев являются только их личные качества. По-иному подходит к этой проблеме П. Бриан, который в серии статей, посвященных Евмену, пытается выявить политические и социальные программы диадохов и влияние этих программ на политическую и военную борьбу.

Во многих работах эллинизация Востока рассматривается с точки зрения теории «благодетельного империализма» (Ж.-Р. Паланк «Античный империализм», 1960; Р. Коэн «Греция и эллинизация античного мира», 1948). Необходимо отметить также несколько общих очерков истории эллинистического мира (П. Левек «Эллинистический мир», 1969; П. Пти «Эллинистическая цивилизация», 1965). Отметим также статью П. Бриана «Заметки о лаой и сельских рабах в эллинистической Малой Азии» (1972), в которой он бесспорно доказывает, что распространенные в западном (в том числе и во французском) антиковедении представления о существовании в Малой Азии ахеменидского и эллинистического времени феодальных отношений совершенно необоснованы данными источников.

Среди отдельных исследований, посвященных более частным проблемам истории эллинистического мира, заслуживают внимания работа Э. Вилля «Политическая история эллинистического мира» (2 тома, 1966—1967) — наиболее полное фактологическое исследование; двухтомная работа М. Лонея «Исследования по эллинистическим армиям» (1949—1950); книги П. Левека о Пирре (1957) и А. Бернана об Александрии Египетской (1966); монография Д. Шлюмберже «Эллинизованный Восток» (1970), рассматривавшая историю искусства на Востоке после падения Ахеменидов. Истории Спарты в эллинистическое время посвящена книга Ж. Ж. Тексье «Набис» (1975), в которой доказывается, что и Агис, и Клеомен (в отличие от Набиса) не были социальными реформаторами, их единственной целью, с его точки зрения, было восстановление спартанской военной мощи и гегемонии.

В области изучения римской истории можно отметить самый широкий диапазон исследований. Трудно

назвать какие-либо более или менее крупные исторические проблемы, которые не были предметом анализа французских антиковедов. Большое внимание вызывают вопросы источниковедения (книга Ж. Каркопино) «Вергилий и начала Остии», 1968; работы М. Рамбо об источниковедческих проблемах в произведениях Цицерона, 1952, и Цезаря, 1966; исследование П. Педешем исторического метода Полибия, 1964; цицероновские этюды Рюша, 1970, и многие другие. Среди источниковедческих проблем все более важное место занимают анализ археологических материалов как исторических источников, разработка методики получения из них наибольшей исторической информации, исследование потенциала новых количественных, в том числе и математических, методов применительно к исторической науке.

В области раннеримской истории преобладающей тенденцией является рассмотрение истории древнейшего Рима, истоков римской цивилизации в широком италийском, шире — в средиземноморском и даже еще шире — в индоевропейском окружении. Это получило отражение в трудах целого ряда ученых, среди которых можно назвать, например, Ж. Дюмезиля, Ж. Эргона и Р. Блока. Один из крупнейших современных специалистов в области индоевропейской проблемы Ж. Дюмезиль развивает концепцию трехчастного социального деления общества, восходящего еще к периоду индоевропейской общности, пронизанности этой трехчастностью религиозных и мифологических представлений и видит эту трехчастность как в древнейшей социальной истории, так и в религии древних римлян («Архаическая римская религия», 1966, и другие работы). Ж. Эргон подчеркивает средиземноморские влияния на формирование римской и италийской цивилизации «Рим и Западное Средиземноморье до Пунических войн»). П. Эргону, так же как и Р. Блошу, принадлежат серьезные исследования различных проблем этрусской истории и культуры (П. Эргон «Повседневная жизнь этрусков», 1961; Р. Блок «Искусство и цивилизация этрусков», 1955; его же «Этрусская загадка» и др.).

Из других аспектов античной истории кроме вышеперечисленных привлекают внимание в последние десятилетия проблемы поздней римской истории, получившие большой резонанс в современной европейской исторической науке. В работах французских антиковедов от Сес-

тона («Диоклетиан и тетрархия», 1946) до П. Пти и Ремодона («Кризис Римской империи от Марка Аврелия до Анастасия», 1964) исследуется проблема перехода от античности к средневековью, подчеркиваются локальные особенности, постепенность совершающихся перемен и множественность причин, приведших к падению Римской империи. В этих работах акценты делаются на совокупность внешних и внутренних причин падения империи, анализируются социальные аспекты ее перерождения и в связи с этим уделяется значительно меньше внимания столь гипертрофированной прежде роли церкви в проблеме падения империи.

Одним из крупных направлений современного французского антиковедения является изучение кельтской цивилизации, разных ее сторон. Примечательным явлением в рамках этой ветви является появление все большего интереса к систематическому исследованию тех или иных районов или отдельных общин, начиная с первых следов человека до средневековья или конца римского господства (работы Клавель о районе Безье, 1970; Ж. Клебера об античном Провансе, 1966; П. Феврие о городском развитии Прованса от римского времени до конца XIV в., 1964; А. Одина о Лионе как галльском Риме, 1965, и др.).

Современное французское антиковедение — одно из мощных национальных направлений в современной науке об античности, занимающее ведущее место в мировой науке.

§ 4. Послевоенная итальянская историография античности

Демократический подъем, связанный с участием широких слоев итальянского общества в движении Сопротивления, и ликвидация фашистского режима оздоровили идейный климат. В Италии возросло влияние Коммунистической партии и получили более широкое распространение марксистско-ленинские взгляды, в частности среди интеллигенции. Создались возможности для научной и педагогической деятельности в университетах для коммунистов и других прогрессивных историков, в том числе и антиковедов.

Большой размах приобрели археологические изыскания. Характерной чертой итальянской археологии этого периода является не только широкий фронт работ по Ри-

му, Апеннинскому полуострову и прилегающим островам, но и активное применение новых методов исследования. Это радиокарбонный метод, важный для определения датировки древнейших предметов материальной культуры и практикуемый в специальных лабораториях, в первую очередь при Пизанском университете; химический анализ металлических изделий, остатков съестных припасов и т. п.; стратиграфический метод, выявляющий относительную хронологию культурных слоев; аэрофотосъемка, позволяющая обнаружить следы межевания полей, границ поселений и некрополей; подводное обследование берегов и морского дна, фотозондирование подкурганновых могил, введенное инженером Леричи для первоначального обследования и фотографирования этрусских захоронений; электромагнитный зондаж. Новым в археологии явился принцип исследования не отдельных памятников, а целых комплексов, например городов Цэре и Тарквиний (в Южной Этрурии), Остии, некрополей Спины, поселений и городов Лация и территории самого Рима, где раскопки возглавляются П. Романелли. Археологические работы обогатили и фонд эпиграфических памятников. Накопление источников, отказ от их гиперкритики стимулировали работу историков. Регулярнее стали собираться научные совещания — локальные симпозиумы, например по древней истории Ломбардии, Понтинского и Аврункского районов. округа Велейи и других, и конгрессы: в 1961 г., посвященные Великой Греции, в 1963 г. — Сицилии и т. д. Так же с 1963 г. созываются конгрессы Общества итальянских историков, где дебатируется общее направление развития науки и преподавания. На базе Института Римской истории при Римском университете регулярно продолжают собираться международные конгрессы, посвященные латинскому языку и литературе и их влиянию на современные языки и литературы, а также преподаванию указанных дисциплин. Результаты археологических раскопок, эпиграфических находок и исследований регулярно публикуются. Стали выходить новые (общеисторические и специальные) журналы: с 1950 г. — «Классическая археология», с 1953 г. — «Римские штудии», с 1958 г. — «Журнал классической и средневековой культуры», с 1959 г. — «Исторические исследования», издающийся Институтом А. Грамши. Вышли из печати три выпуска «Италийских надписей», включающие публика-

ции фаст и элогий, «Сборник латинских надписей эпохи Республики», подготовленный ведущим эпиграфистом А. Деграсси, а также сборники нелатинских и раннехристианских надписей Италии и Сицилии и многие другие. Вышло основное число томов 30-томной «Истории Италии», 19 из которых посвящены античности. Эта серия начала подготавливаться еще в довоенное время. В создании ее приняли участие ведущие ученые. Серия содержит труды по истории, праву, искусству римского мира, включая провинции, а XVI книга заключает в себе работу С. Мадзарино о современной историографии Рима. С 1968 г. издается 8-томная «История Италии», две первые книги которой охватывают историю первобытного времени и древности. Очень подробно рассматривается здесь эпоха империи, в частности государственный аппарат, ремесленные и жреческие коллегии. Заметным явлением итальянской историографии стала «История Рима и римского мира» в шести томах, выходивших на протяжении 1952—1961 гг. Автор названного труда Л. Парети — широко эрудированный историк, которому удалось охватить гражданскую и культурную историю Рима, Италии и провинций вплоть до правления императора Константина. Авторитетного ученого привлекли к созданию «Истории культурного и научного развития человечества», издаваемой ЮНЕСКО, в которой он руководил написанием 2-го тома.

Влияние прогрессивных идей сказалось как в общем подходе к историческому процессу, так и в оценке различных периодов античной историографии. Обращает на себя внимание стремление к постановке широких проблем на материале античной истории. Так, С. Мадзарино рассмотрел становление и развитие исторической мысли античного мира. Им охвачены все труды античных авторов, не только историков, но и философов и поэтов, выразивших отношение к историческому процессу и задачам исторического исследования в различные эпохи существования античного мира. С. Мадзарино освещает такие сложные и спорные проблемы, как греческая историческая мысль и Восток, влияние греческой философии на формирование античной историографии, зависимость исторической мысли от политической борьбы. Характерно выступление автора против модного в настоящее время экзистенциалистского тезиса об аисторизме греческого мышления и приоритете библейско-христианского исто-

ризма. Он ставит задачу определить социальные отношения, которые направляют ход всей исторической мысли классической эпохи в целом.

Успехи в разработке отдельных проблем античной истории зависят от уровня источниковедческих исследований, и прежде всего от отношения к античной традиции. Итальянское источниковедение, пройдя через периоды частичного или полного скептицизма, пришло к признанию за античной традицией достоверности в отношении политической, военной и культурной истории. Своей реабилитацией традиция обязана не только подтверждающим ее свидетельствам археологии, эпиграфики и т. п., но и новому подходу к источниковедческим проблемам. Применительно к литературным источникам этот подход характеризуется стремлением рассматривать их не как набор сведений, заимствованных у предшественников, а как явление идеологической и политической борьбы своего времени. Задачей историка становится не столько выделение ошибок или фальсификаций в исторических источниках, сколько объяснение их причин. Именно такой подход характерен для работ Э. Габбы о Дионисии Галикарнасском (1968) и Аппиане (1957) и А. Момильяно о Тимее и Фабии Пикторе (1966), М. Павана о Диодоре Сицилийском.

Бурное развитие археологических раскопок в разных частях Средиземноморья привело к значительному пополнению памятников искусства и сделало невозможным пользование прежними искусствоведческими исследованиями. Обобщение всего огромного материала и рассмотрение его с прогрессивных материалистических позиций взял на себя ученый-коммунист, профессор и член Академии Линчеи Р. Бьянки-Бандинелли (1900—1975), основатель журнала «Критика искусства», написавший ряд монографий по римскому и этрусскому искусству и создавший в сотрудничестве с многими учеными монументальную «Энциклопедию древнего искусства, классического и восточного» в семи томах.

Определенные сдвиги, происшедшие в итальянской историографии, выразились, в частности, в повороте ее интересов к древнейшему прошлому различных регионов Средиземноморья. Видное место занимают микенологические исследования. В работе итальянской исследовательницы Л. Стелла «Микенское общество в современных ему документах» (1965) прослеживается социальный

аспект микенской культуры и выясняются ее внешние связи.

Особый интерес итальянские историки проявляют к проблеме контактов Италии и Сицилии с минойско-микенским миром. Многочисленные находки микенской керамики в разных пунктах побережья Тарентийского залива, в Сицилии, на Липарских островах и даже в Этрурии позволили отказаться от мнения, приписывавшего решающую роль в развитии Италии вторжениям с севера, и понять значение древнейшего колонизационного движения, исходившего из эгейских центров. Осмысление всех данных о микенском влиянии дает исследование ветерана итальянского антиковедения Дж. Пульезе-Каррателли (1962). Согласно его трактовке, в XVI в. до н. э. Адриатическое побережье Италии и берега Сицилии приняли первый поток микенских колонистов. «Одиссея» отражает первое знакомство греков с Западом. Метрополией микенских колоний Запада могло быть известное Гомеру Пилосское царство Нестора, занимавшее наиболее выгодное положение на путях в Италию. Найденные в Пилосе таблички упоминают «дем Метапа», в котором исследователь видит Метапонт. Эти же таблички регистрируют поступление в Пилос металлов с Эльбы. На торговле металлом, видимо, и выросли микенские колонии в Италии.

Для понимания археологического контекста минойско-микенского проникновения на Запад наибольшее значение имеют раскопки Л. Бернабо Бреа на Эолийских островах, выявившие соответствие неолита, энеолита и бронзового века Италии и Сицилии с прилегающими к ней островами стадиям элладской культуры (1973).

Интерес современной итальянской науки к великой греческой колонизации обусловлен тем значением, которое она имела для социально-экономического и политического развития местного населения Италии и соседних с ней островов.

Со времен В. Паче и Э. Чачери, имевших в центре внимания город как колонизационный центр и его архитектуру, появились новые археологические данные, позволяющие рассмотреть такие проблемы, как соотношение города с окружающей его сельской территорией, взаимоотношения местного и греческого населения, связь между греческими колониями Сицилии и Великой Греции и ряд других. Особое значение имело изучение раз-

межевания хоры греческих колоний, начавшееся с аэрофотосъемки Метапонта и Кавлонии. Здесь итальянские ученые имели своим образцом работы советских исследователей — В. Д. Блаватского, С. Ф. Стрежелецкого и др.

Традиционным является интерес итальянской науки к истории Греции IV в. до н. э. и эллинизма. Этой темы касается М. Фортина, профессор из Турина, которого занимает прежде всего политическая история; его интересует проблема роли личности в античности вообще, традиционная для Италии. Изложение материала ведется хронологически, источники собраны полно и анализируются тщательно; особое значение придается детским годам, семейному окружению, воспитанию героя. В 1958 г. Фортина издает книгу «Эпаминонд». Там отмечается, что личный талант и указанные обстоятельства выковали из Эпаминонда человека интеллектуального и морального величия. Он первенствовал среди греков своего времени, и это сыграло огромную роль в превращении Фив в сильный государственный организм. Сила государства — в активной внешней политике. Без таких, как Эпаминонд и Пелопид, Фивы успешно развиваться не могли, а потому после Мантинеи быстро пали. В 1965 г. выходит «Кассандр — царь Македонии». Автор считает, что на Кассандре сказались враждебные отношения с семьей македонских царей, и это в значительной мере определило его действия. Фортина признает, что в методах и принципах Кассандр не отличался от других диадохов. Но автор не доводит читателя до мысли об объективной закономерности появления такого рода деятелей. Неудача Кассандра в том, что ему не удалось утвердиться на Балканах, однако полностью отрицательной характеристики Кассандр не заслуживает, поскольку не лишен ценных качеств — образованности, вкуса к художественному творчеству, к элоквенции.

Устройство Греции времен римского владычества рассмотрено в монографии С. Аккаме (1946), где на основании всего имевшегося в его распоряжении эпиграфического материала прослеживается и объясняется эволюция римского управления, покоившаяся на системе союзов с греческими городами и общинами. Опираясь на литературные и эпиграфические источники, Дж. Джанелли рассмотрел историю отношений эллинистических государств с Римской республикой (1959).

Раскопки в Сицилии и Сардинии сделали реальной проблему финикийского и пунийского влияния, долгое время служившего предметом гиперкритических нападок западноевропейских, прежде всего немецких, ученых. Новые итальянские раскопки Мотии (с 1964 г.) выявили настоящий финикийский город с домами и святилищем классического для финикийцев типа. Подтвердились сведения античной литературной традиции о ранней финикийской колонизации Сицилии. Раскопки в Сардинии обнаружили ряд финикийских центров, находящихся во внутренней части острова. Все эти данные явились историческим контекстом, в который прекрасно вписались сведения о союзе между карфагенянами и этрусками и их борьбе против растущего греческого присутствия.

Многие стороны жизни доримской и римской Италии предстали в новом свете благодаря успехам итальянской этрускологии. Проблема происхождения этрусков — предмет многолетних исследований М. Паллотино (род. 1909). В отличие от П. Дукати, пытавшегося опереться на весь археологический и лингвистический материал для доказательства восточного происхождения этрусков, и Л. Парети, формально примыкавшего к европейско-ретийской теории, М. Паллотино говорит о формировании этрусского народа на местной почве. Решающим аргументом для него служит существование в одних и тех же городах и некрополях примитивных элементов культуры Вилланова и памятников развитой этрусской культуры. Паллотино является ведущим этрускологом. Он руководит археологическими раскопками и занимается интерпретацией этрусского языка. Кроме большого числа публикаций археологических и эпиграфических памятников и исследовательских статей он издал сборник этрусских надписей и сохранившихся у античных авторов переводов этрусских слов, озаглавленный «Свидетельства этрусского языка», и книгу «Этрускология», выдержавшую пять изданий. В ней высказаны серьезные соображения о средиземноморском происхождении этрусков. Критически разобраны все теории происхождения и языковой принадлежности этрусков и сформулировано положение о сложности этрусского этногенеза на почве Италии. Паллотино дал подробный обзор всех основных этрусских городов: Тосканы, Кампании и Северной Этрурии, — известных по раскопкам, эпиграфике и античной традиции, а также очерки политической и социаль-

ной организации этрусков, их религии, литературы, искусства и архитектуры. В качестве важного аспекта культуры наряду с погребальными обычаями и празднествами исследуются экономика и военная техника, в чем сказывается позитивистская позиция автора. Важную часть книги составляют краткая грамматика и словарь этрусского языка. Эти труды Паллотино представляют собой отправную точку этрускологических исследований; он изучает этрусков на широком фоне древнейшего населения Италии и формулирует проблему италиков. На базе достижений археологии, учитывая топографию языков в Италии середины I тыс. до н. э., ученый говорит о многократных колонизационного типа внедрениях носителей италийских языков на Апеннинский полуостров преимущественно не с севера, а с востока морским путем и о распространении их по Италии в направлениях к западу и к северу. Большой вклад носит Паллотино и в изучение истории Древнего Рима, выясняя спорные вопросы хронологии, формирования древнейшей цивилизации и роль в этом процессе этрусков.

Широко занимаются итальянские историки проблемами этрусской колонизации Италии. Исследования в этом направлении были стимулированы раскопками в Северной Италии и Кампании. Проблеме этрусской колонизации посвящены материалы первого конгресса этрусских изысканий (1959), а также монографическое исследование Н. Альфьери «Спина» (1958). Следы этрусков в Помпеях выявил А. Майюри (1954).

Позитивный вклад в изучение этрусского города как социального феномена внесли итальянские исследователи, занимающиеся проблемами этрусской урбанистики. Материал им дают возобновившиеся раскопки Марцаботто и раскопки крупного центра Рузелл.

Новейшие археологические открытия привлекли внимание к вопросу о времени возникновения Рима. Итальянские историки и археологи единодушно подтвердили традиционные представления об основании города, показали несостоятельность исторических позиций и ошибочность интерпретации археологического материала шведским ученым Геерстедом.

Другая важная тема исследований — это состав древнеримской общины и взаимоотношения патрициев и плебеев. Обстоятельнейшим образом она рассмотрена в четырехтомном труде Ф. Де Мартино «История римской

конституции» (1958—1962). В отличие от своих предшественников Де Мартино, занимаясь историей римских государственных учреждений, стремился выяснить их социальную основу. Он убежденный противник схематического подхода к проблеме возникновения государства. Де Мартино не ставит знака равенства, как это делают многие зарубежные исследователи, между семьей и родом, усматривая в последнем политическое объединение семей, представляющих собой самостоятельные хозяйственные единицы. Разложению рода способствовало появление клиентов — чужеземных торговцев и ремесленников, привлеченных экономическим процветанием Рима. Как известно, античные авторы часто отождествляли плебеев и клиентов, но в новое время клиентелу стали резко противопоставлять плебсу. На такой точке зрения стоит и де Мартино, считающий, что клиенты входили в большие семьи; плебс же образовался из свободного притока чужеземцев в уже сформировавшуюся римскую общину, ничем не отличаясь от афинских метеков. Интересы плебеев и клиентов, как полагает автор, были прямо противоположны. В то время как городское сословие — плебеи — боролись с патрициями за политическую свободу, клиенты держали сторону патрициев и оказывали им поддержку. Такому взгляду, однако, противоречат сельские интересы плебеев, боровшихся за землю, и почитание плебеями божеств земли. Наиболее сложен из-за отсутствия источников вопрос о связях клиентов и патрициев на почве аграрных отношений. Де Мартино, рассматривая клиентов как трудовой элемент римского рода, полагает, что сферой эксплуатации клиентов было не землепашество, а скотоводство.

Заметное место в итальянской историографии занимают проблемы экономики. Прогрессивный профессор, член Академии, отстранявшийся от преподавания в период фашизма, Дж. Луццатто (1878—1964) издал в 1949 г. I том «Экономической истории Италии», включающий в себя эпоху древности и средних веков и содержащий большой фактический материал по сельскому хозяйству, ремеслу и торговле в разных районах Италии. Развитие техники и организация производства, а также положение разных категорий трудящихся, прежде всего рабов, в римском мире составляют предмет исследований Ф. де Робертиса (1969). Изучению экономиче-

ских связей Рима с подвластными ему областями посвящена работа Л. Руджини (1968).

Большой интерес итальянских исследователей вызывает проблема аграрных отношений в Римской республике и проблема аграрной борьбы. Аграрному законодательству эпохи республики посвящена монография профессора университета Павии Дж. Тибилетти (род. 1924) «Развитие латифундии в Италии с эпохи Гракхов». Продолжая в другой работе свои изыскания в области аграрных отношений, автор выбирает эпоху социального кризиса II—I вв. до н. э. Он считает, что борьба против латифундий была не прямой целью, а лишь средством возрождения древнего крестьянства, для Мария же, Суллы, Цезаря и Октавиана — источником вознаграждения ветеранов и сторонников. Для этого периода уверенно можно говорить о широком распространении латифундий, основанных на эксплуатации рабского труда.

Для послевоенной зарубежной науки в целом характерен интерес к истории рабства, которое и на Западе все большим числом ученых рассматривается теперь как явление, органически присущее античному миру. В связи с этим придается большое значение и рабским восстаниям. Итальянская исследовательница М. Капоцца признает реальность рабских восстаний уже с древнейшей эпохи. Сохраненные античной традицией эпизоды выступлений рабов М. Капоцца подразделяет по двум периодам: 1) восстания V в. до н. э.; 2) восстания III—II вв. до н. э. Первые рассматриваются лишь как результат возмущения рабов особенно тяжелым положением или использования недовольства рабов внешними врагами, враждующими политическими группировками. Вторые связываются с социально-экономическими сдвигами эпохи завоеваний.

Несмотря на внимание итальянских историков к социальным проблемам и экономике, большинство их не доходят до понимания определяющего значения социально-экономического фактора в развитии общества. Исключение составляют Ф. де Мартино и М. Капоцца, а также крупный специалист по аграрной истории, видный общественный деятель Э. Серени (род. 1907). Он коммунист, подвергался жестоким репрессиям в период фашистского господства, активный участник антифашистской борьбы. В 1946—1947 гг. Серени входил в качестве министра в состав правительства, с 1948 г. стал сенатором

республики. С 1946 г. он вошел в состав ЦК и руководства Итальянской коммунистической партии, в 1950 г. был избран в члены Всемирного Совета Мира. В 1966 г. Серени возглавил теоретический журнал «Марксистская критика», являющийся органом ИКП. Э. Серени занимается острой для итальянцев аграрной проблемой Италии с древности до новейшего времени. В своих работах, особенно в фундаментальном труде «Сельская община древней Италии» (1955), он на основе анализа эпиграфического материала и античной традиции прослеживает смену родовых общин сельскими, территориальными, которая произошла под влиянием производственных сдвигов в районе древней Лигурии, а также функционирование сельских общин в рамках Римского государства. В соответствии с марксистской методологией Серени видит связь этих общин с формами собственности на землю.

Не потеряла своей актуальности проблема принципата Августа, определения сущности политических порядков, созданных при Августе. В свое время Г. Ферреро примкнул к взгляду Эд. Мейера, объяснявшего принципат Августа на основе идеологии, сформулированной в трактате Цицерона «О государстве» и самим Августом в политическом завещании как своего рода республиканский режим. В 30-х годах появилась работа Премерштейна, объяснявшего власть Августа теми отношениями между клиентом и патроном, которые издавна сложились в римском обществе. Автор исходил из предположения, что Август управлял государством на законных основаниях и пользовался не высшей властью, а данной ему законом. П. де Франчиши в своих работах углубил эту идею. Впрочем, развитие проблемы принципата Августа показывает борьбу различных направлений. Часть историков выступают против «республиканской» интерпретации принципата Августа. В 1956 г. Витуччи напомнил, что постоянное функционирование городской префектуры было возобновлено Августом. В исследованиях поздней Римской империи итальянские ученые стремятся конкретизировать исторические процессы применительно к разным провинциям и эпохам. А. Кальдерини, Р. Парибени и ряд других исследователей показывают разные аспекты кризиса Римской империи в области экономики, социальных отношений, идеологии, рассматривая их как явления одного порядка.

Изменения в социальной структуре и идеологической сфере позднего Рима представлены в итальянской историографии как длительная эволюция. Современные исследователи, придерживающиеся идеалистического мировоззрения, остались в вопросе о переходе от античности к средневековью на позициях континуитета. Корректив в эти представления вносит С. Мадзарино (1959; 1963). Он обращает специальное внимание на социальный аспект развития империи IV—V вв., в частности выявляет в источниках материалы о мелких земельных собственниках и определяет их место в классовой структуре позднеримского общества. Он обнаруживает в них тенденцию к социальной революции, которая черпала свои лозунги в христианской фразеологии, но не была поддержана церковью. Характеризуя революционные выступления IV в., автор подчеркивает отсутствие у восставших четких идеологических принципов, ясности целей и настойчивости в их осуществлении. Акцентирование роли классовой борьбы обогащает представление о картине позднего Рима.

§ 5. Изучение античности в Федеративной Республике Германии

Итогом второй мировой войны был полный военный разгром гитлеровской Германии, а вместе с тем крах нацизма как политического направления и доктрины.

Развитие немецкой буржуазной историографии в послевоенной Западной Германии, а затем в ФРГ характеризовалось стремлениями возродить традиционные научные направления, уничтоженные или заглохшие во времена нацизма.

Общее оживление экономической, социальной и культурной жизни сопровождалось возрождением университетского преподавания и научных исследований в области всеобщей, в частности и античной, истории. Возрождаются или возникают заново крупные антиковедные центры при западногерманских университетах в Бонне, Гейдельберге, Геттингене, Мюнхене, Тюбингене, а также при Баварской, Гейдельбергской, Геттингенской Академиях наук и при вновь открытой в 1949 г. в Майнце Академии наук и литературы. Возобновляется издание традиционного ведущего органа немецкой буржуазной

историографии — «Исторического журнала», журналов, издавна специализировавшихся по классической филологии, — «Рейнский музей филологии», «Филолог», «Гермес», — а также журнала критических обзоров и аннотаций по антиковедению «Гномон». К ним добавляется новый специально посвященный проблемам древней истории журнал «История» (с 1950 г.).

В специальной исследовательской и научно-популярной литературе ФРГ причудливо переплетаются самые различные направления. Наряду с отголосками старой, нацистской историографии, представители которой, найдя приют в ФРГ, не собираются сдавать свои позиции, набирают силу академические штудии, отталкивающиеся от разнообразных философских посылок идеализма, иррационализма или позитивизма, но характеризующиеся высоким техническим уровнем и глубиной затрагиваемых конкретных проблем. Наряду с продолжающимся и углубляющимся кризисом буржуазного историзма, не способного дать убедительное истолкование проблем античной истории, возникают под воздействием прогрессивных идеологических течений, в частности и марксизма, более жизнеспособные научные направления, концентрирующие внимание на исследовании социально-экономической структуры античных обществ и проблем взаимодействия и видоизменения древних цивилизаций.

Обращаясь к более конкретной характеристике отдельных направлений, начнем с того, которое можно определить как отголосок нацистской историографии. Это направление и поныне сохраняет устойчивые позиции в антиковедении ФРГ и проявляется в работах уже упомянутых выше Э. Корнеманна, Г. Берве, М. Гельцера.

Эрнст Корнеман умер в 1946 г. В 1948 г. было опубликовано его итоговое произведение «Всемирная история Средиземноморья от Филиппа II Македонского до Мухаммеда» (т. I—II). Корнеманн рассматривает историю античного Средиземноморья как первый этап в формировании того культурно-исторического единства, которое обозначается понятием «Европа». Само же это понятие автор определяет исходя из историко-философских установок О. Шпенглера. Европа — это некое геополитическое целое, складывавшееся на протяжении примерно 1500 лет. Первоначально, в античную эпоху, пределы Европы ограничивались средиземноморской зоной, за-

тем, в период поздней античности, в европейский круг включается Дунайская зона, а с IX в. н. э. — и самая северная, Балтийская. Носителями европейской цивилизации были отнюдь не все вообще народы, населявшие Европейский материк, а лишь «ведущие» народы индогерманской расы: сначала греки и иранцы, затем римляне и, наконец, германцы. В отличие от некоторых других европоцентристов Корнеманн включает иранцев в круг «творческих» европейских народов, но отказывает в праве быть активными европейцами славянам.

Решающими факторами истории оказываются у Корнеманна не объективные законы общественного развития, а «творческий дух» избранных народов и провиденциальная миссия их вождей. Надо подчеркнуть особое значение европейской концепции Корнеманна в условиях послевоенного времени. Когда Корнеманн выпячивает культурно-историческое своеобразие Западной Европы, когда он объявляет греков, римлян, иранцев и германцев преимущественными носителями идеи Европы, а самую эту идею — ведущей чертой западной цивилизации вплоть до наших дней, когда, наконец, в крушении третьего германского рейха он видит угрозу существованию европейского мира, а единственным средством спасения этого мира провозглашает создание замкнутого европейского сообщества типа Соединенных Штатов Европы, во всем этом находит выход реакционная, по существу, антисоветская подоплека общеисторических построений маститого немецкого антиковеда.

После войны в Западной Германии дважды (в 1949 и 1966 гг.) издавалось собрание принципиальных докладов Г. Берве под многозначительным заглавием «Формирующие силы античности».

Самым главным результатом творческих усилий античности Берве считает — в точности, как Корнеманн — выработку и воплощение идеи Европы. Берве утверждает исконную противоположность Запада и Востока, Европы и Азии. Европейское самосознание греков окончательно сложилось в IV в. до н. э., но тогда же, с завоеванием Азиатского Востока, они вошли в опасное для западных народов соприкосновение с восточными культурами, утратили чистоту европейского духа, вследствие чего носителями идеи Европы в дальнейшем выступили римляне. Борьбу Рима с Карфагеном и Понтийским царством Митридата Берве изображает как борьбу с во-

сточной опасностью, восточные походы Помпея и Цезаря объясняет свойственным римским полководцам «чувством ответственности за судьбы Европы», а в Августе, который победой над Антонием и консервативной гражданской политикой предупредил якобы угрожавшее Риму вырождение в восточном духе, он видит непревзойденного строителя основ западного мира.

Вошедшие в сборник «Формирующие силы античности» статьи Берве носят скорее публицистический, чем исследовательский характер; их тенденциозная политическая направленность очевидна. Некоторое научное значение имеют специальные просопографические штудии Берве, сосредоточенные на его излюбленной теме — авторитарном выступлении сверхличности в истории. Если в начале своего научного пути Берве рассматривал эту тему на примере македонского царя Александра, то теперь, под впечатлением судьбы гитлеровского режима, объектом особенного изучения он избрал греческую тиранию. Этому сюжету посвящены отдельные этюды Берве о сицилийских Дейноменидах, о Дионе, Агафокле, Гиероне II и, наконец, большой сводный труд «Тирания у греков» (т. I—II, 1967). Сосредоточение внимания исключительно на личности, практически почти полное игнорирование социально-экономических условий и закономерностей исторического развития в ту или иную эпоху лишают книгу Берве теоретического значения.

Сказанное о Берве приложимо и к другому столпу буржуазной просопографии — М. Гельцеру. В послевоенный период он помимо очередных переизданий книги о Цезаре (последнее, 6-е издание вышло в 1960 г.) подготовил и опубликовал итоговый труд о Помпее (1949) и две монографии о Цицероне (1968; 1969). Все они отмечены исключительным вниманием к личности и игнорированием социальной обусловленности ее творчества.

В противовес обанкротившемуся нацистскому направлению в послевоенное время в немецкой буржуазной историографии вновь ширятся исследования традиционного академического типа, стремившиеся продолжить линии буржуазного историзма. Показательно, что оба новых общих обзора по греческой и римской истории, изданные в рамках «Руководства по науке о древности», принадлежали перу Г. Бенгтсона, ученого, который не был близок фашизму («Греческая история», 1950).

Историческая концепция автора исходит из пред-

ставления о саморазвитии государственных форм, вне связи с изменениями социально-экономических условий и развитием классовой борьбы. Для позиции Бенгтсона характерна идеализация монархической формы, а вместе с тем и ее идеологов и создателей — Исократа, Филиппа и Александра. В государстве Александра Бенгтсон видит абсолютную монархию, прообраз будущих западных монархий, а венцом развития античной государственности он считает римское единодержавие.

Невнимание к характеру экономического развития, игнорирование классовой борьбы, односторонний упор — в традициях немецкой государственно- и правоведческой школы — на саморазвитии политических форм, более или менее завуалированная антипатия к демократии и откровенная идеализация монархии, наконец, тенденциозный националистический и политический отбор литературы — все это надо рассматривать как проявление укоренившихся в немецкой буржуазной историографии реакционных тенденций, восходящих через полосу нацизма к временам классического германского антиковедения XIX в., развивавшегося в русле пангерманских и монархических настроений.

В том же духе, что и «Греческая история», составлено и другое пособие Бенгтсона — «Очерк римской истории вместе с источниковедением» (1967). Изложение здесь доведено лишь до времени Диоклетиана (до 284 г.); продолжение — специальный том по истории Поздней Римской империи — подготавливается другим западногерманским историком — К. Штроекером.

Стремление дать новую интерпретацию античной истории нашло свое выражение и в коллективных трудах, в частности в соответствующих разделах таких больших изданий по всеобщей истории, как 10-томная «Historia Mundi», издававшаяся в Берне с 1953 г., и 35-томная «Всемирная история», публиковавшаяся издательством Фишера во Франкфурте на-Майне с 1965 г. Авторские коллективы в каждом из этих изданий включают ученых разных стран, однако доля немецких ученых весьма значительна; им же принадлежит инициатива и общая редакция издания.

Разделы по древней истории в обоих пособиях не лишены известной ценности: они содержат связное изложение основных фактов древней истории, учитывают результаты новейших открытий и преподносят материал

в доступной для широкого читателя форме. Вместе с тем им присущ обычный недостаток такого рода пособий — неравномерность изложения и неравноценность отдельных частей в научном отношении.

Но главным пороком обоих изданий оказалась неспособность их авторов дать убедительную общую концепцию античности с позиций традиционной буржуазной науки, игнорирующей своеобразие социально-экономического развития древности, недооценивающей или вовсе не признающей особенной роли рабства и значения классовой борьбы. Научная несостоятельность этого направления в какой-то момент стала ощущаться и частью самих буржуазных ученых, и не без влияния передовых, марксистских концепций были предприняты попытки вдохнуть новую жизнь в обветшавшие теории.

С начала 50-х годов группа западногерманских антиковедов во главе с тюбингенским профессором Иозефом Фогтом обратилась к разработке темы рабства. Побудительным стимулом к этому явились, как признавал сам Фогт, достижения советской исторической науки, много уже успевшей сделать в плане изучения этой кардинальной для античности темы. Отчасти в целях восполнения обнаружившихся пробелов по теме рабства в западной историографии, а еще больше из стремления дать бой марксизму, так сказать, в его же собственном доме и таким образом опровергнуть основные построения марксистской историографии Фогт и его сотрудники выпустили целую серию работ по рабству. Всего к середине 70-х годов был опубликовано свыше полутора десятка специальных исследований, в том числе несколько работ самого Фогта, а также систематическая «Библиография по античному рабству», насчитывающая свыше 1700 номеров.

Работы семинара Фогта неодинаковы по своему характеру и направлению: одни, как, например, штудии самого Фогта, носят характер теоретических или историографических очерков, другие — таких большинство — являются монографиями аналитического плана; одни имеют в виду исследование конкретной темы, другие ориентированы прежде всего на полемику с марксистской историографией.

Из работ, носящих аналитический характер, можно отметить монографию Гизелы Микнат «Исследования о плене и рабстве в греческой истории» (1954), где деталь-

но рассмотрен вопрос о рабстве военнопленных по данным гомеровского эпоса; работу Г. Шантрена «Вольноотпущенники и рабы на службе римских императоров» (1967), где собран и систематизирован богатый материал, преимущественно эпиграфический, иллюстрирующий различные категории зависимых служителей в императорской администрации до середины III в.

Примерами работ, посвященных изучению отдельных вопросов античного рабства, но подчиненных тенденциозной установке непременного опровержения основных марксистских положений, могут служить монографии Зигфрида Лауффера «Рабы лаврийских рудников» (т. I—II, 1955—1956) и Франца Кихле «Рабский труд и технический прогресс в Римской империи» (1969). В первой в идеализированном виде представлены условия труда афинских рабов в рудниках Лаврия, опровергается вполне обоснованное представление о жестокой эксплуатации рабов в древности. Лауффер всерьез доказывает, что у рабов в экономическом отношении были даже преимущества перед свободными рабочими, ибо им были гарантированы занятость и материальное обеспечение. По-своему борется с марксизмом и Ф. Кихле. Тенденциозно подбирая материал, иллюстрирующий известный технический прогресс в римском ремесле в последний век республики и в первые два века империи, т. е. в эпоху продолжающегося господства рабства, он делает вывод о несостоятельности марксистского тезиса о том, что рабство было главным тормозом технического прогресса в древности. Он обходит вопросы о характере и пределах этого прогресса, затрагивавшего лишь избранные отрасли производства (например, строительное дело), да и здесь не устранившего совершенно ручной труд и соответствующую примитивную технологию.

Однако следует отметить, что изданная в ФРГ серия работ об античном рабстве, как и осуществленный по инициативе все того же Фогта перевод на немецкий язык некоторых советских исследований на эту же тему (например, работ Е. М. Штаерман), показывает известную переориентацию буржуазного академического антиковедения под воздействием современных передовых научных направлений.

Менее оригинальными выглядят штудии западногерманских ученых по отдельным периодам античной истории. Здесь, как правило, можно наблюдать идейные ре-

цидивы прошлого, смягченные или переработанные в духе нового времени. Показательна книга Фридриха Матца «Крит, Микены, Троя» (1957), посвященная общей характеристике эгейской цивилизации. Матц широко использует результаты дешифровки линейного письма Б, привлекает данные критского, микенского и пилосского архивов об использовании рабов в дворцовом хозяйстве. В его изображении отчетливо выступают черты сходства социально-экономического и политического строя древнейшего Крита и Микенской Греции с общественными установлениями древневосточных центров. Автор, однако, допускает употребление терминов и выражений, модернизирующих древние отношения и создающих впечатление, что на Крите, например, существовало государство феодально-абсолютистского типа.

В работах, посвященных истории классической Греции, по-прежнему доминирует интерес к знатной элите и ее выдающимся представителям. Так, Ганс Шефер видит в родовой знати главного носителя национального самосознания греков и всю политическую жизнь Афин времени ранней классики, начиная с Клисфена, объясняет соперничеством и борьбой за власть знатных родов и знатных лидеров («Проблемы греческой национальности», 1955, и др.).

Со своей стороны, Ф. Кихле доказывает, что вся жизнь Афин после отражения персов в 479 г. до н. э., в частности и строительство морской державы, направлялась согласием ведущих аристократических родов. Афинский демос, с его собственными социальными и политическими интересами, играет в построении Кихле сугубо подчиненную роль («Политика Афин после отражения персов», 1967).

Традиционным остается также интерес к выдающимся, «творческим личностям» времени поздней классики и раннего эллинизма. Карл-Фридрих Штроекер посвятил серьезную монографию сиракузскому тирану Дионисию Старшему (1958), в котором он видит представителя позднеклассической, предэллинистической монархии. Однако в его работе личность и свершения Дионисия заслоняют для автора несравненно более широкий исторический объект — развитие самого сиракузского общества и государства.

Равным образом и у Ф. Альтгейма в книге «Александр и Азия» (1953) гениальная сверхличность грозит совер-

шенно заслонить исторический горизонт. По-прежнему, исходя из шпенглеровской концепции особенных культурно-исторических циклов, чье развитие определяется действием иррациональных сил, носителями которых выступают «творческие сверхличности», Альтгейм выделяет в историческом развитии древних народов две культуры — азиатскую и античную — и их формирование связывает с выступлением двух провиденциальных фигур — Заратустры и Александра.

Особенно заметно продолжающееся воздействие идей нацистской историографии в работах западногерманских ученых по истории Рима. Здесь же мы сталкиваемся с наиболее яростными попытками опровержения марксизма, примерами чему могут служить выступления А. Хейса и М. Гельцера. Первый в статье «Закат Римской республики и проблема революции» (1956) пытается доказать неприменимость к античности марксистского тезиса об определяющей роли классовой борьбы на том основании, что ни одна из социальных групп, участвовавших в гражданских войнах, за исключением разве что италиков во время союзнической войны, якобы не имела собственной программы.

М. Гельцер, в свою очередь, в рецензии (в журнале «Гномон» за 1955 г.) на труд советского историка Н. А. Машкина о принципате Августа выступает против трактовки марксистской историографией принципата как особой формы рабовладельческой диктатуры. Основанием при этом опять-таки служит ссылка на то, что никакой борьбы рабов с рабовладельцами древность не знала, а великие восстания II—I вв. до н. э. объяснялись свободолюбием обращенных в неволю варваров; они не угрожали сложившейся системе отношений, а следовательно, и не могли быть даже косвенной причиной установления императорской власти.

Отрицая объективный характер политических перемен в Риме, их обусловленность социально-экономическим развитием и классовой борьбой, немецкая буржуазная историография по-прежнему уделяет повышенное внимание исторической роли и свершениям отдельных выдающихся политиков. Ведется схоластический спор о том, в какой именно степени Юлий Цезарь был великим человеком: был ли он лишь гениальным честолюбцем, стремившимся только к личному могуществу (точка зрения Г. Штрасбургера), или же и замечательным рефор-

ватором, создателем нового порядка (мнение М. Гельцера). Равным образом и в политической истории Поздней Римской империи внимание исследователей привлекает прежде всего творческий вклад императоров-реформаторов — Константина и Юстиниана. Характерна в этом отношении монография И. Фогта «Константин Великий и его век» (1949). Внимание Фогта сосредоточено на личности Константина, которого он, безмерно идеализируя, представляет как проводника «последовательно христианской политики», как императора-спасителя, наметившего новые пути для развития Римского государства.

Общие черты современной западногерманской историографии хорошо проступают в подходе к двум кардинальным темам античной истории, тесно связанным друг с другом, — темам классовой борьбы и падения античности. Выше уже отмечалось отрицательное отношение Хейса и Гельцера к марксистскому положению о классовой борьбе как ведущем факторе исторического развития. Это отношение характерно для большинства современных буржуазных антиковедов. В одних случаях ставится под сомнение самая возможность принципиальных классовых выступлений эксплуатируемых масс. При этом ссылаются на отсутствие у рабов ярко выраженного классового сознания или на их общее, якобы достаточно удовлетворительное положение, в силу чего восстания вспыхивали лишь по случайным причинам и не могли угрожать существующей социально-политической системе (эта точка зрения отражена не только в полемических статьях Хейса и Гельцера, но и в специальных штудиях Фогта и Лауффера). В других случаях самый факт классовой борьбы признается, но отрицается ее значение, возможность воздействия выступлений эксплуатируемых масс на ход исторического развития. При этом опять-таки ссылаются на неспособность рабов к историческому творчеству (Фогт) или же соглашаются допустить лишь косвенное воздействие рабских восстаний в плане развития в античном обществе филантропических настроений (Лауффер).

Соответственно и заключительная проблема древней истории — проблема падения античности и перехода к средневековью — решается, как правило, без учета той роли, которую сыграли здесь классовая борьба, выступления рабов, колонов и других эксплуатируемых и зави-

симых слоев римского населения. Решающее значение придается не глубинным переменам в социально-экономическом строе общества и обусловленным этими переменами сдвигам в социальной и политической жизни, а внешним, случайным факторам. Так именно трактуется эта проблема в книге Ф. Альтгейма «Упадок древнего мира» (т. I—II, 1953). Автор рисует широкое полотно исторической жизни в III в. н. э., который он по справедливости считает переломным в истории древнего мира. Он старается показать во взаимодействии судьбы всех народов древнего мира от Геракловых столбов до Желтого моря. Однако решающим фактором, определившим судьбу всех этих народов — и Римской империи, и Ирана, и Китая, — он считает переселение «молодых народов», кочевников и даже более конкретно—их особенный вид вооружения и тактики, то, что они обладали массовой боеспособной конницей, которой не было у древних оседлых народов. Этим Альтгейм объясняет все: и поражения римлян на границах, и внутренний кризис Римского государства, который был вызван, по его мнению, перенапряжением сил, и даже установление домината как такой «системы принудительного государства», которая лучше всего обеспечивала тотальную мобилизацию всех сил и ресурсов для отпора внешнему врагу.

Более традиционной по своему плану является книга И. Фогта «Упадок Рима» (1967), написанная для издающейся на английском языке серии «История цивилизации» и посвященная в основном культурному развитию западной части Римской империи. Автор уделяет большое внимание анализу симптомов и причин упадка античной цивилизации. В ряду этих причин он видит и такие важные явления социально-экономического порядка, как сокращение числа рабов, развитие колонатных отношений и сужение внутреннего рынка. Однако для него не существует понятия социально-экономической формации, и главную причину заката античной цивилизации он видит не в кризисе рабовладельческого строя, а в общем упадке культуры, трактуемом в духе шпенглеровских идей. Фогта в особенности интересует проблема смены культуры, и эту проблему он решает с позиций континуитета: «молодые народы» (речь идет прежде всего о германцах), затопившие территории Римской империи, явились воспреемниками античной культуры и, вдохнув в нее новую жизнь, заложили, таким образом, основы но-

ной, западной цивилизации. В противовес распространенным в буржуазной историографии тенденциям рассматривать закат античности как полное крушение однажды созданной Западом культуры и на этом основании пророчить гибель и современной западной цивилизации, Фогт доказывает неуничтожаемость, преемство культуры, возможность усвоения «молодыми народами» культурного наследия отживающей цивилизации.

§ 6. Историография античности в других странах Европы (1917—1979 гг.)

В **Австрии** развитие антиковедения после первой мировой войны определялось в принципе теми же общественно-политическими факторами, что и в Германии. Свержение монархии Габсбургов и установление буржуазно-демократической республики смогли содействовать оживлению общественной мысли и научной деятельности, однако тяжкие последствия военного поражения, затяжные экономические кризисы и обусловленное этим обострение социальных отношений блокировали открывавшиеся возможности.

Противоречивые условия жизни определили разные тенденции развития науки. С одной стороны, наблюдались стремления следовать академическим традициям, заложенным наукой XIX в., с другой — усиливалось влияние декадентских и реакционных идей, подготовлявших почву для усвоения нацистских доктрин.

Первая линия была представлена в особенности трудами археологов и эпиграфистов. В послевоенное время австрийскими учеными было продолжено археологическое обследование исторических областей Восточного Средиземноморья, в первую очередь Малой Азии. Особенно важными по размаху работ и значительности результатов были раскопки в Эфесе, которые проводились Австрийским археологическим институтом при участии таких ученых, как О. Бенндорф, И. Кейль, Ф. Мильтнер. Одновременно Австрийская Академия наук продолжала работу по изданию свода древних надписей, найденных на территории Малой Азии («Tituli Asiae Minoris», vol. I—III, 1901—1944). С успехом продолжал свою научную деятельность Адольф Вильгельм, чьи многочисленные статьи по отдельным сюжетам греческой и специально

аттической эпиграфики непрерывно печатались в трудах Венской Академии.

Вместе с тем в австрийском антиковедении непрерывно усиливались позиции реакционного направления, развивавшегося в русле идей Шпенглера, а затем воспринявшего и идеи нацизма. Включение Австрии в состав гитлеровского рейха (1938) обеспечило этому направлению на весь период фашизма господствующее положение. О характере идей, развивавшихся в ту пору в подпавшем под контроль нацизма австрийском антиковедении, можно судить, в частности, по работам Фритца Шахермейра. В 30-е и 40-е годы этот историк подхватывает и развивает в своих трудах излюбленные положения нацистской историографии о миграции с севера воинственных индогерманских племен и освоении ими неарийского юга и юго-востока, о нордическом типе вождей, выступавших в раннюю пору греческой истории, о вечном противостоянии рас и превосходстве классических античных народов индогерманского корня над неарийцами-семитами и арменоидами.

Освобождение Австрии от фашизма, осуществленное советскими войсками в конце второй мировой войны, и возвращение страны на путь независимого и демократического развития содействовали и здесь возрождению традиционных академических штудий. Вместе с тем итоги второй мировой войны заставили ряд австрийских ученых, которые ранее сотрудничали с нацизмом, до известной степени пересмотреть свои позиции. Показателен в этом отношении пример Ф. Шахермейра, активно продолжающего свою работу и в послевоенное время.

Большая группа работ посвящена Шахермейром древнейшему периоду греческой истории («Древнейшие культуры Греции», 1955; «Минойская культура древнего Крита», 1964; «Эгеида и Восток», 1967). Автор демонстративно отказывается от усвоенного ранее взгляда, что эгейская культура была порождена гением нордической расы, принесшей в результате миграции из Северной Европы в Средиземноморье основные формы материальной культуры. Он придает теперь большее значение местным средиземноморским факторам развития, в особенности культурным взаимодействиям Балканского полуострова с Малоазийским побережьем. Однако решающим моментом в этногенезе греков он по-прежнему считает мигра-

нию с севера: явившиеся на рубеже ранней и средней бронзы носители культуры шнуровой керамики и боевых топоров и были теми индогерманцами, которые содействовали оформлению балканского этнического конгломерата в эллинство.

Другая группа работ Шахермейра посвящена проблемам формирования греческого полиса и истории раннеклассических Афин («Ранняя классика у греков», 1966; «Перикл», 1969). Здесь историк по-прежнему подчеркивает ведущую роль аристократической элиты и ее вождей; последние в его изображении выступают исключительными носителями культурного прогресса, защитниками национального и политического единства, строителями гармоничного общества. Показательны в этом плане идеализация афинских аристократических родов Алкмеонидов и Филаидов и их выдающихся представителей Клисфена, Мильтиада, Кимона, отчасти Перикла, а с другой стороны, отрицательное отношение к политикам радикального направления — к Фемистоклу и Эфиальту.

Большой интерес с точки зрения того, как идет переоценка ценностей в австрийском буржуазном антиковедении, представляют работы Шахермейера об Александре Македонском (1949; 1970; 1973). По-прежнему взор историка приковывает к себе исключительно личность Александра, в замыслах и свершениях которого автор ищет ключ к пониманию судеб античного и восточного мира в начальную эпоху эллинизма. Однако в общей оценке этой личности у Шахермейра звучат новые нотки, продиктованные, по его собственному признанию, уроками недавнего прошлого. Всех великих исторических деятелей Шахермейер делит на два главных разряда: на гениев рационального типа, умевших сообразовывать свою деятельность с требованиями и возможностями социальной среды, и необузданных властителей, ставивших свою волю выше общества и в титаническом порыве увлекавших и это общество, и самих себя к неизбежной катастрофе. Замечательным образцом деятелей первого типа Шахермейер считает Филиппа Македонского; напротив, в его сыне Александре он видит титаническое начало, столь же великое, как и ужасное. Воля Александра не считалась ни с чем, а главное, в своем безудержном порыве он разрушил то национальное единство греков и македонян, над созданием которого так много потрудил-

ся Филипп и которое одно могло быть прочным основанием великой державы.

Общее критическое суждение о политическом творчестве Александра симптоматично. Однако изменения в самом методе, в подходе к историческому материалу и его интерпретации, по существу, нет: титаническая фигура Александра закрывает у Шахермейера горизонт и лишает его возможности показать глубочайшие закономерности и все богатство исторического процесса.

В годы после первой мировой войны **испанская историография** античности, как бы преодолевая свое отставание от западноевропейской науки, развивается усиленными темпами. Этому способствуют проводимые в широких масштабах археологические раскопки во многих районах полуострова. В 1931 г. завершается первый этап археологического исследования Нуманции, обрисовавший характер кельтиберийского центра сопротивления римской агрессии. Одновременно была выявлена в деталях система римских укреплений, с помощью которой Сципион Эмилиан задушил Нуманцию голодом.

С 1922 по 1940 г. под редакцией А. Шультена, П. Бош-Гимперы и Л. Прикота вышло пять томов «Источников испанской истории», содержащих свидетельства античных авторов об Испании с комментариями текстов и их переводом на испанский язык. Выходят дополнения ко II тому латинских надписей Испании, в свое время изданных Т. Моммзеном (CIL, II). Испанский ученый А. Вивес издал и исследовал монеты доримской и римской Испании (1928).

Большим научным событием был выход в 1922 г. монографии А. Шультена «Тартесс», в которой на основании восточных и греческих источников была сделана попытка воссоздания истории древнего государства на территории Пиренейского полуострова. А. Шультен постулировал переселение в Испанию тирсенов и рассматривал Тартесс как тирсенскую колонию, что остается до нашего времени ничем не доказанной гипотезой.

Проблемами древнейшей истории Испании в 20-е годы широко занимался П. Бош-Гимпера. Он воспринял идею немецкого ученого Г. Шмидта об испанском происхождении широко распространенной в Европе археологической культуры колоколовидных кубков и развил ее на новом материале.

Франкистский переворот нанес испанскому антиковедению, как и испанской науке в целом, сильный ущерб. На долгие годы было поставлено вне закона изучение истории с марксистских позиций. В работах по истории античной Испании стали явственными националистические тенденции. Ряд ученых вынуждены были эмигрировать. В Мексику переехал выдающийся специалист в области лингвистики и древней истории П. Бош-Гимпера. С 1939 г. его работы выходят во Франции, Англии, Мексике, Бразилии. В них на высоком теоретическом уровне исследуется проблема этногенеза испанской народности. На основании археологических памятников выявлены две волны кельтского вторжения на Пиренейский полуостров. П. Бош-Гимпера внес существенные уточнения в спорную проблему происхождения иберов. Компонентом иберийского этноса он считал североафриканский народ (ибер-бербер), вторгшийся на полуостров в эпоху неолита. Другой точки зрения придерживается Л. Прикот Гарсия. Опираясь на свидетельства античных авторов и данные сравнительного языкознания, он отстаивает старое мнение об идентичности иберов Испании с иберами Кавказа.

Со времени А. Шультена, открывшего проблему древнейшего на территории Испании государства — Тартесса, было сделано многое в изучении тартессийской культуры. Испанские ученые изучили металлургическое и керамическое производство тартесситов, их строительное дело, торговые связи, взаимоотношения с народами глубинных областей Испании. Однако проблема происхождения тартесситов и локализация столицы государства Тартесса остается загадкой.

В годы после второй мировой войны продвинулось изучение финикийской и пунийской колонизации Испании, значительный вклад в которое внесли испанские ученые (особенно А. Гарсия-и-Беллидо). Обнаружение финикийских колоний Майнаки и Секси с большим количеством финикийской и протокоринфской керамики дало новый материал для решения вопроса об основании финикийцами колоний на дальнем Западе. Находка больших алебастровых сосудов с именами египетских фараонов Осоркона II, Шешонка II, Такелота II дала точные указания на время заселения финикийцами юга Средиземноморского побережья Испании.

Много внимания уделяется испанскими учеными про-

блемам греческой колонизации полуострова, для решения которой наряду с данными литературной традиции все большее значение приобретают археологические материалы. Еще до 30-х годов испанские ученые раскапывали греческую колонию Эмпорион (Ампуриас) и на основании археологических данных пытались воссоздать общую картину фокейской колонизации. В связи с распространением теории «индоевропеизации» средиземноморских регионов особое внимание уделялось вопросам взаимоотношения греков и иберов в области языка. Грекам приписывалась ведущая роль в формировании иберийской народности. С этих позиций освещается колонизационное движение греков в работе Мартина Альмагро (1936).

В предвоенные годы в Барселоне был создан «Институт эллинских штудий», объединивший усилия испанских ученых в разработке проблем греческой колонизации и греческого присутствия на Иберийском полуострове. С 60-х годов он выпускает ежегодник, в котором помещаются также и работы социально-экономической и политической истории Греции. Монументальное исследование по истории греческой колонизации и греческого присутствия в Испании создал А. Гарсия-и-Беллидо (1948; 1956). Его взгляды на торговый характер греческой колонизации, на его хронологию и географию получили широкое распространение среди современных испанских исследователей (М. Дуке, А. Кабо и М. Вигиля). В последнее время наблюдается тенденция отрицания роли греков в формировании иберийского этноса, признается лишь некоторое влияние их на иберийское искусство (например, А. Аррибас, «Иберы», 1965).

Изучение римской колонизации Испании стимулировалось раскопками таких римских колоний, как Итализа. В их ходе были установлены основы особенно римского провинциального градостроительства в императорскую эпоху, выявлено влияние Рима как градостроительной модели для провинциальных центров (А. Гарсия-и-Беллидо, 1965).

С конца 30-х годов углубляются исследования, посвященные освободительной борьбе народностей Испании против римских завоевателей. Большой симпатией прогрессивных испанских ученых пользуется предводитель лузитан Вириат. В «Истории Испании» П. Бош-Гимперы и П. Агвадо Блейе он охарактеризован как

ин «из защитников свободы своей родины против внешней агрессии». Как значительное событие в испанской историографии следует рассматривать появление работы А. Шультена о последнем этапе освободительной войны испанцев в конце I в. до н. э. (1943). С большой тщательностью немецкий ученый, навсегда связавший с Испанией свою гражданскую и научную судьбу, осветил родо-племенную организацию населения Северо-Западной Испании и выявил военные аспекты событий.

Испанские ученые много сделали для обнаружения и публикации новых надписей, относящихся ко всем периодам истории древней Испании. Особенно пополнилась латинская эпиграфика, позволившая на новом научном уровне осветить такие проблемы, как романизация страны, рост городов, социальные отношения, развитие римской провинциальной администрации. В значительной степени на эпиграфическом материале построена первая в испанской историографии «Социальная и экономическая история римской Испании» Х. Бласкеса. Сам Х. Бласкес является основателем школы испанских исследователей, понимающих значение социально-экономических факторов в истории. Из этой школы вышел молодой испанский ученый Х. Мангас, создавший труд о рабах и вольноотпущенниках в римской Испании (1971). Примечательно, что автор видит своей целью обоснование концепции К. Маркса о рабовладельческом обществе на испанском материале. Используя археологическую документацию, Х. Мангас показал историческую обусловленность эволюции рабства, выявил характер распространенных в рабской среде религиозных верований. В приложении к книге помещена подборка всех эпиграфических свидетельств о рабах и вольноотпущенниках в римской Испании.

Традиционным для испанской историографии является интерес к римлянам испанского происхождения. Еще Х. Фейхе, испанский хронист XVIII в., в своей «Славе Испании» писал с гордостью, что «Испания дала двух Цицеронов — Квинтилиана и Сенеку, — в то время как Италия произвела только одного, а другие народы и ни одного». Эта же гордость, звучавшая в работах, посвященных «своим» римлянам — Сенеке, Марциалу, Траяну, Адриану, мешает испанским исследователям достаточно объективно подойти к литературному

творчеству и политической деятельности указанных персонажей.

В **бельгийском антиковедении** наиболее широко и полно разрабатывалось два круга проблем: идеология античного общества и история греко-римского Египта. Исследование первого круга проблем в первую очередь связано с именем выдающегося бельгийского ученого Ф. Кюмона. Он продолжал изучение культа Митры: в 1923 г. вышло третье издание его монографии «Мистерии Митры», продолжали интересовать его и общие вопросы распространения восточных культов в Римской империи (в 1929 г. четвертым изданием вышла его книга «Восточные религии в римском язычестве»). Изданы были также «Исследования относительно погребального символизма римлян» (1942) и «Вечный свет» (1949). Совместно с Ж. Биде, Ф. Кюмон подготовил двухтомную работу «Эллинизованные маги: Зороастр, Остан и Гистасп согласно греческой традиции». То обстоятельство, что Ф. Кюмон был ученым, глубоко изучившим проблемы греко-восточного культурного синтеза, заставило французскую Академию надписей пригласить его в качестве руководителя археологических раскопок Дура-Европос. Результаты работ 1922—1923 гг. были отражены в двухтомной работе (текст и иллюстрации) «Раскопки Дура-Европос» (1926). В дальнейшем работы продолжались совместно с Йельским университетом (США), пока через несколько лет Академия надписей окончательно не устранилась от этих работ вследствие финансовых трудностей.

Бельгия была одним из крупнейших центров развития папирологии и истории греко-римского Египта. По инициативе Ж. Канара Университет в Брюсселе и Музей пятидесятилетия приобрели значительные коллекции папирусов, был создан «Египтологический фонд королевы Елизаветы», и с 1925 г. при нем стал издаваться журнал «Хроника Египта». Бельгийские папирологи выступили инициаторами создания Международной ассоциации папирологов (1932), местопребыванием ее центральных органов является Брюссель. Среди весьма многочисленных папирологических исследований наибольшее значение имеет монография К. Прео «Царская экономика Лагидов» (1939). По мнению К. Прео, птолемеевская династия столкнулась в Египте с тысячелетними традициями феодальных отношений, эволюционировавших в

сторону частноправовых. Царское хозяйство в Египте должно было обеспечить функционирование государственного аппарата и армии, состоявших главным образом из пришельцев-греков. Поскольку греки привыкли к денежному обращению, а в Египте оно не было развито, регулируемая экономика должна была гарантировать не только поступление доходов, но и превращение части их в монету. Это стимулировало развитие внешней торговли и системы откупов. К. Прео предполагает наличие в Египте государственного капитализма, хотя и весьма своеобразного: стремление к постоянному увеличению объема продукции при отсутствии, в сущности, товарных отношений. В деревне же натуральное хозяйство сохраняло свои господствующие позиции.

Среди работ бельгийских антиковедов, посвященных иным проблемам, необходимо еще отметить книгу О. Якоба «Общественные рабы в Афинах» (1928).

В бельгийском антиковедении послевоенного времени (с 1945 г.) по-прежнему ведущие позиции занимают папирологические исследования, хотя развиваются и другие области антиковедения. В частности, в Бельгии в достаточно широких масштабах проводятся археологические исследования памятников римского времени. Среди открытий бельгийских археологов особенно важно выявление на юге страны системы взаимосвязанных вилл: с одной огромной центральной и рядом более мелких, принадлежащих явно одному и тому же владельцу. Это открытие показало наличие больших единых хозяйственных организмов, сгруппированных по системе отдельных поместий.

Продолжалась научная деятельность К. Прео. В 1947 г. ею была издана монография «Греки и египтяне по архивам Зенона». Можно отметить усиление модернизаторских тенденций в этой ее работе (по сравнению с предыдущими работами). Экономику Птолемеев она считает меркантилистской и сравнивает с экономической системой Кольбера и Фридриха II. Рождение подобной политики в Европе она связывает с возникновением капитализма в аграрных странах. Те же самые условия находит она и в Египте III в. до н. э. Некоторое своеобразие ее позиции, отличие от чисто модернизаторских концепций заключается в том, что она полагает, что в Египте аграрный капитализм естественно приводит к феодальным отношениям.

Среди других исследований по этой тематике необходимо отметить монографию Т. Рекманса «Ситометрия в архивах Зенона» (1966), посвященную размерам и характеру хлебного довольствия различных служащих, свободных и рабов в хозяйстве Аполлония. Заслуживает внимания также монография П. Видаль-Накэ (бельгийский ученый, в настоящее время работающий во Франции) «Посевная ведомость в Птолемеевском Египте» (1967). Автор исследует одну из важных сторон экономической практики, существовавшей в Египте этого времени. П. Видаль-Накэ стремится в своих исследованиях использовать марксистскую методологию, в дальнейших своих работах он уделяет основное внимание идеологическим проблемам: отражению в сфере идеологии особенностей социально-экономического и политического строя античного общества.

Бельгийские исследователи большое внимание уделяют изданию (и переизданию) важнейших категорий документов. Можно отметить, в частности, издание М.-Т. Ланже «Корпуса указов Птолемеев» (1964). Большое значение имеет издаваемая В. Перемансом (в сотрудничестве с рядом других ученых) «Просопография Птолемеевского Египта». Сам В. Переманс активно изучает проблемы соотношения этнической и социальной структур в Египте эллинистического времени. Среди работ, посвященных римскому Египту, необходимо отметить монографию П. Мартенса «Государственная гражданская служба и контроль за населением в Оксиринхе в III в. н. э.» (1958).

Голландское антиковедение испытывало достаточно сильное влияние различных школ немецкой науки. Этим, в частности, объясняется большой интерес к экономическим вопросам истории античности. Наиболее ярким представителем голландского антиковедения этого времени был Х. Болкештейн (1877—1942), профессор университета в Утрехте. Его основная работа «Экономическая жизнь Греции в ее золотой век» вышла в 1923 г. (переиздана в пересмотренном виде Е. Йонкерсом в 1958 г.). В ней автор пытался примирить концепции Э. Мейера и К. Бюхера (заметно в ней также влияние М. Вебера и Циммерна). В отличие от большинства исследователей Х. Болкештейн считал, что железные орудия труда не нашли широкого применения в древнегреческом производстве (ввиду якобы большой сложности

их изготовления). Он утверждал далее, что в Греции в силу самих природных условий не могла развиться крупная земельная собственность. Для Х. Болкєштейна не существовало большой социальной разницы между рабом и свободным наемным рабочим. Античные города в первую очередь не центры производства и обмена, а центры потребления (в соответствии с концепцией М. Вебера).

Интерес к экономике нашел выражение и в исследованиях Б. А. Ван Гронингена, издавшего в 1933 г. Псевдоаристотелеву «Экономику» (комментированное издание, считающееся лучшим до сего времени). Ван Гронинген опубликовал также работу «Гимнасиархи метрополий римского Египта» (1924).

Интерес к проблемам античной экономики по-прежнему велик в голландском антиковедении и послевоенного времени. Наибольшее значение среди исследований этого типа имеют работы Р. Богарта, особенно «Банки и банкиры в греческих городах» (1968), которая представляет собой первую попытку дать обобщенную картину деятельности древнегреческих «банков» на всем протяжении времени их существования: от VI в. до н. э. по III в. н. э.

В то же время в голландском антиковедении начинают активно разрабатываться проблемы эллинистической истории. Ван Лохвизен де Леев опубликовала работу «Скифский период» (1949), одно из лучших фактологических изложений политических судеб Северной Индии в эллинистическую эпоху. Заметным явлением стало появление монографии Д. Аалдерса «Политическая мысль в эллинистическое время» (1975), в которой автор детально исследует политические теории, как оправдывающие существующий политический и социальный строй, так и оппозиционные ему.

Однако наиболее заметным явлением стали работы профессора М. Фермазерена относительно различных религиозных систем античного мира. Он исследовал в первую очередь культ Митры. Им был издан 2-томный «Корпус памятников культа Митры» (1956—1960), заменивший устаревший уже корпус Ф. Кюмона, вышедший еще в конце прошлого века. На основе этого корпуса им было подготовлено исследование «Митра. История одного культа» (1965), в котором детально прослежены история культа Митры от эпохи его возникновения

(еще в эпоху индоиранской общности) до гибели в конце Римской империи, теология, ритуал, место в общественной жизни Римской империи. М. Фермазерен также заново издал находки в нескольких митраистских святилищах, открытых в предшествующее время, но недостаточно изученных. К числу их относятся «Митреум у церкви св. Приски» (1965) и «Митреум в Капуе» (1971). Ему же принадлежит исследование о культе Аттиса (1970).

М. Фермазерен выступил инициатором и организатором важного международного предприятия. Под его редакцией издается обширная серия «Предварительные исследования по восточным религиям в Римской империи». В этой серии вышло уже несколько десятков томов (в издании активное участие принимают и ученые социалистических стран), представляющих собой как чистые публикации, так и исследования по различным вопросам, связанным с этой темой.

Для **греческих** антиковедов изучение античности концентрировалось главным образом на исследовании Древней Греции, которая воспринималась и воспринимается как часть национальной истории. В историографических изысканиях греческих ученых сформировалось несколько основных направлений, которые объясняются специфическим развитием Греции как малой страны, находившейся много веков под иноземным (турецким) господством, к тому же управлявшейся до самого последнего времени монархическим режимом.

В этих условиях получает преобладание концепция эллиноцентризма, т. е. преклонение перед древнеэллинской культурой и ее откровенная идеализация как оси мирового культурного развития (Х. Налгас, К. Вурверис и др.), а также теория эллино-христианства, т. е. подчеркивание близости эллинской культуры и христианского комплекса культурных ценностей, включение достижений греческой культуры в христианскую (И. Теодоракопулос, А. Керамопулос и др.). В русле этих основных направлений в древнегреческой истории исследуются прежде всего культурные аспекты; социально-экономическим отношениям уделяется небольшое внимание. Длительное господство монархического режима обусловило «прохладное», зачастую отрицательное отношение к изучению афинской и древнегреческой демократии, а также к ее вождям (особенно к Демосфену); под-

черкивались позитивные стороны аристократических правлений, идеализировались македонские цари Филипп II и его сын Александр как провиденциальные объединители Македонии и разобщенной Греции. Походы Александра на Восток и сущность эллинизма понимаются как распространение высшей греческой культуры на территории извечно отсталого Востока. Традиционная в европейской историографии проблема «передовой Запад», представленный в древности Грецией, а затем Римом, и «отсталый варварский Восток» в греческой буржуазной историографии решается с более консервативных позиций, чем в других национальных историографиях Европы.

Выдающимся представителем прогрессивной греческой историографии стал историк-марксист Янис Кордатос (1891—1961). Националистическим концепциям эллиноцентризма и эллино-христианства Кордатос в своих многочисленных трудах противопоставил марксистскую концепцию исторического развития древнегреческого рабовладельческого общества: «Новое введение к Гомеру» (1940), «Проблемы истории греческого языка», (1943), «Сапфо и социальные битвы на Лесбосе» (1945), «История древнегреческой философии» (1946), «Античная трагедия и комедия» (1954) и особенно в «Истории древней Греции», тт. I—III (1955), «Истории эллинистической Греции» (1958), «Истории Греции эпохи римского владычества» (1959) и др. Для Кордатоса характерно внимание ко всем сторонам жизни древних греков, тщательное исследование социально-экономических отношений, политических учреждений, различных проявлений классовой и социальной борьбы; он уделяет много места и замечательной греческой культуре.

Развитие **датского антиковедения** связано с деятельностью Датского королевского научного общества, являющегося, по сути дела, датской Академией наук. После первой мировой войны оно начинает издавать серии книг гуманитарного цикла, значительная часть которых посвящена античности: с 1918 г. — «Сообщения по истории и филологии»; с 1920 г. — «Сообщения по археологии, искусству и истории». В философской серии большое место занимают работы о Платоне. Тематика трудов по античности в исторических сериях многообразна. В их создании принимают участие ведущие ученые, прежде всего А. Б. Драхман (1860—1931). Начал

он как филолог-классик. Его первая работа (1887) содержала в себе анализ композиции «Энеиды» Вергилия. Но с 1920 г. он переключился на историю, сначала политическую. На основе тщательно собранных письменных источников он пишет книгу «Сагунт и граница по Эбро в отношениях Рима с Карфагеном (220—218)». Затем его интерес перемещается в сферу экономики, в частности техники античного производства. В 1932 г. выходит его работа «Древние маслобойки и прессы». В названных сериях участвует и Ф. Поулсен, крупнейший специалист в области римского и этрусского изобразительного искусства.

Известным откликом на вторую мировую войну является книга А. Афцелиуса «Римское завоевание Италии (340—264)», вышедшая в 1942 г. Причина римских побед, по мнению автора, заключалась в численном превосходстве, достигнутом с помощью сил римских союзников.

В современной Дании регулярно издаются академические серии книг, выходит журнал «Изучение классики и средних веков». В тематике заметный удельный вес имеют исследования в области социально-экономических отношений и права. Ведущую фигуру представляет собой К.-В. Веструп. Еще в 1933 г. он выступил на страницах парижского журнала со статьей о собственности в ранних обществах. В академических сериях ему принадлежат исследования о древнейших формах римского брака (1943), о республике (1947), о раннем римском рабстве (1956). Плодом многолетней работы является его пятитомный труд «Введение в римское право. Сравнительное социологическое изучение. Патриархальное семейное объединение» (1934—1954). В этом издании рассмотрены домашняя община как культовое единство, семейная собственность, источники древнейшего римского права и источники сведений о нем. Хотя для Веструпа религия и культ являются важнейшим связующим семейную общину элементом, культ и правовые формы он изучает для характеристики социальной организации в Риме. В двух томах исторической серии рассматриваются К. Ханнестадом эволюция земледельческих ресурсов Италии IV—VI вв. (1962) и О. Моркхольмом — монетное дело в эллинистической Сирии (1963). Продолжая линию исследований античной техники производства, начатую А. Драхман, он издал

книгу «Механизация в греческой и римской древности» (1963). Ж. Скидсгаард прослеживает по сочинениям Варрона развитие крупного землевладения в Риме в конце республики. На материале помпейских вилл он изучает размеры и хозяйство римских поместий, сравнивая их с другими видами земельных владений — колонистов и ветеранов начала империи.

Положение **Швеции** как нейтральной страны в двух мировых войнах открывало большие материальные и политические возможности для участия шведских ученых в исследовании истории средиземноморского региона. Развивая традиции шведской науки конца XIX — начала XX в., шведские ученые после первой мировой войны углубленно занимаются ранними эпохами Средиземноморья.

А. Боетиус (1899—1969), основатель Шведского института классических изысканий в Риме (1926), заведующий кафедрой классической филологии и древней истории в Гетеборгском университете, посвятил первые работы греческой истории. Основываясь на данных литературных источников и археологии, он рассмотрел топографию дорийского Аргоса, написал исследование об острове Корфу. Обобщающим трудом его была «Доисторическая Греция» (1927).

В 30-е годы в центре интересов А. Боетиуса были этрусская и римская история и культура. Он раскапывал Ардею, Сан Джовенале, Луну, что позволило ему создать ряд интересных исследований по истории градостроительства и архитектуры древней Италии. Под его редакцией в 1962 г. вышла монументальная работа «Этрусская культура. Страна и народ».

Ученый того же поколения А. Акерстрем (род. 1902) обладает столь же широким кругом интересов: микенская археология, архаическое искусство Греции, раннеиталийская и этрусская археология. К числу важнейших работ А. Акерстрема относится исследование об этрусских гробницах (1934) и труд «Геометрический стиль в Италии» (1941). Оба сохраняют значение сводки материалов и по сей день. Акерстрем подчеркивает особую близость этрусской культуры с Востоком, но не с Малой Азией, а с юго-западом Эгеиды, т. е. с Кипро-Сиро-Родосским регионом. Кроме того, А. Акерстрем принимал участие в раскопках и руководил деятельностью Шведского археологического института в Афинах (1942—1956).

Выдающимся исследователем истории древнейшей Греции является М. Нильссон, профессор классической археологии и древней истории Лундского университета. В труде «Гомер и Микены» (1933) он пришел к выводу о микенском происхождении греческой мифологии. После дешифровки линейного письма Б этот вывод нашел полное подтверждение. Обнаружив в гомеровских поэмах описания предметов как микенского, так и последующего времени, Нильссон попытался с помощью археологических данных датировать элементы гомеровской культуры. Нильссону принадлежат такие труды по истории греческой религии, в которых религиозные представления связываются им с общественным развитием (1940—1961). Выступая против попыток изобразить микенское общество как патриархально-родовое, он ошибочно находил в нем феодальные черты и отождествлял с обществом раннего средневековья.

Большой вклад в изучение Древней Эллады внес А. Фурумарк. Сначала он занимался изучением археологических данных Пелопоннесса. В 1941 г. вышел его фундаментальный труд «Микенская керамика», где собраны все добытые к 40-м годам материалы. Керамика классифицирована и датирована с помощью находок из Восточного Средиземноморья, прежде всего из Египта, изучена их топография. На этой основе дана периодизация элладской культуры II тыс. до н. э., причем наиболее подробно рассмотрен позднеэлладский период. В дальнейшем Фурумарк активно включился в изучение текстов линейного письма А и Б. Анализ пилосских таблиц позволил ему углубить исследование микенской культуры.

В изучении раннеримской истории и археологии велики заслуги Э. Гьерстеда. Предприняв стратиграфические исследования в районе Римского форума и Священной улицы, изучив археологический материал, добытый еще Дж. Бони и оставшийся неопубликованным, он пришел к выводу, что о Риме как городе можно говорить лишь с 575 г. до н. э., когда были снесены погребения на будущем форуме и это пространство, осушенное с помощью этрусской техники, превратилось в центр экономической и политической жизни обитателей притибрских холмов. Э. Гьерстед дал систематическое описание погребений форума, исследовал фортификационные сооружения и жилища раннего Рима, что создало

объективную основу для изучения экономической истории раннего Рима. 575 год до н. э. Гьерстед считает началом не только города, но и царской эпохи, что влечет за собой изменение датирования начала республики (середина V в. до н. э.). Такая интерпретация археологического материала была поддержана шведскими учеными, но отвергнута большинством исследователей других стран (работы 1953, 1956, 1960, 1966 гг.).

На археологическом материале основан труд Г. Экхольма, профессора Упсальского университета. Опираясь на находки римских монет, оружия и других предметов, он уточнил пути римского импорта в Скандинавию и его датировку (1939).

Ученики Гьерстеда ведут интенсивные раскопки отдельных центров Этрурии (Остерберг) и всего Лация (Гьеров). Гёран Гьеров издал 2-томный труд «Железный век Лация» (Лунд, 1966), в котором продолжил на базе новых раскопок исследование Пинцы. В книге дан систематический обзор археологических данных, на основе керамики выделено четыре периода раннего железного века Лация, проведено сопоставление латинских материалов с добытыми в других местах Италии, прежде всего в Этрурии и Риме.

* * *

Период развития буржуазной историографии, который начался после сокрушительного поражения наиболее реакционных сил фашизма и антикоммунизма во II мировой войне, характеризуется дальнейшим распространением марксистско-ленинской идеологии в современном мире, усилением либерально-демократических тенденций. В области историографии эти тенденции проявились в формировании сильного марксистского и близкого к нему направлений в капиталистических странах, распространении неопозитивизма, попытках возвращения к объективному исследованию исторического процесса, в преодолении конечного агностицизма и пессимизма. Эти позитивные тенденции в развитии историографии 40—70-х годов проявляются в постоянном противоборстве с реакционно-философскими концепциями, разрывающими единство мирового исторического процесса, отвергающими его закономерность и прогрессивный характер.

Огромное воздействие на мировую историографию нашего времени оказывает советская историческая наука и историография социалистических стран. Развитие современной историографии проходит в условиях большого совершенствования научно-исследовательских методов, проникновения приемов исследования естественных наук, колоссального расширения материалов источников и приемов их обработки, постоянного обмена конкретными идеями в научном мире, усиления коллективного характера современного исследования.

ГЛАВА 9. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ

§ 1. В. И. Ленин об античности

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г., открыв новую эпоху всемирной истории, эпоху крушения капитализма, становления и роста новой, коммунистической общественно-экономической формации, стала торжеством марксистско-ленинского учения, претворением его в практику исторической действительности.

Огромную роль в развитии революционной теории и практики сыграл основатель и вождь Коммунистической партии Советского Союза В. И. Ленин. В новых сложных условиях эпохи империализма и пролетарских революций В. И. Ленин развил далее основные принципы марксистской теории, дал теоретическое решение многих проблем классовой борьбы и революционного движения, исторического материализма, материалистической диалектики, конкретного процесса общественного развития ряда эпох всемирной истории, в том числе и рабовладельческого общества.

В серии работ — в капитальном исследовании «Материализм и эмпириокритицизм», в «Философских тетрадях» и многих других — он дал стройную концепцию материалистической теории познания, философски обосновал неограниченные возможности человеческого познания, развил теорию отражения. Особое внимание придавал В. И. Ленин изучению фундаментальных положений о развитии вообще и общественном развитии в частности. Опираясь на теоретическое исследование материалистической диалектики, Ленин завершил разработку теории общественно-экономических формаций, их внутреннего содержания и движущих сил, общих и специфических исторических законов, внутренней периодизации, роли социальных революций при смене

формаций. В системе ленинских взглядов на ход всемирно-исторического процесса, конкретно воплощавшихся в развитии общественно-экономических формаций, определенное место занимает рабовладельческий способ производства, который является одной из необходимых ступеней развития человеческого общества.

Древнюю Грецию и Древний Рим В. И. Ленин рассматривал как классические рабовладельческие общества, в которых рабовладельческий способ производства получил высшее развитие, а классовые противоречия между основными антагонистами — классами рабов и рабовладельцев — достигли наибольшей остроты, вылились в грандиозные войны рабов. Одной из таких наиболее крупных войн было восстание Спартака, на примере которого Ленин глубоко проанализировал особенности классовой борьбы рабов, вызванные спецификой их положения в общественной структуре рабовладельческого общества. Фундаментальное значение для изучения рабовладельческой общественно-экономической формации имеют положения Ленина о специфике классовой и сословной структуры рабовладельческого общества: наличие основных и неосновных классов и их роли, определение классов в рабовладельческом обществе как классов-сословий.

В тесной связи со своеобразием классовой структуры рабовладельческого общества, особенностями классовой и социальной борьбы изучал В. И. Ленин и античное государство. Основополагающее значение имеют его определения сущности и форм государства, в частности сущности и форм различных рабовладельческих государств. В. И. Ленину принадлежат и многие другие положения, вскрывающие специфику античного общества: о роли войны как продолжении политики другими средствами, в том числе применительно к древности, конкретные замечания о Пунических войнах как войнах империалистских и о возможности «осуществлять империализм» в рабовладельческом обществе.

В. И. Ленин специально занимался изучением античной философии и высказал важные соображения о роли некоторых направлений античной философии, ее наиболее выдающихся представителей. Он проследил зарождение и оформление двух направлений в греческой философии: материализма и идеализма, отметил элементы материалистической диалектики в трудах древ-

негреческих философов (Гераклита, Демокрита, Платона, Аристотеля, Эпикура). В произведениях Ленина разработана оригинальная концепция рабовладельческой общественно-экономической формации и ее составных частей, которая легла в основу творческой деятельности советских ученых, занимающихся изучением древней истории.

В становлении марксистской историографии античности большую роль сыграло издание как отдельных работ, так и собраний сочинений основоположников марксизма-ленинизма — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Помимо отдельных работ В. И. Ленина, изданных после 1917 г., к 1927 г. вышло первое 20-томное издание Сочинений В. И. Ленина. В 1927—1935 гг. было опубликовано 12-томное собрание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на немецком языке. С 1928 г. начали выходить тома собрания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке. Большое значение для решения ряда фундаментальных проблем докапиталистических формаций имело опубликование в 1929 г. лекции В. И. Ленина «О государстве».

Изучение произведений основоположников марксизма-ленинизма сыграло огромную роль в овладении кадрами советских историков-марксистов марксистско-ленинской теорией исторического процесса, способствовало разработке методологических и конкретно-исторических проблем всеобщей, в том числе и древней, истории.

§ 2. Становление марксистской историографии античности (1917—1934)

С октября 1917 г. советская наука стала развиваться на основе марксизма-ленинизма, на прочном фундаменте материалистического понимания истории. Однако овладение теорией марксизма-ленинизма, историческим материализмом и его применение к исследованию конкретных проблем древней истории Греции и Рима были непростой задачей.

В 20-х годах активная разработка марксистско-ленинской концепции исторического процесса проводилась М. Н. Покровским и представителями его школы. Опираясь на теорию общественно-экономических формаций,

Покровский и его ученики объясняли конкретный ход исторического процесса движением, изменением способа производства материальных благ, что определяло особенности классовой борьбы в каждую историческую эпоху. Они вели принципиальную борьбу с представителями русской дореволюционной буржуазной и меньшевистской историографии, способствовали утверждению исторического материализма в советской исторической науке. Правда, в трудах Покровского и его последователей содержались и незрелые, ошибочные теоретические положения: преувеличивалось значение экономического фактора и недооценивалась роль производственных отношений, выражающихся в особенностях социальной и классовой структуры общества, упрощенно понимались взаимоотношения базиса и надстройки, неправомерно большое место заняла теория торгового капитализма, не до конца оказалась преодоленной теория циклического развития человеческого общества.

Важную роль в становлении марксистско-ленинской концепции исторического процесса имели дискуссии конца 20-х — начала 30-х годов о роли, месте и понимании общественно-экономических формаций, об азиатском способе производства и о характере общества в странах Древнего Востока. В ходе этих дискуссий было уточнено понятие общественно-экономической формации, подвергнуты критике понятия смешанных формаций — рабовладельческо-крепостнических, торгового капитализма; был преодолен взгляд на существование особой формации в странах Древнего Востока и азиатского способа производства. Циклическая теория исторического процесса была признана несостоятельной, в качестве господствующей была принята концепция единого всемирно-исторического процесса развития человеческого общества, прошедшего последовательно первобытную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую формации и перешедшего после 1917 г. к коммунистической формации, причем каждая из них представляла более высокую ступень общественного развития, чем предшествующая формация.

В этой общей теории получила свое место рабовладельческая общественно-экономическая формация, которая охватывала историю народов Древнего Востока, Древней Греции и Древнего Рима. В основе рабовладельческой общественно-экономической формации ле-

жал рабовладельческий способ производства, который и определял ее движение в целом.

Научная и преподавательская работа в области истории, в том числе и древней истории, до 1934 г. проводилась главным образом в Российской академии истории материальной культуры (создана в 1919 г., с 1926 г. — Государственная академия истории материальной культуры — ГАИМК), на факультетах общественных наук государственных университетов, раньше всего Московского и Ленинградского, в специализированных историко-археологических музеях (в первую очередь в Керченском, Херсонесском и Одесском).

Марксистская разработка методологии всемирной истории, идейная борьба с реакционными концепциями буржуазной науки стояли в центре внимания основанного в 1925 г. Общества историков-марксистов во главе с М. Н. Покровским.

Особенно активную работу в области древней истории вела Государственная академия истории материальной культуры, в составе которой был организован сектор древней истории. Академия должна была стимулировать научные исследования в области материальной культуры, проведение археологических раскопок и разведок, заниматься организацией охраны культурных памятников. В научных планах Академии важное место занимали проблемы техники в докапиталистических формациях, которая понималась как важнейшая часть производительных сил, определяющих развитие способа производства.

При ГАИМКе, Московском и Ленинградском университетах были созданы специальные исторические научно-исследовательские институты, в составе которых работали секции древней, средневековой, новой и русской истории. Так, например, при факультете общественных наук МГУ был открыт в 1921 г. исторический научно-исследовательский институт под руководством Д. М. Петрушевского; секцию древней истории возглавил В. С. Сергеев.

В 1924 г. все научно-исследовательские институты по социально-экономическим дисциплинам были объединены в единую организацию — Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) во главе с М. Н. Покровским, в которой наряду с Академией истории материальной культуры

проходила научно-исследовательская деятельность советских историков-античников, велась подготовка аспирантов к будущей научной и преподавательской деятельности.

С середины 20-х годов начались систематические раскопки советских археологов в Херсонесе, Ольвии и на территории Боспорского государства, продолжившие активную раскопочную деятельность дореволюционных ученых. Стремясь познакомить широкие круги советских читателей, в том числе студентов первых советских вузов, с произведениями греческих и латинских писателей, советские ученые предприняли перевод на русский язык их произведений и составление специализированных хрестоматий. На русском языке издаются сочинения Платона, Аристотеля, Гесиода, Аристофана, Лисия, Архимеда, из латинских авторов — произведения Плавта, Теренция, Вергилия, Петрония, Апулея, Сенеки и др. Активным организатором этих изданий был тонкий знаток античной и мировой литературы Адриан Пиотровский. Лучшей научной публикацией источниковедческого характера в 20-х годах стало 6-томное издание собрания папирусов, хранившихся в русских и грузинских музеях, предпринятое известным папирологом Г. Ф. Церетели, его учениками П. В. Ернштедтом и О. О. Крюгером и высоко оцененное специалистами (издание 1925—1930 гг.).

Было подготовлено несколько хрестоматий, предназначенных для студентов и самообразования. Одной из первых таких работ было издание «Древний мир в памятниках его письменности» (ч. 2 — Греция, 1917, ч. 3 — Рим. Республика, 1923), составленное Д. А. Жариновым, Н. М. Никольским, С. И. Радцигом и В. Н. Стерлиговым. Хрестоматия по истории Древней Греции была подготовлена Г. Г. Пригоровским, Д. П. Кончаловский составил собрание документов по экономической истории Рима (1925), А. Ранович в 1933 г. издал «Первоисточники по истории первоначального христианства». В том же году появилась лучшая специализированная хрестоматия по социально-экономической истории античности — «Античный способ производства в источниках» под редакцией С. А. Жебелева и С. И. Ковалева, весьма популярная в 30—40-х годах и не потерявшая своего значения до сих пор.

Утверждение марксизма-ленинизма в советской историографии, в том числе и в историографии античной истории, проходило в идейной борьбе с буржуазными идеалистическими теориями, в процессе которой разрабатывалась конкретная история рабовладельческого общества.

В процессе этой борьбы в советской историографии античности 20-х годов взаимодействовали два направления: одно из них было представлено учеными старой школы, взгляды которых сложились в дореволюционную эпоху. К нему принадлежали такие крупные специалисты, как С. А. Жебелев, В. П. Бузескул, Р. Ю. Виппер, Н. И. Кареев, И. М. Гревс, Д. М. Петрушевский, И. В. Нетушил, Н. И. Новосадский, Б. В. Фармаковский. Их научная и педагогическая деятельность продолжалась в 20-х годах, однако по своим методологическим взглядам они не были сторонниками материалистического понимания истории. Другое направление состояло из ученых, методология которых сформировалась в послеоктябрьский период и которые стояли на позициях исторического материализма, применяли его к исследованию конкретных проблем истории древнего мира: А. И. Тюменев, В. С. Сергеев, С. И. Ковалев, П. Ф. Преображенский, Н. М. Никольский, А. В. Мишулин и др.

Общая ситуация в советской историографии 20-х годов характеризуется, с одной стороны, распадом концепций ученых дореволюционной школы, с другой — укреплением методологических позиций молодого поколения историков-марксистов, которые к началу 30-х годов начинают определять лицо советской историографии античности. Идейная борьба двух направлений в советской историографии в 20-х годах проходила на фоне острой полемики советской науки в целом с зарубежной буржуазной историографией, с нарастанием в ней реакционных тенденций антиисторизма, агностицизма и расизма.

Научная и педагогическая деятельность ученых дореволюционной школы, которые передавали свой богатый опыт и знания новому поколению советских историков, олицетворяла живую связь между лучшими традициями старой науки и новой, советской историографией. Особенно большую роль в развитии советского антиковедения из представителей дореволюционной профессу-

ры сыграли ставшие в советское время академиками С. А. Жебелев и В. П. Бузескул.

С. А. Жебелев в 20-х годах написал первые учебные пособия по истории Древней Греции (1920), эллинизма и Рима (1922—1923); им же выпущены новые в русской литературе учебные пособия по археологии — «Введение в археологию. Ч. I. История археологического знания. Ч. II. Теория и практика археологического знания» (Пг., 1923). В 20-х годах в творчестве С. А. Жебелева получает преобладание тематика Северного Причерноморья. Им был создан ряд фундаментальных работ по истории и экономике Боспорского государства и Херсонеса Таврического. Другой важной темой научных интересов Жебелева становится исследование классовой борьбы в древнем мире, приведшее к открытию крупного восстания рабов под руководством Савмака на Боспоре (1932). Глубокий интерес к проблемам классовой борьбы в античном мире показал, что маститый ученый овладел основными положениями исторического материализма.

В. П. Бузескул оставался профессором Харьковского университета и разрабатывал традиционные для него темы афинской демократии, историографии и источниковедения Древней Греции, выпустив в 20-х годах ряд монографий: «Афинская демократия. Общий очерк» (1920), «Перикл» (1923), «Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Ч. I и ч. II», «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. Ч. I и ч. II» (1929—1931). В. П. Бузескул продолжал исследования начатых им еще до Октябрьской революции тем в русле либерально-позитивистских взглядов.

Положение в позднеримском обществе и его переход к средневековью изучал Д. М. Петрушевский. Под его редакцией в 1925 г. вышел перевод труда М. Вебера «Аграрная история древнего мира». В 1928 г. им была издана монография «Экономическая история средних веков», которая показала, что Д. М. Петрушевский находился под сильным влиянием неокантианских взглядов Макса Вебера.

Однако все более возрастающую роль в развитии марксистской исторической науки начинают играть ученые, научная деятельность которых развернулась после Октябрьской революции и которые изучали историю

древнего мира с позиций исторического материализма. В советском марксистском антиковедении сыграла особую роль научно-исследовательская деятельность А. И. Тюменева, В. С. Сергеева и С. И. Ковалева. А. И. Тюменев еще в дореволюционное время стал глубоко изучать марксистскую теорию исторического процесса и успешно применять ее к исследованию конкретных проблем древней истории. Результатом этих занятий стала серия монографий по истории Древней Греции, опубликованных в 20-х годах: «Очерки экономической и социальной истории Древней Греции», (т. I—III, 1920—1922); «Существовал ли капитализм в Древней Греции. К вопросу о генезисе капитализма. Опыт сравнительно-исторического исследования» (1923); «Введение в экономическую историю Древней Греции» (1923). Эти труды Тюменева стали важным вкладом в разработку марксистской историографии античности, оказали воздействие на формирование молодых кадров историков-марксистов. Тюменев выступил как против ойкосной теории К. Бюхера, так и против модернизаторской концепции Эд. Мейера, определил специфику рабовладельческой экономики, ее классовой и сословной структуры.

К 20-м годам относится начало научной деятельности В. С. Сергеева и С. И. Ковалева. Перу В. С. Сергеева принадлежит ряд учебных пособий по истории рабовладельческих обществ (1924), истории Древней Греции и Древнего Рима (1922), написанных с марксистских позиций. Но ему были присущи все достоинства и недостатки школы Покровского. В частности, он разделял его точку зрения на существование феодализма и торгового капитализма в античности. В русле этих же взглядов были и первые работы С. И. Ковалева, с 1924 г. начавшего преподавание в Ленинградском университете. В 2-томном курсе лекций «Курс всеобщей истории» (1923—1925), так же как и в других работах этого времени, Ковалев придерживается циклической теории развития, постоянно оперирует понятиями «феодализм», «капитализм», «пролетариат», «крестьянская революция».

Как В. С. Сергеев, так и С. И. Ковалев в конце 20-х — начале 30-х годов приняли самое активное участие в дискуссиях по различным проблемам социально-экономических формаций, в процессе которых они пересмотрели свои ошибочные взгляды на понимание соци-

ально-экономической природы древнего мира и пришли к признанию концепции рабовладельческой формации и античного способа производства. С. И. Ковалев в начале 30-х годов опубликовал ряд работ, посвященных анализу рабовладельческой формации и античного способа производства в трудах основоположников марксизма-ленинизма, некоторым теоретическим проблемам античной формации, в том числе периодизации древней истории, основному противоречию рабовладельческого общества, сущности античной экономики, роли социальных движений и рабских восстаний в древности.

В работах крупного советского историка П. Ф. Преображенского исследовались с марксистских позиций проблемы древних религиозных верований, раннехристианских воззрений, различные аспекты античной культуры. Б. Л. Богаевский, Е. Г. Кагаров, А. А. Захаров сосредоточили свое внимание на исследовании ранней истории эгейского мира, разложения первобытного строя и возникновения классов, стремясь применить положения исторического материализма к изучению генезиса античного классового общества и государства.

В 20-х годах начал активную исследовательскую деятельность по различным вопросам классической филологии, истории античной науки, античной общественной мысли С. Я. Лурье. В связи с активизацией атеистической пропаганды в нашей стране проводилось изучение раннего христианства в трудах П. Ф. Преображенского, Н. М. Никольского, А. Б. Рановича.

Для становления марксистской историографии античности оказалось плодотворным творческое содружество историков и археологов. Перед археологами была поставлена важная социологическая задача по исследованию материальной культуры, в том числе орудий труда и техники античного общества. Новаторской работой в области изучения античных орудий труда было небольшое исследование А. В. Арциховского «Социологическое значение эволюции земледельческих орудий» (1927), в котором развивалась мысль К. Маркса о значении орудий труда в производстве на примере эволюции римских земледельческих орудий. Автор дал оригинальную интерпретацию кризиса рабских отношений и возникновения колоната в Римской империи. Проявлением живого интереса к изучению орудий труда явилась публикация ряда работ, в том числе популярного харак-

тера, о технике античного общества (работы Б. Л. Богаевского, Е. Г. Кагарова, А. А. Агафонова, О. О. Арендта, И. И. Бронштейна, Р. В. Шмидт, П. Н. Шульца и др.), что является определенной заслугой молодой марксистской историографии.

В течение первого периода (1917—1934) советская наука прошла большой и сложный путь развития. В ходе поисков и напряженной борьбы молодой марксистской науки с традициями буржуазного мировоззрения, с реакционной зарубежной историографией советское антиковедение восприняло лучшие достижения прогрессивной русской историографии, овладело марксистско-ленинской методологией, творчески применило ее к исследованию конкретных исторических проблем древней истории, разработало концепцию рабовладельческой общественно-экономической формации, определяемой рабовладельческим способом производства, и на этой основе поставило ряд проблем, слабо исследованных в дореволюционной и зарубежной историографии: новое понимание особенностей античной экономики, анализ античной техники, роли и значения классовой борьбы.

Укрепление позиций марксистской историографии, распад и преодоление идеалистических взглядов представителей дореволюционной науки способствовали выработке к концу указанного периода в советском антиковедении методологического единства.

§ 3. Советская историография античности (середина 1930-х — середина 1950-х годов)

Построение социализма в СССР сопровождалось подлинной культурной революцией, составной частью которой было развитие науки и высшего образования. Советское правительство и Коммунистическая партия уделяли большое внимание становлению марксистской исторической науки. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 16 мая 1934 г. были подвергнуты критике упрощенчество и схематизм в понимании исторического процесса, восстановлено понятие полнокровной гражданской истории. В постановлении содержались указания о введении систематического курса гражданской истории в высших и средних учебных заведениях,

было предложено подготовить новые полноценные учебники по истории, с 1 сентября 1934 г. в Московском и Ленинградском университетах организовывались исторические факультеты с преподаванием всех разделов всемирной и отечественной истории.

Придавая важное значение изучению истории в школах, ЦК ВКП(б) 9 июня 1934 г. принял постановление «О введении в начальной и неполной средней школе элементарного курса всеобщей истории и истории СССР». На основе этих партийных решений в 1935—1936 гг. были открыты исторические факультеты во многих университетах и педагогических институтах страны. ЦК ВКП(б) и СНК СССР и в последующие годы пристально следили за развитием советской исторической науки. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 г. «Об учебниках по истории» были изложены условия конкурса на лучший учебник по истории, а 27 января опубликовано сообщение «В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП(б). О положении в исторической науке и преподавании истории». Тогда же появились замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории для вузов. В этих партийных и государственных документах отмечалась необходимость глубокого сочетания марксистско-ленинской теории с тщательным анализом исторических источников, создания полнокровной всемирной истории, отказа от схематизма, начетничества и догматизма.

С публикации указанных партийных документов начался новый этап в развитии советской исторической науки, в том числе и древней истории. На вновь открытых исторических факультетах был введен систематический курс древней истории, организованы кафедры истории древнего мира. В 1936 г. создан Институт истории АН СССР с сектором древней истории. С 1937 г. стал выходить специальный журнал «Вестник древней истории», ставший не только ведущим печатным органом советской науки о древнем мире, но и центром, координирующим научную деятельность в области древней истории в нашей стране. Благодаря всем этим мерам были созданы благоприятные условия для развития советской исторической науки.

Одной из первоочередных задач историков в указанный период являлась подготовка новых учебников и

учебных пособий для государственных университетов и педагогических институтов. Новые учебные пособия по истории древнего мира для высших учебных заведений разрабатывались в 30-х годах В. С. Сергеевым и С. И. Ковалевым, имевшими опыт в написании учебников. В 1934 г. В. С. Сергеев создает учебное пособие по истории Древней Греции, которое в переработанном виде в 1939 г. было утверждено в качестве учебника для исторических факультетов и педагогических институтов. Этот учебник с некоторыми исправлениями и дополнениями Н. А. Машкина и А. В. Мишулина был выпущен вторым изданием в 1948 г. и является одним из лучших советских учебников по истории для высшей школы.

В 30-х годах В. С. Сергеев написал учебное пособие и по римской истории «Очерки по истории древнего Рима. Ч. I и ч. II» (1938), которое в течение последующих десяти лет было лучшим учебником по истории Древнего Рима. Много внимания подготовке новых учебников уделял С. И. Ковалев. В 1937 г. им был издан курс лекций «История античных рабовладельческих обществ. Ч. I — Греция, ч. II — Эллинизм. Рим». Большое значение имел капитальный курс лекций С. И. Ковалева «История Рима» (1948), где обстоятельно излагалась древнеримская история на основе всех достижений советской исторической науки. Из других учебников приобрела большую популярность «История Древнего Рима» Н. А. Машкина (первое издание — 1947 г.; второе — 1949 г.; третье — 1956 г.). Сокращенные учебные пособия по истории Древней Греции и Рима были созданы А. В. Мишулиным, К. М. Колобовой, С. Я. Лурье, А. Г. Бокщаниным, В. Н. Дьяковым.

Для всех учебников и учебных пособий, как самых подробных, так и относительно кратких, был характерен общий методологический подход к изложению древней истории Греции и Рима как обществ, проходящих стадию рабовладельческой общественно-экономической формации, в основе которой лежал рабовладельческий способ производства. Движущей силой античного общества была классовая борьба прежде всего основных классов-антагонистов: класса рабов и класса рабовладельцев. История древних обществ рассматривалась как история зарождения рабовладельческих отношений, их расцвета и разложения. В недрах античного общества возникают новые, феодальные отношения, которые после

падения античного мира становятся основой новой, более высокой феодальной формации.

Экономика, классовая структура античного общества определялась как своеобразная, качественно отличная от таковых феодального и капиталистического обществ. Политическая история и культура рассматривались на фоне социально-экономического развития рабовладельческого общества и обусловливались этим развитием. Во всех учебниках и учебных пособиях излагался полный курс древней истории начиная с распада родового строя, возникновения классов, прослеживался весь цикл развития вплоть до кризиса рабовладельческих и зарождения новых, феодальных отношений, причем показывались разные стороны этого процесса, включая социально-экономическую структуру, перипетии социальной и политической борьбы, государственную организацию и эволюцию культуры, хотя преимущественное внимание уделялось проблемам социально-экономического развития. Учебники Сергеева (1948), Ковалева (1948), Машкина (1949) встретили положительный отклик за рубежом, были переведены на ряд европейских языков.

Создание современных учебников для высшей школы было результатом серьезной исследовательской работы советских историков в разных разделах истории древнего мира. Разработка сложных проблем конкретного исторического процесса античных обществ требовала вынесения на широкое обсуждение специалистов ряда принципиальных вопросов. В 1939—1940 гг. в процессе подготовки одной из глав III тома «Всемирной истории» была открыта дискуссия о характере общественного устройства эгейского общества III—II тыс. до н. э.; утвердилась точка зрения о рабовладельческом характере общественного строя на Древнем Крите и в микенской Греции, блестяще подтвержденная после расшифровки линейного письма Б в 1953 г.

Плодотворные дискуссии прошли в первой половине 50-х годов. В 1953 г. на историческом факультете МГУ состоялась дискуссия об эллинизме: о характере эллинистического общества, сущности эллинизма и его историческом месте в системе древнегреческого и древнеримского общества. В 1953—1955 гг. на страницах журнала «Вестник древней истории» состоялся обмен мнениями по основным вопросам падения рабовладельческого строя в период поздней античности. Во время этих дис-

куссий выступили наиболее крупные представители советской науки, прошел плодотворный диспут по коренным проблемам социально-экономического развития античных рабовладельческих обществ, выявились различные точки зрения на ряд принципиальных вопросов в развитии рабства. Результаты этих дискуссий самым положительным образом сказались на дальнейшем развитии советской исторической науки об античности.

С середины 30-х годов возрастает число научно-исследовательских работ по многим разделам античной истории. Ведущей темой многих советских историков становятся вопросы классовой и социальной борьбы в античном мире. Особый интерес к этим проблемам вызывался стремлением понять процесс развития античного общества и трансформации рабовладельческого способа производства. Классовая борьба рассматривалась не как частный эпизод жизни античного общества, а как движущая сила его развития, определявшая его основные особенности. Перед советскими учеными встала задача собрать максимально полные данные о классовой борьбе в античности и прежде всего о волнениях и восстаниях рабов. Представители буржуазной историографии проявляли слабый интерес к этим проблемам, проходили мимо многих проявлений классовой борьбы рабов, стремились подорвать доверие к таким данным, имеющимся в источниках.

В указанном направлении была проведена большая исследовательская работа, заботливо собраны многие данные, имеющиеся в мировой литературе. На русский язык переводились работы о восстаниях рабов, в частности книга К. Бюхера «Восстания рабов 143—129 гг. до Р. Хр.», капитальное исследование А. Валлона «История рабства в античном мире» (1941). Новаторский характер имело исследование академика Жебелева «Последний Перисад и восстание скифов на Боспоре» (1933), в котором автор на основе тщательного источниковедческого анализа надписей смог открыть факт крупного восстания скифских рабов в конце II в. до н. э. на Боспоре. Вместе с С. И. Ковалевым С. А. Жебелев обратился к изучению крупнейших восстаний рабов в Риме: первого и второго грандиозных восстаний в Сицилии и движения Спартака (1934). Эти работы подготовили появление крупного исследования о восстаниях рабов в Риме и прежде всего о крупнейших из них — восста-

нии Спартака (А. В. Мишулин «Спартаковское восстание» 1936).

Монография как бы подводит известный итог научной работе советских ученых в указанной области. По существу, в этом труде дано исследование всех проявлений волнений и восстаний рабов на острове Сицилия до спартаковского движения. Последнее рассматривалось автором как некая кульминация классовых противоречий римского рабовладельческого общества. В тесной связи с основной линией классовой борьбы, т. е. с борьбой класса рабов с классом рабовладельцев, автор исследует и социальные столкновения между разными слоями свободного населения, в том числе аграрное движение разоряющегося крестьянства. А. В. Мишулин считал, что главные направления социальной борьбы были подчинены ведущему классовому противоречию, которое и определяло внутреннюю жизнь Римской республики, привело ее к падению и рождению императорского режима.

А. В. Мишулин сделал попытку проследить своего рода внутреннюю логику в ходе восстаний рабов и отметил возрастание организованности в каждом из них, считая, что наивысшей степени движение достигло в восстании италийских рабов под руководством Спартака, которое он определяет как крупнейшую «рабскую революцию». Ученый поставил вопрос и о причинах столь большой остроты ведущего классового противоречия в римском обществе. Подводя итог многим исследованиям экономики и техники римского общества в советской науке 30-х годов, он подчеркнул необычайно тяжелое положение класса рабов, беспощадность и бесчеловечный характер их эксплуатации. Низведенные до уровня животных, подвергаемые самой изощренной эксплуатации, рабы готовы были восстать в любую минуту.

Исследуя на материалах источников классовую борьбу рабов, рассматривая ее в качестве главной движущей силы римского общества, А. В. Мишулин и С. И. Ковалев выдвинули во второй половине 30-х годов особую теорию революции рабов в древнем мире, разработанную под влиянием высказывания Сталина о революции рабов, которая ликвидировала якобы рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Согласно этой теории, все развитие рабовладельческого Рима определялось классовой борь-

бой рабов против рабовладельцев, которая уже с сицилийских восстаний принимает форму рабской революции и, по существу, почти не прекращается со II в. до н. э. и до V в. н. э., пройдя через две кульминации: первая — II—I вв. до н. э., приведшая к падению республики, вторая — III—V вв. н. э., закончившаяся гибелью рабовладельческого строя. Рабская революция, революционные выступления рабов трактовались как массовые движения, имеющие союзников среди античного крестьянства и других обездоленных слоев общества, но гегемоном общего революционного движения признавались рабы.

В 40-х годах более глубокое исследование различных проблем классовой борьбы рабов заставило пересмотреть теорию революции рабов, в частности отказаться от концепции непрерывной революции рабов начиная со II в. до н. э., а выступления рабов, колонов и угнетенного населения IV—V вв. рассматривать как составную часть той социальной революции, в результате которой произошли падение рабовладельческого Рима, трансформация рабовладельческих отношений в феодальные. В литературе конца 40-х — начала 50-х годов стали уделять большее внимание роли варварских вторжений, движению других слоев угнетенного населения.

Кроме С. А. Жебелева, А. В. Мишулина, С. И. Ковалева различные аспекты классовой и социальной борьбы в античном обществе разрабатывали также В. С. Сергеев, Н. А. Машкин, А. Д. Дмитрев, которые в своих работах по истории социальных движений, включая еретические, показали их большую роль в жизни Римской империи, особенно в ее поздний период. Систематическое изучение различных аспектов классовой борьбы в трудах этих ученых показало сложный характер социальных движений; участие в них рабов, колонов, бедноты, закабаленных провинциалов заставило трактовать в целом революционные движения позднего времени не как рабские, а как народные движения. Особенно обстоятельно различные аспекты революционных движений были исследованы А. Д. Дмитревым в докторской диссертации «Социальные движения в Римской империи» (1949).

Исследование проблем античного рабства, классовой борьбы в древнем мире базировалось на римском материале, с одной стороны, в силу того, что именно в Риме наиболее остро проявились классовые противоречия ан-

тичного рабовладельческого общества, с другой стороны, из-за относительного обилия сохранившихся там источников. Тем не менее в литературе 30—50-х годов получили свою разработку и другие аспекты классовой и социальной борьбы. Одной из популярных тем стало аграрное движение братьев Гракхов, которое изучается в тесной связи с углублением рабовладельческих отношений и обострением основного классового конфликта этой бурной эпохи (труды В. С. Сергеева, Н. А. Машкина, А. Г. Бокщанина, С. И. Протасовой). Внимание исследователей привлекают события заговора Катилины, который изучается в контексте запутанной внутриполитической ситуации в Риме после спартаковского восстания (работы В. С. Сергеева, П. Ф. Преображенского, Г. М. Лившица, С. Н. Бенклиева, М. П. Алексеевой).

Значительно меньше исследовались аспекты классовой и социальной борьбы в древнегреческом обществе. Наиболее популярными темами было становление древнегреческой государственности в VII—VI вв. до н. э., рассматривавшееся как заключительный этап социальной революции, в процессе которой произошло рождение рабовладельческого общества и государства в Греции. Изучение конкретного материала раннегреческой истории было проведено К. М. Колобовой, А. К. Бергером, С. Я. Лурье, О. О. Крюгером, А. Г. Бокщаниным, А. И. Доватуром. Проблемам классовой борьбы в классический период как одной из движущих сил развития греческого общества посвятили свои работы А. В. Мишулин, А. К. Бергер, О. О. Крюгер.

В целом разработка различных проблем классовой и социальной борьбы в античном обществе как в плане анализа конкретного исторического материала, так и в плане теоретического его осмысления, создание новой концепции классовой и социальной борьбы в общем историческом процессе явились большим достижением советской науки об античности. Проблемы классовой и социальной борьбы в античном обществе изучались не изолированно, а в тесной связи с разработкой коренного вопроса античного рабовладельческого общества — сущности рабской эксплуатации и характера основного противоречия. В трудах В. С. Сергеева, С. И. Ковалева, Н. А. Машкина, А. В. Мишулина, К. В. Островитянова, В. Н. Дьякова была развита цельная концепция сущности рабовладельческой эксплуатации Главными клас-

сами античного общества были рабы — основные производители — и рабовладельцы; допускалось существование свободных производителей в лице мелких крестьян, но их значение не было ясным и разные ученые понимали их роль и в процессе производства, и в классовой борьбе по-разному: от союзников рабов до их противников.

Основной производственной ячейкой римского (как наиболее развитого) рабовладельческого общества считалась латифундия, обрабатываемая множеством рабов, лишенных семьи и собственности, живущих в рабских тюрьмах — эргастулах. Рабы подвергались самой чудовищной эксплуатации, жили в самых тяжелых условиях; рабовладельцы стремились выжать из них максимум продукта в минимум времени. В таких условиях раб быстро истощал свои силы и заменялся новым, поскольку в условиях кабального рабства, победоносных войн и военных грабежей рабы были дешевы. Основным источником пополнения рабской рабочей силы признавались военные действия, а война рассматривалась как один из важнейших факторов воспроизводства античного хозяйства. С прекращением победоносных войн происходит сокращение источников рабства, рост отпущенничества, развитие колонатных отношений, закрепление рабов на земле, распространение доморощенного рабства.

Сам рабский труд расценивался как подневольный, непроизводительный, малоквалифицированный, при котором был затруднен, а фактически невозможен технический прогресс. Основное противоречие рабовладельческого общества усматривалось в незаинтересованности и низкой квалификации рабского труда и в непреодолимом движении производительных сил, которое конкретно выливалось в противоречие между мелким хозяйством свободных производителей и латифундиальным централизованным рабским хозяйством, в бесчеловечной эксплуатации рабов, приводившей к острейшей классовой борьбе, в процессе которой рабовладельческие отношения должны были погибнуть. Следует заметить, что в отличие от исследований классовой борьбы, основанных на изучении источников, работы о сущности экономики рабовладельческого общества носили преимущественно теоретический характер, отличались слабым анализом источников. В этих исследованиях

зачастую не проводилось различий между античным рабством и рабством нового времени (в XIX в. в Америке).

Наряду с изучением общих проблем античного рабовладельческого общества как формации в трудах советских историков этого времени получили глубокую разработку конкретные исторические проблемы истории Древней Греции и Древнего Рима. Истории Греции архаического периода были посвящены многие труды К. М. Колобовой, которая занялась анализом становления раннерабовладельческого общества и государства на материалах Аттики VII—VI вв. до н. э. и острова Родос IX—VI вв. до н. э. Ее исследования архаической истории Родоса завершились созданием капитального труда, в котором на очень сложном и малоисследованном в мировой литературе материале родосской истории был прослежен процесс разложения родового строя, формирования рабовладельческих отношений и государственности.

Крупным специалистом в области социально-экономических отношений Древней Греции был О. О. Крюгер. Ему принадлежат глубокие исследования классовой борьбы в Греции и одна из фундаментальных работ по экономической истории птолемеевского Египта, а также общий очерк социально-экономической истории эллинизма. Различные аспекты древнегреческой социально-экономической истории стали предметом специального рассмотрения в трудах Р. В. Шмидт, в частности исследование горного дела и металлообрабатывающего производства в Древней Греции (1935).

Большая работа была проделана советскими учеными в области изучения эллинистической истории. С. И. Ковалев сосредоточил свое внимание на изучении различных вопросов, связанных с политической деятельностью Александра Македонского, что завершилось изданием монографии «Александр Македонский» (1937). К. К. Зельин на большом материале источников успешно разрабатывал сложные вопросы землевладения в птолемеевском Египте и социально-экономического развития эллинистических стран. Он предложил оригинальную трактовку сущности эллинизма как конкретно-исторического явления, не совпадающего с понятием «этап» в развитии рабовладельческого общества. Много внимания изучению эллинистической истории в 40-х го-

дах уделял А. Б. Ранович. Его монография «Эллинизм и его историческая роль» (1950) стала некоторым итогом многих конкретных исследований советских ученых 30—40-х годов. Автор дал как теоретическое понимание сущности эллинизма, сложившееся к тому времени в нашей науке, так и конкретно-историческое исследование частных аспектов эллинистической истории. Эллинизм рассматривался как этап в развитии античного рабовладельческого общества, как исторически необходимый результат всего предшествующего развития античной Греции. Эллинизм в целом, представляя собой своеобразный общественный переворот, хотя и не революцию, означал повторение развития античного рабовладельческого общества на более высокой ступени. Однако эллинизм вскоре исчерпал свои исторические возможности, завершился кризисом всей социально-экономической системы, выходом из которой было подчинение эллинистических стран Римом и развитие рабовладельческой формации на новой, более высокой ступени.

Активную исследовательскую деятельность в указанный период проводил С. Я. Лурье. Он занимался широким кругом проблем гражданской истории, истории науки, античного литературоведения, классической филологии. Его исследования по истории античной науки завершились изданием монографий «Архимед» (1945), «Очерки по истории античной науки» (1947), «Геродот» (1947) и «Демокрит» (1937). Ему же принадлежит ряд статей, посвященных главным образом политической истории Афин V в. до н. э.

Большой вклад в развитие классической филологии в указанный период сделали следующие специалисты в этой области — И. И. Толстой, С. И. Соболевский, С. И. Радциг, И. М. Тронский. Академик И. И. Толстой возглавил работу по подготовке к изданию «Корпуса боспорских надписей», опубликовал такой оригинальный источник, как «Греческие графити Северного Причерноморья» (1953). Ему принадлежат глубокие исследования о фольклоре и фольклорных материалах, которые мастерски использованы при изучении древнегреческой литературы. В небольшой монографии «Аэды. Античные творцы и носители античного древнего эпоса» (1958) дается оригинальная трактовка процесса создания гомеровских поэм. Под редакцией Толстого в 1948 г.

был издан интересный сборник «Элинистическая техника».

Развитие классической филологии этого времени нельзя себе представить без трудов С. И. Соболевского — одного из выдающихся русских и советских ученых, прекрасного переводчика произведений Лисия, Ксенофонта, Эпикура, Теренция, автора оригинальной научной грамматики латинского и древнегреческого языков, одного из лучших в мире знатоков Аристофана, завершившего свои исследования капитальным трудом «Аристофан и его время» (1957). Соболевский явился одним из организаторов и авторов наиболее значительных исследований в области древнегреческой (т. I—III, 1946—1960) и римской (т. I—II, 1959—1962) литературы.

Ряд трудов в области классической филологии был подготовлен авторами университетских курсов и учебников по истории античной и древнегреческой литературы С. И. Радцигом и И. М. Тронским.

30—50-е годы — время повышения научной активности советских археологов, предпринявших систематические раскопки ряда центров Северного Причерноморья: Боспора, Херсонеса Таврического, Ольвии. С середины 30-х годов развернулись систематические работы крупных археологических экспедиций под руководством В. Д. Блаватского и В. Ф. Гайдукевича в районе Пантикапея, М. М. Кобылиной — в Фанагории, Г. Д. Белова и С. Ф. Стрежелецкого — в Херсонесе, Л. М. Славина — в Ольвии, в результате которых в научный оборот вошел обширный археологический материал, существенно пополнивший наши знания об античных центрах Северного Причерноморья. Новые исследования позволили поставить и предложить решение важных вопросов исторического и культурного развития этого региона древнего мира в таких обобщающих трудах, как «Боспорское царство» В. Ф. Гайдукевича (1949), «Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк» Г. Д. Белова (1948), «Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму» С. Ф. Стрежелецкого (1961), «Древний город Ольвия» Л. М. Славина (1951), «Фанагория» М. М. Кобылиной (1956) и др.

История Северного Причерноморья в целом, периодизация исторического развития всего региона, особенности социально-экономической структуры, разнообразие государственной организации, связи ведущих поли-

сов и государств между собой, взаимоотношения с окружающей скифской и сарматской периферией, а также с полисами Балканской Греции, Малой Азии, далекой Италии стали предметом систематического изучения ведущих советских ученых в этой области — С. А. Жебелева, А. И. Тюменева, В. Д. Блаватского, В. Ф. Гайдукевича, Д. П. Каллистова, В. Н. Дьякова. Работы советских ученых опирались на глубокую разработку самых разнообразных аспектов истории Северного Причерноморья, которую провел в последние 12 лет своей жизни С. А. Жебелев. Его многочисленные исследования были изданы отдельным сборником «Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи» (1953). Серьезным вкладом в историографию этого региона был выпуск серии «Причерноморье в античную эпоху» под редакцией В. Н. Дьякова, в рамках которой вышло 10 книг. В этих монографиях подверглись изучению разнообразные моменты истории всего Северного Причерноморья (земледелие, военное дело, взаимоотношения с Римом, городские образования Западного Причерноморья, история Византии и др.).

Важное значение для разработки различных проблем археологии, культуры, социально-экономических и многих других вопросов истории Северного Причерноморья имели многочисленные труды В. Д. Блаватского, возглавлявшего работы по археологическому обследованию Харакса, Фанагории, Пантикапея, сельских поселений Таманского полуострова. В его творчестве преимущественное место занимали проблемы развития земледелия и аграрных отношений, военного дела и военной организации, античной культуры, общих линий развития государственных образований Северного Причерноморья. Перу Блаватского принадлежит обобщающий труд «Античная археология Северного Причерноморья» (1961), где подведены итоги изучения этого района в советской историографии к концу 50-х годов. Анализ взаимоотношений между греческими городами Крыма и Римом и той роли, которую играл Крым в римской восточной политике, в стратегических замыслах Римской империи в Причерноморье, предпринял В. И. Дьяков в книге «Таврика в эпоху римской оккупации» (1942). Исследования советских ученых в области Северного Причерноморья, основанные на марксистско-

ленинской методологии, на археологических изысканиях, на достижениях русской дореволюционной науки, стали крупным вкладом в мировую историографию.

Успешно продолжалось изучение древнеримской истории. Наиболее крупными исследователями в этой области в данный период были В. С. Сергеев, А. В. Мишулин, Н. А. Машкин, Р. Ю. Виппер, А. Б. Ранович, М. Е. Сергеенко, О. В. Кудрявцев. В послевоенные годы Мишулин занялся историей античной Испании. Серия его работ в этом направлении завершилась изданием книги «Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н. э.» (1952), единственного монографического исследования по истории античной Испании в советской литературе.

Вторая половина 30-х годов — время интенсивного научного творчества В. С. Сергеева. Особое внимание ученого привлекают вопросы формирования императорской власти. Его интересовали ключевые проблемы этого сложного исторического процесса: движение братьев Гракхов, диктатура Суллы, заговор Катилины, диктатура Юлия Цезаря, принципаты Августа, Тиберия, Клавдия, Антонинов и Северов, распространение колоната, кризис Римской империи в III в. Сергеев — один из первых советских исследователей, рассматривавших процесс развития императорской власти с точки зрения ее социальных основ и социальной природы.

С конца 30-х годов началась активная научно-педагогическая деятельность Н. А. Машкина, продолжившего лучшие научные традиции Сергеева. Это проявилось не только в том, что он продолжал его работу по написанию учебников для высшей школы, но и в плане интереса к изучению социальной сущности императорской власти. Ключевой темой своего научного творчества Машкин избрал изучение генезиса римского монархического устройства, формирования социальной сущности цезаризма и принципата Августа. Ряд его работ в этом направлении завершился выпуском фундаментального труда «Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность» (1949), удостоенного Государственной премии СССР. Монография была переведена на ряд иностранных языков и стала вкладом в развитие мировой науки. Другой крупной научной проблемой, привлекшей внимание ученого, было изучение римских провинций, в частности Африки.

В последние годы своей жизни С. И. Ковалев разработал проблемы происхождения патрициев и плебеев в раннем Риме, сущность социального переворота в римском обществе III—V вв. н. э. Из-под его пера вышли глубокие исследования по различным вопросам раннего христианства, например «Основные вопросы происхождения христианства» (1964).

В 40—50-х годах продолжалась научная деятельность академика Р. Ю. Виппера, сосредоточившего свой интерес на сложных проблемах кризиса языческой идеологии и возникновения христианства, в том числе и христианской литературы. В его трудах была предложена оригинальная концепция возникновения христианских воззрений, показана их тесная зависимость от круга идей античной философии, в частности Сенеки и Плутарха.

Проблемам возникновения раннехристианской церковной организации посвятил монографическое исследование А. Б. Ранович — «Очерки истории раннехристианской церкви» (1941). Его перу принадлежат также монографии о восточных провинциях Римской империи в I—II вв., о социальной борьбе в иудейском обществе во время иудейского восстания I в. н. э.

С середины 30-х годов начали выходить глубокие исследования римского сельского хозяйства М. Е. Сергеенко. Ее работы стали примером тщательного исследования источников, в результате которого ей удалось осветить многие стороны римского сельского хозяйства, определить его специфику. Сергеенко принадлежат переводы на русский язык агрономических сочинений, к которым она дала подробный комментарий: Катона, Варрона, некоторых книг Колумеллы, Плиния Старшего, «О происхождении растений» Феофраста.

В конце 40-х — начале 50-х годов проходила активная научная деятельность О. В. Кудрявцева. Круг его научных интересов был достаточно широк: кризис полисного устройства в Риме I в. до н. э., главные направления римской восточной политики, история римских провинций. В частности, им было опубликовано монографическое исследование «Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры» (1954).

Во второй период развития советской историографии (середина 30-х — середина 50-х годов) были преодолены остатки, с одной стороны, догматических положений, свойственных работам 20-х годов, в том числе последователям школы Покровского, с другой стороны, идеалистических теорий дореволюционной буржуазной историографии. Были подвергнуты глубокому исследованию самые различные проблемы античной истории, где советские историки предложили свое оригинальное решение. Была разработана концепция рабовладельческого общества, открывшая благоприятные возможности конкретного исследования исторического процесса. Советские историки успешно реализовали эти возможности и создали ряд фундаментальных трудов, которые явились ценным вкладом в мировую историографию античности.

§ 4. Современная советская историография античности

Большое воздействие на развитие советской исторической науки оказали решения XX съезда КПСС и постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», в которых подчеркивалась необходимость творческого развития марксистско-ленинской теории, инициативы в постановке теоретических вопросов, изживания догматизма и начетничества в идеологической работе. Внимание ученых было направлено на тщательный анализ конкретного материала, отказ от привнесенных в науку абстрактных, не вытекающих из источников положений, на творческое изучение исторического процесса. Это не могло не оживить исследовательской работы советских специалистов, в том числе и в области древней истории. Акцентирование внимания ученых на исследовании конкретного материала, на творческом применении марксистско-ленинской теории оживили теоретическую разработку многих разделов всемирной истории, привели к уточнению созданной в предшествующий период общей концепции рабовладельческой общественно-экономической формации.

Совершенствуются организационные формы научной и педагогической деятельности советских историков античности. Помимо действующих университетских кафедр древней истории в Москве, Киеве, Ленинграде, Сверд-

ловске, Минске возникают кафедры древней истории и средних веков во вновь основанных университетах, открытых во всех союзных и автономных республиках, крупных городах СССР. В академиях наук союзных республик организуются отделы и сектора, занимающиеся изучением древнейших периодов, включая и античную историю.

Значительно увеличился размах археологических работ в районах Северного и Восточного Причерноморья, в Советском Закавказье и Средней Азии, которые ввели в научный оборот много нового материала.

Одной из важнейших задач советских античников в 60—70-е годы было глубокое исследование различных сторон рабства как особой социально-экономической системы. Важность этой задачи заключалась в том, что созданная в 30—40-х годах концепция античной рабовладельческой формации в значительной степени опиралась на теоретические построения, а в зарубежной буржуазной историографии произошел поворот к более внимательному изучению античного рабства и признанию его в качестве важного элемента античных общественных структур (например, школа Фогта). Естественно, советские ученые должны были противопоставить этому новому направлению, которое хотя и придавало большое значение античному рабству, но отрицало понятие рабовладельческой формации, собственную интерпретацию нового материала источников.

Практическим решением этой задачи стала работа над серией монографий «Исследования по истории рабства в античном мире», которую предпринял сектор древней истории Института всеобщей истории АН СССР. В рамках серии были опубликованы монографии Я. А. Ленцмана «Рабство в микенской и гомеровской Греции» (1963), сборники «Рабство на периферии античного мира» (1968), «Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э.» (1969), работа К. К. Зельина и Т. К. Трофимовой «Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период» (1969). Истории рабства в Риме посвящены: книга Л. А. Ельницкого «Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э.» (1964), две монографии Е. М. Штаерман — «Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике» (1964) и «Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия)» (1971), две коллективные ра-

боты по истории рабства в западных и восточных провинциях Римской империи. К указанной серии примыкает вышедшая в 1957 г. монография Штаерман «Кризис рабовдалельческого строя в Западной Римской империи».

Для всех изданий данной серии характерно несколько новых моментов: во-первых, исследование рабства на протяжении всего периода античной истории от Микенского времени до кризиса рабовладельческой системы в III в. н. э.; во-вторых, изучение таких сторон рабской системы, которые ранее слабо затрагивались (рабство на периферии античного мира, соотношение рабского и зависимого труда, изучение рабства в отсталых районах Греции, варианты развития рабовладельческих отношений в римских провинциях); в-третьих, проблемы рабства исследуются не в общем и потому схематическом плане, а на основе последних достижений источниковедения, путем самого скрупулезного, самого тщательного анализа всех доступных источников; в-четвертых, подвергнуты теоретическому анализу ряд фундаментальных аспектов рабства, например само понятие «рабство», основные критерии рабовладельческого характера античных обществ (численность рабов, историческая роль способа производства, рабовладельческая форма собственности), роль товарного производства и внеэкономического принуждения в оформлении рабской системы производства, различные формы классовой борьбы.

После выхода в свет указанной серии в распоряжении советской науки оказалась значительно модернизированная концепция рабовладельческого общества. Исследования советских ученых еще раз убедительно показали, что в основе всей античной цивилизации лежал рабовладельческий способ производства, который зародившись в процессе разложения родовых отношений, прошел длительную эволюцию, достигнув наиболее зрелых форм в римском обществе II в. до н. э. — II в. н. э., и широко распространился по всему Средиземноморью.

По своей сущности развитое рабство было сложной социально-экономической системой, которая предполагает сочетание элементов внеэкономического принуждения и отношений экономической зависимости с определенным уровнем простого товарного производства. Классовая и социальная структура рабовладельческого общества оказалась более расчлененной и динамичной, чем это казалось ранее. В частности, было доказано,

особенно в работах Е. М. Штаерман, что понятия «сословие рабов» и «класс рабов» не всегда совпадают и что внутри сословия рабов можно выделить группы, принадлежащие к различным классам. Одним из важнейших выводов указанной серии является положение о роли различных форм классовой борьбы в древности. Наряду с рабскими вооруженными движениями типа восстания сицилийских рабов во II в. до н. э. и восстания Спартака, было показано важное значение других форм проявления классовой борьбы, например отрицание всех духовных ценностей рабовладельческого мира в оппозиционных религиях, в частности в христианстве.

Значительно обогащает наше представление о рабовладельческом обществе введенное в научный оборот положение о сосуществовании наряду с рабовладельческим способом производства других социально-экономических структур нерабского типа. Большой заслугой авторов указанной серии является показ (на материале источников) конкретного механизма воздействия ведущего, т. е. рабовладельческого, способа эксплуатации и античной формы собственности на многие местные структуры, например в птолемеевском Египте, эллинистической Малой Азии, в римских провинциях, и приспособление последних к господствующим рабовладельческим отношениям.

Другим важным направлением в изучении рабовладельческого способа производства является выяснение сущности рабовладельческого производства как такового, главным образом на материалах решающей отрасли античного производства — римского сельского хозяйства. Это направление представлено работами М. Е. Сергеенко, Е. М. Штаерман, В. И. Кузищина. Были подвергнуты исследованию такие вопросы, как уровень и степень эксплуатации рабского труда, продолжительность рабочего дня рабов и нормы выработки, кооперация и специализация рабского труда, разделение труда в основной производственной ячейке. Одной из важных тем было выяснение социально-экономической роли основной производственной ячейки развитого рабства, которой была признана не латифундия и крупная рабская мастерская, а средняя рабовладельческая вилла и небольшой рабский эргастерий. Специальное исследование показало, что в системе рабской экономики существовал не один, а несколько типов хозяйства, что позволяет выявить

значительно более многообразную и структурно расчлененную рабскую экономику, чем это считалось раньше.

Более углубленное изучение рабской социально-экономической системы позволило по-новому поставить вопрос о соотношении рабовладельческого способа производства и полисного устройства. В литературе 30—40-х годов, как правило, отождествляли развитие классического рабства и полисной организации и связывали кризис полисной системы как в Греции IV в. до н. э., так и в Риме в конце республики с начинающимся кризисом рабской системы хозяйства. Подобная трактовка приводила к ряду внутренних противоречий в общей концепции античного рабовладельческого общества. В частности, трудно было связать широкое развитие рабовладельческих отношений в Средиземноморье в I—II вв. н. э. и предполагаемый кризис рабовладельческой системы хозяйства как таковой.

Специальные исследования сущности полисной организации на материалах как древнегреческой, включая IV век — эллинизм (работы В. Н. Андреева, Л. М. Глускиной, Л. П. Маринович, Э. Л. Казакевич-Грейс, Г. А. Кошеленко и др.), так и римской истории конца республики (работы С. Л. Утченко, О. В. Кудрявцева, Е. М. Штаерман и др.) показали, что неправомерно связывать развитие полисной организации и классического рабства. Напротив, можно говорить об их обратной зависимости и объяснять наивысшее развитие рабства, каким оно выступает в конце Римской республики и ранней Римской империи, как раз разложением классической полисной организации. Этот важный концептуальный вывод позволил преодолеть имеющиеся противоречия, придал в целом пониманию хода рабовладельческого способа производства более логичный характер.

Из крупных теоретических вопросов, которые были поставлены по-новому в последнее десятилетие, отметим проблему классового и социального устройства и роль общинной организации в античном мире. Как имеющие большое методологическое значение, эти проблемы стали предметом основных докладов высшего форума историков мира — международных конгрессов исторических наук. Сам факт выступления советских ученых на таких конгрессах — показатель большого авторитета советской науки, ее достижений. В 1970 г. на XIII конгрессе исторических наук в Москве И. М. Дьяконов и

С. Л. Утченко выступили с докладом «Социальная стратификация древнего общества», в котором было дано разграничение понятий «класс» и «сословие», подчеркнута незавершенность процесса классообразования в античности по сравнению с капиталистическим обществом. Важная роль в формировании классов признавалась не только за экономическим критерием, но также и за юридическими и традиционными нормами. Была намечена схема трехчленного классового деления применительно к античному обществу: 1) господствующий класс, владеющий средствами производства, но не занятый производительным трудом; 2) класс, владеющий средствами производства и принимавший в нем участие; 3) класс производителей, лишенных средств производства. Эти важные положения докладчиков были уточнены и развиты в дальнейших исследованиях, в частности в работах Е. М. Штаерман и В. И. Кузищина, и послужили теоретической основой для более конкретной разработки классовой и сословной структуры античного рабовладельческого общества.

На материалах истории Малой Азии и западных римских провинций Е. С. Голубцова и Е. М. Штаерман поставили новые для советской науки проблемы живучести общинной организации и ее немалой роли в историческом процессе в период античности.

На XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско в 1975 г. был представлен доклад Е. С. Голубцовой, В. И. Кузищина и Е. М. Штаерман «Типы общин в античном мире», где выдвигалась новая для советской науки теоретическая проблема: о роли и историческом месте общинной организации в античных рабовладельческих обществах. Общинная организация никогда не разрушалась и в большей или меньшей степени всегда сосуществовала наряду с рабовладельческим частным производством. В период наивысшего расцвета рабства в Италии или в некоторых наиболее романизированных провинциях общинная организация была сильно деформирована, а в ряде мест и разрушена, но целиком никогда не уничтожалась. Общинная организация не только продолжала свое существование как наследие дорабовладельческой эпохи, но и возникала заново в условиях господства рабовладельческих отношений (например, в провинциях) как одна из форм организации жизни и производства местного населения.

Правда, проблема общинной организации в античном мире пока поставлена в теоретическом плане, но ее важность несомненна. То или иное конкретное решение этой проблемы может изменить наши представления о сущности античного общества, его социально-экономической и политической системе.

Для современного периода развития советской историографии характерны расширение исследовательской проблематики, интенсификация всей научно-исследовательской работы, разработка многих новых для советской науки проблем. Советскими учеными изданы фундаментальные труды по истории социально-экономических учений, культуры, раннего христианства. Одной из активно разрабатываемых в советской науке проблем является взаимоотношение античной средиземноморской цивилизации с так называемой варварской периферией. Причем особенно эффективно в нашей историографии эта проблема изучалась на материалах тех античных центров, которые существовали в Северном и Восточном Причерноморье, в Закавказье и Средней Азии.

Публикации добытого во время многочисленных экспедиций нового материала, его историческое истолкование позволили воссоздать историю и культуру античных полисов Северного Причерноморья во всей полнокровности, выявить их сложные отношения с ведущими центрами средиземноморской цивилизации, с одной стороны, и миром племенных объединений южнорусских степей Крыма, Северного Кавказа и Средней Азии — с другой (работы В. Д. Блаватского, В. Ф. Гайдукевича, И. Т. Кругликовой, Д. Б. Шелова, Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова, К. Ф. Смирнова и др.).

Современный уровень научно-исследовательской работы характеризуется нарастающей интенсивностью аналитических штудий по конкретно-историческим проблемам и самым разным периодам древнегреческой и древнеримской истории. Относительно новой темой, разрабатываемой в советской историографии античности, является исследование различных вопросов истории ахейской Греции. Наиболее крупными из посвященных этой проблеме являются книга Я. А. Ленцмана «Рабство в микенской и гомеровской Греции» (1963) и две монографии Т. В. Блаватской: «Ахейская Греция II тыс. до н. э.» (1966), «Греческое общество II тыс. до н. э.» (1976). Вопросам эгейской культуры посвяще-

ны труды Т. Д. Златковской — «У истоков европейской культуры. Троя, Крит, Микены» (1961) и Н. А. Сидоровой — «Искусство эгейского мира» (1972). Проблемы землевладения и социальной дифференциации пилосского общества, распределения скота и состояния скотоводства, просопографии пилосских текстов исследуются в работах Р. Ф. Поляковой (1977). И хотя нельзя говорить о создании в советской литературе законченной картины социально-экономических отношений в ахейской Греции II тыс. до н. э., указанные исследования проливают на них достаточно яркий свет.

Разные точки зрения на историческую роль ахейского общества представлены в работах С. Я. Лурье, Я. А. Ленцмана и Т. В. Блаватской. Лурье считает, что развитие микенских обществ шло по иному пути, чем переднеазиатских древневосточных стран. Он подчеркивает важность частнособственнических отношений в Греции II тыс., общественно-политическую роль демоса, иную роль царской власти, в то время как Ленцман видит черты сходства в социально-экономической и политической структуре древневосточных стран и микенских монархий, в частности существование в последних больших дворцовых хозяйственных комплексов, в рамках которых проходило развитие рабовладельческих отношений. В работах Блаватской получил серьезное обоснование тезис о культурной и этнической преемственности в Греции III и II тыс., показаны большие достижения ахейских греков в сельском хозяйстве и ремесле, градостроительстве и технике, в создании оригинальной системы письменности, в искусстве и религии. В своем понимании места ахейской культуры в общем развитии Древней Эллады она склонна сильнее подчеркивать черты преемственности с последующей историей Греции, чем это делали Лурье и Ленцман.

Слабее был исследован так называемый гомеровский период. Кроме вышеупомянутой книги Я. А. Ленцмана о рабстве в микенской и гомеровской Греции, в которой помимо собственно отношений рабства в XI—IX вв. до н. э. уделено внимание характеристике экономических отношений в Элладе (XI—IX вв. до н. э.), можно назвать монографию Ю. В. Андреева «Раннегреческий полис. Гомеровский период» (1975). В ней автор исследует истоки полисного устройства, рассматривая поселения IX—VIII вв. как исходные начала позднейших полисов,

Основной структурной единицей в гомеровском обществе Андреев считает большую аристократическую патриархальную семью, которую он называет ойкосом. Обращается внимание на слабое отражение в гомеровском эпосе родовой организации, хотя она, возможно, существовала в реальной действительности. Одним из элементов социальной структуры, по Андрееву, является появление союзов лиц, объединенных дружескими узами, — это гетерии типа дружин или мужских союзов, отношения внутри которых строились по иному, некровнородственному принципу.

Изучаются различные аспекты греческой истории эпохи великой греческой колонизации VIII—VI вв. до н. э. Наиболее популярными темами являются ранняя афинская история, главным образом VI в. до н. э., в меньшей степени история Спарты и старшей тирании. Оригинальной, вносящей новые моменты в традиционную картину общественно-политических отношений в Аттике VI в. до н. э., является монография К. К. Зельина «Борьба политических группировок в Аттике VI в. до н. э.» (1964). Следует отметить труды К. М. Колобовой по топографии Афин — «Древний город Афины и его памятники» (1961) и о первых шагах афинской государственности в VIII—VII вв. до н. э. Новые аргументы в традиционные представления о ранней Спарте вносят работы Андреева, в частности его статья «Спарта как тип полиса» (1973), где он сопоставляет исторический путь развития спартанского и афинского полисов, отмечает черты их сходства и различия. Из других работ по истории архаической Греции следует отметить статьи Строгецкого об африканской и сицилийской экспедиции Дориэя, политическом пути Клисфена, о позиции Спарты во время ионийского восстания.

Монографическое описание одного из важнейших полисов VIII—VI вв. до н. э. Милета было проведено М. М. Кобылиной; она обстоятельно осветила историю, культуру, градостроительство и архитектуру этого важнейшего центра Греции. Старшей тирании в сицилийских городах, на Самосе, в Коринфе и Мегарах, Писистрату посвящены работы Т. Ф. Новиковой-Пиленковой и Скржинской. И хотя частных исследований по истории Греции VIII—VI вв. немало, тем не менее многие ключевые проблемы ранней, доклассической Греции нуждаются в дальнейшем синтетическом исследовании,

Довольно активно продолжалось изучение древнегреческой истории классического периода, причем преимущественное внимание уделялось истории Греции IV в.

Ведущей темой греческой истории V в. являются Афины и Афинский морской союз. В капитальной монографии А. К. Бергера дано наиболее полное в советской литературе исследование политической мысли древнегреческой демократии начиная с Анаксагора и кончая Демосфеном. Отталкиваясь от факта существования двух различных и враждебных социально-политических структур, представленных Спартой и Афинами, автор вскрывает две различные социально-политические идеологии — олигархическую и демократическую, по его мнению, слабо изученную в мировой литературе.

Разные аспекты напряженной внутренней обстановки в Афинах накануне и в конце Пелопоннесской войны подняты в публикации Э. Д. Фролова «Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э. (документы и материалы)» (1964) и в монографии М. С. Корзуна «Социально-политическая борьба в Афинах в 444—425 гг. до н. э.» (1975). В статьях Паршикова изучаются некоторые аспекты Афинского морского союза, в том числе такой важный, как афинская колонизация V в. в пределах морской державы.

Внешняя политика Афин в начале Пелопоннесской войны и ее отражение в греческой трагедии V в. стали предметом изучения Ю. В. Откупщикова. Меньшее внимание привлекала история Спарты V в. до н. э. Здесь можно отметить работы Строгецкого, особенно статью «О возникновении и структуре Пелопоннесского союза» (1975), и небольшое исследование Паршикова о процессе Павсания, где сделана попытка показать борьбу в Спарте двух политических группировок по вопросам внешней политики в момент рождения Афинского морского союза.

В монографии Л. Н. Казамановой «Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э.» (1964) исследуются слаборазработанные проблемы внутренней жизни и политического устройства такой периферийной области Греции, как остров Крит, и тем самым заполняется серьезная лакуна в нашей историографии.

Значительно активнее в 60—70-х годах изучался кризисный IV век греческой истории. Прежде всего следует отметить капитальный труд одного из старейших совет-

ских антиковедов А. И. Доватура «Политика и политии Аристотеля» (1965), подводящий итоги его длительной работы над этим интересным сюжетом. Монография Доватура — комплексное историческое, филологическое и источниковедческое исследование, в котором дан всесторонний анализ политической литературы IV в. Вскрывая тесную связь политических взглядов Аристотеля с острой социально-политической борьбой в Греции IV в., вызванной кризисом традиционных структур и возвышением Македонии, Доватур раскрывает политическую программу Аристотеля. По мнению автора, эта программа была достаточно реалистической и учитывалась в практической градостроительной политике во время восточного похода Александром и его диадохами во вновь основанных эллинистических государствах.

Традиционно одной из самых популярных была социально-экономическая проблематика. В ряде работ Глускиной вскрываются основные моменты социально-экономического кризиса Афин в IV в., в частности возрастание роли метеков и отпущенников в земледелии, в деловых операциях и государственном строительстве, ослабление связи гражданства с земельной собственностью, сложное переплетение частных и общественных интересов в эксплуатации лаврийских рудников. Вместе с тем автор показывает живучесть полисных традиций, примитивный характер экономики, которые сдерживали деловую активность негражданского населения, вызывали увеличение налогового бремени на все афинское население, вели к обострению социальных противоречий, усугубляли кризис, закрывали пути его преодоления.

Важный аспект кризиса полисной структуры исследовала Л. П. Маринович в монографии «Греческое наемничество IV века и кризис полиса» (1975). Автор рассматривает наемничество как яркий пример кризиса полиса, нарушение связи гражданина с землей, превращение гражданского ополчения, выступавшего ранее в качестве надежного гаранта полисной организации, в профессиональное войско, как свидетельство глубокого разложения традиционной структуры. Ослабление связи гражданина с полисным коллективом, возрастание экономического значения негражданских элементов, развитие профессионализма в военном деле явилось благоприятным моментом для замены полисных политических институтов иной формой власти, которая в IV в. до н. э.

приобрела характер так называемой младшей тирании.

В монографии Э. Д. Фролова «Греческие тираны» (1972) и в других работах рассмотрены конкретные ситуации, приведшие к возникновению режимов личной власти в ряде полисов Балканской Греции, дано определение социальной опоры и самого тиранического режима, выявляется историческая роль тирании.

Из других работ в области социально-экономической истории следует отметить исследования И. А. Шишовой; в коллективной монографии «Рабство на периферии античного мира» (например, рабство на Хиосе) ей принадлежит серьезный анализ не только некоторых проблем истории рабства, но и такой своеобразной формы зависимости, как пенестия в Фессалии. Некоторые стороны афинского рабства IV в. стали предметом ряда статей Э. Л. Казакевич, в частности особенности юридического и фактического положения рабов, причем автор подчеркивает относительную самостоятельность положения рабов, возможность их известной деловой активности. Вопросы землевладения и аграрных отношений в Аттике в IV в. до н. э., были подняты в работах В. Н. Андреева. Автор выступил против преувеличенного, по его мнению, в литературе представления о степени концентрации земельной собственности в Аттике в IV в. до н. э.; представляет интерес его исследование об известной роли общественной земли в системе аграрных отношений в Аттике.

Не оставлены без внимания и политические аспекты IV в. В частности, за последние годы появились работы, освещающие внутриполитическую борьбу в Афинах и различные политические программы (И. В. Поздеева, Э. Д. Фролов), историю Второго Афинского морского союза (Н. Н. Гребенский, Г. А. Цинзерлинг), борьбу Афин против македонского завоевания (К. М. Колобова).

Как можно видеть, за последние два десятилетия был подвергнут исследованию самый широкий круг вопросов истории классической Греции. Тем не менее следует отметить, что почти не получили освещения проблемы греческой экономики, истории таких важных полисов, как Коринф, Фивы; довольно слабым был интерес и к изучению такой богатой политической формы, как афинская демократия; ощущается недостаток работ о Спарте.

В исследованиях по эллинистическому периоду преоб-

ладала социально-экономическая проблематика. После известной дискуссии о сущности эллинизма в 1953 г. все большее признание стала приобретать точка зрения К. К. Зельина об эллинизме как конкретно-историческом явлении в истории Восточного Средиземноморья, представлявшем сочетание эллинских и древневосточных начал в экономике, социальной структуре, политической организации и культуре.

В монографии К. К. Зельина «Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э.» (1960) не только дано самое фундированное в советской литературе исследование аграрных отношений позднеэллинистического Египта, но и поставлен ряд кардинальных теоретических проблем рабовладельческой общественно-экономической формации. Глубокая трактовка роли товарного производства, анализ разных уровней состояния несвободы, одним из которых является рабство, и определение структурных соотношений между рабством и другими формами зависимости, роль экономических и внеэкономических форм зависимости, конкретная реализация этих важных теоретических положений применительно к общественной структуре позднеэллинистического Египта, сделанные автором на основе последних достижений современного источниковедения, делают монографию К. К. Зельина крупным явлением историографии 60-х годов.

Работа К. К. Зельина оживила интерес к углубленному изучению социально-экономической истории птолемеевского Египта, вызвала дискуссию. В. В. Струве предложил свое понимание сущности социальных отношений в царстве Лагидов, подчеркивая его более рабовладельческий характер (1962). В исследованиях А. И. Павловской, которая в основном придерживается взглядов Зельина на сущность социально-экономических отношений в эллинистическом Египте, на новом материале подвергнуто систематическому анализу собственно египетское рабовладение, показаны степень его распространения и глубокое воздействие на весь характер социальной структуры.

В сводной работе Н. Н. Пикуса подведены итоги его многолетних штудий, поднят вопрос о царских земледельцах (непосредственных производителях) и ремесленниках в Египте в III в. до н. э. (1972). Тщательное исследование имеющегося материала позволило сделать

несколько важных выводов. Социальную структуру эллинистического Египта можно понять лишь в контексте общей социально-экономической ситуации в странах Восточного Средиземноморья, которые по своей сущности могут быть определены как средиземноморские рабовладельческие общества. Изучение социального статуса непосредственных производителей показывает, что их юридическое и фактическое положение не совпадало; они принадлежали к угнетенному классу — сословию, подвергаемому жестокой эксплуатации рабского типа, которой не мешали отношения юридической свободы.

Кроме птолемеевского Египта весьма популярной стала тема Малой Азии в эллинистический и римский периоды. В исследованиях Е. С. Голубцовой получила глубокую разработку одна из кардинальных проблем античной истории — структура, характер, историческое значение сельской общины, различные формы зависимости, в том числе отношения рабства, в различных частях Малой Азии. И. С. Свенцицкая исследовала различные аспекты аграрных отношений и землевладения, статуса сельского населения как на территории полисов, так и на царских землях Малой Азии, проблему гражданства и положение полиса в эллинистических государствах и в Римской державе. Важный аспект общественных отношений Малой Азии, а именно характер и роль храмовых объединений Малой Азии и Армении с IV в. до н. э. по III в. н. э., стал предметом тщательного изучения А. Г. Периханян.

В названных работах дано современное понимание социально-экономических отношений в эллинистической Малой Азии, показан сложный механизм взаимодействия классического рабства, местных традиций, древневосточных влияний, процесса романизации, которые дали в совокупности конкретную и неповторимую социально-экономическую структуру, тем не менее являвшуюся органической частью средиземноморского рабовладельческого по своей сущности мира.

Продолжала привлекать к себе внимание тема Александра Македонского и его политики. Двухтомное исследование по истории античной Македонии было подготовлено А. С. Шофманом (1960—1963). Он прослеживает историю Македонского государства от первых фаз его формирования в начале V в. до римского завоевания. Шофман посвятил несколько работ восточным походам

Александра. Особенно обстоятельно им исследован вопрос о восточной политике Александра (1976). Автор считает необходимым выделить из общего комплекса многогранной политики македонского царя именно восточную политику, подчеркивая ее структурную особенность и важность для последующего развития эллинистических стран. Аналогичные проблемы разрабатываются и Г. А. Кошеленко. Он рассматривает политическую программу Александра Македонского, прослеживает ее глубокие корни в греческом политическом развитии IV в. (особенно подчеркивается роль Аристотеля). Важным выводом Кошеленко является показ принципиальных различий в колонизационной политике Александра и его эллинистических преемников.

Значительно меньшее внимание в советской литературе последнего времени уделялось истории Балканской Греции и Великой Греции в III—I вв. до н. э. Мало трудов по истории экономики, политической структуре и формам эллинистической государственности. В области римской истории продолжалась разработка различных проблем, начиная с ранних периодов и кончая эпохой Поздней Римской империи. Оживился интерес к доримской Италии и древнейшей римской истории. Этрускология пополнилась несколькими трудами, которые свидетельствуют о сдвигах в этой не столь уже популярной в советской литературе области. Результатом многолетних занятий Н. Н. Залесского историей этрусков было появление работ, в которых изучаются различные стороны главным образом политических взаимоотношений в этрусском обществе, этрусской колонизации в Италии, внешнеполитические связи этрусков. Следует отметить монографическое исследование Залесского о судьбах паданского двенадцатиградия, хозяйственной жизни и политической организации этрусских городов в Северной Италии, об их отношениях с кельтами (1959). В связи с находками этрусско-карфагенской билингвы из Пирги получила актуальность проблема взаимоотношений между этрусками и Карфагеном, которая исследована в работах Залесского и Харсекина.

Другим направлением в этрускологических штудиях является изучение собственно этрусского языка и письменности, которое представлено в работах А. И. Харсекина: «Вопросы интерпретации памятников этрусской письменности» (1963), «О взаимоотношениях между эт-

русским и греческим языками» (1967), «Определение этрусских числительных» (1964), Харсекину вместе с А. И. Немировским принадлежит издание полезного пособия общего характера «Этруски. Введение в этрускологию» (1969). Различные проблемы духовной жизни и религии, этрусской космогонии подняты в статьях Л. А. Ельницкого. Представляет интерес его исследование некоторых проблем социальной истории этрусков, проведенное на основе интерпретации такого любопытного источника, как «Бронтоскопический календарь» Нигидия Фигула (1971).

Значительно оживилась за последние годы работа по изучению древнейшей Италии и раннего Рима. В работах А. И. Немировского «История раннего Рима и Италии» (1962) прослеживается разложение родо-племенной организации в Италии и возникновение полисной организации. В другой монографии — «Идеология и культура раннего Рима» (1964) Немировский дает первое в советской литературе монографическое изложение такой слабо исследованной проблемы, как религиозная идеология и некоторые аспекты культурной жизни раннего Рима.

В работах Ф. М. Нечая подвергнута подробному разбору та же проблема возникновения Римского государства, но несколько в другом аспекте. Он подчеркивает роль сословно-классовой борьбы в процессе оформления государственных институтов Рима, уделяя специальное внимание проблеме аграрных отношений. В своей монографии «Рим и Италия» (1963) Нечай исследует создание и эволюцию римско-италийской федерации, ее превращение в единое государственное образование после Союзнической войны. Если в книге Нечая при характеристике взаимоотношений между союзниками и Римом уделяется особое внимание аграрным отношениям, то в монографии И. Л. Маяк «Взаимоотношения Рима и италийцев в III—II вв. до н. э.» (1971) исследуется вся совокупность римско-италийских отношений в III—II вв. до н. э.

С другой стороны рассматривает внутреннюю историю раннего Рима и Италии Л. А. Ельницкий в работе «Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э.» (1964). Собрав обширный материал источников, Ельницкий показывает большую роль рабства в раннем Риме, определяющее влияние его на весь комплекс социальных отношений. Однако его трактовка мно-

гих форм зависимости типа клиентелы, отношений сельского плебса к патрицию-землевладельцу, должничества как рабства является спорной.

Бурная история Поздней Римской республики исследовалась главным образом в трех основных аспектах: кризис республиканского устройства, история рабства эпохи его максимального расцвета и экономические вопросы, главным образом сельского хозяйства. Крупнейшим советским специалистом по истории Поздней Римской республики был С. Л. Утченко. В серии монографий, первая из которых «Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики» вышла в 1952 г., и особенно в работе «Кризис и падение Римской республики» (1965), он по-новому осветил многие принципиальные проблемы перехода от республики к империи, рассматривая этот переход не как простую смену двух политических форм, а как одно из ключевых событий античной истории, период социальной революции, переворот, в процессе которого античный полис трансформировался в новое качественное состояние — империю как другую социально-экономическую и политико-культурную систему. Исследуя под этим углом зрения последнее столетие республики, он внес ряд новых положений в трактовку классовой и социальной борьбы внутри политических группировок и их практических программ, социально-политической роли армии и римского гражданства.

В монографиях, посвященных политической биографии Цицерона (1972) и Цезаря (1975), Утченко без общепринятого телеологизма прослеживает конкретную историю крушения республиканских учреждений и формирования монархических институтов. Представляет большой интерес анализ политической программы Цезаря как преследующей решение срочных политических дел, а не как сознательное построение монархических институтов. Поэтому ученый считает истинным основателем римской империи как системы не Цезаря, еще не имеющего четкой монархической программы, а Октавиана, постепенно такую программу выработавшего и осуществившего ее в жизни. При формировании монархических институтов Утченко значительно сильнее, чем другие советские специалисты, подчеркивает роль политической борьбы среди разных фракций господствующего класса.

Крупным явлением в советской историографии антич-

ности стал выход трудов Е. М. Штаерман о римском рабстве. Кроме упомянутых трех монографий серии «Исследования по истории античного рабства» она выпустила интересное исследование «Мораль и религия угнетенных классов Римской империи» (1961), сводную монографию «Древний Рим. Проблемы экономического развития» (1978). В этих работах дана основанная на привлечении огромного материала концепция римского рабства и всего процесса социально-экономического развития Древнего Рима. Несовпадение понятий «класс» и «сословие» применительно к рабам, расчлененность сословия рабов на лиц, относящихся к разным классам, выявление роли сельских рабов как самого угнетенного класса-производителя, роль внутреннего источника воспроизводства рабов, историческая значимость разных типов классовой борьбы рабов, в том числе оппозиционных религий, например раннего христианства, установление роли рабского труда в основных сферах хозяйства, определение собственной идеологии угнетенных классов — все это представляет собой большой вклад в трактовку коренных вопросов римского рабства.

Штаерман подчеркивает глубокий дуализм в социально-экономическом развитии Рима и римского общества, вызванный сосуществованием двух типов собственности, связанных, с одной стороны, с внегородской крестьянской, с другой—с городской гражданской общиной. Она показала, что в условиях рабовладельческого общества частная собственность имела глубоко отличный характер от капиталистической собственности. Ею прослежена сложная эволюция римской собственности на землю, начиная с царской эпохи и до времени Поздней империи. Общим итогом этого развития было появление так называемой разделенной собственности и ее иерархическая структура, что вместе с имеющимися общинными структурами подготавливало почву для рождения феодальной формы собственности. Организационными ячейками, где она формировалась, были мелкое крестьянское хозяйство и крупные владения знати, издавна существующие в римском обществе.

Если Штаерман рассматривает римское рабство, как правило, в качестве социально-экономического организма, то в работах В. И. Кузищина оно подвергнуто анализу как экономическая система. При исследовании рабства в решающей отрасли римского производства —

сельском хозяйстве — им было обращено внимание на высокую эффективность организации рабского труда и производства, пересмотрен вопрос о низкой производительности рабского труда, вскрывается сложный характер основной производственной ячейки — рабской виллы как своеобразного сочетания простого товарного производства и натурального хозяйства. Изучение рабской сельскохозяйственной экономики показало, что она была более сложной и гибкой, чем это казалось раньше. В частности, кроме ведущей формы — товарной виллы существовали и другие типы производства. Обращено внимание на значительную роль во все периоды римской истории крестьянского хозяйства. В монографии «Генезис рабовладельческих латифундий в Италии» (1976) изложена история аграрных отношений в италийской деревне времени расцвета римского рабства с точки зрения возникновения и распространения рабовладельческих латифундий.

Крупный вклад в изучение различных аспектов римской экономики и культуры внесла М. Е. Сергеенко. После выхода содержательного труда о сельском хозяйстве древней Италии (1958) она выпустила несколько монографических исследований, которые заполняют лакуну в нашей науке. Предметом ее внимания стал такой обычно непопулярный сюжет, как ремесленники Древнего Рима. Монография «Простые люди древней Италии» (1964) и «Ремесленники Древнего Рима» (1968), а также важный труд «Жизнь Древнего Рима» (1964) содержат огромный материал по слабо освещенным в советской литературе темам. Ей же принадлежит очень полезная публикация «Ученые-земледельцы древней Италии» (1970), где даны новые переводы агрономических трудов Катона и Варрона, а также впервые переведенные на русский язык 2-я и 11-я книги Колумеллы и 14-я и 15-я книги Плиния Старшего.

В литературе по Римской империи преобладали три основные темы: история рабства, жизнь римских провинций и разные аспекты раннего христианства. История рабства, достигшего наивысшего расцвета именно в эпоху Ранней империи, заняла достойное место в вышеупомянутой серии «Исследования по истории античного рабства». В рамках этой серии вышло три капитальных труда, к которым нужно присоединить ранее изданные две монографии Штаерман. Особенно большую лакуну запол-

нили исследования рабовладельческих отношений в римских западных и восточных провинциях, ранее мало привлекавшие внимание специалистов как в нашей стране, так и за рубежом. Скрупулезный анализ огромного материала, часто впервые вводимого в научный оборот, показал специфический характер рабовладельческих отношений в римских провинциях, сложный сплав классических рабовладельческих порядков и местных традиций, гибкость и мощь римского рабства, которое сумело оказать решающее воздействие на местные структуры.

Популярной темой продолжала оставаться история римских провинций. При ее разработке советские специалисты уделяли большое внимание не только развитию рабства, но и другим аспектам социально-экономической истории. Предметом монографического изучения Ю. К. Колосовской стала, например, история такой малоисследованной провинции, как Паннония (1974). Широкий круг вопросов социально-экономической и идеологической жизни римских провинций Малой Азии получил разработку в монографиях Е. С. Голубцовой «Очерки социально-политической истории Малой Азии I—III вв. н. э.» (1962), «Независимая сельская община Малой Азии III в. до н. э. — III в. н. э.» (1972), «Идеология и культура сельского населения Малой Азии I—III вв. н. э.» (1977). Аналогичные сюжеты изучались и И. С. Свенцицкой, опубликовавшей серию статей.

Один из интересных и плохо освещенных сюжетов античной истории изучал А. Г. Бокщанин. В его 2-томной работе «Парфия и Рим» (1960—1966) рассмотрены военно-политические взаимоотношения между великими державами древности — Римским государством и Парфией — на протяжении почти четырех веков. Характеристике этих отношений предпослан обстоятельный очерк, в котором изложены социально-экономические и политические аспекты восточноэллинистических государств и причины возникновения Парфянской монархии. Истории Иудеи в связи с внутренней борьбой внутри иудейского общества, восстаний и борьбы с римским господством посвящено обстоятельное исследование Г. М. Лившица «Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима» (1957). Из монографических работ, посвященных истории африканских провинций, можно назвать содержательную работу Г. Г. Дилигенского «Северная Африка в IV—V вв.» (1961).

Историю римской Галлии, главным образом в социально-экономическом плане, изучала Н. Н. Белова, а дунайских провинций, преимущественно Фракии, — Н. Ф. Мурыгина.

Заняло достойное место в советской историографии и изучение римского Египта, ранее мало привлекавшего внимание специалистов. Здесь следует отметить работы А. И. Павловской о роли рабского труда, его рентабельности; обстоятельную монографию, посвященную такой мало разработанной теме, как египетская хора IV в. н. э. (1979). Внимательному исследованию всего круга вопросов социально-экономической истории позднеримского Египта посвящены монографии И. Ф. Фихмана «Египет на рубеже двух эпох» (1965) и «Оксиринх — город папирусов» (1976). В связи с изучением кумранских находок не мог не оживиться интерес к анализу генезиса раннего христианства. Эти важные проблемы стали предметом внимательного изучения в монографиях: Г. М. Лившица — «Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря» (1967), «Очерки историографии Библии и раннего христианства» (1970), С. И. Ковалева — «Основные вопросы происхождения христианства» (1964).

Менее активно изучалась история III в. н. э. и Поздней Римской империи, причем преимущественное внимание уделялось теме «Рим и варвары». В ряде работ А. И. Ременникова исследованы военно-политические аспекты отношений Рима и варварских племен, а в работах А. Р. Корсунского — социальные стороны этих взаимоотношений, взаимодействие римских общественных порядков и варварских племенных структур.

Одним из слабо разработанных в советской литературе направлений является история античной, и в частности римской, культуры. Наиболее крупные работы в этой области — 4-томный труд А. Ф. Лосева по истории античной эстетики начиная с рубежа VI—V вв. до н. э. и кончая Аристотелем, монография Ю. Н. Давыдова «Искусство как социологический феномен», в которой дана характеристика эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля (1968). Различным проблемам римской культуры, нарастанию в ней кризисных моментов посвящена работа Штаерман «Кризис античной культуры» (1975), где определяются основные особенности римской культуры, намечается ее периодизация, отмечаются первые симптомы кризиса, которые автор возводит ко вре-

мени Августа. Некоторые проблемы истории римской культуры, главным образом I в. империи, затронуты в работах Г. С. Кнабе «Понимание культуры в Древнем Риме и ранний Тацит» (1975).

Большим достижением советской исторической науки об античности является исследование древней истории народов, населяющих Причерноморье, Северный Кавказ, Закавказье и Среднюю Азию. Эти обширные области, сыгравшие немаловажную роль в истории древнего мира, были долгое время белым пятном в науке. Многочисленные и разнообразные исследования последних десятилетий (экспедиционная работа, публикация материала, его историческая интерпретация) позволили воссоздать интересную и богатую историю указанных регионов, их многообразные связи с миром античных центров, а также сделать вывод о весомом вкладе регионов в античную цивилизацию. Следует отметить творческие успехи советских ученых в разработке трансформации позднего родового общества в раннеклассовые структуры на колоритных и новых материалах племенного мира Южной Украины, ранних государственных образований в Закавказье и Средней Азии, которые вскрывают сложный механизм перехода от первобытнообщинной к рабовладельческой общественно-экономической формации.

Особенно плодотворны исследования советскими учеными скифского общества и интересного мира кочевых племен, находившихся в тесных взаимоотношениях с миром античных центров Северного Причерноморья. В работах Б. А. Рыбакова, Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова, А. П. Смирнова, А. И. Тереножкина, П. Н. Шульца, И. В. Яценко, А. М. Хазанова, Л. А. Ельницкого, Д. С. Раевского и других дана оригинальная разработка многих сторон мира скифских и других кочевых племен, которые вскрывают богатую историю этого интересного комплекса древних народов.

Советские историки античности проделали большую работу по изучению самых различных как конкретных, так и теоретических проблем античной истории. В советской науке разработана материалистическая концепция античности, объясняющая сущность, основные особенности, механизм движения рабовладельческого способа производства, лежащего в основе всей структуры античного общества. Советская историография развивается на основе творческого использования наследия русской до-

революционной науки, достижений прогрессивной зарубежной науки, подвергая острой критике реакционную методологию буржуазных ученых.

Плодотворным фактором в развитии советской исторической науки является творческое содружество советских специалистов и ученых братских социалистических стран. Оно конкретно осуществляется через научное общество «Эйрене», регулярно созывающего международные конференции. К 1978 г. проведено 15 таких конференций, каждая из которых давала новый импульс к развитию исследований в области древней истории. В последние десятилетия быстро растет международный престиж советской исторической науки. Это прежде всего проявляется во все более активном участии советских антиковедов во многих международных исторических конгрессах. Показательным является то, что в повестке дня самого представительного форума историков — Международного конгресса исторических наук — начиная с XI конгресса (1960 г., Стокгольм) обсуждались в качестве основных доклады советских ученых-античников, а XIII международный конгресс состоялся в Москве в 1970 г. Советские специалисты по древней истории, античной археологии, классической филологии участвуют в работе многочисленных научных конференций, симпозиумов, съездов, заседаний.

Доклады и выступления советских ученых на международных конференциях и конгрессах привлекают внимание прогрессивной научной общественности, вызывают живой отклик среди специалистов новизной своих выводов, интересным материалом, свежестью концепций. Показателем роста международного престижа исследований советских ученых в области античной истории является перевод их работ на иностранные языки, например трудов С. М. Ковалева, Н. А. Машкина, С. Л. Утченко, В. Д. Блаватского, Е. М. Штаерман и др. В настоящее время выводы советских исследователей широко используются в современной мировой историографии, способствуют ее развитию.

Плодотворная работа советских ученых над многими проблемами античной истории проходит под знаком постоянной борьбы советской науки, развивающейся на базе марксистско-ленинского мировоззрения, с реакционной буржуазной историографией, ее произвольными идеалистическими построениями.

ГЛАВА 10. ИЗУЧЕНИЕ АНТИЧНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

Победа народно-демократического строя в результате разгрома фашистской Германии и поддерживающих ее профашистских режимов в странах Восточной и Юго-Восточной Европы коренным образом изменила социально-политическую карту Европы.

В Польше, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии, Румынии, в Германской Демократической Республике и других странах начался процесс строительства основ социалистического общества, который привел к победе в них социалистических революций. В процессе строительства социализма в них утвердилось марксистско-ленинское мировоззрение как государственная идеология.

На основе марксистско-ленинской методологии стали развиваться общественные науки, в том числе и историческая. Ученые молодых социалистических стран, активно используя опыт советской исторической науки по применению положений исторического материализма к анализу исторического процесса тех или иных разделов мировой истории, овладели методом материалистического понимания истории. На этой основе исследование конкретного исторического процесса, особенно в области античной истории, проходило в упорной борьбе с наследием буржуазной исторической науки, с ее реакционной методологией. Острота борьбы молодой марксистской науки с буржуазной методологией усугублялась тем, что целый ряд ученых старшего поколения, воспитанных в русле буржуазной методологии, продолжали свою научную и педагогическую деятельность. По мере укрепления основ социализма, формирования социалистической культуры росли новые кадры марксистских историков, которые стали играть ведущую роль в науке социалистических стран, заимствуя опыт и достижения представителей старшего поколения, развивая традиции национального научного наследия.

Антиковедение социалистических стран Европы развивалось в тесном сотрудничестве с советской наукой, творчески использовало ее богатый опыт. Большую роль в развитии антиковедения играет образованное в 1957 г. объединение античников социалистических стран «Эйрене», которое проводит регулярные международные конференции (прошло 15).

Развивая традиции национальных школ, антиковеды социалистических стран уделяют постоянное внимание расширению круга источников и совершенствованию методики исторического исследования. В Германской Демократической Республике продолжается издание произведений античных авторов в рамках восстановленной «Тёйбнеровской библиотеки греческих и латинских авторов», публикация новых эпиграфических материалов на базе «Корпусов греческих и латинских надписей», восходящих еще к А. Бёку и Т. Моммзену. Усилилась активность болгарских, югославских, венгерских и румынских археологов по археологическому исследованию территории своих стран, бывших в древности частями античного мира. Раскопки Истрии, Сармизегетузы, Суцидавы, Аквинка, Саварии, Аполлонии (на территории Болгарии), нашедшие завершение в капитальных публикациях, ввели в научный оборот новый интересный материал. Важной публикацией стало издание 4-томного «Корпуса греческих надписей, найденных в Болгарии», произведенное Г. Михайловым. Институт папирологии в Варшаве изучает папирологические источники, продолжая традиции Р. Таубеншлага. Показателем успешного развития антиковедения в социалистических странах является участие его представителей во многих международных конгрессах, выступление на них с докладами, вызывающими большой интерес мировой научной общественности.

Период национального возрождения **Польши**, после второй мировой войны вместе с тем стал возрождением и расцветом польской исторической науки, в том числе и польского антиковедения. В этом процессе участвовали ученые старшего поколения, сформировавшегося еще в довоенный период, как например, Е. Мантейфель, Р. Таубеншлаг, В. Татаркевич, Т. Синко, но ведущая роль принадлежала представителям послевоенной науки.

Публикации и исследования папирусов Е. Мантейфеля (1948—1950 гг), «Греко-римское право в Египте по

папирусам» Р. Таубеншлага (1944 г., 2-е расширенное изд. 1955 г., 1957 г.), энциклопедическая история греческой литературы в 3-х томах (6 частях) Т. Синко (третий том вышел в 1954 г.), «История философии» (1958) и «История эстетики» (1959) В. Татаркевича стали серьезным вкладом ученых старшего поколения в развитие послевоенной науки, своего рода фундаментом польского антиковедения.

В послевоенный период развернулась активная исследовательская и педагогическая деятельность таких крупных антиковедов, как К. Михаловский, К. Маевский, К. Куманецкий, И. Бежуньска-Маловист, Г. Штеффен, Г. Купишевский, А. Швидерек, и многих других, которые в своем творчестве занимались исследованием различных аспектов истории и культуры античного мира. К. Михаловский развернул активную деятельность по исследованию ряда средиземноморских центров. Его раскопки и публикации найденного материала в Дейр эль Бахри, Телль Атрибе, Александрии (Ком эль Дикка), на Кипре (Неа-Пафос), но особенно в Пальмире и Фарасе стали большим достижением польской античной археологии. В 1956—1958 гг. К. Михаловский вместе с В. Ф. Гайдукевич проводил совместные раскопки Мирмекия на Боспоре. Михаловскому принадлежат фундаментальный труд по египетскому искусству, переведенный на ряд европейских языков (1968), работы по искусству и материальной культуре древней Греции, в частности монографии о Дельфах (1949), афинском акрополе (1964), о горном деле и металлургии в древней Греции (1949), греческой механике (1952) и греческой технике (1959). Активную деятельность по археологическому обследованию и изучению различных аспектов материальной культуры древней Греции проводит К. Маевский и М. Л. Бернхард, в частности последней принадлежит публикация 5 томов в серии «Корпус античных ваз», хранившихся в Национальном музее Варшавы (1960—1968) и сводная работа по греческой вазописи (1966). В настоящее время в Польше работает большая группа специалистов в области античной археологии, которая проводит исследовательскую работу в различных областях материальной культуры древнего мира (В. Лепик-Копачиньска, А. Садурска, А. Вансович, Б. Рутковски, З. Гансинек и другие).

Самый широкий круг проблем античной цивилизации стал предметом научных интересов К. Куманецкого.

Исследование творчества Аристофана, Менандра, Горация, но особенно Цицерона проводится К. Куманецким в тесной связи с исторической эпохой и социально-политической борьбой своего времени, что позволяет полнее и глубже представить и творчество этих писателей и их время. Под редакцией К. Куманецкого, К. Михаловского и Л. Винничук была издана сводная работа — «Малая энциклопедия античного мира» (1958—1962), затем вышедшая 2-м и 3-м изданиями (1966 и 1968). Перу К. Куманецкого принадлежит обобщающий труд «История культуры древней Греции и Рима» (1955), переизданная затем в 1964, 1967 и 1969 гг., в котором автор рассматривает античную культуру в тесной связи с событиями социально-политической истории античного общества. В традициях классической филологии работает такой крупный филолог как В. Штеффен (работы о греческих лириках (1955), многочисленные и ценные исследования греческой трагедии V в. до н. э., особенно Эсхила). Новым явлением в классической филологии послевоенной Польши стало появление работ, которые посвящены больше изучению социальных и политических проблем, чем традиционно филологическим темам,—исследование социально-политической борьбы в комедиях Аристофана, Менандра, Плавта, Цицерона, Горация (работы К. Куманецкого, М. Брожека, О. Юревича, Б. Билиньского, Л. Винничук и другие). Традиционным направлением польского антиковедения является исследование в области папирологии и античного права.

В области античного права работают Г. Купишевский (преимущественная сфера интересов — эллинистическое право и взаимодействие систем эллинистического и римского провинциального права), Е. Гинтофт (работы в области римского древнейшего права V—IV вв. до н. э.), А. Вилинский (римское право I в. до н. э. — II в. н. э.) и другие. Богатые традиции школы Е. Мантейфеля и Р. Таубеншлага продолжают И. Бежуньска-Маловист, А. Швидерек, А. Геремек, Е. Випшуцка, М. Новицка и др. Особенно следует отметить плодотворную работу по использованию данных папирологии для исследования социально-экономических отношений в птолемеевском и римском Египте И. Бежуньской-Маловист (прежде всего о проблемах рабства в греко-римском Египте) и А. Швидерек (ее труды по изучению хозяйства Аполлония и общественных отношений в Файюме в III в. до

н. э., частной земельной собственности во времена Веспасиана). Их работы стали крупным явлением польской историографии, привлекли внимание многих специалистов других стран. Интересное исследование было проведено И. Бежуньской-Маловист по социально-экономическим основам воззрений римской аристократии времени Нерона (1952).

Следует отметить, что в собственно исторических исследованиях, главным образом, римского мира, различные аспекты социально-экономических отношений получают все большую и большую популярность. Кроме упомянутых работ И. Бежуньской-Маловист и А. Швидерек можно назвать исследования Б. Билиньского о рабочей силе в раннем Риме (1949), о рабских восстаниях и их отражении в римской литературе II в. до н. э., в частности у Энния (1954) и у Пакувия (1960), А. Кравчука о сулланской колонизации (1960), аграрных проблемах в произведениях Цицерона (1954—1961), о предоставлении прав римского гражданства в республиканский период (1963). Представляет интерес цикл работ Е. Колендо о техническом прогрессе в сельском хозяйстве Италии I в. н. э., о колонате в Африке (1962), законодательстве о крупных владениях в Африке, о римском агрономе Сазерне (1973). Исследования о политической и административной системе римской Африки, успешно проводятся Т. Котулой. Особое направление польской историографии представляют работы о контактах различных племен и народностей, живших на польских землях, с римским миром (труды Л. Пиотровича, Е. Коника, А. Куниша, Б. Билиньского и др.).

Территория современной **Болгарии** в древности была частью античного мира и потому изучение древней истории в Болгарии рассматривается как древнейшая часть национальной истории. Неудивительно, что основное внимание болгарских антиковедов сосредоточено на изучении истории древней Фракии, соседних с ней Мезии, а также областей северо-восточной части Балканского полуострова.

Болгарских историков интересуют греческие колонии и мир греческих полисов вообще. Включение Фракии в качестве провинции в состав Римской империи и превращение ее в органическую часть римского Средиземноморья ставит перед болгарским антиковедением ряд общих проблем античной истории, которые ис-

следуются ими на примере Фракии и других придунайских провинций. Такое комплексное исследование, включая этногенез, географию, культуру и религию в их многообразных связях с соседними племенами Балканского полуострова, греческими центрами Эгеиды, а затем в римский период и всем Средиземноморьем позволяет болгарским ученым ставить и решать многие важнейшие проблемы истории древнего мира вообще.

Именно такой сложный и разнообразный круг проблем был намечен в трудах таких выдающихся ученых довоенного времени как М. Дринов, впервые поставивший вопросы о роли контактов между фракийскими племенами и греческим миром, об этногенезе фракийцев, проблему Одрисского царства; В. Кацаров — отец болгарского антиковедения, в трудах которого намечены почти все вопросы, ставшие предметом научного исследования ученых следующего поколения; Д. Дечев — глубокий знаток фракийского языкознания; Ив. Велков — один из крупных болгарских археологов; Я. Тодоров — глубокий исследователь политической и религиозной истории региона.

Своего рода связующим звеном между учеными старшего поколения и послевоенного времени стал Хр. Данов, который в своем творчестве успешно ставил и решал комплексные проблемы развития фракийских племен и Фракии, начиная с источниковедческих вопросов и кончая конкретными историческими изысканиями. Особое значение он в послевоенное время уделял изучению социально-экономических проблем, в частности развитию рабства. История древних фракийцев изучается им в тесной связи с греческой колонизацией в эгейской, припонтийской и черноморской Фракии. Он уделяет особое внимание истории одрисского царства, которое (в отличие от взглядов Г. Кацарова) рассматривается не как феодальное образование, а как племенной союз (обобщающая работа «Древняя Фракия», 1969).

В работах ученых послевоенного времени социально-экономическая проблематика стала занимать ведущее место.

Землевладение фракийской знати, роль частновладельческих отношений, правовой статус сельского населения, формы его эксплуатации социальной верхушкой были предметом исследований Б. Герова (1955), Д. Димитрова и Д. Николова (1976). Б. Герову принадлежат

работы (1948—1954) о разных аспектах романизации и в том числе распространения права гражданства на колонии во Фракции.

Широкий круг проблем фракологии исследуется в 60—70-х годах в трудах В. Велкова и А. Фола. Систематический и подробный анализ возникновения и развития рабовладельческих отношений в нижнем Подунавье (1967), соотношение города и деревни, роль городов на Балканах в античности, проблема перехода от античности к средневековью во Фракии и ряд других проблем даны в работах В. Велкова. Предметом многочисленных работ А. Фола выступают проблемы взаимоотношения Фракии со странами Средиземноморья, роль фракийцев в их жизни, в частности, в греко-римском Египте, социальная и демографическая структура в древней Фракии в I тыс. до н. э. (1970), политическая история Фракии с начала II тыс. до н. э. до конца V в. н. э. (1972), Фракия и Балканы в эллинистическую эпоху (1975), фракийское военное искусство (1969). Результаты многочисленных исследований болгарских ученых по различным проблемам фракологии были собраны в сводных публикациях: в трехтомном сборнике докладов I конгресса по фракологии в 1974 г., в двухтомном сборнике работ международного семинара по истории и культуре Фракии в Пловдиве (1976), четырех выпусках Института фракологии.

Довольно популярной темой болгарского антиковедения является изучение городов Фракии и Балканского полуострова в целом. Исследовались города Созополь (Хр. Дановым), Севтополь (Д. Димитровым), Рациария и античный город Малко Тырново (В. Велковым). Более общие вопросы возникновения фракийских городов из укрепленных поселков разбирались Д. Димитровым и А. Милчевым, о роли римских городов и жизни Фракии писал В. Велков.

В Болгарии успешно развивается лингвистика, основательно поставлено изучение различных аспектов индоевропейской проблемы. Выдающееся место среди болгарских лингвистов занимает В. Георгиев, ученый с широким кругом научных интересов. Исследование догреческого языкового субстрата Балканского полуострова, определение места в нем фракийского языка, микенология и этрускология — во всех этих областях В. Георгиев создал выдающиеся работы. Изучение лингвистических

проблем Балканского полуострова со II тыс. до н. э. позволило болгарским ученым разработать сложный этногенез эгейского мира II—I тыс. до н. э., в целом, внести заметный вклад в решение этой крупной научной проблемы.

Усилия **югославских** ученых-антиковедов сосредоточены в значительной мере на археологических изысканиях, на публикации новых эпиграфических и археологических памятников.

Большое значение для развития антиковедения имеют издания надписей Верхней Мезии, первый том, посвященный Сингидуну и северо-восточной части провинции, вышел в 1976 г., а также письменных источников о римских укреплениях в Югославии, собранных Я. Шашелем и П. Петру (Любляна, 1971).

Одно из первых мест в изучении античности в первой половине XX в. бесспорно принадлежит Н. Вуличу, который из года в год собирал в Сербии античные памятники и составил археологическую карту. Много занимался материальной культурой древней Македонии и соседних с ней областей, особенно историей ионической колонии Винчи, М. Васич. Историей колонии Винчи занимался также Р. Марич.

Большое внимание уделяется в югославской науке проблеме иллирийцев. Х. Баричу принадлежат «Иллирийские языковедческие штудии» (1948). Ф. Гестрин и И. Клеменс написали раздел об иллирийцах для сводной «Истории Югославии» (Белград, 1953). А. Стипчевич издал в 1966 г. книгу «Иллирийцы». Ф. Папазоглу изучила историю иллирийских племен с середины I тыс. до 168 г. до н. э. проследив формирование у них государственности (1967). В Институте балканистики в Сараево проводятся организованные А. Бенац симпозиумы по истории древней Иллирии. Интенсивное развитие иллиристики привело к созданию фундаментального труда «Библиография иллирика», подготовленного А. Стипчевичем (т. 1, 1967; т. 2, 1974).

Предметом комплексных исследований является история Далмации. Еще в 1944 г. Г. Новак опубликовал обобщающий труд «Историю Далмации». Изучение населявших эту область племен на основании ономастических материалов было предпринято Д. Рендич-Миочевичем (1951).

Основательно разрабатываются югославскими учеными проблемы античного города, греческой и римской колонизации. Специально греческим колониям на севере Адриатического побережья Балкан посвящено исследование П. Лисичара (1951). Историей античных городов (Стоби, Амфиполя, Гераклеи, Пелагонии) много занимается Ф. Папазоглу (работы 1951—1954 гг.).

В 1957 г. вышел капитальный труд Ф. Папазоглу по истории македонских городов в римское время. На основе новых данных Папазоглу показывает несостоятельность распространенной точки зрения Куна, Моммзена, Ростовцева, Ларсена и других о том, что Македония оставалась даже в римскую эпоху мало урбанизированной страной. Учитывая разницу общественно-экономических условий в Македонии и Греции, автор приходит к выводу, что в рамках македонской монархии не было места для полиса. Только в эллинистическую эпоху городам было предоставлено местное самоуправление. Ф. Папазоглу отмечает, что в источниках упоминается более сотни македонских городов, большинство из которых стали полисами эллинистического и римского типа с интенсивной культурной жизнью. Ф. Папазоглу занимается не только конкретно-историческими вопросами, но и теоретическими проблемами. Здесь следует отметить ее статью «К вопросу о преемственности общественного строя в микенской и гомеровской Греции».

Много внимания античной, особенно македонской, эпиграфике уделяют Борка Иосифовска и М. Д. Петрушевский, с именами которых связано развитие классических исследований.

Причины утверждения римской власти на территории Югославии, организация римского управления, сущность римского господства в императорское время освещены в специальной главе общего труда по истории Югославии (1953), написанной Ф. Гестрин и И. Клеменсом. Македонским научно-исследовательским институтом национальной истории издаются многочисленные источники по истории Македонии, в том числе и по античной эпохе. В 1953 г. издана библиография по македонской археологии.

Развитие антиковедения в **Чехословакии** характеризуется широкой тематикой исследований, вниманием к вопросам истории античной рабовладельческой формации.

Ученые Чехословакии выступили инициаторами создания Ассоциации антиковедов социалистических стран (Eirene, 1957). Первым председателем ее был выдающийся чешский ученый академик А. Салач. В Праге издается и печатный орган ассоциации, редактором которого является Л. Варцл.

В Чехословакии интенсивно изучается племенная периферия античного мира, в частности, бронзового и раннего железного веков. Выдающееся место в этом принадлежит Яну Филипу, крупнейшему специалисту по кельтистике. В книге «Кельтская цивилизация и ее наследие» (1960), широко используя археологический материал, ученый исследует этногенез и расселение кельтов, их экономику и социальный строй, образ жизни, искусство и религию. Он прослеживает сохранение кельтских элементов в римское и средневековое время в языке и топонимике, в орнаменте и ремесле Франции и Англии, а также распространение кельтской культуры в Северной Европе.

Одним из крупных представителей современного чехословацкого антиковедения является П. Олива. Им написано большое количество работ разнообразной тематики, из которых наиболее важны: «Раннегреческая тирания» (1954), «Спартак» (1960), «Паннония и начало кризиса Римской империи» (1962), «Солон» (1971), «Зарождение греческой цивилизации» (1976). Особое внимание ученых привлекла его монография «Спарта и ее социальные проблемы» (1971), в которой проведено глубокое исследование истории этого полиса от возникновения до полного подчинения Риму. Автор при исследовании ранней Спарты строго придерживается принципа использования только современных событиям источников, считая, что поздняя традиция совершенно искажает реальный ход исторического процесса. Особое значение в формировании своеобразной спартанской общественной системы автор придает периоду Второй Мессенской войны, в ходе которой в Спарте разразился тяжелый внутренний кризис. П. Олива подчеркивает, что все основные особенности спартанского строя порождены необходимостью сохранить господство над илотами (в первую очередь мессенскими).

В исследованиях Я. Печирки основное место занимают вопросы аграрной истории Древней Греции и особенно Афин. Большое значение имеет его доклад, представ-

ленный на XIV Международном конгрессе исторических наук (Сан-Франциско, 1975), «Кризис афинского полиса в IV в. до н. э.». Отвергая старые представления, нашедшие наиболее полное выражение в ранних работах К. Моссе, суть которых, по мнению Я. Печирки, заключалась в модернизации общественных отношений Древней Греции, автор доказывает, что кризис афинского полиса развертывался не в условиях экономического упадка, а в условиях подъема. По мнению Я. Печирки обезземеливания крестьянства в Аттике в IV в. до н. э. не было. Суть кризиса в создавшемся несоответствии социальной и политической структур полиса.

Для истории ранней Греции наибольшее значение имели работы Я. Боузека, из которых особенно важна книга «Гомеровская Греция в свете археологических источников» (1969); в ней с исчерпывающей полнотой собран и обобщен археологический материал по эпохе «темных веков», гомеровскому периоду Греции. Проблемы сохранения пережитков первобытнообщинного строя в общественных отношениях и культуре Древней Греции классического периода исследовал Б. Борецки. Вопросы классовой борьбы в эллинистическую эпоху — основная сфера интересов В. Варжинека. Особенно важна его небольшая монография о восстании Аристоника (1957), в которой рассматриваются социальные отношения в Пергамском царстве, доказывается, что экономика его базировалась на рабском труде, и восстание Аристоника трактуется как типично рабское. Работы Л. Видмана в основном связаны с исследованием идеологии античного общества. Им написана, в частности, монография «Изида и Сарапис у греков и римлян» (1970). Проблемы истории Древнего Рима находятся в центре внимания Я. Буриана. Он написал монографию о Цезаре (1963), в соавторстве с Б. Моуховой—книгу об этрусках—«Загадочные этруски» (2-е изд., 1977). Ян Филип посвятил специальное исследование торговым связям будущей Чехии с Римом (1952).

После установления в **Венгрии** народно-демократического строя были созданы необходимые условия для развития венгерской исторической науки на новых методологических позициях.

Развитие антиковедческих штудий в Венгрии стимулируется тем, что на ее территории много памятников как доримского времени, так и римской эпохи в виде

стоянок, руин римских городов, военных лагерей, пограничных укреплений, дорог, некрополей, вилл. Введение в научный оборот новых археологических и эпиграфических находок является большой заслугой венгерских ученых. Археологические памятники сарматского времени на территории Венгрии публиковал, начиная с 1950 г., М. Пардуч. В 1956 г. Я. Силадьи выпустил работу, посвященную Аквинку — археологическому комплексу римского времени. К числу коллективных монографий относится публикация римских памятников Саварии (1971). Книга снабжена очерком истории этого древнеримского города Паннонии, его культурной и религиозной жизни. Эдит Томас в своем исследовании обобщила материалы раскопок римских вилл близ Балатона в Паннонии (1961). Она проследила развитие вилл как типичной хозяйственной единицы римской эпохи, установила их типологию.

Задуманная еще в 30-х годах А. Альфельди публикация римских надписей, происходивших с территории Венгрии, была начата в 1972 г. Л. Баркоци и А. Мочи. Это издание стало надежной основой для всестороннего изучения римской Паннонии. Т. Сенлелеки подготовил к печати коллекцию античных светильников, хранящихся в музеях Венгрии (1969), которая представляет интерес для ознакомления с керамическим производством на территории Венгрии, для понимания характера торговых связей с эллинистическим и римским миром.

Древнейшим населением на территории Венгрии были иллирийские и кельтские племена, в конце I в. до н. э. подчиненные Римом. История этих племен в контактах с обширным варварским миром всегда интересовала венгерскую науку. С переходом ученых на позиции марксизма-ленинизма усилилось их внимание к социально-экономическим аспектам племенной истории. А. Мочи написал книгу «Население Паннонии до Маркоманских войн» (1959), а Л. Баркоци — работу о паннонском населении от эпохи Марка Аврелия до Диоклетиана (1964). Г. Альфельди принадлежит исследование «Население и общество римской провинции Далмации» (1965). На новом лингвистическом и археологическом материале написаны «Очерки истории сарматов» крупного специалиста по индоевропеистике Я. Харматы. Им же изучены сведения античной традиции о гипербореях и других ми-

фических племенах Северного Причерноморья (1951; 1954).

Проблемам гомеровского эпоса, греко-римской мифологии и античной литературы посвящены труды И. Тренчени-Вальдапфеля и К. Марота. Последний подвел итоги исследованию гомеровских поэм за последние сорок лет. В 1956 г. появился большой труд того же автора — «Начало греческой литературы».

Ранняя история Италии находится в центре внимания Я. Силадьи. Представляет интерес его работа, посвященная торговле этрусков со странами севера.

Социальная структура раннего Рима составляет предмет исследований И. Хана и Е. Ференчи. И. Хан в работе «Плебеи и родовое общество (1975) отметил разные источники формирования плебса, противостоящего родовой организации патрициев. Е. Ференчи написал книгу «От патрицианского государства к патрицианско-плебейскому государству» (1970), датируя этот переход IV веком до н. э. Демократический подъем Рима Ференчи связывает с деятельностью Аппия Клавдия, которая послужила истоком к движению популяров. В труде Г. Диошди «Собственность в древнем и доклассическом римском праве» (1970) прослеживаются термины, обозначающие частную собственность. Законы XII таблиц ученый считает свидетельством появления частной земельной собственности. Важнейшим условием ее возникновения Диошди называет развитие техники и возможность использования подневольной рабочей силы.

Проблема классовой борьбы эпохи кризиса и падения Римской республики освещена в работах И. Хана, Э. Мароти, Л. Хаваса. Э. Мароти осветил проблему пиратства в римское время. На Международном конгрессе историков в Сан-Франциско И. Хан выступил с докладом о классовой борьбе городского плебса в последние столетия Римской республики. Л. Хавас рассмотрел отношение рабов к заговору Катилины.

В центре внимания венгерских ученых находится история дунайских областей до и после завоевания их Римом. Геза Альфельди в монографии «Норик» (1974) ввел в научный оборот огромный археологический материал и осветил историю среднедунайской области начиная с царства Норик вплоть до падения римского господства. В работе прекрасно изучена венетская, иллирийская и кельтская ономастика, дающая представ-

ление об этнической истории Норика. В главе, посвященной римской провинции Норик, дается исчерпывающий обзор провинциальной администрации, урбанизации и градостроительства в Норике. Особую часть монографии составляет очерк социально-экономической и культурной истории Норика от Флавиев до Антининов. Особое внимание было уделено столь часто дискутировавшемуся вопросу романизации Норика.

Не менее глубоко в той же серии «Провинции Римской империи» А. Мочи рассмотрел историю Паннонии и Верхней Мезии (1970). В книге показано сопротивление римской агрессии и римской налоговой системе, освещена социально-экономическая и культурная история этих провинций, изучены религиозные верования ее обитателей. Вопросу об управлении провинцией Паннонией в эпоху ранней империи посвящена фундаментальная монография А. Добо «Управление римской провинцией Паннонией от Августа до Диоклетиана» (1968). Проблема рабства в Паннонии рассмотрена в работе А. Мочи «Развитие рабовладельческого хозяйства в Паннонии в эпоху Принципата» (1956), построенной на основе обильного эпиграфического материала.

После установления народно-демократической власти в **Румынии** общественные науки стали развиваться на основе марксистско-ленинской методологии, что открыло перед ними новые перспективы. В области античной истории румынские ученые продолжали разрабатывать традиционные для национальной историографии направления: судьбы причерноморских греческих центров и их влияние на местные племена соседней Добруджи, история Нижнего Подунавья в период римского господства, его последующее развитие после эвакуации римлян и формирование румынской национальности. Указанные проблемы рассматривались, таким образом, как часть национальной истории, что не могло не способствовать их довольно интенсивной разработке. Следует отметить, что исследование поставленных тем предполагало повышенную роль археологических материалов и привело к тому, что наиболее крупные представители румынского антиковедения были столь же историками, как и археологами.

Значительным вкладом в антиковедение является публикация результатов многолетних раскопок Истрии — одного из крупных греческих центров Причерно-

морья, предпринятая под руководством Э. Кондураки (т. I—II, 1954—1962). На основе комплексного исследования многих видов источников румынскими учеными подготовлены обобщающие труды по древнейшему и античному периодам истории Румынии. К таким работам относятся два первых тома многотомной «Истории Румынии» (1960—1962) под редакцией одного из старейших ученых К. Дайковичу, труды Д. Пиппиди и Д. Берчу «Из истории Добруджи» (т. I, 1965) и Р. Вульпе и И. Барня «Из истории Добруджи» (т. II, 1968). Перу К. Дайковичу принадлежит сводная работа, выдержавшая несколько изданий, «Трансильвания в древности» (первое издание в 1943 г.). Из других исследований общего характера можно назвать труд К. Дайковичу, Г. Штефана и Е. Петровича «Формирование румынского народа и его языка» (1963), в котором прослеживаются судьбы романизированного и пришлого населения Дакии после эвакуации римских войск, сложный этногенез румынского народа и его культуры.

Названные выше авторы обобщающих работ обогатили науку целым рядом специальных исследований. Так, К. Дайковичу опубликовал в трех томах результаты раскопок в Сармизегетузе (1924—1932), дакийской крепости в Пяштра-Рошие (1954). Множество специальных исследований по различным проблемам истории римской Дакии, влиянию античной цивилизации в этом районе, системе римской обороны принадлежат Р. Вульпе и Э. Кондураки.

Большой творческой активностью отличаются Д. Пиппиди и Д. Тудор. Д. Пиппиди не только создал капитальные обобщающие труды по истории Добруджи, римской провинции Мезии, но и опубликовал ряд специальных исследований в области греческой и латинской эпиграфики. Д. Тудор издал интересные работы по результатам археологических обследований некоторых дакийских центров, например Суцидавы (1965), Дробеты (1965), написал сводную историю Олтении (1968). Особо следует отметить его глубокий интерес к проблеме рабства и рабовладельческих отношений в римской Дакии. В монографии «История рабства в римской Дакии» (1957) он, опираясь на большой материал источников, особенно данные раскопок, дает картину интенсивного развития рабовладельческих отношений, распространения рабовладельческих вилл в римской

Дакии. Объектом его пристального внимания является соотношение городов и деревень в римской Дакии (1969).

Румынские антиковеды рассматривают историю греческих колоний в Причерноморье, социально-экономические отношения в римской Дакии как историю рабовладельческого общества, исследуют степень воздействия рабовладельческих отношений и античной цивилизации на культуру и процесс исторического развития племен нижнего Подунавья.

Ряд работ румынских антиковедов посвящен анализу общих проблем античной цивилизации. Так, Х. Михаэску принадлежит несколько интересных исследований о сущности поместного хозяйства Италии периода расцвета рабовладельческого производства по данным трактатов Катона, Варрона, Колумеллы, с учетом достижений советской историографии (1950; 1953; 1959). В. Джорджеску изучает проблемы возникновения понятия частной собственности в римском праве (1959).

Следует отметить усиление внимания к проблеме античного рабства среди многих специалистов — Д. Протаче, Н. Ласку и др.

Довольно популярны в румынской исторической литературе некоторые исторические фигуры, такие, как завоеватель Дакии Траян, правлению которого посвятили свои работы Д. Тудор (1966) и Х. Урсу (1971), и окончивший свою жизнь в Томах римский поэт Овидий, творчество которого разбирается в обстоятельной монографии Н. Ласку (1971). Г. Борденаки принадлежит публикация и описание на итальянском языке греческих и римских скульптур, хранившихся в национальном музее Бухареста (1969). В. Канараке сделал две важные публикации «Импорт клейменых амфор в Истрию» (1957) и «Танагрские маски и статуэтки из мастерских Каллатиса-Мангалии» (1969).

В изучение древности вносят свою лепту лингвисты. Ч. Погирк исследовал отношение дрневнемакедонского языка к древнегреческому, указав на их генетическую близость (1959). И. Руссу рассмотрел на основе ономастических данных иллирийский и мессапский языки, А. Врачу посвятил ряд работ 1964—1976 гг. выявлению дако-мезийского субстрата румынского языка.

С образованием в октябре 1949 г. **Германской Демократической Республики** в стране начались социалистические преобразования. Наряду с восстановлением и

развитием народного хозяйства, перестраивались на социалистических рельсах наука и культура. На базе Прусской Академии наук в Берлине была создана Академия наук ГДР, в составе которой действовала Комиссия греко-римских древностей, на ее основе в сентябре 1955 г. был создан Институт греко-римских древностей, объединивший демократически настроенные старые кадры и антиковедов молодого поколения. Во главе института стали известные ученые: эллинист, папиролог Ф. Цуккер, эпиграфист Г. Клаффенбах, романист В. Хартке и византинист И. Ирмшер, в 1964 г. назначенный его директором. Затем институты древней истории возникли и при университетах.

Было возобновлено традиционное направление академической деятельности по публикации античных источников — «Корпусов греческих и латинских надписей», остракa и папирусов эллинистического времени, «Корпусов сочинений греческих и латинских медиков», серии «Греческие христианские писатели», «Теубнеровской библиотеки греческих и латинских писателей». Снова стали выходить тома «Просопографии Римской империи». Кроме того, начали издаваться параллельные тексты подлинника и перевода на немецкий язык произведений античных авторов. Эта серия носит название «Сочинения и источники древнего мира»; в 1973 г. вышли в свет перевод сочинений греческих историков, а также фрагменты греческой комедии.

Активная работа по публикации надписей и папирусов плодотворно сказалась на развитии вспомогательных исторических дисциплин. Г. Клаффенбах выпустил в свет труд, содержащий методику и толкование ряда греческих надписей «Эпиграфический сборник» (1958) и руководство «Греческая эпиграфика» (1957). В 1972 г. Р. Мюллер исследовал эпикурейские представления об обществе. В оценке их ученый исходит из того, что Эпикур был выразителем интересов средних и мелких свободных собственников эллинистической эпохи. Эпикуреизм является учением, облегчающим им переход от жизни в независимых полисах к условиям эллинистическим.

В 1972 г. Институт древней истории и археологии Академии наук ГДР совместно с Институтом древней истории университета им. Фридриха Шиллера провел коллоквиум на тему «Античность и социалистический

гуманизм», явившийся этапом в работе над историей культуры греко-римской античности. Были обсуждены вопросы о сущности античного гуманизма, об этапах его развития, связанных с развитием античного общества и культуры в целом, отмечена закономерность этого явления и его историческая ограниченность.

Освоение нового материала разнообразных источников шло в ГДР параллельно с утверждением марксистско-ленинских принципов исторического исследования. Ведущая роль в становлении марксистской исторической науки о древности принадлежит Е. Вельскопф, сплотившей вокруг себя коллектив ученых, разрабатывающих кардинальные проблемы антиковедения. В 1957 г. Вельскопф выступила с книгой, посвященной важному теоретическому вопросу, — «Производственные отношения на Древнем Востоке и в греко-римской античности», в которой отмечается значение экономических процессов в истории, специфика внеэкономического принуждения и роль рабства, рассматривается характер собственности на Древнем Востоке и в античности.

В книге «Задачи научной работы историка древности» (1965) Е. Вельскопф подчеркивает первостепенную значимость изучения древности для исторической науки, поскольку историк древности трактует проблемы образования и развития классовых обществ, государственных форм и культуры, первых в человеческой истории. В 1964 г. она организует издание 2-томного сборника «Новый вклад в историю Древнего мира», где выступает в сотрудничестве с Х. Диснером, Р. Гюнтером и другими.

Е. Вельскопф явилась также инициатором и редактором монументального труда «Эллинские полисы. Кризис. Изменения. Последствия» (1974). Проблема кризиса впервые исследуется на материале полисов всего Средиземноморья и Черноморья, от Испании до Кавказа, на основе анализа социально-экономических отношений, политических структур, явлений культуры. В томе I «Классы, государственное устройство, система союзов» трактуется вопрос о метрополиях, рассматриваются положение и труд рабов, крестьян, наемных работников, статут граждан и метеков, особенности политической и классовой борьбы, в том числе такой элемент, как поздняя тирания. Том II — «Эллинизация. Эллины и варвары» — содержит исследование взаимо-

отношений полисов с эллинистическими державами и варварской периферией. В томе сделана попытка выделить типы или варианты кризиса в зависимости от уровня социально-экономического и политического развития полисов. Затем исследуется проявление кризиса в области культуры. Том III озаглавлен «Социологические проблемы. Религия и просвещение. Театр. Литература. Изобразительное искусство. Музыка. Спорт. Мода». Том IV — «Техника. Специальные дисциплины. Философия». При рассмотрении кризиса в области культуры авторы показывают, что кризисные явления не всегда равнозначны упадку, что в этих сложных процессах сохранялись и утверждались жизнеспособные элементы культуры. В заключении, написанном Вельскопф, дан анализ таких важнейших социально-политических понятий, как классы, сословия, частное лицо, индивидуальность, варвары, полис, территориальное государство.

Проблема «полисного» пути в сопоставлении с микенским «древневосточного» типа вариантом развития греческого общества рассматривается в работах Г. Бокиш и Х. Гейссе.

Ученые ГДР много занимаются методологическими проблемами. В 1975 г. в Берлине вышел в свет под редакцией И. Хермана и Селлнова сборник с участием ученых других стран «Роль народных масс в истории докапиталистических формаций». Он состоит из двух частей: «Народные движения и классовая борьба в развитии общества» и «Роль народных масс в идеологии и культуре». Значительная роль в разработке теоретических проблем антиковедения принадлежит также Р. Гюнтеру и Г. Шроту, под редакцией которых вышел сборник «Социально-экономические отношения на Древнем Востоке и в классической древности» (1961). Исследование конкретных тем этой проблематики составляет важную часть историографии ГДР. Историков привлекает вопрос о рабовладельческих отношениях и классовой борьбе рабов. Р. Гюнтер в названном двухтомнике, посвященном древнему миру (1964), написал о закономерности рабовладельческих порядков в древности, а в «Вестнике древней истории» (1959, № 1) поместил статью «К развитию социальной и имущественной дифференциации в древнейшем Риме», где специально анализирует рабство, начиная с Ромулова Рима до кон-

ца IV в. до н. э. Исследованию зависимого населения отсталых областей Греции посвятил статью Д. Лотце, автор фундаментальной монографии о Лисандре. По его мнению, аргосские гимнеты и сикионские коринефоры свободны, хотя и не полноправны. Спартанские илоты, критские клароты и мноиты, фессалийские пенесты и гераклейские мариандины — это похожий на крепостничество институт коллективного рабства, связанный с завоеванием.

Г. Бюттнер исследовала идеологическую основу движения агонистиков (1959), Х. Кук выяснил на основе терминологического анализа в книге «Военнопленные и рабство у Еврипида» (1974) взгляды этого автора на рабовладение и положение рабов. Социально-экономическим основам и последствиям войн в древности посвятил свою работу Х. Диснер. В его книге «Войны в древности. Греция и Рим в борьбе за Средиземноморье» (1971) охвачен период с V в. до н. э. до конца Римской империи. В ней изучена практика греко-персидских и Пелопоннесских войн, Пунических войн и войн рабов в Сицилии, а также восстания Спартака и войн Цезаря. Особо выделены войны времени внутреннего кризиса Рима в период переселения народов.

Для историографии Рима в ГДР характерен интерес к эпохе Поздней империи. Х. Диснер написал две книги о потере Римом африканских провинций — «Закат римского господства в Северной Африке» (1964) и «Государство вандалов» (1966). В. Зейферт занимается источниковедческими проблемами позднего Рима. Он издал работу с текстологическим анализом труда Аммиана Марцеллина, а также параллельный с переводом текст его сочинения. В. Зейферт написал также 2-томную историю Римской империи (1974) и посвятил специальный труд социальным проблемам поздней Римской империи в эпоху Феодосия, отраженным в кодексе (1963).

Заметное место в работе историков ГДР занимают проблемы идеологии античности и значения античного культурного наследства. В 1973 г. под редакцией Ф. Юрса, Р. Мюллера и Э. Шмидта вышло издание перевода сочинений греческих атомистов с комментарием о материалистическом мышлении в античности с V в. до н. э. по II в. н. э. с включением отрывков из произведений Цицерона и Лукреция.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение долгой истории развития исторической мысли со времени Возрождения показывает ее тесную зависимость от уровня общественной науки, господствующих философских концепций, в свою очередь определяемых общим состоянием социально-экономического развития той или иной страны или всей Европы. Схоластическое мировоззрение, рационализм или концепция просветительства, кантианская система или гегелевская философия, позитивистская доктрина или разновидности неокантианства и т. п. определяли многие особенности историографии в целом и историографии античности в частности. Вместе с тем на развитие исторической мысли влияли и другие факторы, которые сказывались самым существенным образом на ее формировании: потребности политического развития той или иной страны, диктуемые конкретной исторической ситуацией, состояние естественных наук, общая направленность исследований, которая обусловливается общественным мнением, характером наличных источников и уровнем их критического использования.

Таким образом в каждый крупный исторический период формируется особый характер мировой историографии, создается собственное представление об изучаемой эпохе—античности—развития человечества, которое не совпадает с общим представлением о ней в другой период. Концепция античности в эпоху гуманизма и представление об античном мире во времена Просвещения и в другие периоды, существенно отличаются друг от друга.

Феномен мировой историографии складывается из отдельных национальных историографий, которые создаются в рамках мировой науки, но имеют определенные отличия, обусловленные спецификой национального развития, стоящими перед каждой страной социально-политическими задачами, наличием научных традиций.

Каждая из национальных школ развивается неравномерно; в истории науки на первые места выходит то одна, то другая школа, играющая роль своего рода лидера в развитии мировой науки.

Итальянская историческая мысль в период Возрождения, французская просветительская историография, германская школа XIX в., англо-французская наука межвоенного периода (1917—1939) сменяли друг друга в качестве ведущих на длительном пути развития исторического знания об античности. Одной из важнейших особенностей современной науки является выравнивание уровней национальных историографий; невозможность определения в современной науке ведущей роли какой-либо национальной историографии, каждая из которых обогащает мировую науку, вносит в ее развитие тот или иной вклад.

Историография античности — часть мировой исторической науки, лишь одна из ее важнейших ветвей. Вместе с тем следует отметить ту большую роль, которую именно она сыграла в развитии мировой историографии в целом. Историография античности — один из самых старейших разделов мировой историографии: она вобрала в себя опыт и достижения богатой античной исторической мысли, достижения европейской науки, начиная со времени Возрождения. В силу целого ряда обстоятельств развития европейской мысли изучение античной истории и цивилизации заняло особо значительное место в рамках изучения мирового исторического процесса, часто покрывая собой его большую часть. В связи с этим лучшие силы европейской исторической науки трудились на поприще историографии античности, разрабатывая принципы исторического исследования вообще, создавая основы мировой историографии как таковой. Труды Лоренцо Валла, Никколо Макиавелли, Шарля Монтескье, Эдуарда Гиббона, Бартольда Нибура, Теодора Моммзена, Эдуарда Мейера, Арнольда Тойнби и других не только воспринимались как выдающиеся исследования конкретной ветви историографии античности, но оказывали большое воздействие на общее течение мировой исторической мысли. Приемы работы с источниками, освоение новых категорий источников, совершенствование методики исторического исследования, использование концепции античности для целей современной политической ситуации — все это в течение

длительного времени (в XIV—XVIII вв.) отрабатывалось на материалах античности, а затем заимствовалось и творчески применялось в других ветвях мировой историографии: медиевистике, византиноведении, востоковедении, историографии нового времени. Вместе с тем начиная со второй половины XIX в. бурное развитие других направлений мировой историографии стало оказывать самое благотворное воздействие на историографию античности, обогащая ее своими достижениями.

Как было сказано выше, каждая крупная историческая эпоха создает свою собственную концепцию античной цивилизации, ее роли во всемирно-историческом процессе. Тем не менее в истории исторической науки вообще и науки об античности в частности наблюдается безусловная преемственность, наличие прочных научных традиций. Каждая эпоха вносит свой вклад в развитие историографии. Успехи в источниковедении, введенные в оборот новые источники, найденные методы исторического исследования, расширение круга изучаемых вопросов и их конкретное исследование — все это не отбрасывается новыми поколениями ученых, а творчески используется, образует основу, на которой строят свои теории античной цивилизации последующие исследователи.

Изучение историографии на протяжении многих столетий показывает органически присущую ей противоречивость. Процесс развития исторической мысли выступает не как единый поток, а как постоянное противоборство различных направлений, школ и тенденций, которые в конце концов дают определенную равнодействующую этого развития. В истории исторической науки постоянно прослеживается существование двух линий: прогрессивной, базирующейся на передовой историко-философской концепции и выражающей интересы революционного класса, и консервативной, стоящей на позициях реакционной философской системы, защищающей интересы исторически обреченного, уходящего с исторической арены класса или сословия.

Конечно, было бы большим упрощением думать, что принадлежность ученого к прогрессивному направлению того или иного периода автоматически влечет за собой его большую роль в историографии. Конкретное изучение показывает, что и в консервативном лагере работают выдающиеся представители национальной или миро-

вой исторической науки, однако именно представители передовых научных школ прокладывают новые пути в науке, вносят наибольший вклад в сокровищницу мировой историографии.

Противоречивый процесс развития мировой исторической науки особенно усилился с момента открытия материалистического понимания истории, появления марксизма-ленинизма как идеологии пролетариата и особенно после победы Великой Октябрьской социалистической революции и формирования марксистско-ленинской исторической науки. В настоящее время можно говорить о существовании двух магистральных направлений в развитии исторической науки: буржуазной историографии как таковой и марксистско-ленинской исторической науки. Хотя в рамках буржуазной историографии существует множество различных направлений и школ от самых махрово-реакционных до леволиберальных, тем не менее всем им присуща одна общая основа — рассмотрение исторического процесса с идеалистических позиций. Марксистско-ленинская историография развивается на прочной базе исторического материализма, марксистско-ленинской методологии. Именно в рамках марксистско-ленинской историографии было дано новое, наиболее глубокое объяснение исторического процесса, создано стройное учение об историческом развитии, решены многие проблемы, которые были камнем преткновения для мировой науки на протяжении ее многовекового развития. Показателем силы и глубины марксистско-ленинской интерпретации всемирно-исторического процесса является широкое распространение исторического материализма не только в странах социалистического содружества, но и среди ученых капиталистических стран, в том числе выходцев из непролетарских слоев населения.

Марксистско-ленинская историография в современных условиях развивается в постоянной борьбе с идеалистическими концепциями мировой, в том числе и античной, истории. Для современной буржуазной историографии характерно нарастание реакционных тенденций в области методологии, распространение агностицизма, иррационализма, пессимизма и отрицание прогрессивного характера исторического развития.

Кризис методологических основ буржуазной науки не означает ее распада во всех отношениях. Можно

говорить о различной проблематике конкретных исследований, интересных частных выводах, расширении круга источников, совершенствовании методов изучения, увеличении количества изданий. Но в целом для современной буржуазной историографии характерно противоречивое развитие, в процессе которого усиливается разрыв между ее, так сказать, количественными и качественными показателями: растущей специализацией, совершенствованием исследовательской техники, укреплением организационных основ, расширением издательского дела и сужением познавательных возможностей, методологическим эклектизмом, пессимизмом конечных выводов.

Одним из итогов развития мировой историографии является более ясное восприятие научного и гуманистического значения данных исторического исследования. Как показало предшествующее изложение, в каждую историческую эпоху результаты исследований были важны не только для познания исторического прошлого как такового, но играли определенную роль и в распространении гуманистических начал в человеческом обществе. В современных условиях результаты исторического исследования обогащают сокровищницу мировой науки, показывают неумолимый характер исторического процесса, непрерывное совершенствование цивилизации, неотвратимость наступления более совершенных отношений в человеческом обществе, т. е. наступление социализма и коммунизма. В современном мире, в котором идеи социального прогресса, демократии и социализма получили широкое распространение, изучение исторического прошлого, в том числе и античного мира, играет важную гуманистическую роль.

Аалдерс Д. (Aalders G. J. D.) 317
Агафонов А. А. 335
Агвадо-Блейе П. (Aguado Bleye P.) 312
Аккаме С. (Akkame S.) 290
Аккерстрем А. (Akerstrem A.) 321
Акургал Э. (Akurgal E.) 244
Аландский П. И. 133
Алексеева М. П. 342
Альмагро М. (Almagro M.) 312
Альбертини Е. (Albertini E.) 201
Альбер Ф. (Halbherr Fr.) 159
Альтамира и Кревеа Р. (Altamira y Crevea R.) 168
Альфан Л. (Halfent L.) 201
Альфельди А. (Alföldi A.) 384
Альфельди Г. (Alföldi G.) 384, 385
Альфиери Н. (Alfieri N.) 293
Альтгейм Ф. (Altheim F.) 223—225, 302—304, 305.
Андерсон А. (Anderson J. K.) 258
Андреадис А. (Andreades A.) 165
Андреев В. Н. 351, 361
Андреев Ю. В. 354, 358
Андреотти Р. (Andreotti R.) 232, 233
Аполлон С. 154
Арендт О. О. 332
Арнольд Т. (Arnold Th.) 67
Арнхейм М. (Arnheim M. T. W.) 270
Аррибас А. (Arribas A.) 312
Артамонов М. И. 356, 371
Арциховский А. В. 334
Астафьев Н. А. 79
Астрюк Ж. (Astruc J.) 39
Африка Т. (Africa T. W.) 261
Афцелиус А. (Afzelius A.) 320
Ашик А. Б. 72, 73

Бабелон Ж. (Babelon J.) 151
Бабелон Э. (Babelon E.) 199
Бабст И. К. 76, 77
Байер Г. З. 48, 73
Балдри Х. (Baldry H.) 262
Барфорд А. (Burford A.) 267
Барич Х. (Baric H.) 380
Баркоци Л. (Barcocźy L.) 384
Барня И. (Barnea I.) 387
Батай А. (Bataille A.) 199
Батюшков К. Н. 71
Бауэр В. В. 80
Баховен И. (Bachofen J. J.) 107, 108
Бежуньска-Маловист И. (Bezuńska-Malowist I.) 375—377
Бейль П. (Bayle P.) 39
Бек А. (Boeckh A.) 7, 56, 61, 62, 67, 87, 101, 102, 374
Беккер П. В. 73
Белл Г. (Bell H. I.) 190
Беллинджер Э. (Bellinger A. R.) 247
Белов Г. Д. 346
Белова Н. Н. 370
Белоруссов М. 176.
Белох К. (Beloch K. J.) 146, 147, 160, 165, 211, 235
Беляев Д. Ф. 133
Бенац А. (Benac A.) 380
Бенгтсон Г. (Bengtson H.) 222, 299, 300
Бенндорф О. (Benndorf O.) 307
Бенклиев С. Н. 399
Бентам И. (Bentham I.) 65
Бентли Р. (Bentley R.) 37, 39
Бенуа Ф. (Benoit F.) 274
Бенье М. (Besnier M.) 200
Бенье Р. (Besnier R.) 277

Берар Ж. (Berard J.) 281
Берве Г. (Berve H.) 212, 220—222, 224, 297—299
Бергер А. К. 249, 342, 359
Беркут Л. Н. 182
Берн (Bern) 246
Бернабо-Бреа Л. (Bernabo-Brea L.) 289
Бернан А. (Bernand A.) 275, 283
Бернан Э. (Bernand E.) 275
Бернар П. (Bernard P.) 274
Бернхард М. Л. (Bernhard M. L.) 382
Берчу Д. (Berciu D.) 387
Бете Э. (Boether E.) 220
Биде Ж. (Bidez J.) 314
Бийяр Р. (Billiard R.) 201
Билиньский М. Е. (Biliński M.) 375, 377
Билабель Ф. (Bilabel F.) 210
Бирли Э. (Birley E.) 264, 269
Блаватская Т. В. 356, 357
Блаватский В. Д. 290, 343, 344, 356, 372
Благовещенский Н. М. 76, 135, 136
Бласкес Х. (Blázques H.) 313
Блеген К. У. (Blegen C. W.) 244
Блок Т. (Bloch T.) 200
Блок М. (Bloch M.) 187
Блок Р. (Bloch R.) 284
Блюмнер Г. (Blumner H.) 110
Богаевский Б. Л. 334, 335
Богарт Р. (Bogaert R.) 317
Боголепов Н. П. 173
Боден Ж. (Bodin J.) 27
Боетиус А. (Boethius A.) 321
Бокаччо Дж. (Boccaccio G.) 22
Бокиш Г. (Bokisch G.) 391
Бокщанин А. Г. 337, 342, 369
Болкештейн Х. (Bolkestein H.) 316, 317
Бони Дж. (Boni G.) 159
Боннар А. (Bonnar A.) 243
Боннер Р. (Bonner R.) 195
Боргези Б. (Borghese B.) 54, 104
Борденаки Г. (Bordenache G.) 388
Бордмэн Дж. (Boardman J.) 255
Борецки Б. (Borecký B.) 383
Боссюэ Ж. (Bossuet J. B.) 36
Ботсфорд Дж. (Bortsford G.) 170, 249
Боузек Я. (Bouzek J.) 383
Боурэ К. (Bowra C. M.) 254
Бофор Л. де (Beaufort, Luis, de) 40, 49, 58
Бош-Гимпера П. (Bosch Cimpera P.) 168, 310, 311, 312
Браччолини П. (Bracciolini P.) 20, 21
Бриан П. (Briand P.) 280, 282, 283
Брискоу И. (Briscow J.) 266
Брицио Э. (Brizio E.) 122
Брожек М. (Brozek M.) 376
Бронштейн И. И. 335
Броутон Т. (Broughton T. R. S.) 197
Буассье Г. (Boissier G.) 153
Бузескул В. П. 102, 172, 177, 178, 331, 332
Бузольт Г. (Buzolt G.) 147
Буриан Я. (Burian J.) 383
Буржэ Э. (Bourgeois E.) 199
Буркхардт Я. (Burckhardt J.) 107, 108, 109
Буше-Леклерк А. (Bouche-Leclercq A.) 152
Бьянкини Ф. (Bianchini F.) 38
Бьондо Ф. (Biondo F.) 22
Бьюри Дж. (Bury G.) 157
Бьянки-Бандинелли Р. (Bianchi-Bandinelli R.) 242, 288

Бэдиэн Э. (Badian E.) 262
Бюде Г. (Bude G.) 26, 143
Бюттнер Г. (Büttner G.) 392
Бюхер К. (Bucher K.) 144, 174, 202, 204, 215, 316, 333, 339

Вайзман Т. (Wiseman T. P.) 265
Валла Л. (Valla L.) 7, 23, 26, 391
Валле Ж. (Vallet G.) 274, 281
Валлон А. (Vallon A.) 70, 87, 114, 339
Валмен Н. (Valmin N.) 199
Ван Гронинген Б. (Van Groningen B.) 317
Ван Лохвизен де Леев (van Lohuizen de Leeuw) 317
Ван Эйсинг Г. (van den Berg van Eysinga G. A.) 164, 165
Вансович А. (Wansovicz A.) 279, 375
Варжинек В. (Vavrinek V.) 383
Варцл Л. (Varcl L.) 382
Васильевский В. Г. 80, 132, 135
Васич М. (Vasić M.) 380
Вебер В. (Weber V.) 224, 225
Вебер М. (Weber M.) 6, 175, 202, 239, 316, 317
Вебстер Т. (Webster G.) 253, 269
Ведров В. 79
Велков В. 378, 379
Вельскопф Е. (Welskopf E. C.) 390, 391.
Вермюль Э. (Vermeule E.) 253
Вернан Ж. (Vernant J. P.) 279
Вентрис М. (Ventris M.) 253
Вест Э. (West A. B.) 190
Веструп К. В. (Westrup K. W.) 320
Вивер П. (Weaver P. R. C.) 268
Вивес А. (Vives A.) 310
Вигиль М. (Vigil M.) 312
Видаль-Накэ П. (Vidal-Naguet P.) 279, 280, 315
Видман Л. (Vidman L.) 383
Вийар Ф. (Villard F.) 274
Виккерт Л. (Wickert L.) 225
Вико Дж. (Vico G.) 35, 36, 39, 40, 41, 68
Вилд И. (Wild J. P.) 246
Виллрих (Willrich H.) 225
Виллемс П. (Willems P.) 163, 164
Виламовиц-Мелендорф У. (Wilamowitz-Moellendorf U.) 145, 211, 212
Вилиньский А. (Wiliński A.) 376
Вилль Э. (Will E.) 280, 281, 283
Вильгельм А. (Wilhelm A.) 163, 307
Вилькен У. (Wilken U.) 104, 148, 210, 211
Винкельман И. (Winkelmann I.) 40, 45—47
Винничук Л. (Winniczuk L.) 376
Виппер Р. Ю. 173, 328, 345, 349
Випшуцка Э. (Wipszycka E.) 376
Виссова Г. (Wissowa G.) 143
Вителли Дж. (Vitelli G.) 159
Витуччи Дж. (Vittucci G.) 294
Воеводский Л. Ф. 133
Вольский М. М. 127
Вольтер Ф. (Voltaire Fr.) 6, 9, 39, 40, 42, 43, 153
Вольф Ф. (Wolf F.) 56, 57, 61
Врачу А. (Vrachu A.) 388
Вудкок Г. (Woodcock G.) 264
Вудхауз В. (Woodhouse W. J.) 194
Вудхэд А. (Woodhead A.) 246
Вулич Н. (Vulić N.) 380

Вульпе Р. (Vulpe R.) 387
Вэйдж-Джэри Х. (Wage-Gery H.) 190
Вэйс Дж. (Wase J. B.) 254
Вэллэйс С. (Wallace S.) 247

Габба Э. (Gabba E.) 288
Габриель А. (Gabriel A.) 198
Гажэ Ж. (Gagé J.) 278
Гайдукевич В. Ф. 346, 347, 358, 375
Гаммерштрем М. (Hammerstrem M.) 168
Гансинек З. (Gansinek Z.) 375
Гарднер Х. П. (Gardner P.) 117
Гардтхаузен В. (Gardthausen V.) 224
Гарлан И. (Garlan Y.) 279, 280
Гарнак А. (Harnack A.) 149
Гаррисон Дж. (Harrison J. E.) 158
Гарсия и Беллидо А. (Garsia y Bellido A.) 310, 312
Гегель (Hegel) 6, 52, 53, 54, 65, 75, 88
Гейссе Х. (Heisse H.) 391
Гельцер М. (Gelzer M.) 163, 213, 220, 225, 297, 299, 304, 305
Георгиев В. 376
Гербиг Г. (Herbig G.) 168
Гердер Г. (Gerder G.) 40, 45, 47
Геремик А. (Geremek H.) 376
Геро О. (Gueraud O.) 199
Геров Б. (Gerov B.) 378
Гертринген Ф. (Hiller von Gaertringen F.) 210
Гестрин Ф. (Gestrin F.) 380, 381
Герцен А. И. 124, 125
Герье В. И. 137
Геснер (Gesner J. M.) 37
Гзель С. (Gsell St.) 153, 154, 208
Ги Ж. (Guey J.) 276, 277
Гиббон Э. (Gibbon E.) 6, 7, 40, 43, 44, 394
Гизо Ф. (Heuzey F.) 75, 78, 89
Гинтофт Е. (Gintowt E.) 376
Гиро П. (Guiraud P.) 151, 165
Гиршман Р. (Ghirshman R.) 274
Гиршфельд Б. (Hirschfeld B. E. Th.) 104
Глотц Г. (Glotz G.) 200, 201, 203, 204, 206
Глускина Л. М. 351, 360
Гнедич Н. И. 72
Гоббс (Hobbes) 9, 33
Голубцова Е. С. 355, 363, 369
Гомм А. (Gomme A. W.) 195
Граков Б. Н. 356, 371
Грановский Т. Н. 76, 77
Гребенский Н. И. 361
Гревс И. И. 173, 174, 176, 331
Гренфель Б. (Grenfell B.) 156
Гренье А. (Grenier A.) 198, 274
Грефе Ф. Б. 73
Грин П. (Green P.) 262
Грималь П. (Grimal P.) 278
Гримм Э. Д. 179, 180
Гринхэл П. (Greenhalgh P. A.) 257
Гриффит Г. (Griffith G. T.) 117, 196
Груэн Э. (Gruen E.) 256
Грот Дж. (Grot G.) 65—67, 86, 87, 89
Грутер Я. (Gruterus J.) 27
Грэхэм Дж. (Graham A. J.) 253, 254
Гуисман Р. (Агрикола) (Agricola R.) 28
Гюнтер Г. (Günter H.) 218
Гюнтер Р. (Günter R.) 390, 391
Гьеров Г. (Gierov G.) 321

Гьерстед Э. (Gierstad E.) 292, 320, 322

Давыдов Ю. Н. 370
Дадли Д. (Dudley D. K.) 269
Дайковичу К. (Daicoviciu C.)
Данов Хр. 378, 379
Дауни Дж. (Downey G.) 264
Девото Г. (Devoto G.) 235
Деграсси А. (Degrassi A.) 287
Дееке О. (Deecke O.) 62
Делум А. (Deloume A.) 151
Дельбрюк Г. (Delbrück H.) 148
Делэ Р. (De Laix R. A.) 259
Де Мартино Ф. (De Martino F.) 292—294
Демпстер Ф. (Dempster Th.) 29
Деонна В. (Deonna W.) 164
Де Санктис Г. (De Sanctis G.) 160, 161, 227, 230, 233, 234, 235
Десборо В. (Desbourough V. R.) 254
Дессау Х. (Dessau H.) 104
Дечев Д. 375
Дешелетт Ж. (Dechelette J.) 151
Джанелли Дж. (Giannelli G.) 234, 235, 290
Дженкинс К. (Jenkins C.) 247
Джерольд Д. (Jerold D.) 269
Джеффери Л. (Jeffery L. H.) 246
Джонсон Дж. (Johnson J.) 190
Джорджеску В. (Georgescu V.) 388
Джоунз А. (Jones A. H. M.) 197 256, 258, 561, 269, 270
Дибвойз Н. (Debovoise N. C.) 196
Дидро Д. (Diderot D.) 9
Дилигенский Г. Г. 336
Диксон А. (Dickson A.) 40, 44, 45
Димитров Д. 375, 376
Диндорф В. (Dindorf W.) 101
Диндорф Л. (Dindorf L.) 101
Диошди Г. (Diósdi G.) 385
Диснер Х. (Disner H.) 390, 391
Диттенбергер В. (Dittenberger W.) 210
Дмитрев А. Д. 341
До Ж. (Daux J.) 199
Добо А. (Dobo A.) 386
Добролюбов Н. А. 124, 125
Доватур А. И. 342, 360
Додж Г. (Dodge G.) 171
Доле Э. (Dolet E.) 26
Домашевский А. (Dymaszevsky A.) 104,
Донини А. (Donini A.) 242
Драгоманов М. П. 138
Дракенборх А. (Drakenborch A.) 37
Драхман А. (Drachman A. B.) 320, 321
Древс А. (Drews A.) 149
Дреруп Э. (Drerup E.) 212
Дройзен И. (Droysen J. G.) 62, 63, 104, 129, 152
Дукати П. (Ducati P.) 229, 230, 235, 291
Дуке М. (Duque M.) 312
Дункан-Джонс Р. (Duncan-Jonaes R.) 267
Дункер М. (Duncker M.) 62, 103
Дьяков В. Н. 337, 342, 347
Дьяконов И. М. 354
Дыдынский Ф. М. 173, 180
Дэвис Дж. (Davies J. K.) 259
Дэвисон В. (Davison W. J.) 255
Дюма Ф. (Dumas F.) 274
Дюмезиль Ж. (Dumezil G.) 284
Дюррбах Ф. (Durrbach F.) 199
Дюруи В. (Duruy V.) 115

Дюро де ла Малль М. (Dureau de la Mallemm.) 69, 87, 127

Егер В. (Jaeger W.) 219
Ельницкий Л. А. 351, 365, 371
Ернштедт В. К. 129
Ернштедт П. В. 330
Ешевский С. В. 77

Жарде А. (JardéA.) 202
Жаринов Д. А. 330
Жебелев С. А. 129, 172, 178, 330—332, 339, 341, 347
Жуге П. (Jouguet P.) 199, 205
Жуковский В. А. 72
Жюллиан К. (Jullian K.) 154, 206, 208

Залин Э. (Salin E.) 217
Залесский Н. Н. 316
Замботти П. (Zambotti P. L.) 237
Запольский В. 127
Захаров А. А. 334
Зеек О. (Seec O.) 148, 206, 216
Зелинский Ф. Ф. 172, 175, 180, 181
Зельин К. К. 249, 341, 351, 358, 362
Зейферт В. (Seyfert W.) 392
Златковская Т. Д. 356
Зоммер Ф. (Sommer F.) 211

Ине В. (Ihne W.) 106
Иофифофска Б. (Iofifovska B.) 381

Кабо А. (Cabo A.) 312
Кабане П. (Cabanes P.) 279
Каввадиас П. (Kavvadias P.)
Кавеньяк Е. (Cavaignac E.) 151, 202, 277
Кагаров Е. Г. 334, 335
Каде А. (Cadell H.) 275
Казакевич-Грейс Э. Л. 354, 361
Казаманова Л. Н. 359
Каллистов Д. П. 347
Каллю Ж. (Callu J. P.) 275, 277
Кальдерини А. (Calderini A.) 159, 231, 295
Канараке В. (Canarache V.) 388
Канина Л. (Canina L.) 122
Кант И. (Cant I.) 52
Канья Р. (Cagnat R.) 151, 154, 208
Капоцца М. (Capozza M.) 294
Карейша Д. В. 73
Кареев Н. И. 177, 331
Каркопино Ж. (Carcopino J.) 200, 205, 207, 208, 284
Каро Г. (Karo G.) 221
Картледж П. (Cartlege P.) 272
Карштедт У. (Kahrstedt U.) 215, 216
Каски Дж. (Caskey J.) 254
Кацаров Г. 166, 378
Кейль И. (Keil J.) 307
Келер У. (Köhler U.) 100, 129
Келюс А.—К.—Ф. (Caylus A. C. Ph.) 38
Кенион Ф. (Kenyon F.) 156
Керамопулос А. (Keramopoulos A. D.) 165
Керст Ю. (Kaerst J.) 147
Кёлер Е. (Köhler H. K. E.) 73, 74
Кёпе Б. В. 73
Кириако из Анконы (Ciriacole Pizzicolle) 21
Кирк Дж. (Kirk G. S.) 254
Кирхгоф А. (Kirchhoff A.) 100
Кисслинг У. (Kiessling E.) 210
Кихле Ф. (Kiechle F.) 301, 302

Клавель-Левек М. (Clavel-Levegue M.) 279, 285
Клаффенбах Г. (Klaffenbach G.) 386
Клебер Ж. (Kleber J.) 285
Клоше П. (Cloché P.) 204, 282, 283
Клеменс И. (Klemens J.) 380, 381
Кнабе Г. С. 371
Кобылина М. М. 343, 355
Ковалёв С. И. 330, 331, 333, 334, 337—342, 344, 349, 370, 372
Колендо Е. (Kolendo J.) 374
Коллар П. (Collart P.) 200
Колобова К. М. 337, 342, 344, 358, 361
Колосовская Ю. К. 369
Кольбе В. (Kolbe W.) 212
Комаровский П. 127
Кондорсе А. (Kondorsé A.) 36
Кондураки Э. (Condurachi E.) 387
Коник Е. (Konik E.) 377
Кончаловский Д. П. 330
Кордатос Я. (Kordatos J. K.) 320
Корнеманн Э. (Carnemann E.) 206, 219, 220, 297, 298
Корзун М. Е. 356
Корсунский А. Р. 370
Кортсен С. (Cortsen S. P.) 168
Косцюшко-Валюжинич К. К. 172
Коуэлл Ф. (Cowell F.) 264, 265
Кошеленко Г. А. 354, 364
Коен Р. (Kohen R.) 200, 283
Кравчук А. (Krawczuk A.) 377
Крауфорд Д. (Crawford D.) 264
Крашеннинников М. Н. 182
Кревье Ж. Б. (Crevier J. B.) 43, 48, 49
Кроче Б. (Croce B.) 160, 187, 226, 227, 239
Круазе А. (Croiset A.) 152, 277
Кругликова И. Т. 356
Кролль В. (Kroll W.) 143
Крэй К. (Craay C. M.) 246, 247
Крюгер О. О. 342, 344
Крюков Д. Л. 75, 76
Кудрявцев О. В. 348, 349, 354
Кудрявцев П. Н. 76, 77
Кузищин В. И. 353, 355, 367
Кук Дж. (Cook J. M.) 244
Кук Х. (Kuck H.) 392
Кулаковский Ю. А. 172, 180
Куль П. Ю. 180, 182
Куманецкий М. К. (Kumaniecki M. K.) 375, 376
Куманудис И. (Kumanudis J. N.) 100
Куниш А. (Kunisz A.) 374
Купишевский Г. (Kupiszewski H.) 375, 376
Курциус Э. (Curtius E.) 62, 100, 102
Куторга М. С. 75—80, 132
Кэри М. (Cary M.) 196
Кюмон Ф. (Cumont F.) 163, 164, 205, 314, 317
Кюрье Я. (Curiel R.) 276

Ламброс С. (Lambros Sp.) 165
Ланже М. Т. (Lenger M. Th.) 316
Ларсен Дж. (Larsen J. A. O.) 257, 381
Ласку Н. (Lasku N.) 388
Латышев В. В. 129, 181
Лауффер З. (Lauffer S.) 302, 305
Лахман К. (Lachmann K.) 54
Леба Ф. (Le Bas Ph.) 55, 70
Левек П. (Levégue P.) 279, 283
Леви Ж. (Levy J.) 277

Ледю К. (Ledue C.) 280
Леман—Гаупт К. Ф. (Lehmann—Haupt C. F.) 218
Ленин В. И. 6, 81, 151, 325, 326, 327
Ленцман Я. А. 351, 356, 357
Леонтьев П. М. 76, 126
Леншау Т. (Lenschau Th.) 221
Лепик—Копачиньска В. (Lepik—Kopaczynska W.) 372
Лерминье Е. (Lerminier E.) 114, 115
Лессинг Г. (Lessing G. E.) 40, 45, 46, 47
Лет Помпоний (Laetus Pomponius) 23
Либешютц Дж. (Liebeschuetz H. W.) 270
Лившиц Г. М. 342, 369, 370
Лик У. (Leak W.) 55
Липсий Юст (Lipsius Iustus) 28, 29
Лисичар П. (Licicar P.) 381
Литтон О. (Litton O.) 257
Линфорт Дж. (Linforth J. M.) 194
Локк Дж. (Locke J.) 9, 33
Ломоносов М. В. 48, 49
Лоней М. (Launey M.) 199, 183
Лосев А. Ф. 370
Лорд Э. (Lord A.) 254
Лотце Д. (Lotze D.) 392
Лурье С. Я. 334, 342, 345, 357
Луццатто Дж. (Luzzatto G.) 292
Люгебиль К. Я. 132, 133
Люперсольский П. И. 80
Льюис Дж. (граф Корнуэлл) (Lewis G.) 67
Льюис Д. (Lewis D.) 246

Мабли Г. (Mably G. B.) 36, 49
Магаффи Дж. (Mahaffy J.) 119, 120, 121
Мадзарино С. (Mazzarino S.) 233, 287, 295
Маевский К. (Majewski K.) 375
Мазар Ж. (Mazard J.) 276
Мазон О. (Mason O.) 243
Майюри А. (Maiuri A.) 236, 292
Мак Грегор М. (Mac Gregor M. F.) 190
Мак Дауэл Д. (Mac Dowall D.) 247
Мак Кендрик П. (Mac Kendrich P.) 259
Мак Маллен Р. (McMullen R.) 268
Маккиавелли Н. (Machiavelli N.) 24, 25, 394
Мануций Альдо (Manuzio A. P.) 21
Мангас Х. (Manharres H.) 313
Мантейфель Е. (Manteuffel J.) 374, 376
Маринович Л. П. 351, 357
Маркс К. 6, 9, 19, 25, 53, 59, 81—84, 86, 89, 97, 108, 117, 123, 124, 271, 280, 327, 334
Марич Р. (Marić R.) 380
Марот К. (Marót K.) 385
Мароти Э. (Maroti E.) 385
Марсден Э. (Marsden E. W.) 257
Мартен Р. (Martin R.) 277, 281, 282
Мартинс де Оливейра Д. (Martins de Oliveira D.) 169
Мартенс П. (Martens P.) 316
Мартынов И. И. 72
Маршалл Дж. (Marshall J.) 189
Маттингли Х. (Mattingly H.) 191, 192, 247
Матц Ф. (Matz F.) 302

Машкин Н. А. 304, 337, 338, 341, 342, 348, 372
Маяк И. Л. 365
Мейггз Р. (Meiggs R.) 259
Мейер Э. (Meyer E.) 7, 144, 145, 172, 176, 202, 204, 210, 213, 215, 224, 240, 295, 316, 333, 394
Мелида Р. (Melida R.) 168
Мейнеке Ф. (Meineke F.) 218
Меривель Ч. (Merivale Ch.) 118
Мерит Б. Д. (Meritt B. D.) 190
Метцгер А. (Metzger H.) 282
Микнат Г. (Micknat G.) 301
Милнз Р. (Milns R. D.) 262
Милль Дж. (Mill J.) 65
Мильтнер Ф. (Miltner F.) 307
Миттейс Л. (Mitteis L.) 148
Митфорт В. (Mitford W.) 64
Мичелл Л. (Michell H.) 260
Михаловский К. (Michałowsky K.) 375, 376
Михаэску Х. (Mihaescu H.) 388
Мишулин А. В. 331, 337, 340, 341, 342, 348
Мишле Ж. (Michelet J.) 68, 169
Мищенко Ф. Г. 134, 135
Модестов В. Н. 136, 137, 172, 179
Момильяно А. (Momigliano A.) 233, 283
Моммзен Т. (Mommsen Th) 6, 7, 10, 54, 70, 86, 89, 103—107, 137, 145, 147, 163, 179 213, 224, 310, 374, 381, 394
Монтелиус О. (Montelius O.) 167
Монтескье Ш. (Montesquieu Ch.) 9, 36, 40, 41, 42, 45, 394
Монфокон Б. де (Montfaucon B. de) 38
Мор Т. (Mor Th) 29
Морган Л. (Morgan L.) 10, 86, 123, 170
Моркхольм О. (Mørkholm O.) 246, 318
Моссе К. (Mosse C.) 281
Моухова Б. 383
Мочи А. (Mócsy A.) 384, 385
Муравьев-Апостол И. М. 71
Мурыгина И. Ф. 370
Мюллер И. (Müller Iw.) 143
Мюллер Р. (Müller R.) 389, 390, 392
Мюллер К. Г. (Müller K. O.) 62, 67, 101, 102
Мюллер К. (Müller K.) 218
Мюнцер Ф. (Münzer F.) 213, 214

Надеждин Н. И. 73
Нахман Ф. 176
Немировский А. И. 362
Нетушил И. В. 172, 179, 328
Нечай Ф. М. 365
Нибур Г. Б. (Niebuhr B. G.) 6, 7, 9, 54, 56—61, 63, 65—68, 75, 86, 104, 106, 107, 125, 161, 391
Никитин П. В. 128, 130
Никитский А. В. 129, 181, 182
Николе К. (Nicolet C.) 276, 277, 278
Николов Д. 379
Никольский Н. М. 330, 331, 332
Нильссон М. (Nilsson M. P.) 321
Нич К. (Nitzsch K. W.) 107
Ницше Ф. (Nietzche F.) 149, 169, 212
Новак Г. (Novák G.) 380
Новицка М. (Nowicka M.) 376
Новосадский Н. И. 129, 181, 182, 331
Ноу С. (Noe S. P.) 192

Ноэль де Верже А. (Noel de Vergers A.) 122
Ньюэлл Э. (Newell E. T.) 191, 192
Ньютон (Newton Ch. T.) 117

Обуайе Ж. (Auboyer J.) 277, 278
Один А. (Audin A.) 288
Олива П. (Oliva P.) 382
Олло М. (Holleaux M.) 198, 199
Омо Л. (Homo L.) 200, 205, 206, 207, 278, 282
Оммоль Т. (Homolle Th.) 100, 198
Остин М. (Austin M.) 280
Островитянов К. В. 342
Орелли И. (Orelli J.) 54
Орси П. (Orsi P.) 159
Отто В. (Otto W.) 212, 215
Откупщиков Ю. В. 359
Оуен Р. (Owen R.) 52

Паван М. (Pavan M.) 288
Павловская А. И. 362, 370
Пайс Э. (Pais E.) 104, 160, 161, 200, 234
Паланк Ж.-Р. (Palanque J. R.) 283
Паллотино М. (Pallotino M.) 291, 292
Палмер Л. (Palmer L. R.) 253
Папазоглу Ф. (Papazogly F.) 380, 381
Папаригопулос К. (Paparrigopoulos K.) 165
Пардуч М. (Parducz M.) 384
Парри М. (Parry M.) 254
Парети Л. (Pareti L.) 235, 236, 387, 289
Парк Х. (Park H. W.) 195
Паркер Дж. Г. (Parker J. H.) 117
Парибени Р. (Paribeni R.) 230, 231, 236, 295
Паршиков А. Е. 359
Парэн Ш. (Parain Ch.) 279
Пауэлл Дж. (Powell J. S.) 192
Паче В. (Pace V.) 289
Педеш П. (Pédech P.) 284
Пёльман П. (Pöhlman R.) 146, 147
Пендлберри Дж. (Pendlebery J. D. S.) 189
Переманс В. (Peremans W.) 316
Пернье А. (Pernier A.) 159
Периханян А. Г. 363
Перуцци Э. (Peruzzi E.) 296
Петер К. (Peter K.) 106
Петерс Ф. (Peters F. E.) 261, 264
Петрарка Ф. (Petrarca Fr.) 20, 21, 22
Петри Флиндерс У. (Petrie Fliders W. M.) 117, 156
Петрович Е. (Petrović E.) 387
Петру П. (Petru P.) 380
Петрушевский Д. М. 174, 175, 329, 331, 332
Печирка Я. (Pečirka J.) 382, 383
Пиганьоль А. (Piganiol A.) 200, 201, 205, 206, 275
Пикар Ш. (Picard Ch.) 199, 274
Пикус Н. И. 362
Пиппиди Д. (Pippidi D.) 387
Пиррен А. (Pirenne H.) 163
Писарев Д. И. 125, 126
Погирк Ч. (Poghirk C.) 388
Поздеева И. В. 358
Покровский И. А. 173
Покровский М. Н. 327, 328, 329
Поленц М. (Pohlenz M.) 215
Полякова Г. Ф. 354
Помяловский И. В. 128, 129, 131, 136

Поулсен Ф. (Poulsen F.) 320
Прейзигке Ф. (Preisigke F.) 210
Презенданц К. (Preisendanz K.) 210
Премерштейн А. (Premerstein A.) 224
Прео К. (Preaux Cl.) 314, 315
Преображенский П. Ф. 331, 334, 342
Пригоровский Г. Г. 176, 330
Прикот Гарсиа Л. (Pericot y Garcia L.) 309, 310
Притчетт В. (Pritchett W. K.) 190, 258
Протасова С. И. 342
Протаче Д. (Protase D.) 388
Прудон (Proudhon) 52
Пти П. (Petit P.) 282, 283
Пуадебар А. (Poidebard A.) 198
Пуи Р. (Pui R.) 89
Пульезе-Карратели Дж. (Puyliesse Carratelli G.) 289
Пуркевиль Ф.-Ш. (Pouqueville Fr. Ch.) 55
Пушкин А. С. 71
Пырван В. (Parvan V.) 167
Пэдгак Р. (Padgug R. A.) 272
Пэйдж Д. (Page D.) 254

Рабле Ф. (Rable F.) 27
Раде Ж. (Rade G.) 205, 282
Радищев А. Н. 48, 49
Радциг С. И. 330, 345, 346
Раевский Д. С. 371
Рамбо М. (Rambaud M.) 284
Ранке Л. (Ranke L.) 99, 104
Ранович А. Б. 330, 334, 345, 348, 349
Реветт Н. (Revett N.) 37
Рейнак С. (Reinach S.) 154
Рейнак Т. (Reinach Th.) 152
Рекманс Т. (Reckmans T.) 316
Реллини У. (Rellinni U.) 237
Ременников А. И. 367
Ремондон Р. (Remondon R.) 277, 289
Ренан Ж. Э. (Renan J. E.) 116, 117
Рендич-Миочевич Д. (Rendić-Miočević D.) 380
Ривет А. (Rivet A. L. F.) 269
Ридер Ж. Л. (Le Rider G.) 275, 277
Риджуэй У. (Ridgway W.) 156
Риккардо Д. (Riccardo D.) 52, 65
Ричардсон А. (Richardson A. M.) 189
Ричль Ф. (Ritschll F. W.) 54
Робер Ж. (Robert J.) 199, 275
Робер Л. (Robert L.) 199, 275, 276
Робертис Ф. де (Robertis F., de) 293
Робертсон А. (Robertson A.) 243
Робертсон Дж. (Robertson J.) 158
Робинсон Д. (Robinson D.) 189
Робинсон Ч. (Robinson Ch. A.) 249
Роде Э. (Rohde E.) 149
Роллен Ш. (Rollen Ch.) 43, 38, 49
Романелли П. (Romanelli P.) 286
Росс Л. (Ross L.) 267
Росс-Тэйлор Л. (Ross-Tylor L.) 267
Росси Дж. де (Rossi G. B., de) 56
Ростовцев М. И. 173, 175, 176, 189—191, 193, 195, 196, 206, 278, 382
Ростоу У. (Rostow W.) 239, 241, 249
Рубино Дж. (Rubino J.) 60
Руджини Л. (Rudgini L.) 293

Рудорф А. (Rudorff A.) 54
Руссель Д. (Roussel D.) 279
Руссель П. (Roussel P.) 199, 200, 201
Руссо Ж.-Ж. (Rousseau J. J.) 116
Руссу И. (Russu I.) 388
Рутковский Б. (Rutkowski B.) 375
Рыбаков Б. А. 371
Рюш М. (Ruch M.) 284

Сабатье П. П. 73
Савиньони (Savignoni) 159
Садурска А. (Sadurska A.) 375
Сазерлэнд (Sutherland C. H. V.) 197
Сайденхэм Э. (Sydenham E.) 192, 247
Сайм Р. (Syme R.) 196
Салач А. (Salač A.) 382
Сальвиоли Дж. (Salvioli G.) 159
Саньяк Ф. (Sagnac F.) 201
Сарджент Р. (Sargent R. L.) 195
Сартр Ж. П. (Sartre J. P.) 239
Свенцицкая И. С. 363
Сегюр Л. Ф. (Ségur L. Rh. de) 70
Сейриг А. (Seyrig H.) 274, 276
Селлвуд Д. (Sellwood D.) 247
Селлнов И. (Sellnow I.) 391
Селтман К. (Seltman C. T.) 191, 192, 194
Сен-Симон (Caint-Simon) 52
Сенлелеки Т. (Szenleleky T.) 384
Сергеев В. С. 329, 331, 333, 337, 338, 341, 348
Сергеенко М. Е. 348, 349, 353, 369
Серджи Дж. (Sergi G.) 235
Серени (Sereni E.) 242, 294, 295
Сестон У. (Seston W.) 284
Скалигер Ж. Ж. (Scaliger J. J.) 27
Скалигер Ю. Ц. (Scaliger J. C.) 26
Скидсгаард Ж. (Skydsguaard J. E.) 320
Скржинская М. В. 358
Сидорова Н. А. 357
Силадьи Я. (Szilagyi J.) 384, 385
Синайский В. И. 173, 176
Синко Т. (Sinko T.) 374, 375
Сисмонди Дж. (Sismondi J. Ch. L.) 52, 90
Славин Л. М. 346
Смирнов А. П. 371
Смирнов К. Ф. 356
Смит Р. (Smith R.) 266
Соболевский С. И. 345, 346
Соколов Ф. Ф. 128, 129, 131
Сотриадис Г. (Sotiriadis G.) 165
Спасский Г. И. 73
Спиноза Б. (Spinoza B.) 39
Стаббингз Ф. (Stabbings F. H.) 254
Стасюлевич М. М. 79, 80
Стеррет Ситлингтон Дж. (Sterret Sitlington J. R.) 170
Стевенсон Г. (Stevenson G. H.) 197
Стерлигов В. И. 330
Стела Л. (Stella L.) 288
Стефани Л. Э. 73, 74
Стипчевич А. (Stipcévic A.) 380
Стоктон Д. (Stockton D.) 266
Стрежелецкий С. Ф. 289, 346
Строгецкий В. М. 359
Струве В. В. 359
Стюарт Дж. (Stuart J.) 37
Сэлвэй П. (Salway P.) 267
Сэн Круа Дж. де (De Ste Croix G. E. M.) 255, 271, 272

Татаркевич В. (Tatarkiewicz W.) 374, 375
Тарн В. (Tarn W.) 195, 196, 262, 263, 264
Таубеншлаг Р. (Taubenschlag R.) 374—376
Тегер Ф. (Taeger F.) 220
Тексье Ж.-Ж. (Texier J. J.) 280, 281
Тереножкин А. И. 371
Тибилетти Дж. (Tibiletti J.) 294
Тиллемон С. (Le Nain de Tillemont S.) 43
Тойнби А. (Toynbee *A.*) 6, 7, 188, 239, 240, 241, 258, 262, 394
Тод М. (Tod M.) 246
Тодоров Я. 378
Томас С. (Thomas S.) 269
Томас Э. (Thomas E.) 381
Томпсон Дж. (Thompson J.) 243
Томпсон М. (Thompson M.) 246, 247
Торп А. (Torp A.) 168
Тредиаковский В. К. 48, 49
Тренчени-Вальдапфель И. (Trencsenyi-Waldapfel I.) 385
Тромбетти А. (Trombetti A.) 235
Тронский И. М. 345, 346
Трофимова М. К. 351
Толстой И. И. 345
Тудор Д. (Tudor D.) 387, 388
Тулин К. (Thulin C.) 168
Турцевич И. 182
Тутэн Ж. (Toutain J.) 155, 202, 203
Тюменев А. И. 331, 333, 347
Тэйлур М. (Taylour M.) 253
Тэн И. (Ten I.) 113
Тэрнер Э. (Turner E. G.) 190

Уайт К. (White K. D.) 266
Уваров А. С. 76
Уваров С. С. 73
Узенер Г. (Usener H.) 149
Уилер М. (Wheeler M.) 261, 263
Уилкин Р. (Wilkin R.) 264
Уилкс Д. (Wilkes J.) 269
Уссинг И. (Ussing J. L.) 168
Урсу Х. (Ursu H.) 385
Утченко С. Д. 354, 355, 366, 372
Уэллз Ч. (Welles Ch. B.) 190
Уэстерманн У. (Westermann W. L.) 191, 195, 256

Фабретти А. (Fabretti A.) 159
Файн Дж. (Fine J. V. A.) 251
Фармаковский Б. В. 172, 331
Фарнелл Л. (Farnell L. R.) 158
Февр Л. (Fevre L.) 187
Феврие Л. (Fauriel L.) 285
Фелуолл К. (Thirlwall C. 65
Ференчи Е. (Ferenczi E.) 385
Фермазерен М. (Vermaseren M. F.) 317, 320
Феррабино А. (Ferrabino A.) 227, 228, 229
Ферреро Г. (Ferrero G.) 161, 162, 206, 227, 295
Филип Я. (Filip J.) 382, 383
Фиммен Д. (Fimmen D.) 211
Финли М. (Finley M.) 250—254, 256, 260, 261
Фиорелли Дж. (Fiorelli G.) 122
Фихман И. Ф. 370
Фихте (Fichte) 52
Фласельер Р. (Flacelière R.) 199
Фол А. 376
Фогт И. (Vogt J.) 220, 225, 301, 305, 306
Фрост Ф. (Frost F.) 258
Форрер Э. (Forrer E.) 211
Форрест У. (Forrest W. G.) 260
Фортина М. (Fortina M.) 290
Франк Т. (Frank T.) 170, 171, 192, 193

Франкотт А. (Francotte R.) 163—165
Франчиши П. де (Francisci P. de) 294
Фрейзер Дж. (Frazer J. G.) 157, 158
Френч А. (French A.) 258
Фрере Н. (Freret N.) 39
Фридлендер Л. (Friedlaender L.) 109, 110
Фримэн К. (Freeman K.) 194
Фримэн Э. (Freeman E. A.) 118, 119
Фролов Э. Д. 359, 341
Фрэйзер П. (Fraser P. M.) 264
Фукар П. (Foucart P.) 100
Фуллер Л. (Fuller L. F. C.) 249
Фурумарк А. (Furumark A.) 322
Фурье Ш. (Fourier Ch.) 52
Фуссман Ж. (Fussman G.) 276
Фюстель де Куланж Н. Д. (Fustel de Coulanges N. D.) 6, 7, 10, 111, 113, 151, 177, 198, 200, 203, 205

Хавас Л. (Havas L.) 385
Хадас М. (Hadas M.) 262
Хазанов А. М. 368
Хазебрек И. (Hasebroeck J.) 215
Хайдеггер М. (Heidegger M.) 239
Хаксли Г. (Huxley G. L.) 260
Хант Э. С. (Hunt A. S.) 156, 190
Хан И. (Hahn I.) 385
Ханнестад К. (Hannestad K.) 321
Харматта Я. (Harmatta J.) 384
Харпер Дж. (Harper J. S.) 255
Харсекин А. И. 364, 365
Хартке В. (Hartke W.) 389
Хаукс Дж. (Hawkes J.) 269
Хаукс Ч. (Hawkes Ch.) 269
Хвостов В. М. 173
Хвостов М. М. 173, 174
Хед Б. (Head B. V.)
Хейс А. (Heuss A.) 222, 304, 305
Хендерсон Б. (Henderson B.) 197
Херман И. (Hermann J.) 391
Хикс Э. (Hicks E. L.) 117
Хилл Дж. (Hill G. F.) 192
Хэммонд М. (Hammond M.) 197

Цветаев И. В. 130, 131, 136
Церетели Г. Ф. 330
Цибарт Э. (Ziebarth E.) 215
Цимерн А. (Zimmern A.) 156, 315
Цинзерлинг Г. А. 361
Цуккер Ф. (Zucker F.) 389
Цунтас Х. (Tsountas Ch.) 65

Чадвик Д. (Chadwick J.) 253
Чайльд Г. (Chaild G.) 243
Чандлер Р. (Chandler R.) 38
Чачери Э. (Ciacieri E.) 232, 289
Черноусов Е. А. 180
Чернышевский Н. Г. 124—126, 134
Чеснола Л. (Cesnola L. P.) 169
Чраймс Т. (Chrimes T. M.) 260

Шантрен Г. (Chantrain H.) 302
Шателен Л. (Chatelain L.) 275
Шахермейер Ф. (Schachermeyr F.) 219, 308, 309, 310
Шашель Я. (Šašel J.) 380
Шван В. (Schwan W.) 215
Шварц Ю. (Schwartz Julius) 163
Шварц Е. (Schwartz J.) 275
Швеглер А. (Schwegler A.) 60, 106, 107

Швидерек А. (Swiderek A.) 376, 377
Шевалье Р. (Chevallier R.) 274
Шекспир У. (Shackespier W.) 30
Шелов Д. Б. 358
Шефер Г. (Schaefer H.) 303
Шиллер Г. (Schiller H.) 106
Шишова И. А. 361
Шкорпил В. В. 172
Шкорпил К. 167
Шкорпил Г. 167
Шлиман Г. 167 (Schlieman H.) 100
Шлюмберже Д. (Schlumberger D.) 274, 283
Шмидт Р. В. 335, 344
Шмидт Э. (Schmidt E.) 392
Шофман А. С. 363
Шпенглер О. (Spengler O.) 185, 209, 220, 240, 307
Шрот Г. (Schrot H.) 391
Штаерман Е. М. 249, 302, 351, 353, 354, 355, 367, 370, 372
Штейн Э. (Stein E.) 214, 215
Штефан Г. (Stefan G.) 387
Штеффен В. (Steffen V.) 375, 376
Штрасбургер Г. (Strasburger H.) 304
Штроекер К. Ф. (Stroheker K. F.) 300, 303
Шубарт В. (Schubart W.) 210
Шультен А. (Schulten A.) 209, 310, 311, 313
Шухардт К. (Schuchhardt C.) 211

Эббот Дж. (Abbot G. F.) 170, 192
Эванс А. (Evans A. J.) 155, 189
Эдвардс К. (Edvards K. M.) 192
Эдди С. (Eddy S. K.) 263
Экхольм Г. (Ekholm G.) 323
Энгельс Ф. 6, 9, 33, 53, 59, 81—84, 86—97, 108, 117, 124, 324
Эразм Роттердамский (Erasmus Desiderius) 26, 28, 164
Эренберг В. (Ehrenberg V.) 215, 249, 259, 263
Эргон Ж. (Heurgon J.) 284
Эрнести И. А. (Ernesti J. A.) 37
Эррингтон Р. (Errington R. M.)
Эймар А. (Aymard A.) 200, 277, 278

Юр П. (Ure P.) 194
Юрс Ф. (Jurs F.) 392
Юревич О. (Jurewicz O.) 376

Якоб О. (Jacob O.) 315
Якоби Ф. (Jacoby F.) 210
Ясперс К. (Jaspers K.) 239, 240
Яценко И. В. 371

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие *(В. И. Кузищин)* 3

Введение *(В. И. Кузищин)* 4

Глава 1. Историография античности в период Возрождения (XIV в. — середина XVII в.). Гуманистическая историография 13

§ 1. Общая характеристика античной историографии *(В. И. Кузищин)* 13

§ 2. Основные особенности средневековой историографии (до конца XIII в.) *(В. И. Кузищин)* 15

§ 3. Итальянская историография Возрождения *(А. И. Немировский)* 19

§ 4. Гуманистическое движение в других странах Европы *(А. И. Немировский)* 26

Глава 2. Историография античности от английской буржуазной революции до Великой французской буржуазной революции 1789 г. Историческая мысль эпохи Рационализма и Просвещения *(В. И. Кузищин)* 32

§ 1. Особенности общественно-культурного развития Европы и историко-философские взгляды просветителей 32

§ 2. Накопление материала источников и методика исторического исследования 37

§ 3. Французская просветительская историография . . 40

§ 4. Историография Просвещения в других странах . 43

Глава 3. Историография античности от Великой французской буржуазной революции до конца 40-х годов XIX в.). Историческая мысль романтиков *(В. И. Кузищин)* 51

§ 1. Основные направления общественной мысли в Европе 51

§ 2. Источниковедение и методика исторического исследования 54

§ 3. Немецкая историческая наука об античности . . 60

§ 4. Изучение античной истории в Англии 63

§ 5. Французская историография после революции 1789 г. 67

§ 6. Изучение античности в России дореформенного периода *(Э. Д. Фролов)* 70

Глава 4. Возникновение марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс об античности *(В. И. Кузищин, А. С. Шофман)* 81

Глава 5. Буржуазная историческая мысль во второй половине XIX в. Позитивистская историография *(А. С. Шофман)* . 98

Стр.

§ 1. Особенности развития общественной мысли . . . 98
§ 2. Расширение источниковой базы и организация научных исследований 99
§ 3. Изучение античности в германской исторической науке 101
§ 4. Французская историография античности 110
§ 5. Английская историография античности 117
§ 6. Итальянская историография античности 121
§ 7. Американская историография античности . . . 123
§ 8. Изучение античности в России *(В. И. Кузищин, Э. Д. Фролов)* 124

Глава 6. Историография античности конца XIX—начала XX в. (1890—1917). Начало кризиса буржуазной исторической мысли *(А. И. Немировский)* 139

§ 1. Новые тенденции в буржуазной науке о древности . 139
§ 2. Расширение источниковой базы и изменения в организации научных исследований 141
§ 3. Германская историография античности 144
§ 4. Французская историография античности 150
§ 5. Английская историография античности 155
§ 6. Итальянская историография античности 158
§ 7. Изучение истории античности в других странах Европы 162
§ 8. Изучение истории античности в США 169
§ 9. Русская историография античности *(В. И. Кузищин)* 171

Глава 7. Буржуазная историография античности (1917—1945).

Нарастание реакционных тенденций в буржуазной исторической мысли 184
§ 1. Общие особенности развития историографии *(В. И. Кузищин)* 184
§ 2. Англо-американская историография античности *(Г. А. Кошеленко)* 188
§ 3. Французская историография античности *(В. И. Кузищин, Г. А. Кошеленко)* 197
§ 4. Немецкая историография античности *(Э. Д. Фролов)* 208
§ 5. Итальянская историография античности *(И. Л. Маяк)* 226

Глава 8. Современная зарубежная историческая наука об античности (1945—конец 70-х годов) 238

§ 1. Общие особенности развития науки *(В. И. Кузищин)* 238
§ 2. Англо-американская историография античности *(Г. А. Кошеленко)* 243
§ 3. Изучение античности во Франции *(Г. А. Кошеленко, В. И. Кузищин)* 272
§ 4. Послевоенная итальянская историография античности *(И. Л. Маяк, А. И. Немировский)* 285
§ 5. Изучение античности в Федеративной Республике Германии *(Э. Д. Фролов)* 296
§ 6. Историография античности в других странах Европы (1917—1979 гг.) *(Г. А. Кошеленко, В. И. Кузищин, И. Л. Маяк, А. И. Немировский)* 307

Стр.

Глава 9. Советская историография античности (*В. И. Кузищин*) 325

§ 1. В. И. Ленин об античности 325

§ 2. Становление марксистской историографии античности (1917—1934) 327

§ 3. Советская историография античности (середина 1930-х — середина 1950-х годов) 335

§ 4. Современная советская историография античности . 350

Глава 10. Изучение античности в европейских странах социализма (*Г. А. Кошеленко, В. И. Кузищин, И. Л. Маяк, А. И. Немировский, А. С. Шофман*) 373

Заключение (*В. И. Кузищин*) 393

Указатель имен (*И. А. Гвоздева*) 398

Историография античной истории

Под редакцией Василия Ивановича Кузищина

Редактор В. Т. Цуканова
Художественный редактор Т. А. Коленкова
Художник А. В. Алексеев
Технический редактор Т. Д. Гарина
Корректор М. М. Сапожникова

ИБ № 2268

Изд. № Ист—214. Сдано в набор 17.10.79. Подп. в печать 21.04.80. А—08675. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 21,84 усл. печ. л. 22,98 уч.-изд. л. Тираж 20 000 экз. Зак № 165. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Высшая школа»,
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14

Владимирская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7.